

ISSN 1998-0817

КГУ

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2024

КГУ

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2024

Том 30

№ 4

Октябрь – Декабрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2024

Volume 30

№ 4

October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, Leading Scientific Associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VASILY IVANOVICH SUPRUN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy
for the Bulgarian Nation and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Иерусалимский Ю.Ю., Пуневский Я.В.**
Муниципальная деятельность
русского уездного города в 1870–1914 гг.
(на примере г. Данилова Ярославской губернии)
- 18 **Христенко Д.Н.**
Здравоохранение в советской деревне
конца 1920-х – второй половины 1930-х гг.
в работах западных и отечественных наблюдателей
- 25 **Околотин В.С.**
Мобилизация и призыв военнообязанных
в Ивановской области в 1943 г.
- 34 **Столетова А.С.**
Ценностное отношение рабочих к созависимым катего-
риям «труд» и «власть» в 1950–1980 гг.: модели
поведения и эмоционально-психологическое
самочувствие населения
- 42 **Митрополит Феррапонт (Кашин Д.В.)**
К вопросу о личности костромского князя Василия
в «Сказании о явлении и чудесах
Феодоровской иконы Божией Матери»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 48 **Ремезов А.В.**
К вопросу о происхождении и первоначальной русской
редакции памятника «Мучение Феодора Тирона»
- 55 **Королева В.В., Притомская А.Р.**
Роль Э.Т.А. Гофмана в формировании мифологемы «ге-
ний» в немецкой романтической литературе
- 63 **Григорян А.М.**
Мотив неподвижности в петербургских повестях
Н.В. Гоголя: семантический инвариант и его варианты
- 69 **Шевчук Ю.В.**
Веги истории в русской лирике 1914 – начала 1920-х гг.:
женский взгляд
- 77 **Новикова А.А.**
Женский литературный портрет
в романе А. Дж. Кронина «Три любви»
- 87 **Громов А.В.**
Фрактальный характер художественной реальности
в романе В.В. Набокова «Отчаяние»
- 94 **Тюленева Е.М.**
Эстетическая концепция Бориса Дышленко
- 101 **Абрамова В.И., Архангельская Ю.В.**
А.А. Фет в современном цифровом пространстве
(на материале интернет-фольклора)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 108 **Ганцовская Н.С., Цинь Лидун**
«Островский остаётся одной из самых востребованных
фигур русской классической литературы»:
сигналы разговорности в пьесах А.Н. Островского
- 116 **Лаптева М.Л.**
Актуализация образа «Свой»
в русском ценностно-смысловом пространстве
- 122 **Саковец С.А.**
Жанровообусловленный учебный перевод:
моделирование процесса перевода
- 130 **Уланова Е.Э.**
Модель мультимодальной языковой личности
устного переводчика: невербальный аспект

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 140 **Груздев Д.В.**
Правовые основы принятия
в Российскую Федерацию новых субъектов.
Часть 2. Конституционная процедура
- 150 **Груздев В.В., Груздева М.Л.**
Категория «равенство» в оценке эффективности
правового регулирования общественных отношений
в сфере молодежной политики

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **Yu.Yu. Ierusalimskiy, Ya.V. Punevsky**
Municipal activity
of a Russian imperial district centre in 1870–1914
(in terms of the town of Danilov, Yaroslavl Province)
- 18 **D.N. Khristenko**
Soviet rural healthcare
in the late 1920s – the 2nd half of the 1930s
in the work of Western and domestic observers
- 25 **V.S. Okolotin**
Mobilisation and conscription of military personnel
in Ivanovo Region in 1943
- 34 **A.S. Stoletova**
The value attitude of workers to the codependent categories
of “labour” and “power” in 1950–1980: behavioural
patterns and emotional and psychological well-being
of the population
- 42 **D.V. Kashin (Metropolitan Ferapont)**
Identifying Prince Vasily of Kostroma
in «The tale of Icon of the Mother of God dedicated
to Saint Theodore Stratelates, its appearance and miracles»

SCIENCE OF LITERATURE

- 48 **A.V. Remezov**
On the issue of the origin and the authentic Russian edition
of the literary monument “Torment of Theodore the Recruit”
- 55 **V.V. Koroleva, A.R. Pritomskaya**
The role of E.T.A. Hoffmann in the formation
of the mythologeme “genius” in German romantic literature
- 63 **A.M. Grigorian**
The motif of immobility in Petersburg stories by
Nikolai Gogol: semantic invariant and its variants
- 69 **Yu.V. Shevchuk**
Milestones of history from 1914 to the early 1920s:
Russian female lyric poets
- 77 **A.A. Novikova**
A female literary portrait
in the novel «Three Loves» by Archibald Joseph Cronin
- 87 **A.V. Gromov**
Fractality of artistic reality
in the novel «Despair» by Vladimir Nabokov
- 94 **E.M. Tyuleneva**
Aesthetic concept of Boris Dyshlenko
- 101 **V.I. Abramova, Yu.V. Arkhangel'skaya**
Afanasy Fet in the modern digital space
(using the example of Internet folklore)

SCIENCE OF LANGUAGE

- 108 **N.S. Gantsovskaya, Qin Lidong**
“Ostrovsky remains one of the most demanded figures
in Russian classical literature”:
conversational signals in the plays by Alexander Ostrovsky
- 116 **M.L. Lapteva**
Actualisation of the image of “Own”
in the Russian value-semantic space
- 122 **S.A. Sakovets**
Genre-based educational translation:
modelling of the translation process
- 130 **E.E. Ulanova**
Model of multimodal language personality of the interpreter:
non-verbal aspect

JURAL SCIENCE

- 140 **D.V. Gruzdev**
Legal basis for adoption new subjects
to the Russian Federation.
Part 2. Constitutional procedure
- 150 **V.V. Gruzdev, M.L. Gruzdeva**
Category “equality” in assessment effectiveness
of legal regulation of public relations
in the field youth policy

159 Моисеева О.В., Шмелев К.В.

Договор дарения: проблемы правового регулирования, перспективы развития

164 Галицкая Н.В.

Организации как объект системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности

169 Алиев Р.И.

Частноправовой подход к определению оборонно-промышленного комплекса при осуществлении инвестиционной деятельности

173 Кузьмина О.В., Скотникова М.М.

Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс

178 Целищев А.А.

К вопросу о правовом положении оператора «Единого реестра интернет-рекламы» как организации, осуществляющей отдельные государственные полномочия

182 Орлова А.Н.

Понятие электронного правосудия как элемента современной правовой системы

КНИЖНАЯ ПОЛКА

190 Волков С.С.

Живая народно-разговорная речь в произведениях писателей, связанных с костромским краем

193 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

159 O.V. Moiseeva, K.V. Shmelev

Donation agreement: problems of legal regulation, development prospects

164 N.V. Galitskaya

Organisations as an object of the system of administrative and legal provision of food security

169 R.I. Aliev

Private-law approach to the definition of the military-industrial complex in the implementation of investment activity

173 O.V. Kuzmina, M.M. Skotnikova

Electronic criminal case: foreign experience and prospects for implementation in Russian criminal proceedings

178 A.A. Tselishchev

On the issue of the legal status of the operator of the “Unified Register of Internet Advertising” as an organisation exercising certain state powers

182 A.N. Orlova

The concept of electronic justice as an element of the modern legal system

BOOKSHELF

190 S.S. Volkov

Live folk-colloquial speech in the works of writers associated with the Kostroma region

193 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 7–17. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 7–17. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.316)“1870/1914”

EDN XVRAJP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-7-17>

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО УЕЗДНОГО ГОРОДА В 1870–1914 гг. (на примере г. Данилова Ярославской губернии)

Иерусалимский Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, профессор кафедры истории России факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения, osniyar@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4189-3055>

Пуневский Ярослав Викторович, аспирант кафедры истории России факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения, moskva221090an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7459-6538>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных направлений муниципальной деятельности русского уездного города в 1870–1914 годах. Исследование выполнено на примере уездного города Данилова Ярославской губернии. Авторы рассматривают состояние городского бюджета, определяют его финансовые возможности для решения повседневных задач, устанавливают степень обремененности его расходами немunicipального характера, уровень трат на социокультурные нужды и благоустройство города. Исследуются конкретные мероприятия органов даниловского городского самоуправления в сфере народного образования, здравоохранения, борьбы с эпидемиями, общественного призрения, внешнего благоустройства города, учитывая как достижения, так и невыполненные инициативы по причине отказа в выделении средств. В статье определяются проблемы в развитии социальной сферы городского самоуправления. В качестве выводов в работе отмечено, что финансовые возможности городского самоуправления г. Данилова были ограничены, однако по некоторым показателям он находился в более выгодном положении, чем другие города губернии. В основном это проявлялось в небольших финансовых суммах, идущих на содержание правительственных учреждений и полиции. Раскрываются отдельные достижения городской думы и управы г. Данилова в практической деятельности. Однако общее развитие муниципальной деятельности в изучаемый период авторы признают находящимся на недостаточно высоком уровне, а именно – в стадии становления.

Ключевые слова: муниципальная деятельность, уездный город, Данилов, доходы, расходы, социокультурные потребности, благоустройство, образование, здравоохранение, общественное призрение.

Для цитирования: Иерусалимский Ю.Ю., Пуневский Я.В. Муниципальная деятельность русского уездного города в 1870–1914 гг. (на примере г. Данилова Ярославской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 7–17. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-7-17>

Research Article

MUNICIPAL ACTIVITY OF A RUSSIAN IMPERIAL DISTRICT CENTRE IN 1870–1914 (in terms of the town of Danilov, Yaroslavl Province)

Yuriy Yu. Ierusalimskiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History of Demidov Yaroslavl State University, Professor of the Department of Russian History at the Faculty of History, Political Science and Law of the State University of Education, osniyar@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4189-3055>

Yaroslav V. Punevsky, Postgraduate student of the Department of Russian History, Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education, moskva221090an@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7459-6538>

Abstract. The article is devoted to the study of the main directions of municipal activity of a Russian district town in 1870-1914. The study is carried out in terms of a uезд – district – centre of that time, namely the town of Danilov, Yaroslavl Province. The authors examine the state of the town budget, determine its financial capacity to solve everyday problems, establish the degree of burdening the said budget with non-municipal expenditures, the level of spending on socio-cultural needs and improvement of the town. Specific activities of Danilov town's self-government bodies in the sphere of public charity,

healthcare, epidemics prevention, public welfare, external improvement of the town are studied taking into account both achievements and unfulfilled initiatives with the latter due to the refusal to allocate funds. Problems in the development of the social sphere of the town's government are identified in the paper. What the paper notes as conclusions is the fat of limitedness of financial capacity of Danilov town's government; however, it was in a more favourable position in some respects than other municipalities in the province. This was mainly manifested in the small financial sums that went to the maintenance of government offices and police. The individual achievements of Danilov town's council (the so-called local Duma) in their practical activities are revealed. However, the authors consider the general development of municipal activities in the period under study to be at an insufficiently high level, if not at an incipient one.

Keywords: municipal activity, district centre (uezd town), Danilov, income, expenses, socio-cultural needs, landscaping, education, healthcare, public charity.

For citation: Jerusalem Yu.Yu., Punevsky Ya.V. Municipal activity of a Russian imperial district centre in 1870–1914 (in terms of the town of Danilov, Yaroslavl Province) // Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 7–17. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-7-17>

В современной отечественной историографии все активней начинают изучаться различные аспекты жизни в уездных городах в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. и органов общественного управления в них [Семенов; Селиванов; Новоселова; Кондрашин 2021; Карандашев]. В связи с этим представляется важным рассмотрение деятельности органов городского самоуправления в обозначенный период на примере Данилова, одного из рядовых уездных городов Ярославской губернии. Настоящее исследование выполнено на основе анализа сведений, полученных из широкого круга источников: законодательных, статистических, периодической печати, делопроизводственной документации из фондов Государственного архива Ярославской области и Российского государственного исторического архива.

Во второй половине XIX – начале XX в. Данилов представлял собой типичный небольшой уездный русский город. Из учреждений социокультурного профиля в Данилове имелись двухклассное мужское и женское приходские училища, церковно-приходская школа, попечительство о бедных, три богадельни, земская больница. Город являлся транзитным пунктом торговли холстом из Ярославской губернии в Москву и Санкт-Петербург. Промышленность в городе в изучаемый период была недостаточно развита. Из 10 заводов, действовавших в 1860-х гг., к концу XIX в. остались только два: медно-самоварный и салотопенный. Население Данилова в поисках лучшей доли часто покидало родные места, уезжая работать в крупные города, прежде всего в Петербург. Также в Данилове ежегодно проводилась традиционная ярмарка¹.

Численность населения Данилова изучаемого периода была небольшой. Кроме того, на протяжении 1870-х – начала 1910-х гг. население города практически не росло: в 1872 г. численность населения Данилова составила 4 365 человек, в 1892 г. – 3 289 человек, в 1897 г. – 4 288 человек, в 1913 г. – 4 992 человека². Для сравнения отметим рост населения губернского города Ярославля с 26 429 человек в 1872 г.

до 117 472 человек в 1913 году³. В 1875 г. из 4 133 человек, составлявших «городские сословия» Данилова, 83,11 % являлись мещанами, 8,37 % – купцами, 4 жителя имели статус потомственных и личных почетных граждан. Кроме того, по данным на 1875 г. в Данилове проживало 36 потомственных и 68 личных дворян обоего пола⁴.

После изменения «Городового положения» в 1892 г. в небольших городах в связи с недостаточностью финансовых средств и населения появилась возможность ввести городское самоуправление в упрощенном порядке. Упрощенное общественное управление городами осуществлялось там, где введение его в полном виде было невозможно по причине недостаточной степени социально-экономического развития города и скудности городского бюджета. В таких городах имущественные цензы на выборах были ниже, а институты городского головы, городской думы и управы заменяли городской староста и собрание уполномоченных в значительно урезанном численном составе⁵. Вопрос о том, в каких городах следует ввести упрощенное общественное управление, разрабатывался в Министерстве внутренних дел в контакте с представителями губернаторского корпуса. Согласно циркуляру ярославского губернатора, поданному в Министерство внутренних дел 16 ноября 1892 г., было рекомендовано ввести в Данилове упрощенное общественное управление с возложением на него обязанностей мещанского⁶. Однако в конечном счете «Городовое положение» 1892 г. было введено в Данилове в полном объеме.

Деятельность органов городского самоуправления обеспечивали члены и служащие городской управы, исполнительных комиссий, наемные служащие. По данным на конец 1903 – начало 1904 г., личный состав канцелярии городской думы и управы г. Данилова состоял из секретаря думы и управы, заведующего делопроизводством, его помощника, заведующего делопроизводством по мещанскому управлению и двух переписчиков. На их содержание тратилось 1 920 руб. в год⁷. В 1898 г. ревизионная комиссия го-

родской думы состояла из пяти гласных, раскладочная и оценочная комиссия также насчитывали по пять гласных. Имелась и специальная санитарная комиссия⁸. Городские власти по мере сил старались удерживать на службе сведущих в муниципальных делах специалистов, в том числе и путем периодического повышения жалования. Например, 7 ноября 1874 г. в даниловской городской думе решено назначить дополнительное содержание работникам городской управы: секретарю, бухгалтеру и администратору⁹.

Определенной проблемой в деятельности подобных комиссий было отсутствие достаточно четких, утвержденных городской думой инструкций. Так, ярославскому губернатору был направлен циркуляр хозяйственного департамента Министерства внутренних дел от 25 июля 1901 г. с рекомендациями о составлении инструкций исполнительным комиссиям городских дум. Проект такой инструкции был составлен в Данилове и отправлен на утверждение губернатору¹⁰. Сведений о дальнейшем движении этого проекта в источниках не сохранилось.

Денежные средства, находившиеся в распоряжении даниловского городского самоуправления, как

и у большинства аналогичных органов российской провинции, были весьма ограничены. Ситуацию осложняло существование в городском бюджете расходов немunicipального характера. Так, деньги тратились на содержание местной полиции, тюремного замка, отправление воинского постоа (табл. 1). В тоже время эти расходные статьи не шли ни в какое сравнение с тратами в более крупных городах Ярославской губернии, например Ярославле [Пуневский 2024: 92].

Основные статьи доходов даниловского городского самоуправления приведены в таблице 2. Наиболее прибыльной статьёй городской сметы были оброчные статьи, которые формировались за счет сдачи в аренду городских зданий и земли. Кроме того, определенную роль в городском бюджете играли различные налоговые поступления. К ним относились сборы с торгово-промышленной деятельности, а также сбор с городских домовладельцев. Роль оценочного сбора с недвижимых имуществ, который платили все домовладельцы города, в целом была незначительной – не более 7 % бюджета.

Тем не менее требования о выплате названных пособий носили императивный характер и подчас яв-

Таблица 1

Расходы г. Данилова немunicipального характера (в руб.)¹¹

Предмет расходов (общая смета)	Полиция (в % от общей сметы)	Воинский постоа (в % от общей сметы)	Тюремный замок (в % от общей сметы)
1883 год (12 077)	230 (1,9 %)	537 (4,44 %)	341 (2,82 %)
1892 год (17 864,34)	1653 (9,25 %)	347,54 (1,94 %)	286,25 (1,6 %)
1903 год (24 371,23)	1 225,52 (5,02 %)	229 (0,93 %)	–
1912 год (28 204,98)	3 174 (11,25 %)	185 (0,65 %)	–

Таблица 2

Доходы органов городского самоуправления Данилова в 1883, 1892, 1903 и 1912 годах (в руб.)¹²

Предмет расходов / год	1883 (в % от общей сметы)	1892 (в % от общей сметы)	1903 (в % от общей сметы)	1912 (в % от общей сметы)
Оценочный сбор с недвижимых имуществ	924 (4,54 %)	459,8 (2,56 %)	1262,51 (5,26 %)	2077 (7,36 %)
Сборы с торговли и промыслов	2 104 (10,34 %)	3 818 (21,28 %)	664,18 (2,76 %)	6 277,6 (22,24 %)
Сборы с патентов и трактирных заведений	3 038 (14,93%)	780 (4,34 %)	4 934 (20,57 %)	Нет
Сбор с собак			33,2 (0,13 %)	
Поступления от пошлин		250 (1,39 %)	138,75 (0,57 %)	638,22 (2,26 %)
Оброчные статьи	8 324 (40,91 %)	8 711,39 (48,56 %)	10 664,98 (44,46 %)	12 147,03 (43,06%)
Доходы от городских предприятий			738,35 (3,07 %)	
Возврат расходов от казны и земства	844 (4,14 %)	1 576 (8,78 %)	818,47 (3,41 %)	6 324,61 (22,42 %)
Поступления от городского общественного банка и проценты от капиталов	2 634 (12,93 %)	2 134,87 (11,9 %)	769,37 (3,2 %)	Нет данных
Иные доходы	2 479 (12,18 %)	209 (0,01 %)	3 956,28 (16,49 %)	Нет данных
Всего	20 347	17 939,34	23 983,46	28 204,98

лялись неожиданными для скудной расходной сметы, что вызывало отказы города в их своевременной уплате. Согласно журналу губернского присутствия по городским делам от 12 сентября 1872 г. городская управа Данилова отказывалась выдавать деньги на содержание уездного исправника и полиции¹³. Это не могло не остаться без реакции со стороны губернских властей. 6 апреля 1878 г. даниловскую городскую думу обязали назначить дополнительное содержание на освещение тюремного замка¹⁴.

Противостояние по указанному вопросу с центральными органами исполнительной власти и с губернатором продолжилось и в начале XX в. По архивным документам известно о том, что городское самоуправление Данилова подавало прошения об освобождении города от обязательных расходов муниципального характера. В частности, в циркуляре городского головы губернатору от 19 сентября 1903 г. был поставлен вопрос об освобождении от расходов на содержание полиции.

В подтверждение своих требований в городской управе ссылались на следующие факты: в начале столетия после открытия мужского приходского училища и преобразования начального женского в 2-классное приходское увеличились расходы на народное образование до 1 100 руб.; после введения винной монополии города потеря сбора с трактиров составила около 2 000 руб.; по новому расписанию квартирных окладов казенное пособие городу за воинские помещения сократилось на 300 руб. Городу также требовались деньги на благоустройство и ремонт зданий.

Однако министерство финансов 4 марта 1904 г. отказало городу в назначении просимого пособия ввиду незначительности расхода на полицию (10,3 % бюджета) и возможности увеличения дохода путем переоценки городских недвижимых имуществ, оцененных городом в 217 650 руб., а в министерстве – в 690 650 рублей¹⁵. Губернатор для помощи городскому самоуправлению в данном случае не стал ничего предпринимать.

Определенную компенсирующую роль в бюджете городской управы могли играть запасный капитал и частные капиталы. В 1866 г., до введения «Городового положения» 1870 г., в запасном капитале города находилась весьма внушительная сумма – 11 800 руб-

лей [Головщиков: 13]. Однако в пореформенное время эти запасы стали быстро сокращаться. Уже в 1875 г. у города был в наличии капитал всего в 3 300 руб., проценты с которого шли на покупку учебных пособий в городских начальных училищах¹⁶.

До самого конца рассматриваемого нами периода продолжался и поиск городским самоуправлением новых источников дохода. В этой связи отметим представление ярославского губернатора в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел от 16 мая 1914 г. об установлении попутного сбора с ввозимых товаров. Из журнала местной комиссии по установлению такого сбора, работавшей при городской управе Данилова, от 12 декабря 1912 г. следует, что «благоустройство города, устройство и ремонт мостовых, стоит на точке замерзания и вот уже не менее 10 лет вносится в смету на этот предмет всего лишь 300 рублей»¹⁷. Долги города к 20 апреля 1914 г. достигли весьма внушительных размеров – 67 900 рублей.

Ходатайство о введении сбора было возбуждено определением думы от 13 декабря 1912 года. Срок предполагаемого взимания сбора составлял 10 лет, оно прекращалось автоматически, когда сумма сбора достигала предполагаемой стоимости работ по устройству подъездных путей – 85 045,75 рублей. Даже получение этого источника доходов было связано для городского самоуправления с целым рядом издержек. Так, при сборе от 3 до 10 000 руб. размер вознаграждения от города управлению железных дорог составлял не более 400 рублей. Кроме того, городская управа должна была выплачивать за бланки квитанций¹⁸.

Одним из способов увеличения доходов органов местного самоуправления стали попытки оптимизировать процесс взимания городских сборов. Например, в 1897 г. по ходатайству городского головы Сургучева, вынесенному на уездное земское собрание, жители были освобождены от платежа 1/3 части оклада земских сборов за 1896 год¹⁹. Время от времени вспыхивали споры между городом и земством по поводу размера земского обложения городских недвижимых имуществ и способов их раскладки. Например, в 1898 г. подобный спор разрешился лишь в губернском присутствии по земским и городским делам²⁰.

Таблица 3

Расходы на социокультурные надобности и благоустройство города (в руб.)²¹

Предмет расходов / год	1883 (в % от общей сметы)	1903 (в % от общей сметы)	1912 (в % от общей сметы)
Народное образование	1 555 (12,87 %)	3 728,65 (15,29 %)	5 333 (18,9 %)
Здравоохранение	–	1 386 (5,68 %)	1 362 (4,82 %)
Общественное призрение	731 (6,05 %)	510 (2,09 %)	1 146 (4,06 %)
Благоустройство города	938 (7,76 %)	2 433,93 (9,98 %)	1 997,41 (7,08 %)
Всего	12 077 (26,68 %)	24 371,23 (33,04 %)	28 204,98 (34,86 %)

Расходы города на народное образование, общественное призрение, медицину и благоустройство города, как следует из данных, приведенных в таблице 3, планомерно увеличивались. Однако к 1912 г. они не составляли значительной величины, не достигая даже половины расходной сметы. Особенный недостаток средств ощущался в сферах народного здравоохранения, общественного призрения и благотворительности.

В целом весьма значительный список учреждений социокультурной направленности получал поддержку или пособия от городской управы г. Данилова. Среди образовательных учреждений городом содержалось женское начальное и мужское приходское училища, также выделялось пособие церковно-приходской школе. В области общественного призрения в 1904 г. городская богадельня получала 80 руб. в год, ночлежный дом – 130 руб. Кроме того, 300 руб. выделялось на помощь благотворительным учреждениям, которые не состояли в ведении города. Общая сумма затрат на общественное призрение за указанный год составила 510 рублей.

На медицину выделялось в 1904 г. 1 386 рублей. Из них на содержание городского врача тратились 500 руб., на акушерку – 100 руб., на борьбу с оспой – 36 руб., на борьбу с другими эпидемиями – 50 руб., на санитарные надобности – 500 руб., на содержание ретирадов (отхожих мест) – 50 руб., на оплату работу ассенизационного обоза – 600 рублей²².

Важную роль в муниципальной деятельности в Данилове занимала борьба с эпидемиями, особенно масштабными из которых были эпидемии холеры, которые в той иной мере наблюдались в Ярославской губернии на всем протяжении рассматриваемого периода. Но не всегда масштабы распространения холеры достигали эпидемического характера. С 1907 г. эпидемии холеры происходили в Российской империи практически ежегодно [Агафонова: 81]. Особенно уязвимыми для эпидемий холеры, в отличие от сельской местности, были города, которые служили центрами распространения заболевания²³.

Проблема санитарного состояния городов особенно остро обозначилась в пореформенное время, что было связано с начавшимся процессом урбанизации [Егорышева, Шерстнева, Гончарова: 85]. Борьба с холерой требовала применения целого комплекса мер, в первую очередь санитарного характера. Особенное внимание, согласно материалам особых совещаний, происходивших при медицинском департаменте с 21 по 30 апреля 1886 г. для обсуждения вопроса о мерах против эпидемий и эпизоотий, было необходимо уделять контролю за качеством питьевой воды. Это являлось практически невозможным без устройства водопроводной сети, которую такой небогатый город, как Данилов, не мог себе позволить

ни в каком случае²⁴. Сложность и необходимость использования комплекса мер для борьбы с холерой была признана и в систематическом своде постановлений четвертого губернского съезда земских врачей Ярославской губернии от 20–31 мая 1902 года²⁵.

Расходы даниловской городской управы на борьбу с холерой не отвечали масштабам стоявших перед ней в этой сфере задач. Например, в 1907 г. на борьбу с холерой было потрачено 46 руб., в 1908 г. – 553,3 рублей [Благовидов: 47–48]. В 1910 г. на борьбу с холерой не было потрачено ни копейки, в 1911 г. – лишь 50 рублей²⁶.

Значимые инициативы в сфере народного здравоохранения отвергались либо в городской думе, либо в учреждениях административного надзора. В присутствии 2 марта 1873 г. обсуждалось предложение даниловского гласного Коматовского о том, чтобы прибавить содержание земскому врачу на 100 руб., так как он обслуживает и городских больных. Постановление думы по этому вопросу было отменено, так как, согласно мнению Государственного совета от 17 июня 1857 г., дума не имела права увеличивать денежные суммы на содержание медицинского персонала²⁷. В 1885 г. даниловский оспопрививатель ходатайствовал об увеличении жалования, но получил отказ²⁸. В иных случаях органам городского самоуправления в условиях недостатка средств приходилось ограничиваться сугубо вербальными поощрениями. Например, в 1887 г. объявлена благодарность городской повивальной бабке «за полезную для общества службу»²⁹.

В Обзоре Ярославской губернии за 1898–1899 гг. впервые появились сведения о том, что в Данилове, как и в некоторых других уездных городах Ярославской губернии, за установленную плату от городского управления врач принимал у себя на квартире приходящих бедных больных граждан, не взывая с них плату за консультации и лечение³⁰. По данным на начало XX в. в Данилове прием бедных у городского врача проводился бесплатно 2 раза в неделю [225 лет: 96].

В ситуации нехватки бюджетного финансирования едва ли не ключевую роль приобретали личные качества городских врачей. Например, по заключению Н.Н. Колодина, даниловский городской врач Александр Федорович Мицкелюнас являлся деятельным и ответственным, большое внимание уделял санитарной составляющей. В 1905 г. он провел 1 800 санитарных обследований фабрик, заводов, ночлежных домов и других учреждений [Колодин: 47–49].

П.С. Новиков отмечал: «...городские больные обращаются в земскую амбулаторию на общих основаниях, никакого соглашения города с земством нет». Кроме того, город платил по 1 руб. за каждую дезинфекцию квартиры земскому фельдшеру [Новиков: 5]. Из-за отсутствия средств и квалифицированных спе-

циалистов нет ничего удивительного в том, что Данилов не имел в рассматриваемый период развитой медицинской инфраструктуры. К концу XIX века собственная медицинская часть отсутствовала в большинстве российских городов. Причем причины этого явления, по наблюдению Е.М. Смирновой, выходили за рамки простого нежелания гласных городских дум финансировать не обещавшую прибыли социальную сферу деятельности [Смирнова: 120–122]. Дело было в банальной нехватке денег у городских дум провинциальных городов, а также в недостатке врачей, фельдшеров и акушеров.

Мало сохранилось источников об участии городского самоуправления Данилова в развитии сферы общественного призрения и благотворительности. Как установила Н.Ю. Рождественская, в изучаемый период в ведении города находилась богадельня Жукова [Рождественская: 123]. Иное дело – народное образование. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы позволяют утверждать, что деятельность городского самоуправления Данилова в этой сфере развивалась достаточно активно. Отметим, что в целом народное образование в Ярославской губернии в конце XIX в. развивалось весьма интенсивно. В Ярославской губернии был достаточно высокий по общероссийским меркам уровень грамотности, чему способствовал активный отход населения в столичные города [Белов, Галинская: 38]. Маркером такого развития служил рост числа учебных заведений и учащихся. В 1881 г. в городах губернии было 53 училища с 4 995 учащимися, в 1899 г. – 110 училищ с 9 146 учащимися³¹. Только за 1885–1887 гг. число крестьянских школ грамоты в Ярославской губернии увеличилось с 269 до 100 единиц [Иерусалимская 2014: 151]. Активно во второй половине XIX в. развивалась система духовных училищ [Иерусалимская 2022: 557]. В последней трети XIX в. на территории Верхнего Поволжья в целом и Ярославской губернии в частности, по выражению С.Ю. Иерусалимской, «была создана и успешно развивалась целая система городских училищ» [Иерусалимская 2018: 51]. По данным на 1 декабря 1912 г., в Данилове функционировали два начальных училища³².

Тем не менее в развитии учебных заведений, как и во всех муниципальных делах, слабым местом было недостаточное финансирование. Например, в 1886 г. ряд затрат на народное образование пришлось выполнять сверхсметно³³. Случались и длительные тяжбы с казначейством по поводу тех или иных расходов в сфере школьного образования. Например, постановление губернского присутствия по земским и городским делам от 23 декабря 1902 г. об отмене постановления городской думы о прекращении выплаты пособия церковно-приходским шко-

лам в сумме 450 руб. в год было, в свою очередь, отменено Сенатом по жалобе даниловского городского головы³⁴.

В 1903–1905 гг. вопрос с выплатами церковно-приходским школам возник вновь. Сенат отменил постановление губернского присутствия о понуждении города к выплате подобных пособий, пояснив, что церковно-приходские школы, существующие в Данилове, не могут быть отнесены к первой категории упомянутых учреждений, так как они были учреждены помимо ходатайства о том города и без принятия им на себя определенной доли участия в расходах по их содержанию. Следовательно, по мнению Сената, даниловская городская дума имела право прекратить выплату пособия церковно-приходской школе и отправить соответствующее пособие на нужды другого учреждения³⁵.

Благоустройство городов в рассматриваемый период являлось не менее насущной проблемой. К началу 90-х гг. XIX века большинство улиц и площадей оставались незамощенными даже в более крупных городах. К этому времени благоустройство только начало оформляться как отдельное направление муниципальной деятельности [Купченко: 74, Румянцев: 121, Нардова: 11]. Причина этого – все тот же недостаток средств. В среднем, по расчетам Л.В. Кошман, городами на эти цели выделялось не более трети городского бюджета [Кошман: 78].

Тем не менее изучение архивных документов и других источников позволяет нам отметить некоторые инициативы и результаты деятельности городского самоуправления Данилова в сфере благоустройства. В 1878 г. две улицы города были вымощены камнем³⁶. 10 сентября 1884 г. в думе обсуждался вопрос об устройстве каменной мостовой вокруг родника, но прения закончились безрезультатно³⁷. В 1887 г. в Данилове были проведены значительные дорожные работы. На замощение площади и улиц была израсходована существенная по тем временам сумма в 2 707,9 рублей³⁸. Для сравнения – средняя заработная плата рабочего Ярославской губернии равнялась тогда примерно 10–11 руб. в месяц.

Постановление Даниловской думы, появившееся в 1894 г., обязывало практически всех жителей города (исключая жителей двух улиц) «обсаживать стороны по берегам канав против своих владений липами или березами с промежутками не более трех сажень». Для этой цели городская управа на постоянной основе разрешала выдачу молодых деревьев с городских дач³⁹.

Планомерно повышалась степень освещенности городских улиц. В 1910 г. в г. Данилове было 134 керосиновых фонаря. На 1 фонарь приходилось 55,2 кв. саженьей улицы. В Любиме, Мышкине, Романово-Борисоглебске и даже в относительно крупном городе

Рыбинске данный показатель освещенности городских улиц был гораздо хуже – более 100 кв. саженей на 1 фонарь⁴⁰.

В сфере благоустройства города большое внимание приходилось уделять борьбе с пожарами. Частые пожары были проблемой для многих городов Ярославской губернии, застроенных преимущественно деревянными домами. Пожарные команды в рассматриваемый период действовали почти во всех городах региона [Пуневский 2023: 108]. Однако они не всегда справлялись со своими задачами. Наиболее известный пожар в г. Любиме Ярославской губернии в 1897 г. уничтожил почти половину города [Ковалев: 128].

В 1895 г. в Данилове 5 июля сгорело 142 дома, торговые ряды и все присутственные места с убытком полтора миллиона рублей⁴¹. Как установила Н.Ю. Новичкова, грандиозный пожар в Данилове в 1895 г. возник во многом из-за недостатка финансирования, людей и оборудования [Новичкова: 201]. Эти выводы подтверждаются и изученными нами источниками. Например, 5 мая 1878 г. даниловская городская дума отказала в прибавке жалования пожарным служителям (они продолжили получать по 9 рублей)⁴².

По постановлению городской думы от 20 ноября 1897 г. предполагалось учреждение в Данилове вольного пожарного общества. В постановлении отмечалось, что из-за ограниченности в средствах городская пожарная команда состояла из девяти человек. «Все участие команды... заключается в доставлении воды к месту пожара, а самые труды... остаются в распоряжении неумелой и грубой толпы, которая по окончании пожара за свои труды с нахальством просит себе вознаграждение то у городского управления, то у владельцев», – замечали в городской думе при рассмотрении данного вопроса. Было заявлено, что город тратит на пожарное дело до 20 % доходов и «при такой крупной затрате остается почти беспомощным в борьбе с огнем»⁴³.

Таким образом, развитие муниципальной деятельности русского города последней трети XIX – начала XX в. было ограничено недостатком финансовых средств у городского самоуправления. Причины этого во многих уездных городах в значительной степени коренились в существовании большого количества расходов немunicipального характера [Румянцев: 63, Храмцов: 271, Кузнецов, Перепелицын: 125, Кондрашин: 74]. В Данилове такие расходы были не слишком значительными, что позволило местным властям тратить на социокультурные потребности и благоустройство города до трети городского бюджета. Учитывая все отмеченные в работе конкретные достижения в практике городского самоуправления Данилово, следует отметить, что в целом они оста-

вались довольно скромными, а муниципальная деятельность в рассматриваемый нами период находилась в стадии формирования.

Примечания

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 10 (19). Даавепорт – Деспин. Санкт-Петербург, 1893. С. 83.

² Календарь Ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, 1872. С. 23; Статистические сведения по Ярославской губернии за 1890 год: (табл. 3) // Ярославский календарь на 1892 год. Ярославль, 1892; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 2. Население городов по переписи 28-го января 1897 года. Санкт-Петербург, 1897. С. 23; Справочная книга Ярославской губернии на 1913 год. Ярославль, 1913. С. 3.

³ Календарь Ярославской губернии на 1872 год. Ярославль, 1872. С. 23; Справочная книга Ярославской губернии на 1913 год. Ярославль, 1913. С. 3.

⁴ Календарь Ярославской губернии на 1875 год. Ярославль, 1875. С. 31, 33.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 12. Санкт-Петербург, 1895. С. 437.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2601. Л. 137 об.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 1949. Л. 42 об.

⁸ ГАЯО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–13 об.

⁹ ГАЯО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1344. Л. 16–17.

¹¹ ГАЯО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–18; Ф. 137. Оп. 1. Д. 2285. Л. 75 об. – 76; Д. 3984. Л. 1–2.

¹² Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. 9. Москва, 1885. С. 72–73; ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2285. Л. 73 об. – 74; Д. 3984. Л. 1–15; Ярославские губернские ведомости (ЯГВ). Часть официальная. 1892. 10 марта.

¹³ ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

¹⁴ ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 73. Л. 10 – 10 об.

¹⁵ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2189. Л. 1–1 об., 6.

¹⁶ ГАЯО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

¹⁷ РГИА. Ф. 1288. Оп. 24. 1914 год. Д. 6. Л. 4.

¹⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 24. 1914 год. Д. 6. Л. 8, 28 – 28 об.

¹⁹ ГАЯО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об.

²⁰ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 748. Л. 7 – 9 об.

²¹ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2285. Л. 75 об. – 76. Д. 3984. Л. 1–3. Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. 9. Москва, 1885. С. 75–76.

²² ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1949. Л. 96–99.

²³ Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 6. Москва, 1871. С. 32.

²⁴ Журналы особых совещаний, происходивших при медицинском департаменте с 21 по 30 апре-

ля 1886 г. для обсуждения вопроса о мерах против эпидемий и эпизотий в Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, С-Петербургской, Тверской и Ярославской губерниях. Санкт-Петербург, 1886. С. 77–86.

²⁵ Систематический свод постановлений четвертого губернского съезда земских врачей ярославской губернии 20–31 мая 1902 года в г. Ярославле. Ярославль, 1902. С. 12–13.

²⁶ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 3910. Л. 1–2, 36.

²⁷ ГАЯО. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 39. Л. 2–3 об.

²⁸ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1885. 19 июля.

²⁹ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1887. 21 июля.

³⁰ Обзор Ярославской губернии за 1898–1899 годы. Ярославль, 1899. С. 49.

³¹ Труды Ярославского губернского статистического комитета. Т. 11. Статистическое обозрение народного образования в Ярославской губернии за 1881–1899 год. Ч. 2. Из истории народной школы в Ярославской губернии. Ярославль, 1900. С. 4–5.

³² Список учебных заведений Ярославской губернии на 1-е декабря 1912 года. Ярославль, 1912. С. 14.

³³ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1886. 7 окт.

³⁴ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1, 6 – 6 об.

³⁵ ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 2135. Л. 7–7 об.

³⁶ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1879. 19 июля.

³⁷ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1884. 12 окт.

³⁸ Обзор Ярославской губернии за 1887 год. Ярославль, 1887. С. 39.

³⁹ Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1894. 7 янв.

⁴⁰ Города России в 1910 году. Санкт-Петербург, 1914. С. 210.

⁴¹ Обзор Ярославской губернии за 1895 год. Ярославль, 1896. С. 32–33.

⁴² Ярославские губернские ведомости. Часть официальная. 1878. 25 мая.

⁴³ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3411. Л. 1–1 об.

Список литературы

Агафонова А.Б. Санитарная и эпидемиологическая обстановка в Череповце в последней трети XIX – начале XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 77–88.

Белов А.М., Галинская О.Ю. Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 33–40.

Благовидов Н.А. Азиатская холера в Ярославской губернии за четыре года (1907–1910). Ярославль: Тип. губернского правления, 1911. 50 с.

Головщиков К.Д. Город Данилов (Ярославской губернии) и его уезд. Ярославль: Тип. Губернской земской управы, 1890. 30 с.

Егорышева И.В., Шерстнева Е.В., Гончарова С.Г. Медицина городских общественных самоуправлений в России. Москва: Шико, 2017. 176 с.

Иерусалимская С.Ю. Возникновение и функционирование церковно-приходских школ в Верхнем Поволжье в конце XIX столетия: По архивным материалам и опубликованным источникам // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 141–158.

Иерусалимская С.Ю. Организация и деятельность городских училищ в Верхнем Поволжье в последней трети XIX века // Актуальные проблемы истории России: сб. науч. трудов / под ред. В.Э. Багдасаряна. Москва: МГОУ, 2018. С. 45–52.

Иерусалимская С.Ю. Система духовных учебных заведений в Ярославской губернии во второй половине XIX века // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 550–559.

Карандашев Г.В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 53–60.

Ковалев И.А. Данилов. Любим. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1973. 208 с.

Колодин Н.Н. Ярославские эскулапы. Медицинские династии: История здравоохранения Ярославской области. Ярославль: Департамент здравоохранения и фармации Яросл. области, 2011. 244 с.

Кондрашин Д.В. Самоуправление уездного города Вятской губернии в конце XIX – начале XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 2. С. 73–77.

Кондрашин Д.В. Уездный центр Вятской губернии в условиях этнокультурного развития и городской реформы 70-х годов XIX столетия // Исторический поиск. 2021. Т. 2, № 3. С. 69–78.

Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. Москва: РОССПЭН, 2008. 446 с.

Кузнецов В.В., Перепелицын А.В. Основные статьи расходной части бюджетов городского самоуправления уездных городов Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, политология. 2015. № 13 (210). С. 123–132.

Купченко К.В. Городская реформа в Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: опыт исторического исследования: монография. Смоленск: Маджента, 2009. 136 с.

Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века: власть и общество. Санкт-Петербург: Лики России, 2014. 564 с.

Новиков П.С. О городской медицине в Ярославской губернии в 1911–1913 году. Ярославль: Изд-во Губ. зем. управы, 1914. 13 с.

Новичкова Н.Ю. Социокультурный опыт обеспечения противопожарной безопасности в городах Российской империи: монография. Иваново: Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2020. 268 с.

Новоселова И.А. Развитие городского хозяйства и роль местного самоуправления уездного Муром в XIX веке. Муром: Муромский филиал Владимирского гос. ун-та, 2006. 261 с.

Пуневский Я.В. Финансовые основы функционирования ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Сер.: История и политические науки. 2024. № 1. С. 87–96.

Пуневский Я.В. Деятельность органов городского общественного управления Ярославской губернии в области противопожарной безопасности в 1870–1914 гг. // Socio Time. Социальное время. 2023. № 4 (36). С. 106–120.

Рождественская Н.Ю. Нищенство и благотворительность в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX в.: монография. Ярославль: Изд-в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2010. 290 с.

Румянцева Н.М. Городское самоуправление в Среднем Поволжье в последней трети XIX – начале XX века: эволюция муниципальной деятельности: монография. Тольятти, Самара: Изд-во Ас Град, 2010. 144 с.

Семенов А.К. Всесословное городское самоуправление в уездных городах Орловской, Рязанской и Тамбовской губерний в последней трети XIX – начале XX века. Липец: ЛЭГИ, 2004. 98 с.

Селиванов Л.С. Роль городского самоуправления в культурной жизни уездного города Енисейска в последней трети XIX – начале XX вв. // История и политика в искусстве: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2022. С. 112–113.

Смирнова Е.М. От общественного призрения к общественной медицине. Здравоохранение Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ярославль: Аверс Плюс, 2013. 272 с.

Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века: монография. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.

225 лет на благо здоровью: монография / Н.П. Антипова, И.Л. Барышева, О.П. Белокопытов и др. Ярославль: Лия, 2003. 352 с.

References

Agafonova A.B. *Sanitarnaja i jepidemiologičeskaja obstanovka v Cherepovce v poslednej treti XIX – nachale XX vv.* [Sanitary and epidemiological situation in Cherepovets in the last third of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2018, no. 6 (57), pp. 77-88. (In Russ.)

Belov A.M., Galinskaja O.Ju. *Ob urovne gramotnosti naselenija Kostromskoj i Jaroslavskoj gubernij v konce XIX – nachale XX vv.* [On the level of literacy of the population of the Kostroma and Yaroslavl provinces in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 4, pp. 33-40.

Blagovidov N.A. *Aziatskaja holera v Jaroslavskoj gubernii za četyre goda (1907–1910)* [Asian cholera in Yaroslavl province in four years (1907–1910)]. Yaroslavl, Gubernskogo pravlenija Publ., 1911, 50 p. (In Russ.)

Egorysheva I.V., Sherstneva E.V., Goncharova S.G. *Medicina gorodskih obshhestvennyh samoupravlenij v Rossii* [Medicine of urban public self-government in Russia]. Moscow, Shiko Publ., 2017, 176 p. (In Russ.)

Golovshnikov K.D. *Gorod Danilov (Jaroslavskoj gubernii) i ego uezd* [The city of Danilov (Yaroslavl province) and its county]. Yaroslavl, Tip. Gubernskoj zemskoj upravly Publ., 1890, 30 p. (In Russ.)

Ierusalimskaia S.Iu. *Vozniknovenie i funkcionirovanie tserkovno-prihodskikh shkol v Verkhnem Povolzh'e v kontse XIX stoletii. Po arkhivnym materialam i opublikovannym istočnikam* [The emergence and functioning of parochial schools in the Upper Volga region at the end of the XIX century. Based on archival materials and published sources]. *Vestnik arkhivista* [Archivist's Bulletin], 2014, no. 3, pp. 141-158. (In Russ.)

Ierusalimskaia S.Iu. *Organizatsiia i deiatel'nost' gorodskikh uchilishch v Verkhnem Povolzh'e v poslednei treti XIX veka* [Organization and activity of urban schools in the Upper Volga region in the last third of the XIX century]. *Aktual'nye problemy istorii Rossii: sb. nauch. trudov* [Actual problems of the history of Russia. Collection of scientific papers], ed. by V.E. Bagdasarian. Moscow, MGOU Publ., 2018, pp. 45-52. (In Russ.)

Ierusalimskaia S.Iu. *Sistema dukhovnykh uchebnykh zavedenii v Iaroslavskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka* [The system of religious educational institutions in Yaroslavl province in the second half of the XIX century]. *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. The Humanities Series], 2022, vol. 16, no. 4, pp. 550-559. (In Russ.)

Karandashev G.V. *Prostitucija v povsednevnoj zhizni g. Rybinska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Prostitution in the daily life of Rybinsk in the se-

cond half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 1, pp. 53–60. (In Russ.)

Khramtsov A.B. *Vlast' i obshchestvo v gorodakh Tobol'skoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka: monografiia* [Power and society in the cities of the Tobolsk province of the late XIX - early XX century: monograph]. Tyumen, RIO TiumGASU Publ., 2010, 316 p. (In Russ.)

Kovalev I.A. *Danilov. Ljubim* [Danilov. Ljubim]. Yaroslavl, Verh.-Volzhsk. kn. izd. Publ., 1973, 208 p. (In Russ.)

Kolodin N.N. *Jaroslavskie jeskulapy. Medicinskie dinastii: Istorija zdravoohraneniia Jaroslavskoi oblasti* [Yaroslavl aesculapius. Medical dynasties: The history of healthcare in the Yaroslavl region]. Yaroslavl, Departament zdravoohr. i farmacii Jarosl. oblasti Publ., 2011, 244 p. (In Russ.)

Kondrashin D.V. *Samoupravlenie uezdnogo goroda Viatskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [Self-government of the county town of Vyatka province in the late XIX - early XX century]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 2, pp. 73–77. (In Russ.)

Kondrashin D.V. *Uezdnyj centr Vjatskoi gubernii v uslovijah jetnokul'turnogo razvitiia i gorodskoj reformy 70-h godov XIX stoletija* [The county center of Vyatka province in the context of ethnocultural development and urban reform of the 70s of the XIX century]. *Istoricheskij poisk* [Historical search], 2021, vol. 2, no. 3, pp. 69–78. (In Russ.)

Koshman L.V. *Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletija: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 446 p. (In Russ.)

Kuznetsov V.V. Perepelitsyn A.V. *Osnovnye stat'i raskhodnoi chasti biudzhetrov gorodskogo samoupravleniia uezdnykh gorodov Voronezhskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [The main articles of the expenditure part of the budgets of the municipal self-government of the county towns of the Voronezh province in the late XIX – early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii, politologiiia* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Ser.: History, political science], 2015, no. 13 (210), pp. 123–132. (In Russ.)

Kupchenko K.V. *Gorodskaja reforma v Smolenskoj gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: opyt istoricheskogo issledovaniia: monografiia* [Urban reform in the Smolensk province in the second half of the XIX – early XX centuries: the experience of historical research]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2009, 136 p. (In Russ.)

Nardova V.A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: vlast' i obshchestvo* [Urban self-government in Russia in the second half of the XIX – early XX century: government and society]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2014, 564 p. (In Russ.)

Novikov P.S. *O gorodskoi meditsine v iaroslavskoi gubernii v 1911–1913 godu* [About urban medicine in Yaroslavl province in 1911–1913]. Yaroslavl, Gub. zem. Upravy Publ., 1914, 13 p. (In Russ.)

Novichkova N.Iu. *Sotsiokul'turnyi opyt obespecheniia protivopozharnoi bezopasnosti v gorodakh Rossiiskoi imperii: monografiia* [Socio-cultural experience of fire safety in the cities of the Russian Empire: monograph]. Ivanovo, Ivanovskaia požarno-spasatel'naia akademiia GPS MChS Rossii Publ., 2020, 268 p. (In Russ.)

Novoselova I.A. *Razvitie gorodskogo hozjajstva i rol' mestnogo samoupravleniia uezdnogo Muroma v XIX veke* [The development of urban economy and the role of local self-government of Murom county in the XIX century]. Murom, Muromskij filial Vladimirovskogo gos. un-ta Publ., 2006, 261 p. (In Russ.)

Punevskii Ia.V. *Finansovyie osnovy funkcionirovaniia iaroslavskogo gorodskogo samoupravleniia v 1870 – pervoi polovine 1914 gg.* [The financial foundations of the functioning of Yaroslavl city government in 1870–the first half of 1914.]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniia. Ser.: Istorii i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 87–96. (In Russ.)

Punevskii Ia.V. *Deiatel'nost' organov gorodskogo obshchestvennogo upravleniia Iaroslavskoi gubernii v oblasti protivopozharnoi bezopasnosti v 1870–1914 gg.* [The activity of the municipal public administration bodies of the Yaroslavl province in the field of fire safety in 1870–1914]. *Sotsial'noe vremia* [Socio Time], 2023, no. 4 (36), pp. 106–120. (In Russ.)

Rozhdestvenskaia N.Iu. *Nishchenstvo i blagotvoriitel'nost' v Iaroslavskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: monografiia* [Begging and charity in Yaroslavl province in the late XIX – early XX centuries: monograph]. Yaroslavl, IaGPU im. K.D. Ushinskogo Publ., 2010, 290 p. (In Russ.)

Rumiantseva N.M. *Gorodskoe samoupravlenie v Srednem Povolzh'e v poslednei treti XIX – nachale XX veka: evoliutsiia munitsipal'noi deiatel'nosti: monografiia* [Urban self-government in the Middle Volga region in the last third of the XIX - early XX century: the evolution of municipal activity: monograph]. Tol'iaty, Samara, Izdatel'stvo As Grad Publ., 2010, 144 p. (In Russ.)

Semenov A.K. *Vsesoslovnoe gorodskoe samoupravlenie v uezdnykh gorodakh Orlovskoi, Rjazanskoi i Tambovskoi gubernii v poslednei treti XIX – nachale XX veka* [All-Russian urban self-government in the

county towns of the Oryol, Ryazan and Tambov provinces in the last third of the XIX - early XX century]. Lipeç, LJeGI Publ., 2004, 98 p. (In Russ.)

Selivanov L.S. *Rol' gorodskogo samoupravlenija v kul'turnoj zhizni uездного города Enisejska v poslednej treti XIX – nachale XXvv.* [The role of urban self-government in the cultural life of the county town of Yeniseisk in the last third of the XIX - early XX centuries]. *Istorija i politika v iskusstve: materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf.* [History and politics in art: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnojarsk, Krasnojarskogo gos. ped. un-ta im. V.P. Astafeva Publ., 2022, pp. 112-113. (In Russ.)

Smirnova E.M. *Ot obshchestvennogo prizreniia k obshchestvennoi meditsine. Zdravookhranenie Iaroslavskoi*

gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [From public charity to public medicine. Healthcare in Yaroslavl province in the second half of the XIX - early XX centuries]. Yaroslavl, Avers Plus Publ., 2013, 272 p. (In Russ.)

225 let na blago zdorov'iu: monografiia [225 years for the benefit of health: monograph], N.P. Antipova, I.L. Barysheva, O.P. Belokopytov et al. Yaroslavl, Liia Publ., 2003, 352 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.07.2024; одобрена после рецензирования 06.10.2024; принята к публикации 08.10.2024.

The article was submitted 21.07.2024; approved after reviewing 06.10.2024; accepted for publication 08.10.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 18–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 18–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)''1920'':61

EDN LQOZKM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-18-24>

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА 1920-Х – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГГ. В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный аграрный университет МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия, khristenko1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

Аннотация. Данная статья описывает развитие здравоохранения в советской деревне в конце 1920-х – второй половине 1930-х гг. Актуальность исследования связана с необходимостью восполнения одного из серьезных пробелов в изучении аграрной истории России. Автор опирался на малоисследованную базу документов, основу которой составляют свидетельства отечественных и иностранных наблюдателей. Изучение данных материалов позволяет подробно рассмотреть ключевые моменты создания практически с нуля системы здравоохранения в советской деревне. Иностранные очевидцы утверждали о настоящей социальной революции в медицинском обслуживании крестьянства, что подтверждают и отечественные очевидцы. Большое значение имеют наблюдения американского врача и историка медицины Сиджериста, который утверждал о формировании в СССР отличной от западных стран системы здравоохранения, в основе которой лежит философская идея общественного здоровья.

Ключевые слова: Сталин, СССР, медицина, сельское здравоохранение, иностранцы, образ страны, прогресс, модернизация

Для цитирования: Христенко Д.Н. Здравоохранение в Советской деревне конца 1920-х – второй половины 1930-х гг. в работах западных и отечественных наблюдателей // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 18–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-18-24>

Research Article

SOVIET RURAL HEALTHCARE IN THE LATE 1920S – THE 2ND HALF OF THE 1930S IN THE WORK OF WESTERN AND DOMESTIC OBSERVERS

Dmitrii N. Khristenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Timiryazev Russian State Agrarian University, Moscow, Russia, khristenko1983@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6221-8991>

Abstract. This article describes the development of healthcare in the Soviet village in the late 1920s – the 2nd half of the 1930s. Topicality of the study stems from the need to fill one of the serious gaps in the study of the agrarian history of Russia by turning to the little-studied document base based on the testimony of Soviet and foreign observers. The study of these materials allows us to examine in detail the key points of creating rural healthcare system in the Soviet Union practically from scratch. Foreign eyewitnesses claimed a real social achievement in medical care for the peasantry, which was confirmed by domestic eyewitnesses. Particularly important are the observations of the American physician and medical historian Henry Ernest Sigerist, who argued about the formation of a special philosophical model of public health in the USSR, forming the basis of Soviet healthcare.

Keywords: Joseph Stalin, USSR, medicine, rural healthcare, foreigners, image of USSR, progress, modernisation

For citation: Khristenko D.N. Soviet rural healthcare in the late 1920s – the 2nd half of the 1930s in the work of Western and domestic observers. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 18–24 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-18-24>

Историки-аграрии подробно исследовали ключевые моменты социально-экономической жизни крестьянства в период сталинского правления, однако они зачастую игнорируют одну из базовых составляющих качественной жизни – организацию системы здравоохранения в советской деревне в 1920–1930-е гг. [Нефедов; Виола; Данилов; Фицпатрик]. Хотя современные исследователи и пытаются восполнить этот пробел [Гадицкая, Самсоненко; Христенко; Затравкин, Вишленкова, Шерстнева], но вопрос еще далек от своего разрешения.

Во многом это связано с недостаточной изученностью свидетельств ушедшей эпохи, как отечественных, так и зарубежных. Особое внимание следует уделить последним. Наблюдения иностранцев, которые активно посещали СССР в конце 1920-х-начале 1930-х гг., отличаются откровенностью и яркостью описания, позволяют почувствовать реалии того времени. Но при этом возникает резонный вопрос – а насколько их впечатления являются свидетельством объективной реальности, которая имела место в СССР, или иностранцам показывали идеализированную картинку, этикие потемкинские деревни.

На этот вопрос прекрасно отвечает венгерский писатель Дьюла Ийеш, посетивший в 1934 г. Советский Союз: «Потемкин, скорее всего, умел создавать кулисы, нынешние же русские даже поддерживать чистоту на сцене и то не умеют... Нынешних русских... не волнуют ни грязь, ни строительные отходы, ни любопытствующий взгляд постороннего. Здесь они у себя дома, и плевать им на мнение соседа, в чем я тотчас получил возможность убедиться» [Ийеш: 22]. Рассказывая о своей встрече с советскими литераторами и руководителем иностранной комиссии в Доме писателя, он приводит следующий разговор: «В Россию я приехал в качестве гостя на съезд советских писателей и сейчас впервые узнал, что срок съезда перенесен и он состоится лишь через два месяца. Что же мне до тех пор делать? – Посмотреть страну. Я признался, что мысль эта меня привлекает, но как ее осуществить. Ведь я слышал, будто бы иностранцев обычно водят за ручку, пока окончательно не заведут в тупик; слышал я и о том, что за иностранцами следят. Эти свои соображения я тотчас и выложил. Слова мои, распространяясь на разных языках подобно подожженному фитилю, вызвали взрывы оглушительного хохота. – В стране более ста тысяч иностранцев. За каждым следить – глаз не хватит... Меня успокоили: я могу ходить, куда хочу, и жить, где пожелаю. Связываться с «Интуристом» они и сами не рекомендуют, это учреждение и создавали-то для каких-нибудь престарелых англичанок, которым взбрело в голову тратить здесь свои деньги» [Ийеш: 28].

В отличие от эпохи «Большого террора», когда повальные обвинения осужденных в содружестве

с иностранной разведкой значительно уменьшили как стремление гостей из-за границы посетить СССР, так и желание советских граждан общаться с зарубежными наблюдателями, еще в годы первой пятилетки иностранцы могли вполне свободно передвигаться по всей территории государства, запечатлевая повседневную жизнь в СССР.

Так, американский писатель Альберт Рис Вильямс, на примере своего посещения северных губерний нашей страны, зафиксировал суеверия и фатализм крестьян, которые не понимали природу и сущность эпидемиологических заболеваний, полагаясь исключительно на судьбу в вопросах своего здоровья. Один раз писатель был вынужден ночевать в избе, где, как потом выяснилось, болела чумой молодая девушка. «Высказывать свое возмущение хозяину, высокому улыбающемуся крестьянину, было бесполезно, – вспоминал А.Р. Вильямс, – Исполненный добрых намерений, он из чувства гостеприимства уступил мне лучшую постель в доме. Чем я так страшно удручен? Этого не могли уразуметь ни он, ни кто-либо из односельчан, обступивших меня...» [Williams: 9]. Пытаясь защитить себя от заболевания, американский литератор отправился в волостной центр, где столкнулся со схожей реакцией. Понятие о бактериях воспринималось там с трудом, и писателю из США пришлось преодолеть еще 30 км. до ближайшего медицинского пункта, где ему сделали прививку. Вильямс отмечает, что молодое поколение сельских жителей постепенно расстаётся с древними суевериями и начинает вакцинироваться от регулярных эпидемий, что являет собой наглядный пример постепенного прогресса образования на селе [Williams: 13–14].

Прежде же случалось и так, что и сам медицинский персонал, посылаемый на борьбу с эпидемиями, принимали за нечистую силу. Например, однажды врачи приехали в зараженные холерой районы Кемии, все двери крестьянских изб были заперты, а из окон вопили деревенские бабы: «Убирайтесь, зачем вы приехали сюда убивать наших детей». «Послушайте, – кричали врачи в ответ, – мы приехали спасти ваших детей. Провести вакцинацию. Вы ничего не понимаете». – «Все мы прекрасно понимаем, – орали женщины, – вы хотите поставить им печать дьявола» [Williams: 14].

Во многом это было связано с наследием дореволюционной России, когда резкое социальное расслоение приводило к тому, что большая часть крестьян была лишена не только элементарного образования и грамотности, но и базовой медицинской помощи, не говоря уже о приеме у узких специалистов или дантиста.

Американский рабочий Дж. Скотт, в начале 1930-х гг. работавший на стройке «Магнитки», с удивлением вспоминал, что мать его русской жены Маши,

большая часть жизни которой пришлось на время царской России, ни разу не обращалась к стоматологу, хотя сумела удивительным образом сохранить все свои зубы [Scott: 125].

В первые годы советской власти, несмотря на все усилия правительства по внедрению мер медицинского обеспечения для населения, переломить ситуацию из-за объективных экономических обстоятельств (голод, разруха) не удалось. Врачей в сельской местности катастрофически не хватало, и документы конца 1920-х гг. фиксируют крайне острую ситуацию с лечением ряда заболеваний, прежде всего венерических. В работе саратовского доктора Гамбурга от 1929 г. прямо говорилось: «Огромное значение в распространении венерических болезней среди сельского населения имеет и отсутствие медицинской помощи. Лучшим показателем является то, что крестьяне лишь в 27,1 проц. обратились за врачебной помощью, остальные в лучшем случае пользуются услугами фельдшеров, а в худшем становятся жертвой знахарства, пустившего глубокие корни в нашей невежественной, пропитанной предрассудками и суеверием русской деревне...» [Гамбург: 37].

Кардинальные изменения произошли только после того, как государство через сеть колхозов и совхозов предприняло огромные усилия по внедрению в быт крестьян начал санитарии и гигиены. Это было связано с тем, что как отмечал в 1930 г. нарком здравоохранения Семашко, санитарную и медицинскую помощь колхозу организовать гораздо легче, чем отдельным распыленным крестьянским дворам. У колхоза имеются специальные неделимые фонды, средства из которых направлялись на развитие базовой медицинской инфраструктуры в деревне: строительство больницы, приемного покоя, родильного приюта, заразного барака, содержание транспорта для перевозки больных и т.д. То же самое касалось и проведения профилактических мероприятий. «Организовать санитарное просвещение, устроить уголок санпросвета, организовать лекции, беседы в колхозе проще, чем в разбросанных крестьянских хозяйствах», – утверждал Семашко [Семашко: 30–31].

Действительно даже упомянутая выше проблема с значительным распространением в сельской местности сифилиса нашла свое решение в рамках создававшейся на базе колхозов системы здравоохранения.

Специальным циркуляром от 11 ноября 1929 г. Наркомздрав обратил внимание на борьбу с венерическими болезнями в совхозах и колхозах. В некоторых районах возникли сомнения, можно ли принимать сифилитиков в колхозы – не заразят ли они окружающих. Наркомздрав разъяснил, что нет никаких оснований закрывать двери колхозов и совхозов перед бедняками, больными венерическими болезнями. Главная задача – поставить правильное лече-

ние их и правильное врачебное наблюдение над ними. «Надо перебросить сюда венерологические отряды для организации надлежащего лечения; надо научить колхозное и совхозное население профилактике, то есть средствам предупреждения заражения от больных, в частности обратить внимание на бытовые условия (жилище, питание и т.д.); надо изолировать в больницы тех больных-сифилитиков, которые угрожают заразой остальному населению колхозов и совхозов», – полагал руководитель советского здравоохранения [Семашко: 9].

Нужно отметить, что ситуацию удалось переломить, и с середины 1930-х гг. сифилис, бывший бичом крестьянского населения в царское время, полностью исчезает как общественное явление.

Значительные успехи были достигнуты и в сфере акушерства и заботы о младенцах, для чего активно развивалась сеть детских садов. В работе «За здоровый культурный быт», изданной в 1931 г. группой врачей, подчеркивалось, что детская смертность в нашей стране является самой высокой среди европейских государств и отмечалось, что основную роль играют социальные факторы, включая общую неграмотность в вопросах гигиены, сезонные факторы и условия труда крестьян. Главную опасность, по их словам, представляют летние месяцы с сильной жарой, когда женщины активно заняты в полевых работах. Именно поэтому, утверждали врачи, необходимо «внушить матерям, чтобы они не отнимали детей от груди летом, не прикармливали их, чем попало и всячески оберегали их от заразы. Надо сделать общедоступными хорошие ясли» [За здоровый культурный быт: 71]. Авторы сборника подчеркивали, что нередки и случаи, когда рабочая пора застает крестьянскую женщину «на последних месяцах беременности, отчего рождаются дети с признаками врожденной слабости» [За здоровый культурный быт: 71].

Выход врачи видели в повсеместном развитии акушерских пунктов и детских садов, что, однако, было непривычно для консервативно настроенной крестьянской среды и нередко встречало прямое сопротивление населения. Тем не менее, уже в 1930 г. число детских садов только в РСФСР достигло 6 тысяч единиц [Семашко: 15].

Как свидетельствует Морис Хиндус, известный эксперт по России в Америке 1930-е гг., в один из его визитов в СССР он посетил недавно образованный детский сад в небольшой белорусской деревне. Там воспитательницы рассказали ему реальный случай из их практики, когда однажды кто-то распустил слухи, что в соседней деревне дети в яслях голодают: им дают только молоко, овощи и крупы вместо картошки, сметаны, черного хлеба, свинины и щей – обычной пищи крестьян в этой местности. В результате в деревне одним утром крестьяне начали протесто-

вать, отказываясь посылать детей в ясли, пока рацион не будет изменен на привычный.

«Воспитательницы, рассказывая этот случай, смеялись, – вспоминал М. Хиндус, – и с ними смеялся и я. Хотя дело было совсем не смешное...». Он отмечал, что едва ли в деревне была хоть одна мать, которая избежала ранней смерти своего ребенка, которые умирали от заражения оспой, крупя, от всех видов горячки и спазмов. И это не могло быть иначе до тех пор, пока крестьяне жили в плохо пахнущих, непроветриваемых избах, где в одной комнате с людьми находились свиньи, цыплята и телята. К тому же матери, например, редко купали своих детей и зачастую кормили их невымытыми руками или с помощью самодельных сосок, сделанных из грязных тряпок, смесью из картошки и хлеба, или неизменной каши. «А сейчас здесь, в деревне, – искренне восхищался М. Хиндус, – были организованы ясли с двумя залитыми солнцем комнатами с чистыми полами, тридцатью маленькими кроватками, с тремя жизнелюбивыми воспитательницами, где ползали и играли босоногие малыши в чистых одеждах, каждый с причесанной головой, вымытым лицом, почищенными зубами, и со всеми игрушками, о которых раньше можно только было мечтать» [Hindus: 14–15].

Как бы это ни было прискорбно, но, к сожалению, свидетельства иностранцев отражали реальное положение с медициной на селе, особенно в сфере гигиены. В вышедшей в 1930 г. знаменитой повести Н.Г. Смирнова, вернувшийся из Америки Джек Восьмеркин, одним из первых дел занимается гигиеной крестьянского дома своей матери и сестры, используя окуривание серой для борьбы с клопами и тараканами, что вызывало сильное удивление в деревне [Смирнов: 123].

Схожие сюжеты можно найти и в произведениях других советских авторов. Так, в романе «Горы» писателя Зазубрина, опубликованном в 1933 г., англичане, оказавшись в алтайской деревне, входя в деревенский дом, первым делом освежают воздух «особой дезинфицирующей жидкостью» [Зазубрин: 161].

Советской интеллигенции, врачам и государству только после долгих усилий удалось переломить сознание крестьян и добиться внедрения в их быт элементарных начал чистоты и гигиены. Активистам приходилось объяснять им буквально элементарные вещи.

В книге доктора В.А. Николаева-Нагля, представившей запись его бесед с крестьянами о гигиене, отмечалось, что обыкновенно в деревнях едят все из общей посуды, деревянными ложками, стол часто грязный, кругом, особенно в летнее время, полно мух. Он констатировал, что сельские жители не понимают, что есть из общей миски нельзя, также нельзя пить из одной кружки, нужно иметь каждому отдельную

ложку и стакан, поскольку если в семье имеется больной сифилисом или чахоткой, или другой заразной болезнью, то все остальные члены семьи также могут заболеть этими болезнями. И подобные случаи регулярно встречались в крестьянской среде. Доктор призывал население изменить не только свои привычки, но и круг используемых предметов бытового обихода: «Деревянные ложки пора уже оставить, они плохо моются и быстро загрязняются. Необходимо вводить металлические, а лучше алюминиевые. Они очень гигиеничные и практичные, а главное не дороги... Ведь прежде всего всякая грязь и микробы пристаю к нашим пищевым продуктам и к посуде, и если мы не будем знать в каком виде их содержать, то неумышленно можем вызвать много беды своему здоровью» [Николаев-Нагля: 34–35].

Медицинское сообщество отмечало и необходимость поддержки благоустройства деревни ее и связи с здоровьем крестьян. В работе доктора Б. Сигала «Колхозы и здоровье крестьян», изданной в 1930 г., подчеркивалось: «Следует позаботиться и о чистоте улиц и дворов. Пробежитесь в деревне в осенний или весенний день, попробуйте вытащить ноги из вязкой глины, из “рассейской грязи”. К ней испокон веков привыкли. Но пришло новое время; время, когда колхознику-крестьянину пора приучаться ходить по замощенным улицам, иметь благоустроенные дороги и дворы... Забота о благоустройстве колхоза – задача всех колхозников, ибо от этого зависит их здоровье... Для этого следует при советах колхоза иметь здравячейку, выделяя в нее активных работников... Там, где при сельсовете работает секция здравоохранения, здравячейке колхоза следует связаться с ней и все мероприятия по части оздоровления колхоза проводить общими усилиями» [Сигал: 16–17].

Руководство СССР стремилось закрепить социальные гарантии юридически, в главных правовых документах. В статье 120 Конституции 1936 г. конституировалась право граждан на бесплатную медицинскую помощь [Конституция СССР: 29]. Стоит подчеркнуть, что это были не просто декларативные заявления – в деревню были инвестированы значительные средства. Писатель Ф. Гладков в 1935 г. отмечал, что в районном селе Базарно-Карабулак в Куйбышевской области, расположенном рядом с его родной деревней, где раньше медицинская инфраструктура попросту отсутствовала, за последние годы были «выстроены новое двухэтажное здание поликлиники, больница с хорошо оборудованным хирургическим отделением и рентгеновским кабинетом» [Гладков].

Последовательные усилия власти и медицинского сообщества дали результат, и положение дел удалось переломить. В 1936 г. американский журналист Верн Смит выпустил работу «В колхозной деревне», в которой подробно описал жизнь в украинском

селе Староселье. Он подчеркивал, что «немногие сельские поселения такого размера в других странах могли бы представить лучшую картину своего состояния. Население украинского села является здоровым и физически крепким. И одной из главных причин этого является бесплатная медицинская помощь, обеспечиваемая советским правительством» [Smith: 117]. По словам западного наблюдателя, медицинский пункт в Староселье состоит из нескольких комнат и оборудован в бывшей крестьянской избе. Всего насчитывается три медика. Помимо врача и его операционного кабинета, в медпункте есть аптека во главе с женщиной – фармакологом, выполняющей одновременно функции гинеколога, и медбрат для помощи в работе. Как отмечает американский журналист, эти трое медицинских работников успешно поддерживают здоровье жителей Староселья. Они провели вакцинацию всего населения против оспы, привили всех детей против скарлатины, а взрослых – против брюшного тифа. Одновременно медики предприняли значительные меры в области гигиенической защиты против вредных насекомых и очистке водоснабжения. Но самое главное, что вся медицинская помощь, которую они оказывают крестьянам – абсолютно бесплатна.

В. Смит отмечает, что в колхозе введена система социального страхования. Женщины освобождаются от работы с сохранением половины заработка на месяц перед родами и месяц после. Специальный декрет наркомата сельского хозяйства обязывает колхозы обеспечивать любого работника, который получил увечье или заболел в результате работы, таким же количеством трудодней, как если бы он был здоров и выполнял свою работу в полном объеме [Smith: 119].

О стремительном развитии медицины на селе говорили и профессиональные иностранные врачи, например, А. Ньюсхолм и Дж. Кингсберри. Они подчеркивали, что «хотя практическая реализация во многих аспектах еще не полностью охватывает задуманную программу, прогресс по направлению ее исполнения происходит со значительной быстротой, фактически так быстро, что несомненное качество советской медицины временно принесено в жертву количественной стороне дела» [Newsholme, Kingsbury: 294]. Действительно, быстрое расширение сети сельских медучреждений закономерно вызывало «болезни роста», страдала качественная сторона медицинского обслуживания. Тем не менее, Артур Ньюсхолм и Джон Кингсберри делали вывод, что крестьяне в деревнях получают гораздо лучшую помощь, чем до революции 1917 г. [Newsholme, Kingsbury: 293–294].

В целом успехи советского здравоохранения были столь наглядны и очевидны, что руководители ведомства активно призывали иностранных специалистов

перенимать достижения СССР. Осенью 1929 г. в Москве и Ленинграде по инициативе наркома Н.А. Семашко прошли курсы для иностранных врачей, главной целью которых было ознакомление зарубежных медиков с организацией здравоохранения в Советском Союзе и повышение квалификации заграничных специалистов по социально-гигиеническому и санитарно-эпидемиологическому разделам медицины. Мероприятие прошло с большим успехом, в число слушателей курсов вошли врачи из Германии, Франции, Испании и других европейских стран. Неформальными лидерами группы были немецкий профессор В. Эттингер и член германского парламента доктор Р. Шминке. В «Немецком медицинском журнале» в 1930 г. было опубликовано несколько статей участников курсов о состоянии сферы общественного здоровья в СССР, а в Берлине создано Общество содействия развитию связей в области медицины между СССР и зарубежными странами. Первое заседание общества состоялось в январе 1930 г. на территории Второй клиники Берлинского университета, и на собрании присутствовали видные общественные деятели, включая начальника здравоохранения Берлина доктора О. Швеерса, профессора социальной гигиены О. Гратьяна и др. [Ратманов: 232–236].

Столь же успешным оказалось и участие СССР во Второй международной гигиенической выставке в Дрездене в мае-июне 1930 г. Как отмечали наблюдатели, советский павильон открывался отделом пятилетки, за которым следовал отдел труда, с акцентом на вопросы социального страхования и обеспечения, и только потом шел собственно отдел здравоохранения. Такая композиция, по словам директора советского павильона, должна была подчеркнуть факт того, что «подлинное оздоровление трудящихся возможно только на базе коренных социально-экономических мероприятий и культурной революции быта» [Ратманов: 253].

О совершенно новой социально-политической основе советской системы здравоохранения восторженно писал знаменитый американский социолог медицины, Сиджерист, неоднократно лично посещавший СССР в 1930-е гг. Он отмечал, что «советское общество – это коллективное общество, все члены которого подчинены одной общей цели. Это напоминает один большой, гармонично построенный, организм. Если один член общества страдает, это отрицательно влияет и вредит всему организму, который очевидно будет защищать себя от подобных негативных ситуаций. В результате медицинское обслуживание становится функцией всего коллектива» [Sigerist: 96–97]. В результате, подчеркивает Сиджерист, возникает очень четкая система, смысл которой состоит в том, что человек обязан работать, но болезнь препятствует его работе, выполнению им своих обязанностей.

Государство предпринимает все меры для предотвращения и исцеления от болезней, и эти меры доступны всем. Поэтому существует обязанность использовать эти меры, существует обязанность быть здоровым. Распространение болезни становится социальным правонарушением. В подобном обществе здоровье означает больше, чем отсутствие болезни. Понятие здоровья приобретает положительную коннотацию, радостное отношение к жизни [Sigerist: 98].

Подводя итоги, можно констатировать, что описания западных наблюдателей фиксируют быстрый прогресс в социальном обслуживании сельского населения, прежде всего, в сфере медицины. Во многом это было связано с целенаправленными усилиями правительства, которое обязало совхозы и колхозы направлять средства на развитие сети медицинских учреждений на селе, а также последовательным развитием образования и культуры, вызывавшем перелом в консервативном крестьянском сознании. Стоит отметить, что западная интеллигенция была настолько зачарована успехами Советского Союза во всех областях социального, экономического и культурного строительства, что известный американский журналист Юджин Лайонс обозначил период с 1929 по 1939 гг., с начала индустриализации и до заключения советского-германского пакта о ненападении, как «Красное десятилетие», выпустив книгу с одноименным названием [Lyons]. Советскому правительству действительно удалось совершить настоящий прорыв в сельском здравоохранении в конце 1920–1930-х гг., что не только укрепило его социальную базу, но и значительно повысило имидж СССР во всем мире.

Список литературы

Источники

- Гамбург М.И.* Половая жизнь крестьянской молодежи. Саратов: [Б. и.], 1929. 42 с.
- Гладков Ф.* Колхозник и культура // Правда. 1935. 16 сентября. № 256.
- За здоровый культурный быт: сборник статей. Москва: Огиз - Гос. учеб. - педагог. изд-во, 1931. 176 с.
- Зазубрин В.* Горы. Кн. 1. М.: Сов. писатель, 1935. 263 с.
- Ийеш Д.* Россия. 1934. М.: Хроникер, 2005. 239 с.
- Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. М.: Издание ЦИК СССР, 1937. 319 с.
- Николаев-Нагля В.А.* Беседы с крестьянами по гигиене. Великие Луки: издание Великолуцкого Окргдравотдела Ленинградской области, 1928. 55 с.
- Семашко Н.А.* Октябрь и здоровье крестьянина. М., Л.: Госмедиздат, 1930. 32 с.
- Сигал Б.* Колхозы и здоровье крестьян. Л.: Ленинградская правда, 1930. 60 с.

Смирнов Н.Г. Джек Восьмеркин Американец: Повесть в 3 ч. М.: Л.: Гос. изд-во, 1930. 286 с.

Hindus M. Red bread. New York: Cape & Smith, 1931. 372 p.

Lyons E. The Red Decade: The Stalinist Penetration of America. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1941. 423 p.

Newsholme A., Kingsbury J. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. New York: Doubleday, Doran & Co., 1933. 324 p.

Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Massachusetts: The Riverside Press, 1942. 279 p.

Sigerist H. Socialized Medicine in the Soviet Union. New York: W. W. Norton & Co., 1937. 378 p.

Smith V. In a collective farm village. Moscow: Cooperative publishing society of foreign workers, 1936. 229 p.

Williams A.R. The Russian Land. New York: New Republic, 1928. 294 p.

Исследования

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. Москва: РОССПЭН, 2010. 366 с.

Гадицкая М.А., Самсоненко Т.А. Медицинское обслуживание в повседневности колхозной деревни 1930-х гг. // Власть. 2017. № 5. С. 192–197

Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 357 с.

Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А., Шерстнева Е.В. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. С. 652–665.

Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 238 с.

Ратманов П.Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940-х гг.: между мягкой силой и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: изд-во ДВГМУ, 2021. 386 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. Москва: РОССПЭН, 2008. 421 с.

Христенко Д.Н. Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // Quaestio Rossica. 2022. № 2. С. 629–645.

References

- Viola L.* *Krest'yanskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 366 p. (In Russ).

Gaditskaya M.A., Samsonenko, T.A. *Meditinskoe obsluzhivanie v povsednevnosti kolkhoznoi derevni 1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii)* [Medical Service in the Everyday Life of a Collective Farm Village in the 1930s (with Reference to South Russia)]. *Vlast'* [Power]. 2017, no. 5, pp. 192–197. (In Russ.)

Danilov V.P. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [The Soviet Pre-Kolkhoz Village: Social Structure, Social Relations]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 357 p. (In Russ.)

Zatravkin C.N., Vishlenkova E.A., Sherstneva E.V. "Korennoi perelom": dovoennaya reforma sovetskogo zdravookhraneniya ["A Radical Turn": The Reform of the Soviet System of Public Healthcare]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 652–665. (In Russ.)

Nefedov S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivisation]. Tambov, Izdatel'skii dom Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G.R. Derzhavina Publ., 2013. 238 p. (In Russ.)

Ratmanov P. *Sovetskoe zdravookhranenie na mezhdunarodnoi arene v 1920-1940-kh gg.: mezhdumia*

siloi i propagandoi (Zapadnaia Evropa i SShA). [Soviet healthcare in the international arena in the 1920s-1940s: between soft power and propaganda (Western Europe and the USA)]. Habarovsk, DVG MU Publ., 2021. 386 p. (In Russ.)

Fitzpatrick Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 421 p. (In Russ.)

Khristenko D. N. *Sovetskaia sel'skaia medicina dovoennogo perioda v otsenakh otechestvennykh i inostrannykh ochevidcev* [Pre-war Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers]. *Quaestio Rossica*, 2022, no. 10(2), pp. 629–645. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

МОБИЛИЗАЦИЯ И ПРИЗЫВ ВОЕННООБЯЗАННЫХ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 г.

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. В данной статье исследуется деятельность горрайвоенкоматов Ивановской области по призыву в Красную армию военнообязанных запаса, женщин и девушек, для замены кадровых военных, а также лиц, отбывших наказание и подлежавших по своему возрасту мобилизации. В ней также уделено внимание работе горрайвоенкоматов по снятию отсрочек с работников предприятий, квалификация которых не соответствовала требованиям, периодически устанавливаемым Государственным комитетом обороны. Значительное внимание в статье уделено организации приписки и призыву в Красную армию юношей 1926 года рождения. В отличие от предыдущих мобилизаций их призыв осуществлялся на основании постановления Государственного комитета обороны с соблюдением основных положений Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» в редакции от 26 июня 1941 года. Статья подготовлена на основании документов из Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. При работе над ними был использован герменевтический метод, позволяющий анализировать содержание документов с учетом времени их происхождения. Основным результатом, полученным в ходе работы над данной статьей, является установление количества лиц мужского и женского пола, призванных с территории Ивановской области в 1943 году, а также их трудовой занятости, образовании, национальном составе и т. д. Эти данные позволяют приблизиться к выявлению числа жителей Ивановской области, призванных в Красную армию, а в итоге к пониманию объема людских ресурсов, изъятых из хозяйства региона в годы Великой Отечественной войны. Данная статья и ее результаты адресованы специалистам в области военной истории, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ключевые слова: Государственный комитет обороны, Президиум Верховного Совета СССР, постановления, указы, Ивановская область, мобилизация, отрасли промышленности, бронирование и снятие отсрочек.

Для цитирования: Околотин В.С. Мобилизация и призыв военнообязанных в Ивановской области в 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 25–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-25-33>

Research Article

MOBILISATION AND CONSCRIPTION OF MILITARY PERSONNEL IN IVANOVO REGION IN 1943

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Annotation. This article examines the activities of the city military commissars of Ivanovo Region for conscription into the Red Army of reserve conscripts, women and girls to replace regular military personnel, as well as persons who had served their sentences and were subject to mobilisation by their age. Attention is also paid to the work of the city military commissars to remove draft deterrents from enterprises' employees whose qualifications did not meet the requirements periodically established by the State Defence Committee. Considerable attention is paid in the article to organising registration and conscription into the Red Army of young men born in 1926. Unlike previous mobilisations, that one carried out conscription on the basis of a resolution of the State Defence Committee in compliance with the basic provisions of the USSR Law "On Universal Military Duty" as of June 26, 1941. The article is based on documents from the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of Ivanovo Region, most of which have been introduced into scientific circulation for the first time. When working on them, we used hermeneutic method, which allows analysing the content of documents in terms of the time of their origin. The main result obtained during the work on this article is the establishment of the number

of males and females conscripted from the territory of Ivanovo Region in 1943, as well as their employment, education, ethnicity, etc. These data allow us getting closer in order to identify the number of residents of Ivanovo Region drafted into the Red Army, and eventually understand the amount of human resources withdrawn from the region's economy for the sake of repelling the Axis aggression. This article and its results are addressed to specialists in the field of military history, graduate students, and undergraduates of higher educational institutions.

Keywords: State Defence Committee, Presidium of Supreme Soviet of USSR, resolutions, decrees, Ivanovo Region, mobilisation, industries, booking and removal of draft deterrents.

For citation: Okolotin V.S. Mobilisation and conscription of military personnel in Ivanovo Region in 1943. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 25–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-25-33>.

Постановка проблемы, историография. Третий год Великой Отечественной войны потребовал от страны для борьбы с врагом еще большего напряжения людских, материальных и финансовых ресурсов. Ситуация усугублялась территориальной утратой важнейших промышленных регионов с развитой инфраструктурой и квалифицированной рабочей силой. Несмотря на эвакуацию предприятий с оборудованием и трудовыми коллективами к новым местам дислокации, им для восстановления производственной деятельности требовалось время. Хотя оно и было сжато до предела, но выпавший из потенциала страны объем промышленного производства, в том числе и по выпуску оборонной продукции, требовалось немедленно восполнить, и он дополнительной ношей был возложен на тыловые регионы, в том числе центра России. В их числе была Ивановская область, которая не пострадала от боевых действий и немецких бомбардировок. Именно поэтому перед ее промышленностью были поставлены еще более сложные задачи по производству вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ, обмундирования и военной амуниции. В результате в 1942 году ее людской и хозяйственный потенциал был максимально задействован на нужды действующей армии. Однако в процессе напряжения всех сил стало возникать понимание того, что потенциал области не безграничен.

Только за полтора года войны из числа мужского населения области были мобилизованы в действующую армию 38 призывных возрастов. Так, во втором полугодии 1941 г., по данным облвоенкомата, на ее территории были мобилизованы 232 499 человек, из них 2 112 медицинских работников¹. К сожалению, к настоящему времени не установлено количество жителей области, призванных в 1942 году. Однако, характеризуя этот период, следует отметить, что с марта для замены кадровых военных началась мобилизация женщин и девушек в войска ПВО, Военно-морской флот и тыловые части Красной армии. Кроме того, из ивановских женщин создавались вольнонаемные отряды банно-прачечной и дезинфекционной направленности.

Одновременно в регионе шел непрерывный процесс формирования различных воинских соедине-

ний, причем число их по сравнению с 1941 г. значительно выросло. В 1941 г. здесь были сформированы 5 (235, 282, 307, 332 и 201) стрелковых и 3 (41,45, 55) кавалерийских дивизии, 1 (9) воздушно-десантный корпус, 3 (594, 602, 649) артиллерийских полка, 2 (18, 20) танковых бригады, 1 (716) авиационный полк, а также Ивановская дивизия народного ополчения. В 30-й запасной стрелковой бригаде и двух (87-й кавалерийский и 22-й авиационный) запасных полках шло обучение пополнения, после чего оно в составе маршевых рот и эскадронов отправлялось на фронт [Околотин 2017].

В 1942 г. в области уже были скомплектованы 8 (117-я, 49-я, 180-я, 207-я, 292-я, 299-я, 306-я и 316-я) стрелковых дивизий 2-го формирования, 2 (36-я, 38-я) гвардейские стрелковые дивизии, 2 (4-й, 9-й) воздушно-десантных корпуса 2-го формирования, 2 (1-я, 5-я) гвардейские воздушно-десантные дивизии, 2 (1-й, 2-й) авиапланерных полка ВДВ, 4 (59-я, 185-я, 195-я, 200-я) танковые, 2 (52-я, 53-я) мотострелковые бригады и 2 вольнонаемных отряда. Из них 7 стрелковых дивизий (49-я, 207-я, 292-я, 299-я, 316-я, 36-я и 38-я) летом 1942 г. направлены на Сталинградский фронт.

В запасных (4-я курсантская стрелковая, 1-я кавалерийская, 6-я авиационная и 30-я Ивановская стрелковая) бригадах шел непрерывный процесс подготовки многочисленных маршевых рот, эскадронов и авиаполков. В авиационных мастерских Иванова из крупных узлов, доставляемых в деревянных ящиках по железной дороге из морского порта Архангельска, осуществлялась сборка различных видов иностранных самолетов. На местных аэродромах военными летчиками осуществлялось их освоение и пристрелка вооружения. Отсюда вновь сформированные эскадрильи и авиаполки на Харрикейнах, Киттихауках и Аэрокобрах отправлялись на фронт. Формирование в Иванове французской эскадрильи «Нормандия» стало достоянием военной истории Военно-воздушных сил и сотрудничества СССР с Францией, Англией и США в борьбе против фашистской Германии [Околотин, 2019].

Кроме того, в восьми (Ивановское военно-политическое, Подольское пехотное, Военно-морское училище ПВО, Рязанское воздушно-десантное, Винниц-

кое пехотное, Владимирское пулеметно-минометное, Ленинградское Краснознаменное военно-политическое училище им. Фр. Энгельса) военных училищах, располагавшихся в течение года в Иванове и области, шла подготовка командного состава для действующей армии.

В целях выполнения приказов НКО СССР по формированию воинских соединений в области был установлен строжайший учет военнообязанных, производилось периодическое разбронирование квалифицированных рабочих, шла непримиримая борьба с дезертирами и различными уклонистами от призыва в армию. Огромное внимание уделялось военному обучению молодежи и ее физкультурной подготовке. Всеобщим и Осоавиахим строили военную подготовку допризывников так, чтобы они в отведенный для обучения срок овладели различными воинскими специальностями и были максимально готовы к боевым действиям. По-разному сложился боевой путь указанных дивизий бригад и полков, но начинался он в городах и районах Ивановской области, ресурсы которой были максимально использованы для их комплектования и вооружения.

В 1943 г. мобилизация военнообязанных призывных возрастов и формирование на ее территории воинских соединений продолжались. В основном она шла за счет мобилизации призывников, достигших возраста, установленного Законом о всеобщей воинской обязанности (в ред. от 26 июня 1941 г.), разбронирования из народного хозяйства специалистов путем снижения требований к их квалификации. Кроме того, изыскивались другие людские резервы. Эти действия осуществлялись на основании постановлений Государственного комитета обороны и приказов НКО СССР. К сожалению, применительно к региону тема данной статьи не нашла должного отражения. В этой связи она является продолжением исследовательской работы автора по изучению людских и иных ресурсов области, мобилизованных на разгром нацистской Германии и ее союзников в годы Великой Отечественной войны. Важным ориентиром в этом деле, несомненно, являются фундаментальное издание «Великая Отечественная война 1941–

1945 годов», 7-й том которого посвящен экономике и оружию войны, а также научный труд А.К. Сорокина об опыте государственного управления в годы войны [Сорокин].

Призыв военнообязанных в первом полугодии. 6 апреля 1943 г. НКО и НКЮ СССР приняли совместный приказ «О досрочном снятии поражения в правах с лиц, отбывших основную меру наказания, и призыве их в армию». В его основу было положено содержание постановления Пленума Верховного Совета СССР от 7 января 1943 г. «О порядке досрочного снятия поражения в правах в отношении лиц, отбывших основную меру наказания и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации». В нем констатировалось, что судебная практика свидетельствует о случаях, когда лица, отбывшие основную меру наказания и подлежавшие по своему возрасту призыву или мобилизации в Красную армию или Военно-Морской флот, не могли быть призваны из-за применения к ним дополнительной меры наказания в виде поражения в правах. Учитывая, что в условиях военного времени было нецелесообразно лишать их возможности выполнить свой воинский долг и тем загладить вину перед Родиной, Пленум ВС СССР постановил дать судам указание о досрочном снятии с них поражения в правах в целях последующего призыва или мобилизации в Красную армию.

Согласно приказу областным, городским и районным военным комиссариатам при содействии местных советов, органов НКВД и милиции предстояло выявить всех мужчин в возрасте до 50 лет, не призванных в армию по указанной причине, за исключением лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления (кроме недоносительства) и бандитизм.

В дальнейшем их надлежало подвергнуть медицинскому освидетельствованию, а в отношении лиц, признанных «годными к строю и годными к нестроевой службе, войти с представлением в местный народный суд о снятии с них поражения в правах». Одновременно комиссариатам предлагалось взять на военный учет и всех мужчин в возрасте до 55 лет, пораженных в правах по отбытии основной меры

Таблица 1

Сведения о результатах призыва военнообязанных запаса в Ивановской области с 1 января по 1 июля 1943 года²

п/п	Наименование нарядов на военнообязанных запаса	Плановое задание (в чел.)	Выполнение задания (в чел.)
1	На строевых	24 524	24 225
2	На нестроевых	5 637	5 535
3	Годных к физическому труду в промышленности	6 499	6 379
4	Итого	36 660	36 139

Примечание. Невыполнение установленных нарядов составило 521 человек.

наказания (кроме контрреволюционных преступлений и бандитизма) и признанных при медицинском освидетельствовании негодными к военной службе, но годными к физическому труду. Всю работу приказывалось закончить к 15 мая 1943 года.

19 июля 1943 г. облвоенком Абрамов информировал обком ВКП(б) о результатах призыва военнообязанных запаса, поставке лошадей и обоза по Ивановской области за период с 1 января по 1 июля 1943 года. Его результаты представлены в нижеследующей таблице 1.

Приписка военнообязанных 1926 года рождения. 13 июня 1943 г. ГУФ Красной армии издал директиву, согласно которой с 1 по 20 августа на местах предстояло произвести приписку к призывным участкам всех без исключения граждан, родившихся в 1926 году. К их числу на общих основаниях также были отнесены уроженцы Западной Белоруссии, Западной Украины, Молдавской АССР, Литовской, Латвийской, Эстонской и Карело-Финской ССР всех национальностей. Действие директивы распространялось и на территорию Ивановской области. Для ее выполнения облвоенком Абрамов приказал горрайвоенкоматам на основании закона «О всеобщей воинской обязанности» (ст. 21) создать приписные комиссии под председательством горрайвоенкомов. На правах членов в них должны были войти: представитель местного совета депутатов трудящихся, сотрудники РК ВКП(б), райотдела НКВД-милиции и два врача (терапевт и хирург), выделенные райдравотделом.

Вызов на приписку граждан 1926 года рождения должен был осуществляться персональными повестками, без издания приказа. Оповещение в городах о предстоящей приписке было возложено на органы милиции, учреждения, предприятия, учебные заведения, домоуправления и радио. Ее предстояло произвести без отрыва будущих призывников от производства. Там, где это было невозможно из-за удаленности от районного центра, надлежало создать кустовые пункты, охватывавшие от 3 до 5 сельсоветов, на которые должна была выезжать приписная комиссия.

Была определена норма вызова на приписную комиссию, не более 70–80 человек в день. В ходе медосвидетельствования надлежало обязательно измерять рост, окружность груди и вес. На каждого проходящего приписку требовалось завести в алфавитном порядке карту призывника и подготовить приписное свидетельство. При его выдаче теперь уже призывнику необходимо было объяснить правила соблюдения военного учета.

При распределении призывников по родам войск требовалось учитывать их физическое состояние, грамотность, гражданскую специальность и наличие подготовки во Всевобуче. Наиболее возмужалых и развитых призывников с образованием не ниже 7 классов рекомендовалось намечать кандидатами на укомплектование военных училищ. Призывники с аналогичными физическими данными с образованием не ниже 4 классов и ростом до 155 см полагалось направлять на подготовку младших командиров. Для подразделений связи и радиочастей подбирались юноши с образованием не ниже 6 классов. Для артиллерии, бронетанковых и железнодорожных войск, частей Военно-воздушных сил и Военно-морского флота, а также НКВД подбор призывников рекомендовалось осуществлять в соответствии с установленными для них требованиями.

В ходе приписки выявлялись лица, не имевшие образования, малограмотные, с образованием ниже 4 классов, а также больные, которым требовалось лечение. Их совместно с органами народного образования и здравоохранения приказывалось охватить обучением и лечением с выполнением к 1 ноября 1943 года. Лиц, не прошедших военную подготовку по линии Всевобуча, рекомендовалось направлять на обучение 5-й очереди, а прошедших ее в объеме 110 часов – направлять в спецподразделения Всевобуча. На лиц, признанных негодными к военной службе с исключением с учета, предстояло оформить свидетельство об освобождении от воинской обязанности³.

Всего в 48 районах Ивановской области и 4 районах г. Иванова предполагалось охватить припиской 30 663 человека⁴. Для выполнения этой задачи

Таблица 2

Сведения о результатах приписки юношей к призывным участкам⁵

п/п	Категории призывников	Общее количество	В процентах от плана
1	Годные к строевой службе	25 404	84,3
2	Годные к нестроевой службе	2 501	9,6
3	Негодные к службе в военных частях, но годные к физическому труду	345	1,2
4	Нуждающиеся в лечении и оперировании	704	2,3
5	Негодные к военной службе с исключением с учета	798	2,6
	Итого	30 152	

Примечание. Согласно приведенным в таблице данным, общее количество годных к строевой и нестроевой службе в Красной армии составило 93,9 %, или 27 905 человек.

Таблица 3

Сведения об образовании юношей, приписанных к призывным участкам области⁶

п/п	Состояние образования	Количество (в чел.)
1	С полным средним образованием	221
2	С окончанием 7–9-го классов	6 736
3	Закончили ремесленные и железнодорожное училища	523
4	Учащиеся средних школ, ремесленных и железнодорожного училищ	1 954
5	С окончанием 5–6-го классов	10 274
6	С окончанием 4-го класса	7976
7	С окончанием 3-го класса	1101
8	С окончанием 1–2-го классов	534
9	Неграмотные	95
	Итого	29 354

Примечание. Приведенные данные свидетельствуют о практическом отсутствии среди призывников неграмотных и о значительном преобладании юношей с образованием от 4 до 9 классов.

Таблица 4

Сведения о национальном составе юношей, приписанных к призывным участкам⁷

п/п	Национальный состав	Количество (в чел.)
1	Русские	29 006
2	Украинцы	80
3	Белорусы	49
4	Грузины	1
5	Карелы	6
6	Финны	2
7	Молдаване	1
8	Литовцы	2
9	Латыши	11
10	Эстонцы	2
11	Евреи	37
12	Татары	72
13	Немцы	5
14	Мордовцы	60
15	Башкиры	1
16	Марийцы	2
17	Чуваши	9
18	Китайцы	5
19	Корейцы	1
20	Поляки	2

Примечание. Подавляющее большинство юношей, приписанных к призывным участкам, были русские.

были созданы 54 приписные комиссии, из которых 32 работали стационарно в городах и районных центрах и 21 – с выездом на предприятия, в рабочие поселки и кустовые сельсоветы. В итоге в области с 1 по 20 августа 1943 г. к призывным участкам было приписано 30 152 человека (табл. 2).

Из числа приписанных юношей проходили и прошли программу Всевобуча 27 360 человек. Не были охвачены военным обучением 1 650 человек.

Все юноши, прошедшие приписку и признанные годными к строевой службе, были распределены по родам войск.

Призыв военнообязанных во втором полугодии. 13 октября 1943 г. ГКО принял сразу три постановления, касавшиеся призыва в Красную армию, в частности: № 4322 сс «О призыве на службу призывников рождения 1926 года»¹⁰, № 4323 сс «О разбронировании и передаче в армию военнообязанных запаса из числа, подлежащих ранее разбронированию по постановлениям ГКО 1942 г. №№ 1229 сс, 1575 сс, 2100 сс и 2640 сс»¹¹ и № 4324 «О призыве в армию призывников 1922, 1923, 1924 и 1925 годов рождения, пользующихся отсрочками от призыва по работе в промышленности и сельском хозяйстве»¹².

Таблица 5

Сведения о трудовой занятости юношей по предприятиям наркоматов⁸

п/п	Названия наркоматов	Количество (в чел.)
1	Наркомат вооружения	1 460
2	Наркомат авиационной промышленности	219
3	Наркомат боеприпасов	293
4	Наркомат танковой промышленности	37
5	Наркомат цветной металлургии	313
6	Наркомат черной металлургии	12
7	Наркомат среднего машиностроения	298
8	Наркомат минометного вооружения	403
9	Наркомат химической промышленности	21
10	Наркомат электростанций	860
11	Наркомат электропромышленности	145
12	Наркомат судостроительной промышленности	111
13	Наркомат путей сообщения	1 047
14	Наркомат речного флота	186
15	Наркомат текстильной промышленности	4 610

Примечание. По трудовой занятости юноши в основном работали на предприятиях наркоматов текстильной промышленности, вооружения и путей сообщения.

Таблица 6

Распределение по родам войск⁹

п/п	Рода войск	Общее количество	В том числе подготовка сержантского состава
1	Кандидаты в военные училища	4 635	–
2	В пехоту	10 191	2 769
3	В кавалерию	397	88
4	Артиллерию	3 134	1 492
5	Связь	1 280	208
6	Инженерные	802	166
7	Бронетанковые	2 865	547
8	Химические	139	27
9	ВВС	300	21
10	Жел. дор. части	196	95
11	Морфлот	1 116	85
12	Войска НКВД	349	35
	Итого	25 404	5 392

Примечание. Согласно представленным сведениям, большая часть юношей, прошедших приписку, была определена к зачислению в военные училища и далее по родам войск в пехотные, артиллерийские, бронетанковые части, связь и Военно-морской флот.

Согласно пояснительной записке к проекту первого постановления, на территории страны, исключая районы, освобожденные от противника, было учтено 1 115 000 человек призывников 1926 года рождения. Из них подлежали призыву в Красную армию 745 тыс. человек. Остальные, как-то: рабочие, имевшие квалификацию 3-го разряда и выше; лица, признанные негодными к военной службе по болезни, а также представители коренных народов указанных республик и автономных областей, – были отведены от призыва¹³.

В частности, бронирование или отсрочка от службы в Красной армии распространялись на рабочих с квалификацией 3-го разряда и выше предприятий наркоматов боеприпасов; вооружения; авиационной, танковой, угольной и нефтяной промышленности; черной и цветной металлургии; электростанций; электропромышленности; тяжелого машиностроения; станкостроения; путей сообщения; морского и речного флота, а также Главсерморпути.

Призыву не подлежали представители коренных национальностей из Узбекской, Таджикской,

Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской советских социалистических республик. Данное ограничение распространялось на Дагестанскую, Чечено-Ингушскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую автономные социалистические республики и Адыгейскую, Карачаевскую и Черкесскую автономные области РСФСР.

Часть юношей из числа призванных на службу в Красную армию подлежали направлению для замены кадровых военнослужащих в частях Дальневосточного и Закавказского фронтов, а также в войсках ПВО Западного фронта и Московской особой армии, которые в свою очередь направлялись для пополнения действующей армии. Остальные призывники сосредотачивались в запасных и учебных частях, спецшколах с обязательным шестимесячным сроком обучения. ГКО запретил кому бы то ни было использовать призывников 1926 года рождения для укомплектования действующей армии¹⁴.

Согласно архивным документам, реализация призыва в Ивановской области осуществлялась с 25 октября по 15 ноября 1943 года. Отправка призывников в войсковые части в исправной одежде и обуви, с наличием у каждого двух пар чистого белья, полотенца, кружки, ложки и предметов личной гигиены была начата уже 1 ноября с окончанием 30 ноября. Их распределение по родам войск и войсковым частям осуществлялось согласно нарядам ГУФ Красной армии. При этом учитывались: физическое состояние призванных, их грамотность, наличие гражданской специальности, военная подготовка во Всевобуче и требования, предъявленные к укомплектованию частей. Лучших и наиболее возмужалых призывников, имевших образование не ниже 7 классов, приказывалось обращать на укомплектование военных училищ – на подготовку офицерского состава. Юноши, окончившие спецподразделения Всевобуча, направ-

лялись на укомплектование школ по подготовке снайперов, учебных частей по подготовке сержантского состава. Призывники, годные к нестроевой службе, подлежали направлению в войска ПВО (50 %), связи (30 %), к числу наряда, а также в тыловые учреждения, базы, склады, мастерские на замену годных к строевой службе¹⁵.

Отдельные указания горрайвоенкоматы получили в отношении призывников некоренных национальностей. Так, немцев, румын, венгров и финнов предписывалось не направлять в войсковые части. Указания по их использованию, говорилось в предписании облвоенкома Абрамова райгоррайвоенкоматам, поступят позже. Уточнение сведений о направлении призывников из числа болгар, китайцев, турок и корейцев также откладывалось на более поздний срок.

Представители других национальностей, признанные годными к строевой и нестроевой службе, подлежали направлению: эстонцы – в 1-й запасной эстонский полк; латыши – в 1-й запасной Латвийский полк, а литовцы – в 1-й запасной Литовский полк. Призывники из национальных республик подлежали направлению в войсковые части равномерно¹⁶.

О результатах призыва в Красную армию военнообязанных 1926 года рождения мужского пола также свидетельствует отчет облвоенкома полковника Абрамова от 25 декабря 1943 г., направленный им в обком ВКП(б) и управление НКГБ по Ивановской области. Ниже приводятся данные, содержащиеся в нем.

Отсрочки от призыва были предоставлены 6 236 военнообязанным, трудившимся на оборонных предприятиях области, входивших в состав различных наркоматов. Так, по наркомату вооружения были освобождены 1 274 человек, наркомату боеприпасов – 221, наркомату минометного вооружения – 360, наркомату электростанций – 756, наркомату среднего машиностроения – 345, наркомату путей сообщения – 915, наркомату речного флота – 232, наркомату тек-

Таблица 7

Результаты призыва в Красную армию военнообязанных мужского пола 1926 года рождения¹⁷

п/п	Категории	Количество (в чел.)
1	Подлежали явке военнообязанных на призывные пункты	22 578
2	Явились	22 541
3	Не явились: – из них по болезни – находились в длительной командировке	37 34 3
4	Из числа явившихся призывников признаны: – годными к строевой службе – годными к нестроевой службе – негодными к службе в военных частях, но годными к физическому труду – негодными к военной службе с исключением с учета – предоставление отсрочки по болезни – предоставлено отсрочек по невозможности	19 158 1 740 168 469 327 684

Примечание. Из таблицы следует, что явка на призывные участки составила 99,8 %, что свидетельствовало о слаженной работе горрайвоенкоматов.

Результаты призыва в Красную армию военнообязанных мужского пола
1926 года рождения по национальности¹⁸

п/п	Национальный состав призванных военнообязанных	Количество
1	Русские	19 281
2	Украинцы	53
3	Белорусы	22
4	Татары	40
5	Мордва	18
6	Чуваши	11
9	Карелы	3
10	Евреи	18
11	Латыши	9
12	Литовцы	1
13	Эстонцы	2
14	Поляки	9

Примечание. Как и в ходе приписки, подавляющее большинство призывников были русскими.

стильной промышленности – 1 151, наркомату легкой промышленности – 45 работников и т. д.

Кроме того, от призыва были освобождены: 661 студент высших учебных заведений и техникумов области, 726 учащихся школ ФЗО и 171 учащийся 9–10 классов спецшкол Наркомпроса и спецшколы ВВС № 3 г. Иваново.

Из числа военнообязанных, призванных на службу в Красную армию, были направлены: в войска Московского военного округа 15 302, за пределы МВО – 2 119 и в части Военно-морского флота – 507 человек.

Анализируя ход призыва и отправки призывников в Красную армию, облвоенком отметил, что в целом они прошли удовлетворительно согласно плану и в сроки, указанные в распоряжении МВО¹⁹.

Действие второго постановления было направлено на разбронирование и передачу в армию военнообязанных запаса из числа лиц, подлежавших в 1942 г. разбронированию по постановлениям ГКО № 1229 сс, № 1575 сс, № 2100 сс и № 2640 сс. Необходимость его принятия была вызвана тем, что наркоматы неполностью выполнили указанные постановления по разбронированию рабочих и служащих. В этой связи ГКО обязал комиссию по освобождению и отсрочкам от призыва при СНК СССР (Н.М. Шверник) совместно с Военным советом Главупраформа Красной армии (И.В. Смородинов и В.И. Изотов) к 1 ноября 1943 г. пересмотреть предписания, не выполненные наркоматами. При этом ГКО исходил из того, что указанные должности могли быть заменены женским трудом и трудом мужчин, негодных к военной службе. Эту организационную работу наркоматам предстояло выполнить к 15 декабря 1943 г. с безусловным разбронированием и передачей в армию рабочих и служащих в возрасте до 50 лет, годных к строевой службе.

Постановление ГКО № 4324 «О призыве в армию призывников 1922, 1923, 1924 и 1925 годов рождения, пользующихся отсрочками от призыва по работе в промышленности и сельском хозяйстве» было более кратким по содержанию. Он обязало Н.М. Шверника, И.В. Смородинова и В.И. Изотова пересмотреть до 1 января 1944 г. отсрочки, предоставленные призывникам указанных в постановлении годов рождения, и всех рабочих, имевших квалификацию 3-го разряда и выше передать на учет военнообязанных запаса и забронировать их за предприятиями по месту работы. Призывники, имевшие более низкую квалификацию, подлежали призыву в Красную армию в январе 1944 года²⁰. Важно подчеркнуть, что все три постановления были подписаны председателем ГКО И.В. Сталиным.

Призыв женщин и девушек. Об этом свидетельствуют приказы облвоенкома Абрамова. Так, 9 августа 1943 г. он на основании постановления ГКО № 3425 от 25 июля 1943 г. издал приказ, согласно которому горрайвоенкоматам надлежало срочно приступить к отбору женщин в количестве 207 человек для подготовки квалифицированных поваров. Они предназначались для пищевых блоков войсковых частей Красной армии. Приказывалось отобрать здоровых женщин в возрасте от 30 до 45 лет из числа городского и эвакуированного населения и по возможности имевших практический опыт работы в общественном питании²¹.

18 августа 1943 г. на основании директивы начальника Главного управления формирования Красной армии облвоенкомат вновь приказал горрайвоенкоматам приступить к призыву женщин в возрасте от 19 до 25 лет, годных к службе на должностях связистов, писарей, санитаров, поваров и других. Согласно разнарядке их надлежало отправить в железнодорож-

ные войска Калининского и Западного фронтов в количестве 105 и 155 человек соответственно. К месту сбора они должны были прибыть 9 сентября 1943 г. и далее эшелонами направляться к местам назначения. При себе они должны были иметь исправную одежду, обувь, две пары белья, вещевой мешок, кружку, ложку, полотенце и предметы личной гигиены²².

18 октября 1943 г. на основании постановления ГКО № 4297 сс от 9 октября 1943 г. для доукомплектования частей ПВО на территории области предстояло призвать 400 женщин с 1925 по 1913 год рождения с образованием не ниже 4 классов, годных к строевой службе. Их приказывалось направить в распоряжение командующего Вологодского дивизионного района ПВО. Отправка была намечена эшелонами со станции Иваново 25 октября 1943 года²³.

Таким образом, на основании архивных документов можно утверждать, что в 1943 г. из Ивановской области в Красную армию, Военно-морской флот и войска НКВД были призваны не менее 57 205 человек, из которых 21 066 – юношей мужского пола 1926 года рождения. Кроме того, можно утверждать о призыве в Красную армию не менее 869 женщин и девушек. Разумеется, эти цифры не являются полными и, возможно, они могут быть скорректированы в процессе дальнейшей работы в столичных и региональных архивах. Тем не менее они позволяют получить представление о количестве рабочих рук, изъятых из народного хозяйства Ивановской области для службы в Красной армии, Военно-морском флоте и войсках НКВД. Несмотря на предоставление отсрочек работникам, имевшим квалификацию 3-го разряда и выше, действия руководства предприятий по подготовке и привлечению рабочей силы на заводы и фабрики региона, произвести замену такого количества рабочих рук в 1943 г. было крайне сложно. Как и прежде, решение данного вопроса виделось в совершенствовании организации производства, усилении дисциплины, расширении участия предприятий во Всесоюзном социалистическом соревновании, применении различных форм мотивирования рабочих, служащих и инженерно-технических работников и т. д.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 495. Л. 38.
- ² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 11.
- ³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 845. Л. 4–6.
- ⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 7–7 об.
- ⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 57.
- ⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 56.
- ⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 56.
- ⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 56 об.
- ⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 57.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 229. Л. 86–88.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 229. Л. 89.

¹² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 229. Л. 87.

¹³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 229. Л. 88.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 229. Л. 87.

¹⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 133–134.

¹⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 134.

¹⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 188.

¹⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 190 об.

¹⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 188–189.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 230. Л. 11.

²¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 28.

²² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 36.

²³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 846. Л. 196.

Список литературы

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 2-е изд., испр. и доп. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.

Сорокин А.К. В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Москва: Политическая энциклопедия, 2022. 239 с.

References

Okolotin V.S. *Ivanovskaya oblast' v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`*. Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 goda [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1: June 22 – December 31, 1941], 2nd ed. Ivanovo, A-Grif Publ., 2017, 344 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaâ oblast' v gody Velikoj Otečestvennoj vojny*. Kn. 2: 1 ânvarâ – 31 dekabrá 1942 goda [Ivanovo oblast during the great Patriotic war. Book 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019, 624 p. (In Russ.)

Sorokin A.K. *V shtabax Pobedy`*. *Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg.* [In the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2022, 239 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ К СОЗАВИСИМЫМ КАТЕГОРИЯМ «ТРУД» И «ВЛАСТЬ» В 1950–1980 ГГ.: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Аннотация. В статье на материале архивных источников и документов периодической печати, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, анализируется соотношение категорий «труд» и «власть» в свете общественного сознания производственного социума России 1950–1980-х гг. В тексте находит отражение проблема дезинтеграции низового сегмента и руководящего аппарата предприятий, в основе которой лежал социально-экономический и политический частнособственнический дисбаланс, маркируемый общественными проблемами, такими, как антисоветский образ жизни, сопряженный со злоупотреблениями хозяйственного сегмента. Комментируются обстоятельства преломления в народной среде трудолюбия и терпения, культивируемых властью через идеологические концепты. Автор приходит к выводу, что ввиду обособления хозяйственных и управленческих надпроизводственных кадров в коллективах рядовых рабочих зрело неприятие и недоверие к власти, фиксировалось прогрессирование операций по переосмыслению принципов отношения к труду. Следствием этого процесса стали метаморфозы мировоззрения, многообразные девиации в укладе рабочей повседневности и общественных практиках представителей народнохозяйственных комплексов.

Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, мировоззрение, повседневность, быт, труд, социальная жизнь, экономические факторы.

Для цитирования: Столетова А.С. Ценностное отношение рабочих к созависимым категориям «труд» и «власть» в 1950–1980 гг.: модели поведения и эмоционально-психологическое самочувствие населения // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 34–41. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41>

Research Article

THE VALUE ATTITUDE OF WORKERS TO THE CODEPENDENT CATEGORIES OF “LABOUR” AND “POWER” IN 1950–1980: BEHAVIOURAL PATTERNS AND EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE POPULATION

Anna S. Stoletova, Candidate of Historical Sciences, Vologda State Agricultural Academy, Vologda State University, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Abstract. The article analyses the correlation between the categories “labour” and “political power” in the prism of public consciousness of the Russian industrial society of the 1950s–80s on the material of archival sources and documents of the periodical press, many of which have been introduced into scientific circulation for the first time. The text reflects the problem of disintegration of the lower segment and the management apparatus of enterprises based on socio-economic and political private-ownership imbalance, labelled by public strains as anti-Soviet way of life associated with malpractice. The author comments on the circumstances of refraction of the basic traits of diligence and patience cultivated by the authorities through ideological concepts. The author concludes that during the period and especially acutely by the 1980s, due to the isolation of economic and managerial overproduction personnel, the collectives of ordinary workers matured rejection and distrust of the authorities, and the progression of operations to rethink the attitude to labour was recorded. The consequence of this process was metamorphosis of world outlook, various deviations in the way of working everyday life and social practices of the representatives of national economic complexes.

Keywords: public consciousness, mentality, worldview, lifestyle, everyday life, work, social life, economic forces.

For citation: Stoletova A.S. The value attitude of workers to the codependent categories of “labour” and “power” in 1950–1980: behavioural patterns and emotional and psychological well-being of the population. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 34–41 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-34-41>

Черты общественного сознания и поведения, формирующиеся в социальной среде производственного социума России в 1950–1980 гг. – крайне интересная и малоизученная тема в историографии. Проведенные к настоящему моменту исследования затрагивают лишь некоторые аспекты проблематики, обращаясь отдельно к указанным категориям [Вопросы труда; Труд в СССР 1968; Труд в СССР 1989] и вопросу общественного отношения к данным единицам [Гилязитдинова; Темницкий; Безнин, Димони; Хронова, Хлабыстова; Столетова 2021a]. В советское время в центре внимания находился производственный коллектив [Лузан 1964; Лузан 1978]. В постсоветское время ученых заинтересовал процесс формирования «нормы» отношения к труду – трудовой мотивации мобильности населения [Озерникова; Молодецкая, Попова]. Примечательны изыскания и рассуждения на тему границ власти рабочего класса [Редин] и вовлечения рабочих в управление государством [Кечин]. Здесь трудовая общность рассматривается не только как производительная, но и как главная общественно-политическая сила страны.

В ходе работы над исследованием источниковедческой базой явились преимущественно периодические издания и архивные материалы фонда Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Отметим, что совокупность документов, находящихся в нашем распоряжении на настоящий момент, в основном позволяет изучить структуры низового сегмента производственного социума [Столетова 2023], особенности и трансформационные основы представлений и мировоззрения рядовых рабочих (представителей производств, сферы услуг, работников сельского хозяйства) и их отношения к «верхним» управленческим и контролирующим «этажам». Служащие и рабочие рядового звена трудящегося класса оставили множественные отклики о трансформационных процессах, происходящих во властно-трудовых отношениях, а также о факторах, оказывающих влияние на нормы социального поведения. Как правило, они направлялись в советские газеты либо непосредственно в ЦК КПСС.

Отметим, что при оценке ценностного отношения рабочих советского общества строящиеся научные рассуждения основываются на принципах историзма, научности, системности, объективизма, на базовых подходах институциональной теории. Мы предлагаем рассмотреть категории «труд» и «власть» как сочлененный механизм, неразрывным элементом которого также являлась собственность. На разных этапах развития государства она выступала в различных ролях (общественная, коммунальная, корпоративная, индивидуальная), вызывая противоречия в трудовых коллективах, остросоциальные и злободневные явления.

На ранних этапах и в эпоху зрелости советского строя среди фундаментальных ментальных особенностей и общественных представлений (ввиду развитой пропаганды) выделялись ценность труда, аскетизм, забота о благе общества. Однако, несмотря на значимость общественных интересов, среди портретов общественных групп (в том числе в производственной среде) на протяжении второй половины XX в. поступательно развивался так называемый «не советский» образ жизни и деятельности. Примат материальных ценностей [Столетова 2020] и ориентация на потребление, накопительство, карьеризм, проникавшие в образ жизни и сознание низовой части трудовой общности с 1950–1960-х гг., вслед за распространением данных явлений в верхних этажах производственно-управленческой хозяйственной пирамиды, повлек за собой идеологическое сопротивление. Согласно государственным идеологическим построениям в периодических изданиях с довольно высокой частотой встречалась демонстрация негативного облика «летуна», с которыми партия боролась, пытаясь донести до сознания масс очевидность необходимости честного, совестливого трудового пути. К примеру, в одном из очерков за 1963 г. обозначено: «Б.А. Соколов за свою жизнь немало поколесил с завода на завод в поисках “счастья”. А счастье попадало ему в руки не однажды. Государство обеспечило Соколову возможность учиться в общеобразовательной школе, затем окончить школу фабрично-заводского обучения и получить специальность. Иди работай, добывай честным трудом все, что надо. Чтобы выручить из тяжелого положения, Соколова приняли токарем механосборочного цеха. Казалось, наступил конец мытарствам, надо браться за ум и за дело. Были созданы все условия для плодотворного труда и творческой инициативы, открыта дверь в активную общественную жизнь коллектива. Соколов же крепко усвоил одну сторону дела: заработок. Закон его жизни такой: пришел на смену, “сорвал” пятачку, вычистил станок и – домой. Соколов всегда выбирает работу повыгодней, работает без огонька, без живинки в деле. Он не внес ни единого предложения по улучшению организации труда или совершенствования технологии производства»¹. В противовес описанному образу в периодических изданиях довольно часто характеризовался добросовестный прототип рабочего: «Со своей семьей рабочий вологодского завода “Северный коммунарь” Г.А. Сапогов многие годы жил в заводской квартире в деревянном доме. А недавно завком профсоюза и администрация предприятия предоставили ему уютную квартиру в новом большом благоустроенном доме. Старый токарь от души благодарит партию и государство за заботу и, немного волнуясь, говорит: – Спасибо, за все спасибо. Но в долгу я не останусь. Пока есть во мне

силы, буду и впредь также старательно трудиться на заводе, ставшем для меня родным домом. Сапогов можно верить! Он еще немало поработает на общее благо. И, видимо, еще не одна благодарственная запись будет занесена в его трудовую книжку»². В данной и многих однотипных заметках присутствует клишированность идей, языковые штампы, зависимость от госпропаганды, упоминается идея о величии «заботы партии». Здесь уместно обратить внимание на ограниченную самостоятельность сознания представителей производственного социума.

В то же время мнения представителей производственного социума отличало дифференцированное восприятие реальности. В одних рассуждениях – откровенная радость и гордость за свой коллектив, в других – тревога и растерянность. Одних авторов переполняло желание всем рассказать, как меняет человека участие в коммунистическом движении; других типизировало неверие в возможность каких-либо изменений. «Долго ли нас будут кормить обещаниями. Ведь это уже продолжается 35 лет. Ведь это отражается на политико-моральном состоянии большей части рабочего класса. ... Нам кажется, что надо начинать пересматривать наш управленческий аппарат и сокращать его. ... Возьмите последнее снижение цен – ведь это карикатура на снижение. Зачем это делать, когда это ничего не приносит... всю эту дрянь народ сносит ... Товарищ Ж* довел нашу область почти до полного разорения и его перебрасывают в новую область, чтобы там продолжать разорять дальше. По-нашему так, раз человек не справился с работой, так не ставить его опять на эту работу, а прислать к нам в гущу рабочего класса, вот он где бы научился работать. Подписываться пока не будем. Правда Вы скажете, что это написали люди антисоветски настроенные. Думайте что хотите, но это написали действительно рабочие, которые много повидали на своем веку», – указано в анонимном письме направленном в Воронежский обком 3 августа 1954 г.»³. В контексте сказанного отметим, что на имя XX съезда партии в ЦК КПСС поступило свыше 500 писем с изложением предложений по вопросам упрощения и сокращения аппарата советских и хозяйственных организаций, по улучшению руководства промышленностью и сельским хозяйством и др.⁴ В сознании трудящихся регистрировалось неодобрительное отношение к системе управления: «Руководители нашей партии очень много говорят о ликвидации бюрократизма в разрезе жалоб трудящихся. На деле же и по настоящее время на жалобы не реагируют, плюют. Жалобы, как правило, попадают не тому руководителю, которому они пишутся, ибо паутина секретарей и лакеев не допускает их до начальников. Жалобы утопают в паутинке, которой оплетены кабинеты высоких начальников. В результате разговоры о чутком отно-

шении остаются разговорами вообще, а конкретно мало встретишь советских людей, справедливые жалобы и просьбы которых оперативно удовлетворяются» (анонимное письмо, подборка писем в «Правду» за 1957 г.)⁵. Й. Крумов Бакырджиев (болгарский подданный), находящийся на строительстве угольных шахт в поселке Шолоховский Литвиновского района Каменской области, писал в письме от 9 декабря 1957 г. в Совет Министров СССР: «Бросаются в глаза беспорядки в организации труда, безответственное отношение руководителей, бездушные и бюрократическое отношение, проявляемое к трудящимся. Неоднократные ошибки в начислении зарплаты, неправильно закрываются наряды. Люди безгласные не могут ничего сделать»⁶. Примечательно, что критикующие сигналы поступали даже от иностранных рабочих, приехавших, как отмечено в источнике, «в великую желанную страну СССР, впервые в мире строящую коммунизм, с большим энтузиазмом»⁷.

Осуждение положения дел в обществе и неприятие проводимой политики возникали ввиду осознания необходимости кардинальных изменений в действующей системе отношений, усталости от бедности, лишений, обнадеживания. В письме из Кировобода, извлеченного из сводки писем газеты «Правда» за 1957 г., значится характерное недовольство: «В нашей стране много разговоров о демократии со стороны руководителей нашей партии и правительства, но эта демократия только на бумаге, а на деле свободное высказывание своего мнения, взглядов влечет за собой предание суду с последующим отправлением в лагерь. Наш советский человек всю свою жизнь живет только хорошими перспективами, которые ему из года в год обещают. Наш народ свыкся с бедностью и нищетой, он привык довольствоваться тем, что ему преподносят в обещаниях. Но современное руководство КПСС и правительство не учитывает одного, что на одних бесконечных обещаниях далеко теперь уехать нельзя. Они не учитывают, что наш народ весь этот обман понимает и придет время, когда он скажет свое веское слово. Нашему народу сейчас ясно, что, имея неограниченные богатства в своей стране, имея большое трудолюбие – он лишен возможности пользоваться всеми богатствами, созданными его руками. Наше богатство, созданное потом нашего народа, разбазаривается направо и налево в виде даров и подарков, приемных обедов и завтраков. Эти богатства эшелонами идут во все концы земного шара и в первую очередь в страны народной демократии, улучшая жизнь людей, в тот момент, когда свой народ ведет нищенское существование»⁸.

В оценках происходящего ставился вопрос о глубоком размежевании общества и назревавшем на этой почве конфликте между рабочими и руково-

дителями [Столетова 2021]. Управленцев волновали вопросы производительности труда, текучести кадров, специализация и кооперирование, качество продукции. На совещании партийных работников РФ от 30 июля 1962 г. высказывалась мысль: «В строительстве заработная плата росла быстрее, чем производительность труда. Мы должны помнить, что социалистическое воспроизводство, накопление государственных резервов можно обеспечить лишь при условии, если темпы роста производительности труда будут опережать темпы роста заработной платы»⁹. При этом не каждый хозяйственник заботился о создании крепкого коллектива и проводил идейно-воспитательную работу. Наоборот, многие вели свою деятельность исключительно в приказном порядке. Так, в начале 1960-х гг. в ЦК КПСС поступило письмо рабочих завода «Рубильник» из Курской области с рассказом о том, как состоялась их встреча с директором по обсуждению недостатков в работе. Руководитель, по словам подчиненных, вел себя по-хамски, как будто завод не государственное предприятие, а его собственность. Он заявлял: «Что вам не нравится, что сало и масло подорожали? Может вам и советская власть не нравится?» Когда же один из присутствующих попросил слова, заместитель директора произнес: «Никакого слова тебе не даю, и надо встать, когда говорит директор; это вам не профсоюзное собрание, а кабинет директора»¹⁰. Об отсутствии близости к коллективу и грубости со стороны начальства писали в начале 1960-х гг. в ЦК КПСС рабочие шахты треста «Ленинголь» Луганского совнархоза: «Начальник шахты занимается очковитирательством, нарушает трудовое законодательство, в обращении с людьми допускает унижение и оскорбление достоинства человека. Его излюбленные выражения: “выгоню”, “убирайся с моей шахты”, “Рабочие? Да это звери! В Сибирь их, в Сибирь!”»¹¹. Авторы писем сокрушались об усечении социального братства, возмущались пренебрежительным, черствым отношением к людям, установлением общественного неравенства [Столетова 2020]. В 1961 г. только по предприятиям и организациям, на которых была проведена проверка ЦК КПСС, было выявлено 68 тыс. сверхштатных работников и около 33 тыс. человек, незаконно удостоенных завышенных окладов на сумму примерно 80 млн. руб.¹² «Вы живете в шикарных квартирах, получаете огромные оклады, и ваши жены не стоят в тысячных очередях за перловкой. Я как честный советский человек, больше не могу терпеть и решил написать о Ваших не честных, несправедливых делах. Вы обижаете советских рабочих. Вы довели до того, что мужчина не в состоянии прокормить самую малую семью из 3-х человек. Рабочие получают 70–100 руб. Вы подсчитали, чтобы хватало на хлеб да на воду, да кое-как одеть-

ся, а все остальное забираете, получается что-то вроде продразверстки. Сейчас люди боятся иметь своих детей, т.к. лишний рот ведет к нищенству. Вы хотели отнять у женщин кастрюлю, но сунули им в руки кувалду и кастрюлю в придачу. Зачем нужно было строить дворец съездов, когда многие еще без квартир живут, на земле без полов. Королям дарят миллионы, а с советского рабочего стараются высосать последнюю копейку. На заводе за один нерабочий день отрезают на одну копейку мыло! Это уже не экономия, а крохоборство», – обращаясь к представителям государственно-партийного аппарата писал ростовчанин Е.М. Гусев в письме от 15 февраля 1964 г.¹³

Безнадежность, безысходность, обреченность как эмоциональные основы бытийного отношения к труду и власти стали результатом не только экономических сложностей, распространенности хищений, дефицита, дороговизны, кумовства и блата, но и разочарованности в идеологической основе Советского государства [Столетова 2019]. Обескураживала людей не только классовая разница в обеспеченности, но и региональная дифференциация уровня жизни населения: «Когда бываешь в Москве и Ленинграде, то видишь, что народ там живет хорошо. Но почему это не по всей стране? Сколько можно ждать хорошей жизни? Мы уже забыли, когда у нас в магазине было мясо, а если к великому празднику выбросят, как собакам, то очередь на два квартала. А вот обкомовским и облисполкомовским привозят и продают в закрытых магазинах все, что их душе желательно. А на базаре нашли себе кормушку спекулянты, – сидят и держат на все цены. Яблоки гниют, да и другие фрукты, но они цену держат, и никому до этого дела нет. Все это правда, и она наболела у простого народа. Вы послушайте в автобусах, да и вообще, народную массу», – зафиксировано в письме в «Правду» из Ферганы за 1973 г.¹⁴

Противоречия повседневной жизни вызывали душевные переживания. Разрушался образ комсомольца как борца за коммунизм, которому чужды буржуазные ценности и пессимистические настроения. Отсюда возникали проявления шабашничества и барышничества, несоответствующие коммунистическим эталонам. Частнособственническая мораль как реакция на затяжные экономические трудности, как основа мировоззрения и черта общественного сознания, развивающаяся не только в руководящей, но и в низовой части производственного социума получила в 1950–1980-е гг. новые стимулы. Обстоятельства разрастания идей стяжательства и приобретательства в рабочей среде, а также становление соответствующих моделей поведения признавала государственная власть. В документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» за 1960 г. отмечалось: «В колхозе им. Лени-

на (Пермская область) работал гражданин Григорьев. Росли доходы колхоза, улучшалась и жизнь Григорьева. Однако личные интересы стали преобладать над общественными. В колхозе он работал всего 2–3 месяца в году, искал высоких заработков. Тем временем он расширил свое хозяйство. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: «Да я, пожалуй, не подхожу для партии»¹⁵. Известна также целая серия документов, касающихся решений партийного контроля, признающих факты разнообразных идеологических проступков («недостойных советского руководителя») бригадиров, директоров производств, председателей партийных органов¹⁶.

В целом в большинстве исследованных эпистолярных источников фонда РГАНИ в искомый период регистрируется отрицательный психологический тонус, отсутствие энтузиазма у многих пишущих авторов, недовольных жизнью. К материальным и продовольственным проблемам добавлялся вопрос о праве на отдых и невозможности его осуществления. В анонимном письме из Красноуральска Свердловской области от 1987 г., адресованном М.С. Горбачеву, указывалось, что «свободных мест для отдыха трудящихся не осталось, т.к. везде “царствуют” руководители предприятий»¹⁷. Настроения людей, вызванные нерешенностью и углублением процессов социального неравенства, дистанцирования и поляризации общества все более приближались к социальной апатии. В мировидении граждан укреплялись идеи, связанные с неприятием власти, ее несправедливым руководством, неверием в благоприятное будущее страны.

Таким образом, мировоззрение поколения периода 1950–1980-х гг. трансформировалось под воздействием целого спектра социально-экономических преобразований, блока политических новаций. Производственная часть социума оказалась вовлеченной в серьезные модернизационные процессы и веяния новой обыденности. Изменения коснулись не только позиций численного роста трудящихся, процесса пролетаризации колхозников и осознания рабочими себя как класса, но и уклада жизни, социальной психологии, ментальных сторон, ценностных основ сознания личности. В ходе этапов построения нового общества и развития государственной идеологии переосмысливались моральные установки, идеалы, сознание, повседневные привычки.

Острое восприятие экономического неравенства и политического «беззакония» привело к общественному разобщению и противостоянию между социальными категориями производственной структуры. Изначально «низы» общества – городские и сельские труженики, пролетарии настаивали

на коллективизме, уравнительности, справедливости, считая значимой категорией и условием органичной жизни возможность трудиться. Однако процесс трансформации институтов, определявших экономический строй России 1950–1980-х гг., способствовал вызреванию новой социально-трудовой общности. На новой платформе среди всех категорий производителей, особенно в период позднего социализма, перестраивалось и переосмысливалось отношение к труду, собственности, образу жизни, комфорту, бытовым удобствам и пристрастиям.

Специфичность социально-экономических изменений и капиталистический фон порождали особые поведенческие характеристики граждан. К примеру, руководители партийных плановых, финансовых органов, директора, начальники производств отходили от традиционных воззрений о материальном достатке, вектор их движения был направлен в сторону овладения сбережениями, формальными и неформальными имущественными правами. Поведенческие клише, нравственно-управленческие ценности и идеалы испытывали некий слом, монетизировались. Средние и высшие классы производственной пирамиды (управленцы, научно-техническая интеллигенция, специалисты) выстраивали нетипизированную частнособственническую ось поведения, сопряженную в представлениях рядовых тружеников с разного рода «злоупотреблениями», полулегальными или теневыми сферами экономики.

В низовой части производственного социума в рассматриваемый период также обозначился крен в сторону накопительства материальных средств, потребительства, преумножения личного благосостояния. Постепенно менялось представление о значимости труда. Предполагаем, что здесь обозначилось пересечение интересов социальных групп и перекрещивание путей их правового и экономического измерения. Вместе с тем корректировались психологические портреты рабочих. В эпоху позднего социализма складывающееся превосходство персональных интересов и потребностей обозначило восприятие трудовой деятельности как требующей материального поощрения с коннотацией разобщения, размежевания производственных коллективов. При этом традиционные ментальные скрепы продолжали оставаться устойчивыми. Граждане писали о важности совместного труда и досуга среди соседей, частный быт еще не укоренился в сознании людей, изолированность вызывала депрессивные чувства. Те же процессы и их углубление истолковывали на страницах художественных и публицистических произведений писатели [Белов 1985; Белов 1987].

Ощущение явной разницы в уровнях жизни между гражданами, принадлежавшими к производственной и надпроизводственной частям (держате-

лям властных полномочий) социума являлось определяющим фактором для обвинений, составлений сообщений во властные структуры о тех или иных нарушениях, связанных с хищениями, воровством, денежными махинациями, и требований социальной справедливости. Все большие проявления личностного разложения (когда человек не обходился малым), сопредельность власти к этим процессам вызвали стойкое социально-психологическое неприятие со стороны рядовых трудящихся. Аппарат трудовых стеснений и ограничений, культивируемых обычаев [Столетова 2021b], существовавших негласно, породил искажение мировоззренческих установок и стандартов граждан, выливавшееся в закономерно разрастающиеся явления тунеядства, нежелание работать на благо общества («на дядю») и государства. И если в 1950-е гг. претензии и жалобы «низов» были скорее направлены на предостережение власти, предвосхищение распространения явлений индивидуализма, потребленчества и шабашничества, присвоения и расхищения социалистической собственности, то в дальнейший период именно данные маркеры времени легли в основу деколлективистского сознания, этики выживания социального поля рабочего класса, а также его противостояния с управленческо-хозяйственными структурами.

Примечания

- ¹ Волков Н. Две трудовые книжки // Блокнот агитатора. 1963. № 22. С. 38–48.
- ² Там же.
- ³ Российский государственный архив новейшей политической истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 90. Л. 12–15.
- ⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 70.
- ⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193. Л. 28.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 284. Л. 6–7.
- ⁷ Там же. Л. 6, 8.
- ⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193. Л. 28.
- ⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 459. Л. 239.
- ¹⁰ Там же. Л. 254.
- ¹¹ Там же. Л. 335.
- ¹² Там же. Л. 332.
- ¹³ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 56–56об, 57.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 144. Л. 155.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76. Л. 4–5.
- ¹⁶ См. например: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 86. Л. 13–18.
- ¹⁷ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 228. Л. 2.

Список литературы

Источники

Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1985. 302 с.

Белов В.И. Все впереди: роман. М.: Сов. писатель, 1987. 236 с.

Вопросы труда в СССР: сборник статей. М.: Госполитиздат, 1958. 407 с.

Труд в СССР: статистический сборник / государственный комитет СССР по статистике, Информационно-издательский центр. М.: Финансы и статистика, 1989. 302 с.

Труд в СССР: статистический сборник / центр статистического управления при Совете Министров. М.: Статистика, 1968. 342 с.

Исследования

Безнин М.А., Димони Т.М. Власть и собственность в России (конец 1920-х – первая половина 1930-х гг.): общероссийский и региональный аспекты // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2022. С. 12–17.

Гилязитдинова Е.Д. Роль общественного мнения в формировании коммунистического отношения к труду у рабочих социалистического производственного коллектива: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 1984. 177 с.

Кечин М. Рабочий класс и Советская власть на закате СССР // Коммунисты столицы. 2016. 4 марта.

Лузан П.П. Роль производственного коллектива в обеспечении устойчивости рабочих кадров // Социалистический производственный коллектив. М.: Мысль, 1964. С. 135–149.

Лузан П.П. Социальное развитие коллектива и изменение содержания труда. М.: Экономика, 1978. 63 с.

Молодецкая В.С. Трудовая мобильность: трансформация теоретических подходов в условиях общественных изменений // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 2. С. 104–111.

Озерникова Т.Г. Институциональные факторы формирования трудовой мотивации в советский период // Историко-экономические исследования. 2002. № 1. С. 125–147.

Попова А.Д. «Гражданином быть обязан!» (Эволюция представлений о социальной активности в ментальных установках советских граждан) // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 1(17). С. 30–39. DOI <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.003>

Редин А. К вопросу о власти рабочего класса в СССР // Прорывист. 2016. 20 мая.

Столетова А.С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960–1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 402–422. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-402-422>

Столетова А.С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) // Научный диалог. 2021а. № 10. С. 480–498. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-481-498>

Столетова А.С. Низовой сегмент производственного социума России в 1950-1960-е гг.: источники по проблеме восприятия социально-экономического и политического неравенства // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 233–248. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-233-248>

Столетова А.С. Обычай и менталитет производственного социума в реалиях повседневности 1960–80-х гг. (на примере интерпретации архивных материалов фонда РГАНИ) // Вестник Костромского государственного университета. 2021b. Т. 27, № 3. С. 61–70. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70>

Столетова А.С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов // Научный диалог. 2019. № 12. С. 379–391. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-379-391>

Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2(21). С. 17–21.

Темницкий А.Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 66–85.

Хронова И.А., Хлабыстова Н.В. Особенности отношения власти и народа к социокультурному феномену «тунеядство» в различные исторические периоды // Социология и право. 2018. № 1(39). С. 57–69.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Vlast' i sobstvennost' v Rossii (konets 1920-kh – pervaya polovina 1930-kh gg.): obshcherossiiskii i regional'nyi aspekty* [Power and property in Russia (late 1920s – first half of the 1930s): all-Russian and regional aspects]. *Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regional'nogo upravleniia na Evropeiskom Severe* [Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North]. Syktyvkar, Komi respublikanskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby i upravleniia Publ., 2022, pp. 12–17. (In Russ.)

Giliazidina E.D. *Rol' obshchestvennogo mneniia v formirovanii kommunisticheskogo otnosheniia k trudu u rabochikh sotsialisticheskogo proizvodstvennogo kollektiva: dis. ... kand. filos. Nauk* [The role of public opinion in the formation of a communist attitude towards work

among workers of a socialist production collective, PhD thesis]. Kazan', 1984. 177 p. (In Russ.)

Kechinov M. *Rabochii klass i Sovetskaia vlast' na zakate SSSR* [The working class and Soviet power at the end of the USSR]. *Kommunisty stolitsy* [Communists of the capital]. 2016, March 4. (In Russ.)

Luzan P.P. *Rol' proizvodstvennogo kollektiva v obespechenii ustoiчивости rabochikh kadrov* [The role of the production collective in ensuring the stability of the workforce]. *Sotsialisticheskii proizvodstvennyi kollektiv* [Socialist production collective]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, pp. 135–149. (In Russ.)

Luzan P.P. *Sotsial'noe razvitiie kollektiva i izmenenie soderzhaniia truda* [Social development of the collective and changes in the content of labor]. Moscow, Ekonomika Publ., 1978. 63 p. (In Russ.)

Molodetskaia V.S. *Trudovaia mobil'nost': transformatsiia teoreticheskikh podkhodov v usloviakh obshchestvennykh izmenenii* [Labor mobility: transformation of theoretical approaches in the context of social changes]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Region Institute of Management]. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 104–111. (In Russ.)

Ozernikova T.G. *Institutsional'nye faktory formirovaniia trudovoi motivatsii v sovetskii period* [Institutional factors in the formation of labor motivation in the Soviet period]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* [Historical and economic studies]. 2002, no. 1, pp. 125–147. (In Russ.)

Popova A.D. “Grazhdaninom byt' obiazan!” (*Evolutsiia predstavlenii o sotsial'noi aktivnosti v mental'nykh ustanovkakh sovetskikh grazhdan*) [“You are obliged to be a citizen!” (Evolution of ideas about social activity in the mental attitudes of Soviet citizens)]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniia* [Bulletin of Humanitarian Education]. 2020, no. 1(17), pp. 30–39. DOI <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.20.003> (In Russ.)

Redin A. *K voprosu o vlasti rabocheho klassa v SSSR* [On the issue of working class power in the USSR]. *Proryvist* [Proryvist]. 2016, May 20. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Material'noe polozenie sovetskikh grazhdan v zerkale obshchestvennogo mneniia 1960–1980-kh godov (po dannym pisem v tsentral'nye organy vlasti i SMI)* [The financial situation of Soviet citizens in the mirror of public opinion in the 1960s–1980s (according to letters to central government bodies and the media)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2020, no. 3, pp. 402–422. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-402-422> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Mental'nost' i stereotipy obshchestvennogo povedeniia v usloviakh obydennosti 1950–1980-kh godov (dokumental'nye svidetel'stva evoliutsii)* [Mentality and stereotypes of public behavior in everyday life in the 1950s–1980s (documentary evidence of evolution)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2021a, no. 10,

pp. 480–498. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-481-498> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Nizovoi segment proizvodstvenno-go sotsiuma Rossii v 1950-1960-e gg.: istochniki po probleme vospriiatiia sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo neravnopraviia* [The Lower Segment of the Industrial Society of Russia in the 1950s–1960s: Sources on the Problem of Perception of Socio-Economic and Political Inequality]. *Vestnik arkhivista* [Vestnik arkhivista]. 2023, no. 1, pp. 233–248. DOI <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-1-233-248> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Obychai i mentalitet proizvodstvennogo sotsiuma v realiiakh povsednevnosti 1960–80-kh gg. (na primere interpretatsii arkhivnykh materialov fonda RGANI)* [Custom and Mentality of the Industrial Society in the Everyday Realities of the 1960s–80s. (based on the interpretation of archival materials from the RGANI collection)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2021b, vol. 27, no. 3, pp. 61–70. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-61-70> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Osobennosti khishchenii gosudarstvennoi sobstvennosti v RSFSR 1960–1980-kh godov* [Features of theft of state property in the RSFSR in the 1960s–1980s]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2019, no. 12, pp. 379–391. DOI <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-379-391> (In Russ.)

Stoletova A.S. *Razmezhevanie proizvodstvennogo sotsiuma v usloviakh novoi obydenosti*

1950-kh gg. (na primere pisem rabochikh v TsK KPSS) [Delimitation of the production society in the conditions of the new everyday life of the 1950s (on the example of workers' letters to the Central Committee of the CPSU)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2021, no. 2(21), pp. 17–21. (In Russ.)

Temnitskii A.L. *Otnoshenie k trudu molodykh rabochikh promyshlennykh predpriatii v sovetskii i post-sovetskii periody* [Attitude to work of young workers of industrial enterprises in the Soviet and post-Soviet periods]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2003, no. 4, pp. 66–85. (In Russ.)

Khronova I.A., Khlabytova N.V. *Osobennosti otnosheniia vlasti i naroda k sotsiokul'turnomu fenomenu "tuneiadstvo" v razlichnye istoricheskie periody* [Features of the attitude of the authorities and the people to the socio-cultural phenomenon of "parasitism" in different historical periods]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law]. 2018, no. 1(39), pp. 57–69. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 01.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 271.2

EDN SKECDP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-42-47>

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ КОСТРОМСКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ В «СКАЗАНИИ О ЯВЛЕНИИ И ЧУДЕСАХ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ»

Ферапонт, митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Дмитрий Витольдович), кандидат богословия, глава Костромской митрополии Русской православной церкви, Кострома, Россия, ferapontk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-9523>

Аннотация. Статья посвящена вопросу, на протяжении долгого времени вызывавшему недоумение у исследователей «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери», литературного памятника XVII–XVIII веков: какой костромской князь по имени Василий, согласно Сказанию, обнаружил образ Богородицы на ветвях дерева близ города и затем руководил принесением иконы в Кострому. В наиболее известной и распространенной редакции Сказания, именуемой пространной, этот князь называется великим князем Василием Георгиевичем Квашней, внуком Александра Невского; однако единственный костромской князь по имени Василий, известный нам, – Василий Ярославич, младший брат Александра Невского (1241–1276). В статье рассматриваются суждения по этому поводу исследователей первой половины XVIII века: неизвестного автора «Извещения о великом князе Василии Костромском» 1719 года, а также игумена Макариево-Унженского мужского монастыря Леонтия (Павлова), которого сейчас считают составителем Костромского жития князя Георгия Всеволодовича и «Известия, в коих летех бысть явление иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския на Костроме». Предлагается объяснение появления отчества «Георгиевич» в пространной редакции Сказания: ее составитель – протопоп Успенского собора Костромского кремля Феодор – фактически смешал личности двух братьев-князей, прославленного во святых Георгия Всеволодовича и Ярослава Всеволодовича, а имена Ярослав и Георгий считал родовым и крестильным именем одного и того же великого князя, родителя Василия Ярославича.

Ключевые слова: Кострома, Феодоровская икона Божией Матери, сказание, князь Василий Ярославич, князь Георгий Всеволодович, Макариево-Унженский монастырь, игумен Леонтий.

Для цитирования: Ферапонт (Кашин Д.В., митрополит). К вопросу о личности костромского князя Василия в «Сказании о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 42–47. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-42-47>

Research Article

IDENTIFYING PRINCE VASILY OF KOSTROMA IN «THE TALE OF ICON OF THE MOTHER OF GOD DEDICATED TO SAINT THEODORE STRATELATES, ITS APPEARANCE AND MIRACLES»

Dmitry V. Kashin, (Ferapont), Metropolitan of Kostroma and Nerekhta Candidate of Theology, Head of Kostroma diocese of the Russian Orthodox Church, Kostroma, Russia, ferapontk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-9523>

Abstract. The article is devoted to a question that has for a long time confused researchers of «The tale of Icon of the Mother of God dedicated to Saint Theodore Stratelates, its appearance and miracles», a literary monument of the 17th - 18th centuries: which Kostroma prince was named Vasily, as it was him who, according to the Tale, discovered the image of the Mother of God on the branches of a tree near Kostroma city and then supervised the bringing of the icon to Kostroma. In the most famous and widespread edition of the Tale, called the extended one, this prince is called the Grand Prince Vasily Georgievich Kvashnya, the grandson of Alexander Nevsky; however, the only Kostroma prince named Vasily known to us is Vasily Yaroslavich, the younger brother of Alexander Nevsky (1241-1276). The article examines the opinions of researchers of the 1st half of the 18th century on this matter: the unknown author of the “Notice of the Grand Prince Vasily of Kostroma” of 1719, as well as Leontiy (secular name Luka Pavlov), the hegumen of the Monastery dedicated to Macarius of the Yellow Water Lake and the Unzha, who is now considered to be the author of Kostroma hagiography of Saint Prince George II of Vladimir and the “News of the years in which the icon of the Most Holy Theotokos dedicated to St Theodor appeared in Kostroma”. An

explanation is offered for the appearance of the patronymic “Georgiyevich” in the extended edition of the Tale: its author, Theodor, the archpriest of the Assumption Cathedral of Kostroma Kremlin, actually mixed up the personalities of two brothers, princes, the glorified saint Georgiy Vsevolodovich and Yaroslav Vsevolodovich, and he considered the names Yaroslav and Georgiy to be the family and baptismal names of the same Grand Prince, the parent of Vasily Yaroslavich.

Keywords: Kostroma, Theodor Icon of Mother of God, tale, Prince Vasily Yaroslavich of Kostroma, Saint Prince George II of Vladimir (Georgiy Vsevolodovich), Macarius Monastery on River Unzha, Hegumen Leontiy.

For citation: Dmitry V. Kashin, (Ferafont). Identifying Prince Vasily of Kostroma in «The tale of Icon of the Mother of God dedicated to Saint Theodore Stratelates, its appearance and miracles». Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 42–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-42-47>

«Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (далее Сказание) – литературный памятник, сохранившийся в нескольких редакциях XVII–XVIII веков и являющийся уникальным источником сведений по истории Феодоровского образа Богоматери с XIII века. Так, именно из Сказания нам известны обстоятельства явления чудотворной иконы в Костроме: костромской великий князь Василий, «рекомый Квашня», отправившись 16 августа (по старому стилю) на охоту, обнаружил этот образ Богородицы на ветвях дерева близ города.

Однако в разных редакциях Сказания приводятся различные сведения о личности князя Василия. Данная проблема связана и с датировкой явления иконы, поскольку в некоторых редакциях Сказания это событие относится к 1239 году, когда в Костроме князей еще не было (первый костромской удельный князь Василий Ярославич, младший брат Александра Невского, родился лишь в 1241 году).

В данной статье будет проанализирован процесс установления исторической личности князя Василия, упоминаемого в Сказании, на основании источников XVII века и трудов исследователей XVIII столетия.

В краткой редакции Сказания, именуемой милотинской, или минейной (многие, хотя и не все исследователи считают ее самой ранней, составленной вскоре после 1613 года [Каган: 408; Марелло: 664; Радеева: 267–268; Рыжова: 169]), мы встречаем указание на «великаго князя Василия костромскаго и галическаго, рекомаго Квашни» [Ферапонт 2020а: 287]. Пространная редакция Сказания (составленная, судя по всему, в 1636–1646 годах; ее автором традиционно считается протопоп Успенского собора Костромского кремля Феодор) говорит, что явление иконы произошло «во дни благовернаго и великаго князя Василия Георгиевича костромскаго и галицкаго, рекомый Квашня. Сей же бе сын благовернаго и великаго князя Георгия Ярослава владимирскаго, внук же бе преподобнаго и благовернаго и великаго князя Александра Невскаго»¹. Проложная редакция (самая краткая), включенная в печатное издание Пролога 1662 года, вновь указывает на время правления в Костроме «великаго князя Василия костромскаго и галицкаго, рекомаго Квашни»², без отчества и иных уточнений. Леонтьевская редакция, составленная в XVIII столетии

игуменом Макариево-Унженского монастыря Леонтием, в точности повторяет формулировку проложной редакции [Радеева: 344]. И наконец, в недавно выявленной и опубликованной пятой редакции Сказания, составленной около 1777 года по поручению епископа Костромского и Галицкого Симона (Логова), судя по всему, протоиереем Иоанном Красовским, мы видим такое указание на время явления иконы: «Когда владел Костромою и всеми окрестными ея странами благоверный великий князь Василий Ярославич, прозываемый Квашня (которой был сын великому владимирскому князю Ярославу Всеволодовичу, сего имени второму; родной же брат святому великому князю Александру Ярославичу Невскому)» [Ферапонт 2023: 65].

Поскольку пятая редакция Сказания не получила распространения и сохранилась в единственной известной нам рукописи, отправленной в 1777 году на рассмотрение Святейшего Синода (первая публикация пятой редакции Сказания была выполнена автором данной статьи в 2023 году [Ферапонт 2023: 64–75]), вопрос о подлинной личности князя Василия долгое время являлся предметом дискуссий. Действительно: единственный князь Василий, бывший костромским, а затем ставший великим князем, – Василий Ярославич, младший брат Александра Невского (подробно этот вопрос рассматривался в отдельной статье [Ферапонт 2020b]). Однако наличие в пространной редакции отчества Георгиевич вместо Ярославич и 1239 года как времени явления иконы в Костроме вызывало у читателей Сказания обоснованное недоумение.

Сейчас эту проблему можно считать разрешенной: большинство исследователей отмечают, что 1239 год как дата явления иконы появился в пространной редакции по недосмотру ее составителя, который допустил неточность при переработке текста первоначальной, минейной редакции, где 1239 год также упоминается, но относится лишь к нашествию Батые, а не к явлению иконы. Неточно передается составителем пространной редакции и отчество князя; напомним, что в минейной, первоначальной редакции Сказания у князя отчество не указывается [Лебедев: 46–48; Радеева: 174–175; Рыжова: 168]. Таким образом, мы уверенно говорим сейчас о том, что яв-

ление Феодоровской иконы Богородицы в Костроме состоялось на рубеже пятидесятых – шестидесятых годов XIII века, а князем, участвовавшим в этом событии, был костромской князь Василий Ярославич, в 1272 году ставший великим князем владимирским (что в целом – кроме титула Василия Ярославича, еще не являвшегося на момент явления иконы великим князем, – соответствует тексту пятой редакции Сказания, предположительно составленной протоиереем Иоанном Красовским около 1777 года). И все же здесь не обходится без критических замечаний, причем с противопоставлением «светского» и якобы «церковного» изложения истории иконы, с утверждениями о том, что отказ от 1239 года как даты явления образа и акцент на личности Василия Ярославича – это сомнительная гипотеза, развитие которой «пришлось уже на советский и современный периоды» [Федоров: 87]. Поэтому небесполезно будет обратиться к трудам исследователей первой половины XVIII столетия, пытавшихся установить подлинную личность князя Василия.

Самым ранним из известных нам сочинений, в которых рассматривалась данная проблема, является «Извещение о великом князе Василии Костромском» 1719 года. Этот текст, являвшийся приложением к одному из рукописных списков службы чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, опубликовал в 1855 году протоиерей Павел Островский в своем «Историческом описании костромского Успенского кафедрального собора» [Островский: III–V]. В «Извещении...» приводятся выписки из хронографа костромского Богоявленского монастыря с биографическими сведениями о великих князьях Георгии Всеволодовиче, Ярославе Всеволодовиче и Василии Ярославиче – как подтверждение вывода, сделанного составителем «Извещения...» в начале текста. По его мнению, отчество Георгиевич – ошибка, обусловленная давностью лет и сложными историческими обстоятельствами: «Но обаче мнится, тамо недостоверно написано древняго ради многих лет прешествия. Понеже частых ради на Российскую землю от супостат нахождения, мятежа и плена может быть от преписующих, многому забвению и погрешению» [Островский: IV].

С особым вниманием к вопросу о личности князя, которому явилась чудотворная икона, отнесся игумен Макариево-Унженского мужского монастыря Леонтий (Павлов), управлявший обителью на Унге в 1714–1727 и в 1728–1741 годах. Об этом свидетельствуют два сочинения, которые, по мнению современных исследователей, были составлены игуменом Леонтием: Костромское житие князя Георгия Всеволодовича и «Известие, в коих летех бысть явление иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския на Костроме».

Костромское житие князя Георгия Всеволодовича было обнаружено А.В. Сиреновым, который первоначально считал составителем жития известного книжника архимандрита Сергия (Шелонина), в сороковых годах XVII века управлявшего костромским Ипатьевским монастырем [Сиренов 2004: 379–380]. Однако впоследствии А.В. Сиренов изменил свое мнение и обоснованно относил авторство жития игумену Леонтию [Сиренов 2010: 414–416, 437]. В конце текста жития его составитель перечисляет братьев великого князя Георгия Всеволодовича и, кроме реальных лиц, упоминает якобы княжившего на Костроме Василия Всеволодовича. Далее в тексте говорится и о Василии Ярославиче, костромском князе, но автор считает, что чудотворная Феодоровская икона явилась не ему, а его предположительному дяде Василию Всеволодовичу: «Подобает же и сие ведати, яко на Костроме два Василия погребены суть. Первый Василий Всеволодович, о нем же выше речеся, яко на Костроме господствуя. Мню же сему быти и прозванием сим, иже наречеся баше Квашня. При нем же явися икона Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии, рекома Феодоровская. Другий же племянник его Василий Ярославич, о нем же в российских летописях пишет сице. По великом князе блаженном Александре Ярославиче Невском державствова во граде Владимире брат его, великий князь Ярослав Ярославич. Седмь лет по Ярославе же Ярославиче господствова пять лет во Владимире брат же его, великий князь Василий Ярославич, и с миром ко Господу отыде и положен бысть на Костроме у святого Феодора»³.

Можно предположить, что в этом своем сочинении игумен Леонтий лишь только начал исследовать вопрос о личности костромского князя Василия, которому явилась чудотворная икона, и с первой попытки предложил неправильное решение, хотя и упомянул князя Василия Ярославича. Судя по всему, в дальнейшем он подробно изучил эту проблему и написал особую работу, которую озаглавил «Известие, в коих летех бысть явление иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския на Костроме». Подробный анализ этого сочинения, как и публикацию его текста, выполнила О.Н. Радеева в своей диссертации [Радеева: 252–262, 363–367].

В начале своего труда игумен Леонтий отметил, что изучил многие летописи, «и во всех тех историографских книгах, подлинно, великаго князя Василия, рекомаго Квашни, костромскаго и галицкаго, и отечеством Георгиевича не обретох» [Радеева: 364]. Затем автор перечислил обнаруженных им в летописях князей по имени Василий, в том числе и Василия Ярославича, – но вновь ошибся, полагая (видимо, из-за неточности в имевшихся у него материалах), что родившийся в 1241 году Василий Ярославич умер

во младенчестве. В итоге отец Леонтий предположил, что чудотворная икона явилась князю Василию Ярославичу, но не младшему брату, а племяннику Александра Невского. Однако при этом автор указывал: именно этот Василий Ярославич был погребен в Костроме около 1276 года, что соответствует личности реального великого князя Василия Ярославича. Также игумен Леонтий отметил, что явление иконы состоялось позднее 1239 года: «Яко не во оном 1239 году явление бысть на Костроме иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския, но послежде» [Радеева: 365].

Итак, уже в первой половине XVIII века исследователи задавались вопросом о подлинной личности великого князя Василия «Георгиевича», упомянутого в Сказании, и так или иначе упоминали при этом князя Василия Ярославича, однако вследствие неполноты или ошибочности имевшихся в их распоряжении сведений не могли сделать верный вывод (хотя и не сомневались, что отчество «Георгиевич» – ошибка). При этом ошибочность датировки явления иконы в Костроме 1239 годом уже тогда, в первой половине XVIII столетия, была очевидной.

Откуда же появилось в пространной редакции Сказания отчество «Георгиевич»? Интересное, хотя и формально неверное объяснение предложил тот же игумен Леонтий. Указывая на то, что костромские иконописцы в подписях на иконах именуют князя Василия Георгиевичем, он напомнил о традиции иметь два имени родовое и крестильное: «Они пишут его Василий Георгиевич: еже тако и есть. Понеже тогда имена прилагаху, к тем именам яже от крещения не просто; на от преждняго обыкновения. Аще кому имя от крещения, Георгий, тому прилагаху другое Ярослав; аще Димитрий, тому Всеволод: аще Михаил, тому Святополк; и иным иная, по тогдашнему обычаю. И се иконописцов костромских подпись правая есть, яко Василий у них написан Георгиевич, вместо Ярославича, тожде бо есть» [Радеева: 366].

Конечно, отец Леонтий ошибся, поскольку крестильное имя Ярослава Всеволодовича – отца Василия Ярославича – было Феодор, а не Георгий. Но, судя по всему, похожую ошибку совершил в середине XVII века и составитель пространной редакции Сказания, протопоп костромского Успенского собора Феодор. В этой редакции содержатся записи о чудесах, связанных с иконой и датированных 1636–1646 годами, то есть изложение заканчивается 1646 годом (хотя в некоторых более поздних списках прилагается описание поновления иконы в 1677 году). Но тогда же, в 1645 году, в присутствии патриарха Иосифа и царя Михаила Феодоровича состоялось обретение нетленных мощей великого князя Георгия Всеволодовича – событие, получившее широкую известность. И вполне возможно, что протопоп Феодор, составляя свою редакцию Сказания, не увидел различия между свя-

тым Георгием Всеволодовичем, имя которого было тогда у всех на слуху, и отцом князя Василия Ярославича (в реальности братом Георгия Всеволодовича – Ярославом), а имена Ярослав и Георгий счел родовым и крестильным именем одного и того же великого князя, родителя Василия Ярославича. Конечно, это всего лишь версия, но она исчерпывающе разъясняет загадку отчества «Георгиевич», смущавшую исследователей и в XVIII веке, и в наши дни.

Таким образом, авторы XVIII столетия – неизвестный нам составитель «Извещения о великом князе Василии Костромском» 1719 года и игумен Леонтий – рассматривали вопрос о личности князя Василия из Сказания, постепенно приближаясь к разгадке, но вследствие ограниченности имевшихся в их распоряжении исторических сведений не смогли разрешить проблему окончательно. Дать правильный ответ на вопрос, кем же был князь Василий, удалось автору составленной не позднее февраля 1777 года пятой редакции Сказания (предположительно – протоиерею Иоанну Красовскому). Однако поскольку пятая редакция не получила распространения и осталась неизвестной для исследователей (так же как и сочинения игумена Леонтия), в XIX–XX веках проблему личности князя Василия фактически пришлось решать заново.

Примечания

¹ Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Богородицы / публ. и предисл. И.В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Вып. XIX. Санкт-Петербург, 1909. С. 210.

² Пролог. Вторая половина (март – август). Москва: Печатный двор, 1662. Л. 72 об.

³ Месяца февраля в 4 день жития и страдания святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича Владимирскаго и всея России чудотворца // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / подгот. текстов и исслед. А.В. Сиренова. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. С. 154–155.

Список литературы

Каган М.Д. Сказание о иконе Богородицы Феодоровской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3: П–С. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1998. С. 407–412.

Лебедев Д.И., прот. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богородицы, краткой историей и топографией древнего города. Кострома: Костромаиздат, 2010. 182 с.

Марелло Т.В. К вопросу о первоначальной редакции «Сказания о Феодоровской иконе» // Герменев-

тика древнерусской литературы. Москва: Знак, 2008. Сб. 13. С. 645–672.

Островский П.Ф., прот. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским. Москва: Тип. В. Готье, 1855. XV, 255 с.

Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Москва: ФГБУ «Российская государственная библиотека», 2011. 369 с.

Рыжова О.А. Чудеса Федоровской иконы Богоматери по литературным и изобразительным источникам XVII–XIX вв. // Краеведческие записки. Вып. 6. Кострома: ГУК КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь», 2003. С. 164–176.

Сиренов А.В. Житие Георгия Всеволодовича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. Санкт-Петербург: Дмитрий Булаин, 2004. С. 377–380.

Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. 612 с.

Федоров А.В. Тайна царской святыни: История Федоровской иконы Божией Матери. Санкт-Петербург: Царское Дело, 2012. 208 с.

Ферапонт (Кашин), митрополит Костромской и Нерехтский. Минейная (милютинская) редакция «Сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери» (XVII век) // Богословский вестник. 2020а. № 3 (38). С. 280–293.

Ферапонт (Кашин), митрополит Костромской и Нерехтский. Путь всероссийской святыни: из истории чудотворной Федоровской иконы Божией Матери // Богословский вестник. 2020b. № 1 (36). С. 202–224.

Ферапонт (Кашин), митрополит Костромской и Нерехтский. Неизвестная редакция «Сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери» // Ипатьевский вестник. 2023. № 1. С. 58–78.

References

Fedorov A.V. *Tajna carskoj svyatyni: Istorija Feodorovskoj ikony Bozhiej Materi* [The Mystery of the Tzar's Shrine: History of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God]. St. Petersburg, Carskoe Delo Publ., 2012, 208 p. (In Russ.)

Ferapont (Kashin), Metropolitan of Kostroma and Nerekhta. *Minejnaya (milyutinskaya) redakciya «Skazaniya o yavlenii i chudesah Feodorovskoj ikony Bozhiej Materi» (XVII vek)* [The Menaion (Milyutin) edition of The Tale of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God (XVII century)]. *Bogoslovskij vestnik* [Theological Bulletin], 2020a, no. 3 (38), pp. 280–293. (2020a). (In Russ.)

Ferapont (Kashin), Metropolitan of Kostroma and Nerekhta. *Put' vserossijskoj svyatyni: iz istorii chudotvornoj Feodorovskoj ikony Bozhiej Materi* [The Path of an All-Russian Shrine: from the History of the Miraculous Feodorovskaya Icon of Mother of God]. *Bogoslovskij vestnik* [Theological Bulletin], 2020b, no. 1 (36), pp. 202–224. (In Russ.)

Ferapont (Kashin), Metropolitan of Kostroma and Nerekhta. *Neizvestnaya redakciya «Skazaniya o yavlenii i chudesah Feodorovskoj ikony Bozhiej Materi»* [The unknown edition of The Tale of the Appearance and Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God]. *Ipat'evskij vestnik* [Ipatiev Bulletin], 2023, no. 1, pp. 58–78. (In Russ.)

Kagan M.D. *Skazanie o ikone Bogomateri Feodorovskoj* [The Tale of the Icon of the Mother of God Feodorovskaya]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of Scribes and Booshishness of Sncient Rus], vol. 3 (XVII century), part 3: P–S. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1998, pp. 407–412. (In Russ.)

Lebedev D.I., archpriest. *Istorija sobornyh hramov Feodorovskogo i Uspenskogo v gorode Kostrome v svyazi s povest'yu o Feodorovskoj ikone Bogomateri, kratkoj istoriej i topografiej drevnego goroda* [The History of Feodorovsky and Assumption Cathedral Churches in the city of Kostroma in Connection with the Story of Feodorovskaya Icon of the Mother of God, a Brief History and Topography of the Ancient City]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., Kostromaizdat Publ., 2010, 182 p. (In Russ.)

Marello T.V. *K voprosu o pervonachal'noj redakcii «Skazaniya o Feodorovskoj ikone»* [On the Question of the Original Edition of the “Tale of the Feodorovskaya Icon”]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury* [Hermeneutics of Ancient Russian Literature]. Moscow, Znack Publ., 2008, vol. 13, pp. 645–672. (In Russ.)

Ostrovsky P.F., archpriest. *Istoricheskoe opisanie kostromskogo Uspenskogo kafedral'nogo sobora, sostavlennoe togo sobora svyashchennikom P. Ostrovskim* [Historical description of the Assumption Cathedral in Kostroma, compiled by the priest of that Cahtedral P. Ostrovsky]. Moscow, Printing House V. Got'e Publ., 1855, XV, 255 p. (In Russ.)

Radeeva O.N. *Skazanie o Fedorovskoj ikone Presvyatoj Bogorodicy v knizhnoj kul'ture Rossii XVII–XVIII vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Tale of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God in the Book Culture of Russia in the 17–18th centuries: dissertation for the Degree of Candidate of Historical Science]. Moscow, FGBU “Russian State Library” Publ., 2011, 369 p. (In Russ.)

Ryzhova O.A. *Chudesa Feodorovskoj ikony Bogomateri po literaturnym i izobrazitel'nym istochnikam XVII–XIX vv.* [Miracles of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God according to Literary and Pictorial Sources of the 17th–19th centuries]. *Kraevedcheskie zapiski* [Regional Studies Notes]. Kostroma, GUK KOIAMZ «Ipa-

tiev Monastery» Publ., 2003, vol. 6, pp. 164-176. (In Russ.)

Sirenov A.V. *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Degree Book and Russian Historical Thought of the 16th-18th Centuries: Dissertation for the Degree of Doctor of Historical Sciences]. St. Petersburg State University Publ., 2010, 612 p. (In Russ.)

Sirenov A.V. *Zhitie Georgiya Vsevolodovicha* [Life of Georgy Vsevolodovich]. *Slovar' knizhnikov i knizh-*

nosti Drevnej Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus], vol. 3 (XVII century), part 4: T–Ya. Additions. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2004, pp. 377-380. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 48–54. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 48–54. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литература народов РФ

УДК 821.161.1*0.09

EDN ZXJSGA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-48-54>

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ ПАМЯТНИКА «МУЧЕНИЕ ФЕОДОРА ТИРОНА»

Ремезов Алексей Владимирович, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, remezoff2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6857-8904>

Аннотация. Статья посвящена истории происхождения первой (синаксарной) редакции древнерусского памятника «Мучение Феодора Тирона». Публикуется перевод греческого текста «Мучения» на русский язык, проведен сопоставительный анализ первоисточника с его русской редакцией в составе древнерусского Пролога – синаксарного славянского церковно-учительного сборника, предназначенного для чтений на богослужении. При сравнении греческого и русского текстов «Мучения...» были обнаружены значимые разночтения, а также оригинальные вставки русской редакции памятника, которые не имеют аналога в оригинальной греческой рукописи, например, упоминание географических объектов, неожиданный вставной фрагмент в начале текста. В статье также уделяется внимание вопросу о происхождении прозвища святого. Анализ разночтений в греческой и русской редакций памятника свидетельствует о том, что русский перевод «Мучения Феодора Тирона» с включением в него новых подробностей и оригинальных мотивов стал основой русской версии текста, бытующей впоследствии во многих вариантах и списках.

Ключевые слова: агиография, Феодор Тирон, Пролог, мученики, рукописи.

Для цитирования: Ремезов А.В. К вопросу о происхождении и первоначальной русской редакции памятника «Мучение Феодора Тирона» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 48–54. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-48-54>

Research article

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN AND THE AUTHENTIC RUSSIAN EDITION OF THE LITERARY MONUMENT “TORMENT OF THEODORE THE RECRUIT”

Alexey V. Remezov, postgraduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, remezoff2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6857-8904>

Abstract. This paper deals with the history of the origin of the first (synaxar) edition of the literary monument “Torment of Theodore the Recruit” from Old Rus’. The first step towards solving the issues of poetics of the lives is the genesis of the origin of the legend of the saint and the analysis of the first Russian edition of the text. For the first time, a translation of the Greek text of “Torment” into Russian has been published; a comparative analysis of the original source with its Russian edition as part of the Old Russian Prologue, a synaxar Slavic church teaching collection intended for readings at divine services, has been carried out. The article focuses on the history of the scientific study of this book. In the Greek text of “Torments” discrepancies with the Russian monument were discovered and analysed. Attention is paid to the original passages in the Russian edition, which have no analogue in the original Greek manuscript. For example, the mention of geographical objects, an inserted fragment at the beginning of the text. The article focuses on the question of the origin of the saint’s byname. An analysis of discrepancies in the Greek and Russian editions of the monument indicates that the Russian translation of “Torment of Theodore the Recruit” with the inclusion of new details and original motifs became the basis for the Russian version of the text, which had subsequently existed in many versions and copies.

Keywords: hagiography, Saint Theodore of Amasea (Recruit), Prologue, collection of saints’ tortures, manuscripts.

For citation: Remezov A.V. On the issue of the origin and the authentic Russian edition of the literary monument “Torment of Theodore the Recruit”. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-48-54>

Фёдор Тирон – православный святой, почитаемый в лике великомучеников, воин, принявший мученическую смерть через сожжение в Амазии (современная Турция) во время Великого Гонения при императорах Максимиане Галерии и Максимине II Дайе в начале IV века н.э. Ему посвящены жития, средневековые русские апокрифические сочинения, духовные стихи. История научного изучения текстов, в которых упоминается святой, берет свое начало в XIX в. О собрании «отреченных книг» писали А.Н. Веселовский, А.Н. Пыпин, В.П. Адрианова-Перетц, И.Я. Порфирьев¹. Русскому духовному стиху посвящали исследования А.И. Кирпичников, П.А. Бессонов, В.Г. Варенцов². Житийный памятник о воине-мученике привлекал внимание современных исследователей. О нем пишет В.А. Бахтина в статье «Фёдор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии» [Бахтина: 336]. Изображение святого в агиографических текстах в сравнении с устно-литературными источниками – недостаточно изученный вопрос в современной медиэвистике. Житие св. Федора Тирона представляет собой житие-Μαρτύρια (мученическое житие, включающее в себя подробное описание страстей и кончины святого), а не житие-Βίοι (полноценное биографическое житие, охватывающее весь жизненный путь святого: от рождения до смерти).

Мартирий «Мучение Федора Тирона» – переводной памятник древнерусской литературы. Он бытовал в проложном и минейном варианте. Изначальной точкой исследования переводных текстов почти всегда является греческий или латинский оригинал. Исследователь может столкнуться с проблемами, главная из которых заключается в том, что не всегда представляется возможным установить единственно верный первоисточник и проследить путь бытования текста от греческих/латинских сборников до позднейших русских редакций. «Мучение Федора Тирона» не стало исключением.

На сегодняшний день установлено, что впервые текст «Мучения...» на церковно-славянском языке появился в составе Софийского Пролога (РНБ, Софийское собр., № 1324) – древнейшего собрания кратких житийных текстов, читаемых при богослужении [Словарь книжников и книжности: 376]. Пролог хотя содержит некоторое количество оригинальных поучений и рассказов, но все же является преимущественно переводной книгой. Отсюда следует проблема определения первоисточника и влияния иностранной житийной литературы на каждый переводной текст сборника. Это создает трудности в определении оригинала «Мучения о Федоре Тироне».

Современная наука предлагает несколько гипотез о происхождении и переводе русского Пролога. Есть устоявшиеся точки зрения, представленные в работах И.А. Спасского (архим. Сергия), Е.А. Фет,

Л.В. Прокопенко, О.В. Лосевой³. Исследователи установили, что Пролог существует в нескольких редакциях, древнейшая из которых является переводом византийского Менология Василия II, выполненным на Руси не позднее XII в. Рукопись представлена единственным списком (РНБ, Соф. собр., № 1324) [Словарь книжников и книжности: 377]. Она также включает в себя дополнения, сделанные древнерусскими книжниками. Архиепископ Сергей первым установил существование первой и второй редакции [Арх. Сергей], впоследствии его точку зрения дополнила Е.А. Фет, разграничив первую редакцию и Синаксарь [Словарь книжников и книжности: 376].

Целесообразно привести и альтернативные мнения, тем более что аргументы исследователей весомые. М.Н. Сперанский считал, что византийский Синаксарь был переведен в Константинополе при участии русских книжников. Его аргумент строится на том, что Пролог включает ряд памятней, связанных с Константинополем. Ученый обращает внимание на лексический состав памятника, рассматривает типичные русизмы, которые появляются в Прологе группами на определенных фрагментах. По его мнению, это заслуга русских переводчиков, локализовавших текст [Сперанский: 36–42].

Третья точка зрения принадлежит С.А. Давыдовой, которая оспаривает тот факт, что древнерусский Пролог восходит к Менологию Василия II, так как последний сам является переделкой других Синаксарей [Давыдова 1999: 66]. В качестве доказательной базы исследовательница приводит наличие или отсутствие тех или иных памятней в Прологах. На основании этого она выделяет три группы списков (I редакции по Сергию), восходящих к разным вариантам византийского Синаксаря: 1) Прологи с предисловием, включающие литургические выписки; 2) Прологи, включающие тропари; 3) Прологи, которые не содержат ни предисловия, ни тропарей с уставными рекомендациями, но сохраняют некоторые топографические и исторические сведения о религиозной жизни Константинополя. Таким образом, исследовательница склонна возводить все разновидности, по крайней мере первой редакции древнерусского Пролога, к различным вариантам и местным изводам византийского Синаксаря.

Рассмотрев несколько разработанных в отечественной медиэвистике концепций разных специалистов, можно сделать некоторые обобщения. Во-первых, достоверно известно, что Пролог – книга переводная. Обстоятельства его перевода на русский язык, место и время локализации – сложные вопросы, вызывающие споры в научных кругах, которые, возможно, будут разрешены со временем.

Во-вторых, следует упомянуть об огромном книжном наследии. Русский Пролог дошел до наших дней в большом количестве сохранившихся редак-

ций и списков. По мнению Е.А. Фет, «сохранилось около трех тысяч рукописных Прологов различного вида» [Словарь книжников и книжности: 376].

Таким образом, большинство специалистов сходятся во мнении, что тексты жития в составе Пролога имеют греческое происхождение. Существуют споры о том, к каким греческим протографам они восходят, но язык оригинала не оспаривается. Этот факт должен стать исходной точкой для дальнейшего исследования «Мучения...».

Несмотря на гипотезу С.А. Давыдовой, согласно которой Пролог (со всеми его житийными текстами) не восходит к Менологии Василия, греческий текст «Мучения», помещенный в этот сборник и его русский вариант в синаксарном виде очень схожи по сюжету и композиции. «Выяснение вопроса о причинах особенностей “пути” того или иного средневекового памятника требует, в частности, обращения к его содержанию, к исследованию его поэтики» [Коробейникова: 321].

Известно, что, несмотря на содержательную близость с византийскими оригиналами, переводные тексты могли отличаться в плане языкового и литературного оформления. С момента попадания на Русь, в распоряжение средневековых русских книжников, переводные агиографические сочинения получают дальнейшее оригинальное развитие в идейно-тематическом содержании и приобретают собственную мотивную структуру. Принимая во внимание эти обстоятельства, а также существующий в ученом сообществе спор о генезисе Пролога и вышеупомянутый

факт, что первичность Менология Василия II по отношению к русскому сборнику целиком не доказана, необходимо провести сравнение двух вариантов текста «Мучения св. Феодора Тирона»: синаксарного и проложного. Оно призвано указать на оригинальную литературную обработку древнегреческого жития русскими переводчиками, которая заключается в изменениях мотивной структуры и системы образов памятника при сохранении основной сюжетной линии и идейно-тематического содержания.

Сравнительный анализ текстов, представленный ниже, указывает на некоторое количество различий, которые присутствуют в русском варианте «Мучения...». Приведены проложный вариант жития и текст с переводом на современный русский язык из греческого сборника Ватиканский менологий, Vat. gr. 1613, оцифрованного и опубликованного Апостольской Библиотекой Ватикана в 2016 году.

Сравнение текстов обнаруживает следующее. Текст, по-видимому, был переработан русскими книжниками. В параллели с оригиналом можно наблюдать несколько различий и оригинальных мест:

1) Вставка в начале. При сопоставлении текстов можно заметить, что в оригинале повествование начинается с ввода составителем биографических данных о месте и времени пребывания святого в мире. В рукописном тексте отдельным абзацем со строчной буквы помещена запись, не входящая в оригинальный греческий текст. Абзац по существу не имеет отношения к сюжету оригинального памятника, мог быть написан книжником-составителем сборника

<p>ὁ Ἅγιος μεγαλομάρτυς Θεόδωρος ὁ Τήρων ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Μαξιμιανῶν καὶ Μαξιμίνου, τῶν πικρῶν διοκτῶν. νεωστὶ στρατευθεὶς εἰς τὸ τάγμα τὸ λεγόμενον Τηρωναύτων καὶ τελῶν ὑπὸ Βρίγγα τῷ πραιποσίτῳ. ὑπάρχων δὲ ἀπὸ τῆς ἐνορίας Ἀμασειας καὶ ἀκούων πολλοῖς βασανιζομένοις διὰ τὸν Χριστὸν, ἐξήλωσε καὶ ἤθελε καὶ αὐτὸς μαρτυρῆσαι. ἀπερχόμενος δὲ πρὸς τὸν Βρίγγαν εἰς Ἀμασειάν, μαθὼν ὅτι δράκοντα παμμεγέτης ἐστὶ πλησίον Εὐχαίτων, ἐλογίσατο καθ' ἑαυτὸν ὡς «εἰ δράκοντα φονεύσω, – λέγων, – νικήσω καὶ τὸν διάβολον». ὅπερ καὶ ἐποίησε. καὶ ἀπελθὼν εἰς Ἀμασειάν ἐνώπιον τοῦ Βρίγγου ὁμολόγησε τὸν Χριστὸν. ὁ δὲ ἐκπλαγεὶς ἔδωκεν αὐτῷ καιρὸν τοῦ σκέψασθαι. καὶ ἰδὼν Κλεόνικον τὸν ἴδιον αὐτοῦ πλησίον ἐστῶτα εἶπε «Κλεόνικε, περιμένω σε». καὶ οὕτως ἐτελειώθη.</p>	<p>В этот же месяц На 17й день Испытание Святого великомученика Теодора Тирона. Был Святой великомученик Теодор Тирон в царствование Максимиана и Максимиана, суровых гонителей христиан, только что отслуживший в легионе, называемом Тиронским, и совершающий жертвоприношения под начальством Бринга Наместника. А, находясь вдали от территории Амазия и слыша о многих страдающих за Христа, заревновал и захотел и сам стать мучеником. Уйдя к Бринге в Амасий, узнав, что есть громадный дракон рядом с Евхантами, счел, говоря про себя, что «если я убью дракона, смогу победить также и дьявола» – что и сделал. И уйдя в Амасий, перед Брингой стал исповедовать Христа, а тот, изумившись, дал ему время обдумать. А Святой ночью поджег храм идолов. И разозлившись, Бринга приговорил его быть сожженным огнем, которым тот сжег храм. И так он, брошенный в печь, сразился (совершил битву, поборолся): и, увидев Клеоника, своего родственника (своего человека), стоящего рядом, говорит: «Клеоник, жду тебя», – и так умер.</p>	<p>Месяца того же в 17 день Страсть святого мученика Тирона триодь (трипеснец) глас 2. Скорый на молитву и многий на спасение страстотерпече славене. И Феодоре поюща ты рабы твоя схрани тебе сътяжахомъ даръ Божий яко тверда въоружителя и мученика. Святой Феодор турон (ὁ τήρων) бе в царство Максимиане и Максимине, горькою гонителю. Но (и ново) воинствоуя (νεωστὶ στρατευθεὶς – сначала состоя воином) в чину (τάγμα), глаголемемъ туроните (τηρωναύτων) и воинствуюя (υπὸ Κρίγγα) препоститъмъ (препозитом – воначальником), сый от предела Амасинскаго. Слыша же много мучимы Христа ради, порывнова, всхоте и сам мучитися и хожаше к Вринце (Κρίγγαν) в Амасию. Вьньгда же мимо ходя, оувевев, яко змии велик есть близъ Евхантън (Ἐυχαίτων), помысли, яко еще и змиа оубиоуи, побезу и дьявола; еже и сотвори. И шед в Амасию пред Вринкою исповедася хрстиан. Вринка же оудивлься, дасть ему время на смотреение. Он же поже нощию церковь идольскую. И разгнеवासя Вринка, вьвьрже (вверже) и в огонь и съжже. И тако скончася, положен бысть в Евхатех.</p>
---	---	---

ка. Этот текст, который является неким предисловием в стиле тропаря, представляет собой обращение к святому Феодору от говорящего о себе в третьем лице автора. По словам А.С. Демина, у большинства из житийных и поучительных текстов с сильной церковной окраской были «более или менее светские по содержанию предисловия и послесловия». Рассматривая предисловие как литературную форму, имевшую широкое распространение в некоторых четких рукописях XI–XII вв., исследователь предполагает, что вступления есть особые части древнерусских текстов, которые «обычно отделялись от основного текста соответствующими заголовками и <...> присутствовали при многочисленных переводных сочинениях в составе сборников и при оригинальных древнерусских произведениях» [Демин: 14, 16].

В агиографической литературе того временного периода, предназначенной для чтения широким кругом лиц, встречаются записи, похожие на начальные вставные фрагменты, которые отделялись от основного текста заголовками или особой фразой о завершении «начатка». В пример можно привести «Слово святого Ипполита о Христе и антихристе» в славянском переводе по списку XII в. [Новоструев], Изборник Святослава 1073 г., Пандекты Антиоха Черноризца. Известно, что некоторые вставные фрагменты могли переписываться без основного текста, перемещаться с места на место в рукописных книгах, и даже образовывать «цикл предисловий», путем соединения одного предисловия с другим (Пандекты Антиоха) [Демин: 14].

Можно ли рассматривать помещенную над «Мучением» запись в качестве своеобразного предисловия? Отдельного заголовка запись не содержит, по содержанию она является обращением к мученику с целью его прославления. Учитывая отдельное оформление отрывка и его содержание, можно предположить, что древнерусский переводчик сознательно сочиняет и помещает перед переводным «Мучением...» фрагмент двойного назначения. Первое – прославление святого, второе – обращение к читателю или слушателю жития, для того чтобы облегчить его восприятие последующего текста.

2) Следующая проблема связана с переводом греческого оригинала на древнерусский язык. Во-первых, предметом разногласий в католической и православной традициях является прозвище св. Феодора. В русской агиографической традиции имя святого сопровождается словом «Тирон», что означает «новобранец». Традиция именования святого этим прозвищем, возможно, восходит к истории перевода греческого текста на церковно-славянский язык и к его последующему переписыванию, дополнению и бытованию в четких сборниках. Так в ранней редакции Пролога читается: «... в чину глаголемемь туроните». Впослед-

ствии, при переработке текста, с уточнением значений некоторых терминов и помещении обновленной редакции в минейные сборники, стали писать «незадолго перед тем избранный в воины» [Ростовский: 290], что гораздо ближе к термину «новобранец».

«Τήρων» – слово из классической латыни, означающее «недавно зачисленный солдат/ новобранец». Оно было транслитерировано на греческий язык с различными вариантами написания (Τύρων, Τίρων, Τήρων или Τείρων). В первой русской проложной редакции памятника слово «новобранец» отсутствует. Почему? Причина, вероятно, в том, что это слово редко употреблялось и вряд ли могло быть зафиксировано и истолковано в первых рукописных славяно-греческих словарях, которые, возможно, могли быть известны русским переводчикам Менология. Предположение, что первые словари содержали относительно небольшой объем слов, основывается на том факте, что дошедшее до наших дней приложение к новгородской Кормчей книге 1282 г. содержало около 180 слов. Азбуковники большого объема появились только в XVI в. Возможно, не имея под рукой полного славяно-греческого словаря, но видя необходимость сделать акцент на точной передаче смысла, не зная при этом точного значения слова, книжник допускает вольность, переводя транслитом термин «Τήρων» («туроните»). Чтобы исключить непонимание со стороны читателей, он сопровождает перевод комментарием, что «туроните» является воинским чином.

Однако перевод греческого фрагмента, где впервые упоминается прозвище святого, не у всех одинаковый. Дословно в греческом тексте написано: «τάγμα τὸ λεγόμενον τηρωναύτων» (легион, называемый тиронским). Католическая традиция, очевидно, ставит на первый план топонимику и возводит прозвище к названию легиона, в котором служил святой, в научной литературе есть мнение, что имя рекрута дается по месту ведения службы. Так, Ниллес в 1896 г. в работе, посвященной богослужебным практикам в западной и восточной церкви, утверждал, что святого прозвали Тиронским не за то, что он был рекрутом, а за то, что служил в Тиронской когорте, название, вероятно, происходит от названия города Тир, из жителей которого набирался личный состав когорты [Nilles: 105].

История с прозвищем – не единственный пример, отображающий трудности перевода памятника. Бывали случаи, когда русский книжник не мог выйти из неудобного положения с незнакомыми или многозначными словами, и ему ничего не оставалось делать, кроме как не переводить их, а переложить на древнерусский язык транслитерацией, не сопровождая комментариями. Так, в проложном тексте появилось слово «препозит», которым переводчик перевел слово «πραιποσίτη», означающее «военачальник»

в том контексте, в котором оно употреблено в житии. Слово «*παιδοσίτω*» многозначное. В зависимости от контекста его переводят по-разному, начиная от «наместника в провинции», заканчивая «военным руководителем» или «начальником монастыря». Переводчик, размышляя о том, как лучше перевести слово, решил передать слово транслитерацией. В первой редакции Пролога (по Соф. собр.) слово «препозит» не употребляется больше нигде, кроме жития Феодора Тирона, в дальнейшем оно было успешно заимствовано и стало встречаться в четырех сборниках.

3) Неполное соответствие греческого оригинала русскому переводу прослеживается в системе образов и частично в мотивной структуре. В пример можно привести образ Клеоника – загадку русского перевода «Мучения». В оригинальном греческом тексте образ крайне беден, о нем говорится лишь пару строк. В русском же варианте переводчик вообще не стал включать в житие этот фрагмент. По какой причине и кто такой Клеоник? Слово «*Κλεόνικον*» в оригинале «Мучения» соседствует со словами «*τὸν ἴδιον αὐτοῦ*», что примерно переводится как «его собственный человек». За отправную точку можно взять топонимы в памятнике, которые могут задать направление поиска. Известно, что св. Феодор принял мученическую смерть при императоре Максимиане, притесняющем христиан, на территории Амасии. Так как христианское вероучение активно распространялось на территории Римской империи, то во время прихода к власти неблагоприятного правителя страдало много его последователей. Многие из них принимали мученическую кончину, и св. Феодор Тирон – не единственный пострадавший в правление Максимиана за веру. Это подтверждается греческими агиографическими материалами. В корпусе *Bibliotheca Hagiographica Graeca* встречаются указания на тексты, посвященные мученикам Амасийским: Евтропию, Клеонику и Василиску [ВНГ, N 656-656e, N 241-241a]. Согласно сюжетам мучеников, Евтропий и Клеоник, сослуживцы и родственники, приняли мученическую кончину в том же городе и по той же причине, по которой сожгли св. Феодора – за отказ поклониться идолам. В изданных текстах сообщается, что Василиск – это племянник св. Феодора. Прослеживается связь четырех подвижников между собой. Неудивительно, что их образы в агиографической литературе нередко соседствуют. Таким образом, становится ясно, откуда пришел образ Клеоника в «Мучении св. Феодора» из Менология Василия II.

Почему при переводе жития русский книжник решил не включать в текст образ Клеоника? Возможно, это происходило из-за стремления средневековых русских переводчиков к унификации житийных текстов путем удаления чрезмерных подробностей, затрудняющих восприятие текста читателями

и слушателями. Это прослеживается не только в изменении системы образов. Так, в русском варианте жития удаляется подробность, посвященная мученическому подвигу. Мотив страстей при переводе на русский язык немного меняется. В греческом тексте фраза «*ἐμβληθεὶς οὖν εἰς καμίνον ἠγωνίζετο*», которая переводится как «брошенный в печь, поборолся/сразился/совершил битву». Эпитет «брошенный в печь» свидетельствует о способе убийства святого. Неясным остается слово «поборолся». Возможен альтернативный вариант перевода – «совершить подвиг», при котором становится понятно, что составитель греческого мученика следует житийному канону и включает в повествование способ убийства и краткое описание страстей. Русский книжник решает перевести этот момент кончины святого фразой «Вверже его в огонь и съжже», включая способ убийства – «*ἐμβληθεὶς οὖν εἰς καμίνον*» (сожжение в печи), но обойдя «*ἠγωνίζετο*» (битву/сражение/подвиг).

4) Разнотечение греческого оригинала и русского варианта памятника прослеживается в топонимах. Если выше шла речь о сокращении греческого оригинала, то в этом сегменте поэтики памятника можно проследить вольность русского переводчика, заключающуюся во включении в текст подробности, изначально не входящей в греческий оригинал. Она касается места погребения святого. Русский текст заканчивается словами: «И тако скончася, положен бысть в Евхатех». Выражение «положен бысть» часто употребляется как синоним выражения «был похоронен». Русский книжник не мог точно знать город, в котором святой был погребен, тем более что место действия в греческом житии поделено между двумя городами Амасией и Евхаитом. По какой причине было принято решение сделать оригинальную вставку с упоминанием места захоронения святого? Канон житийной литературы был заимствован книжниками из Византийской литературы, где он сложился к концу I тысячелетия. Впоследствии на Руси он претерпел существенные изменения, но в середине-конце XII в., во времена перевода памятника, сознание средневекового книжника требовало его соблюдения. Несмотря на краткость и сухость изложения событий в проложном тексте без описания кончины святого и его похорон нельзя было обойтись, поскольку это был важный структурный элемент жития. Таким образом, следуя канону, книжник указывает место захоронения исходя из имеющихся данных в тексте и собственных соображений.

В дальнейшем бытовании текста в минейном варианте мотив погребения трансформируется, наполняясь новым содержанием: появляется образ христианки Евсевии, которая хоронит святого по религиозным обрядам. Под этим же именем в апокрифических текстах, описывающих змеборческие

подвиги Федора, фигурирует его жена. Позже встречаются и посмертные чудеса святого, описанные архиепископом Нектарием [Сказание Нектария].

Сопоставление греческой синаксарной и русской проложной редакций памятника показывает их жанровую, сюжетную, композиционную схожесть. Анализ разночтений свидетельствует о том, что греческий оригинал является тем фундаментом, на котором закладывается русский вариант жития Феодора Тирона, получивший широкое распространение в древнерусской литературе. Дальнейшая переработка текста с включением новых подробностей и оригинальных мотивов заложила основу для распространения русской версии текста во многих вариантах и списках и новый «путь», благодаря которому он дошел до наших дней.

Список литературы

Источники

Артюхова Т.А., Луховицкий Л.В. Евтропий, Клеоник и Василиск // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2008. Т. 17. URL: <https://www.pravenc.ru/text/187611.html> (дата обращения: 05.05.2024).

Архимандрит Сергей (Спасский) Полный месяцеслов Востока. М.: Типография Современных Известий, 1875. Т. 1: Восточная агиология. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Spasskij/polnyj-mesjatseslov-vostoka-vostochnaja-agiologija/6_3_1 (дата обращения: 05.05.2024).

Бессонов П.А. Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М.: Тип. Семена, 1861. Т. 1. Вып. 1–3. 824 с.

Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб.: Изд-во Д.Е. Кожанчиков, 1860. 248 с.

Веселовский А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1879. Вып. 1. Часть I. Греческий апокриф о св. Феодоре. 22 с.

Виноградов А.Ю. Минологий Василия II // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2004. Т. 7. URL: <https://www.pravenc.ru/text/149805.html> (дата обращения: 02.04.2024).

Димитрий Ростовский. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга шестая. Февраль. М.: Ковчег, 2010. 480 с.

Кирпичников А.И. Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 10. С. 133–150.

Невострев К.И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М.: Синодальная типография, 1868. URL: https://txt.drevle.ru/text/nevostruev-slovo_svyatago_ippolita_ob_antihriste-1868/1 (дата обращения: 05.05.2024).

Перетц В.Н. К истории славяно-русского Пролога // Записки Неофилологического Общества. Петроград: Типо-Литография А.Э. Винке. 1914. С. 1–17.

Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях: По рукописям Соловецкой б-ки СПб.: Тип. Акад. наук, 1890. 471 с.

Пролог XII–XIII вв. (ГПБ, Софийское собр., № 1324). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bc000001254/view/?#page=1> (дата обращения: 01.04.2023).

Пытин А.Н. Для объяснения статей о ложных книгах // ЛЗАК. 1861. СПб., 1862. Вып. 1. 293 с.

Сказание Константинопольского патриарха Нектария о Феодоре Тироне (по сербскому списку XV-го века). Казань: Типография Имп. Казанского ун-та, 1887. 29 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л.: АН СССР ИРЛИ (Пушкинский дом), Наука, 1987. 493 с.

Сперанский М.Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур // Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М.: Учпедгиз, 1960. С. 7–54.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Акад. наук, 1893. 1420 стб.

Acta Sanctorum. URL: <https://www.heiligenlexikon.de/ActaSanctorum/9.November.html> (дата обращения: 05.04.2024).

Albani A. Menologium Graecorum jussu Basilii imperatoris graece olim editum. Urbini, Typ. Fantauzzi, 1727.

Bibliotheca hagiographica graeca, 2nd ed., ed. Société des Bollandistes, Subsidia Hagiographica 8, Bruxelles, Société des Bollandistes, 1909.

Delehaye H. Les légendes grecques des saintes militaires. Paris, A. Picard 1909, 272 с.

Nilles N. Kalendarium Manuale Utriusque Ecclesiae Orientalis et Occidentalis (in Latin), vol. I (2nd ed.), Innsbruck, Oeniponte, 1896, 536 с.

St. Gregory of Nyssa // Catholic Encyclopedia URL: <https://www.newadvent.org/cathen/07016a.htm> (дата обращения: 02.04.2023).

Исследования

Адрианова-Перетц В.П. Апокрифы [в переводах XI – начала XIII века] // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. С. 71–86.

Бахтина В.А. Феодор Тирон в письменной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов: Доклады российской делегации. Люблина: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2002. С. 336–350.

Давыдова С.А. Византийский синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРЛ. СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 1999. Т. 51. С. 58–79.

Давыдова С.А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. Л.: АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1990. Т. 43. С. 263–281.

Демин А.С. Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. // Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1981. С. 12–26.

Коробейникова Л.Н. О сюжетосложении «Жития Галактиона и Епистимии» (к проблеме типологии переводных византийских житий) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11 / отв. ред. М.Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры, Прогресс-традиция, 2004. С. 321–350.

Ладыженский И.М. Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг типографского собрания РГАДА N165, 166, 167: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 282 с.

Лосева О.В. К вопросу о формировании проложных редакций // Вестник РГНФ. 2005. № 3. С. 25–36.

Прокопенко Л.В. О славянском переводе византийского Синаксаря // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 6. С. 38–45.

References

Adrianova-Peretts V.P. *Apokrify v perevodakh XI – nachala XIII veka*. [Apocrypha in translations of the XI – early XIII century]. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature: in 10 vols., vol. 1]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1941, pp. 71–86. (In Russ.)

Bakhtina V.A. *Feodor Tiron v pis'menno-ustnoi traditsii i ikonografii* [Theodore Tyrone in the Written and Oral Tradition and Iconography]. *Literatura, kul'tura i fol'klor slavianskikh narodov: Doklady rossiiskoi delegatsii* [Literature, culture and folklore of the Slavic peoples: Reports of the Russian delegation], Liubliana, Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2002, pp. 336–350. (In Russ.)

Davydova S.A. *Paterikovye chteniia v sostave drevnerusskogo Prologa* [Pateric readings as part of

the Old Russian Prologue]. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature, Vol. XLIII*, St. Petersburg, Nauka Publ., 1990, pp. 263–281. (In Russ.)

Demin A.S. *Drevnerusskie rukopisnye knizhnye predisloviia XI–XII vv.* [Ancient Russian handwritten book prefaces of the XI–XII centuries], *Russkaia staropechatnaia literatura XVI – pervaya chetvert' XVIII v.* [Russian old-print literature of the XVI – first quarter of the XVIII century]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 266 p. (In Russ.)

Korobeinikova L.N. *O suzhetoslozhenii "Zhitii Galaktiona i Epistimii" (k probleme tipologii perevodnykh vizantiiskikh zhitii)* [On the plot structure of the “Lives of Galaktion and Epistemy” (on the problem of typology of translated Byzantine lives)]. *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Ancient Russian literature]. Vol. 11. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 912 p. (In Russ.)

Ladyzhenskii I.M. *Grafiko-orfograficheskie i iazykovye osobennosti rukopisnykh knig tipografskogo sobraniia RGA DA N165, 166, 167 dis. kand. filol. nauk* [Graphic, spelling and linguistic features of handwritten books of the The Russian State Archive of Ancient Acts typographic collection N165, 166, 167: DSc thesis]. Moscow, 2011. 282 p. (In Russ.)

Loseva O.V. *K voprosu o formirovanii prolozhnykh redaktsii* [On the issue of the formation of the editorial offices of the Russian Prologue]. *Vestnik RGNF* [Vestnik RGNF]. 2005, no. 3, pp. 25–36 (In Russ.)

Prokopenko L.V. *O slavianskom perevode vizantiiskogo Sinaksaria* [About the Slavic translation of the Byzantine Synaxary] *Izv. RAN. Ser. literatury i iazyka* [News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series]. Moscow, 2008, vol. 67, no. 6, pp. 38–45 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 55–62. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 55–62. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430)/09”19”

EDN MSLHDO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-55-62>

РОЛЬ Э.Т.А. ГОФМАНА В ФОРМИРОВАНИИ МИФОЛОГЕМЫ «ГЕНИЙ» В НЕМЕЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Притомская Алина Романовна, ассистент кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, gera.greenhill@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0948-770X>

Аннотация. В статье исследуется специфика реализации мифологемы «гений» в творчестве Э.Т.А. Гофмана. Выделяются элементы данной мифологемы, связанные с достижением идеального мира, а именно: осмысление проблемы природы гения (антагонизм гения и филистера; родовая или детская травма, которая приводит к измененному восприятию окружающего мира; амбивалентность доброго и злого начала в гении; проблема гендерной принадлежности гения), проблема взаимоотношений гения и женственности (романтическая любовь как источник вдохновения), мотив соблазнения творца дьяволом, проблема возвращения искусства в лоно христианства, а также мотив творческого укрепления через безумие. Делается вывод о том, что мифологема «гений» в творчестве Э.Т.А. Гофмана аккумулирует в себе те исключительные качества, которые ведут к «воспарению» духа художника/музыканта, и представляет собой ключевую веху в развитии романтических представлений о сущности гениальности.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, мифологема «гений», «истинный музыкант», немецкая романтическая философия.

Для цитирования: Королева В.В., Притомская А.Р. Роль Э.Т.А. Гофмана в формировании мифологемы «гений» в немецкой романтической литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 55–62. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-55-62>

Research Article

THE ROLE OF E.T.A. HOFFMANN IN THE FORMATION OF THE MYTHOLOGEME “GENIUS” IN GERMAN ROMANTIC LITERATURE

Vera V. Koroleva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Alina R. Pritomskaya, Assistant Professor of the Department of Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, gera.greenhill@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0948-770X>

Abstract. The article examines the specifics of the implementation of the mythologeme “genius” in the work of E.T.A. Hoffman. The elements of this mythologeme associated with the achievement of an ideal world are highlighted, namely: the problem of the nature of genius (antagonism of genius and philistine; birth or childhood trauma, which leads to a changed perception of the world around; ambivalence of the good and evil principles in genius; the problem of the gender identity of genius), the problem of the relationship between genius and femininity (romantic love as a source of inspiration), the motif of seduction of the creator by the devil, the issue of the return of art to the bosom of Christianity, as well as the motif of creative emancipation through madness. It is concluded that the mythologeme “genius” in the work of E.T.A. Hoffman accumulates the exceptional qualities leading to “soaring” of the spirit of the artist/musician and lead to communion with the ideal, and it represents a key milestone in the development of romantic ideas about the essence of genius.

Keywords: E.T.A. Hoffmann, mythologeme “genius”, “true musician”, German romantic philosophy.

For citation: Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. The role of E.T.A. Hoffmann in the formation of the mythologeme “genius” in German romantic literature. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 55–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-55-62>

Э.Т.А. Гофман – выдающийся немецкий писатель, чье творчество можно считать вершиной романтической литературы, так как в своих произведениях он подводит итог размышлениям над такими актуальными проблемами, как двойственность человеческой души («Эликсиры дьявола», «Двойник», «Принцесса Брамбилла» и др.), истинное и ложное искусство («Состязание певцов», «Церковь иезуитов в Г.» и др.), а также сущность творческой гениальности («Житейские воззрения кота Мурра», «Фермата» и др.) и др.

Одной из характерных черт немецкого романтизма, и в частности работ Гофмана, является обращение к приему мифологизации. Как писал Н.Я. Берковский, «миф античный и средневековый для них был высшим видом поэзии» [Берковский: 47]. «При этом как такового подражания первоизданной мифологии в их произведениях найти довольно непросто. Главной целью романтиков было создание новой мифологии, стремление воссоздать миф поновому» [Маслова]. Таким способом «воссоздания» является конструирование или же трансформация существующих мифологем.

Вопрос о природе гениальности становится одним из ключевых у романтиков и развивается впоследствии в мифологему «гений». Осмысление этой проблемы имеет особое значение как для всего немецкоязычного культурного пространства, так и для немецкой литературы в частности. О сущности гениальности размышляли И.В. Гете [Гете], Новалис [Новалис], Т. Манн [Манн], П. Зюскинд [Королева, Притомская 2023], Г. Грасс [Бондарь] и др.

Значимой вехой в развитии мифологемы «гений» становится образ Фауста у И.В. Гете, универсального гения, который теперь, по словам Г.В. Якушевой, является «не творцом произведений искусства... но “творцом жизни”» [Якушева: 54]. Гениальность Фауста заключается в его «продуктивности» («синоним “гениальности” для Гете» [Якушева: 46]), а под гением понимается «титан» разума и духа, не ограниченный одной из оппозиций «религия – наука», «добро – зло» (поскольку зло в «Фаусте» выступает как неизбежное, даже необходимое явление), «живая природа – неживая природа», но интегрирующий в себе противоположности, расширяя границы человеческого познания, поскольку для «Гете идея прогресса, движения вперед всегда была неразрывно связана с взаимодействием “полярностей”» [Якушева: 52].

Именно немецкие романтики, философы и писатели, заложили те основы понимания искусства и творческого гения, что остаются господствующими в европейской философии и по сей день. Значительный вклад в осмысление природы гениальности внесла концепция И. Канта, так как именно на его трактов-

ку понятия «гений» (*Genie*) (см. «Критика способности суждения» [Кант]) ориентировались как романтики, так и представители академической философии.

Определение гениальности Канта оказало большое влияние на художников Веймарской классики и впоследствии романтизма. Так, Жан Поль рассуждал о конкретных условиях для создания гениального произведения искусства, В. фон Гумбольдт расширил понятие гения до общего «гумбольдтовского образовательного идеала» (реформа образования Гумбольдта). Ф.В. Шеллинг же рассматривал гения как частицу абсолютности Бога.

Романтики придерживались идеи о том, что все сущее должно осмысливаться эстетически. Такой подход относился, однако, не только к творцу, но и к обывателю. «Гений» не только прокладывал, согласно романтическим представлениям, четкую границу между художником и филистером, но и впервые утверждал доступность эстетического восприятия мира для каждого (однако романтики, вслед за Кантом, были убеждены, что «гений» должен быть не только обнаружен в душе, но и воспитан). Такой подход к природе и сущности гениальности отличал романтические воззрения от штюрмеровских, согласно которым гениальность – черта избранных.

К примеру, Новалис пишет во «Фрагментах об искусстве»: художник отличается от обывателя тем, что в нем есть «зародыш самообразующейся жизни», которая может по собственному усмотрению применять «идеи... в качестве инструментов для любых преобразований реального мира» [Новалис: 1087]. В своем романе «Генрих фон Офтердинген» романтик продолжает рассуждать: «Природа... то же для нашей души, что тело для света. Тело удерживает свет, преломляет его в своеобразные краски; оно зажигает вне или внутри себя свет, который, если он равен темноте тела, делает это тело ясным и прозрачным; если же он превосходит темноту тела, то выходит из него, чтобы осветить другие тела. Но даже самое темное тело можно сделать светлым и блестящим через посредство воды, огня и воздуха» [Новалис: 427]. Так, в немецкой литературе начинает формироваться мифологема «гений», вобравшая в себя черты героя нового типа.

Понятие «мифологемы» является на сегодняшний день одним из фундаментальных в мифопоэтике, однако, как отмечают исследователи, наблюдается «расплывчатость формулировок, касающихся сущности мифологемы, и трудности, возникающие при попытке сформулировать непротиворечивое и исчерпывающее определение мифологемы» [Семенихина: 180]. В современной науке мифологема трактуется как синоним архетипа (Т.В. Бовсуновская), минимальная структурная единица мифа (С.Ю. Гуцол) или конкретное воплощение архетипа (Ю.В. Виш-

ницкая, В.А. Маслова, С.А. Линченко, А.С. Цыганков, Ю.А. Иванова, О.В. Коляда). В данном исследовании мы придерживаемся взгляда на мифологему как на «развертывание» архетипа в конкретном произведении.

Творчество Гофмана становится значимой вехой в развитии мифологемы «гений» в немецкой литературе, однако вопрос о специфике ее реализации, на наш взгляд, остается недостаточно исследованным в современном литературоведении. Проблема гофмановского гениального художника до сегодняшнего дня поднималась лишь в связи с отдельными произведениями немецкого романтика (А.В. Карельский, Н.Я. Берковский, Г.И. Мокеева и др.).

Целью нашего исследования является определение сущности мифологемы «гений» в творчестве Гофмана, а также разработка классификации гофмановских героев с точки зрения гениальности.

Гофман выдвигает концепцию «истинного музыканта» и создает ряд персонажей – гениальных музыкантов («Житейские воззрения кота Мурра», «Крейслериана», «Состязание певцов») и художников («Церковь иезуитов в Г.», «Эликсиры дьявола»), достигающих Идеала посредством творческого акта. Так, писатель переосмысливает мономиф как универсальный миф, где героем становится творец (или гений, как будет рассмотрено далее), а путь героя лежит к преобразованию собственного духа, перехода на новую ступень духовного бытия (нарушение кругового цикла мономифа).

Согласно нашей гипотезе, мифологема «гений» в творчестве Э.Т.А. Гофмана включает следующие элементы: осмысление проблемы природы гения (антагонизм гения и филистера; родовая или детская травма, которая приводит к измененному восприятию окружающего мира; амбивалентность доброго и злого начала в гении; проблема гендерной принадлежности гения), проблема взаимоотношений гения и женственности (романтическая любовь как источник вдохновения), мотив соблазнения творца дьяволом, проблема возвращения искусства в лоно христианства, а также мотив творческого раскрепощения через безумие.

В произведениях Гофмана можно выделить следующие образы, в которых реализуется мифологема «гений» и которые делятся по отношению к роман-

тическим представлениям об этике на положительные (Крейслер, Глюк, Эшенбах, Анна), то есть достигающие духовного преображения посредством музыкального искусства, и отрицательные (Франческо, Кrespель, Капельмейстер, Бертольд, Кордильяк), то есть отвергнувшие попытки достичь Абсолюта, совершив зло (рис. 1).

Таким образом, важнейшим воплощением мифологемы «гений» для немецкого романтика становится, безусловно, композитор Иоганн Крейслер. Как пишет Н.Я. Берковский, «смысл жизни – он у Гофмана воплощен в Крейслере» [Берковский: 432]. В образе композитора актуализируется проблема «истинного музыканта» [Гофман 5: 134], ставшего для Гофмана некоей отдельной ступенью развития человеческого духа, который уходит от филистерского косного образа жизни и приближается к Идеалу, а именно к осмыслению окружающего мира и бытия вообще как эстетической категории. Таким образом, «истинный музыкант» Гофмана – это особый склад сознания, готовый к восприятию идеального мира.

Важным аспектом экзистенции гофмановского гения являются его взаимоотношения с моралью. Согласно идеям романтизма, Крейслер может устанавливать собственные этические нормы (И. Кант: «...решимости и мужестве пользоваться собственным умом без руководства со стороны кого-то постороннего» [Кант: 66]), что необходимо для преодоления инертности филистерского существования и разрыва с реальным миром. Крейслер как любимый гофмановский персонаж успешно преодолевает в своей природе *амбивалентность доброго и злого начал*. Несмотря на то, что Крейслер становится убийцей, он не сходит с ума благодаря своей устремленной к идеалу природе и приверженности романтическим идеалам (любовь, искусство и служение богу). Крейслер изначально демонстрирует тонкую душевную конституцию, готовую к восприятию «материи вселенной», – музыки – он не равнодушен к чужой боли, к несправедливости, творящейся в мире, поскольку только так возможно достичь идеала «вне времени и пространства» [Гофман 5: 213]. Эта «надчеловеческая» гениальная природа Иоганна, возникшая из «Прометеевой искры» [Гофман 2: 376], не допускает возникновения в нем злых помыслов, противоречащих устройству мира ирреального.

Рис. 1. Положительные и отрицательные герои-«гении» произведений Гофмана

Согласно концепции Гофмана, мыслившего в романтическом дискурсе, художник является проводником божественного в мире – «спокойной неприязнительности, какая единственно способна согреть сердце, благотворно возбудить дух» [Гофман 4 (2): 462]. Крейслер как идеальный музыкант, творец стремится пробуждать «во всем сущем пламенное стремление к высшей жизни» [Гофман 2: 387]. Цель творческого акта для Крейслера состоит в «бетховеновском» преодолении темноты и стремлении к свету («Звук есть блаженство, а не гибель» [Гофман 5: 165]). Крейслер обращает свои негативные чувства в печаль «сладостную и благодетельную» [Гофман 5: 235] и сочиняет мессу «Agnus Dei». Суть творчества Крейслера в том, чтобы «вносить нечто сказочное в нашу современность, в действительную жизнь» [Гофман 4 (2): 84].

В образе Иоганна Крейслера реализуется и такой компонент гофмановской мифологемы «гений», как *психическая детская травма*, из-за которой герой воспринимает окружающий мир иначе. Важно подчеркнуть, что травма не является источником творческого таланта гофмановского гения, но меняет мироощущение персонажа, приоткрывает для него завесу ирреального. В истории Крейслера таким событием становится убийство певицы, которую обучал музыке таинственный незнакомец. Жертву обнаруживают рядом с камнем, где Крейслер впервые слышит «прекрасные голоса духов» и где ему является видение, в котором прожилки на камне предстают «звучащими лучами» гвоздиками [Гофман 2: 332]. Подобное приобщение к искусству через шокирующее событие – убийство – меняет мировосприятие маленького Иоганна, поскольку так мальчик познает трансцендентную природу музыки: ее связь не только с жизнью (созидательным началом вселенной), но и со смертью (условно отрицательным началом), а также способность выходить за пределы человеческого бытия. Иными словами, Крейслер познает *надчеловеческую, сверхъестественную природу музыки*.

В образе капельмейстера актуализируется и другая гофмановская проблема, а именно *романтической любви гения как источника вдохновения*. Творец Гофмана, как правило, страдает в попытке приобщиться к труднодостижимому идеальному миру. Непонятый филистерами, с которыми он находится в идейном конфликте, композитор стремится уйти от толпы, погружаясь во внутренний микрокосм души, преобразовывая ее, открывает свой внутренний духовный взор (Крейслер уходит в монастырь). Такая трансформация расценивается филистерами как «сумасшествие», что делает гофмановского капельмейстера изгоем. В конечном итоге творец находит любовь, поддерживающую его устремления, питает ею свои творческие силы и преодолевает конфликт с миром,

перейдя на новую ступень духовного развития с помощью «истинной» возлюбленной. Такой возлюбленной для Иоганна становится Юлия, обладающая певческим талантом, дополняющим композиторский гений Крейслера. Идеальной парой для гения, согласно представлениям Гофмана, является певица, то есть способная приобщиться к музыке как матери вселенной женщина (насколько ей позволяет ее «ограниченность» половой принадлежностью (по Гофману)). Именно влюбленность в Юлию, явившуюся ему во сне в монастыре, вдохновляет Крейслера написать мессу «Agnus Dei», ставшую вершиной его музыкального творчества.

С этим сюжетным ходом связан и такой элемент гофмановской мифологемы «гений», как *проблема возвращения искусства в лоно христианства*. Крейслер достигает апогея своего творческого дарования не только благодаря любви Юлии, но и посредством уединения в монастыре. «Agnus Dei» является по своей форме частью мессы, концептуально отсылающей к такому важному христианскому сюжету, как искупление Христом человеческих грехов, что носит сотериологический, позитивный характер. В этом прослеживается явная параллель между христианской идеей спасения души и романтическим представлением о духовном преображении человека. И хотя необходимо отметить, что Крейслер покидает монастырь, служение богу он оставляет вместе со служением музыке как таковой, что лишь усиливает звучание этой истинно гофмановской проблемы.

Противоположностью Крейслера выступает ювелир-убийца Кордильяк, в чьем образе также реализуется мифологема «гений». Данная фигура выделяется в ряду гениальных персонажей Гофмана, поскольку представляет собой истинного «художника-убийцу» (к этому типу персонажей также относятся Бертольд и безымянный капельмейстер в новелле «Sanctus»). Кордильяк на злодеяния толкает *родовая травма*, которая одновременно является источником и его таланта (мать Кордильяка видела в момент нападения украшения), и его проклятия (образ ювелирного украшения связан со смертью). В этом актуализируется *проблема амбивалентности добра и зла* в гении, поскольку творчество с позиций романтической философии рассматривается как однозначная благодетель. Кордильяк же, в отличие от Крейслера, не способен контролировать баланс равнонаправленных сил злодеяния и творчества в себе, из-за чего в нем возникает раскол сознания: Кордильяк «превращается» из талантливый ювелира в маньяка и обратно.

Это абсолютное – в особенности на фоне Крейслера – зло упраздняет такие составляющие мифологемы «гений», как проблема романтической любви как источника вдохновения: Кордильяк как «проклятый» гений не достоин любви, согласно концепции

Гофмана. Свое значение утрачивает и мотив соблазнения творца дьяволом, поскольку Кордильяк с рождения причастен злу, а также мотив христианского искусства, поскольку ювелирное дело имеет светскую природу.

В образе ювелира-убийцы актуализируется такой мотив, как творческое раскрепощение через безумие (который не был актуален для Крейсера, поскольку он являлся сумасшедшим только по мнению филистеров). Украшения, созданные Кордильяком, особенные и выделяются на фоне других, созданных человеком, лишь из-за безумной страсти ювелира к ним. Восприятие своего дела, равно как и восприятие мира, искажено для Кордильяка с самого рождения, что непосредственно влияет на качество и уникальность созданного им. Если бы ювелир не получил родовую травму, он, вероятнее всего, не был бы так талантлив, что Гофман подчеркивает, включая в развязку новеллы не только разрешения вопроса, кто убийца и каков его мотив, но и раскрывая природу его таланта – вызванное травматическим событием помешательство.

Образу Кордильяка идейно родственны и такие гофмановские творцы, как Бертольд («Церковь иезуитов в Г.»), Креспель («Советник Креспель»), безымянный капельмейстер («Sanctus») и Франческо («Эликсиры дьявола»), объединенные проблемой амбивалентности добра и зла в гении.

Одним из ярчайших образов в плеяде гофмановских гениев-злодеев является художник Бертольд, совершивший некое преступление, «которое невозможно искупить». Можно предположить, что речь идет об убийстве жены и сына, что доводит живописца до помешательства и самоубийства, однако истинное преступление Бертольда заключается в попытке воплотить Идеал в реальном мире (художник женится на принцессе-двойнике Св. Екатерины, явившейся ему знаменем о его творческом предназначении). Этот «грех против эстетики» сводит Бертольда с ума, лишает его устремления к идеальному, божественному, отчего равновесие страстей и добродетели в его душе нарушается, и лишь тогда он убивает свою семью.

Проблема амбивалентности добра и зла актуализируется и в образе безымянного капельмейстера из новеллы «Sanctus». Баланс этих сил в герое нарушается, когда он сталкивается с романтическим экзистенциальным ужасом – ужасом потери творческих способностей (Беттине угрожает потеря голоса). Капельмейстер тут же предлагает убить девушку, поскольку в его понимании пение тождественно жизни. С образом капельмейстера соотносится и образ скрипичного мастера Креспеля («Советник Креспель»), который также сталкивается с романтической дилеммой «жизнь без искусства или смерть», но решает ее иначе: движимый любовью к дочери (любовь – одна

из романтических ценностей, без которой творческий гений невозможен), он делает выбор в пользу жизни, преломляя борьбу добра и зла в себе.

Обратный процесс разворачивается в душе художника Франческо («Эликсиры дьявола»). К дисбалансу добра и зла приводит дьявольский эликсир, пробуждающий в герое греховное желание написать богохульный образ, с которого начинается духовное падение Франческо.

Данная проблема обнаруживает себя и в новелле «Состязание певцов». Сюжет перерождения Генриха является наиболее очевидным примером ее реализации. Герой претерпевает борьбу позитивных и негативных интенций в себе. Мейстерзингер проходит путь от зависти и ревности, которые толкают его на увлечение черной магией (искусство Клингзора), до познания ценности дружбы и любви, питающих истинное искусство.

Таким образом, гений Гофмана «балансирует» на границе двух оппозиций онтологической дихотомии «добро» – «зло», как человек, ступивший на новый этап духовного развития. Травмирующие события нарушают хрупкое равновесие в сознании гения как человека с особой, тончайшей душевной конституцией, что толкает творца от созидания к причинению вреда (преступления, черная магия).

Следующим компонентом гофмановской мифологемы «гений» является мотив романтической любви как источника вдохновения. Его реализация встречается прежде всего в образе мейстерзингера фон Эшенбаха, которому образ возлюбленной Матильды помогает победить в схватке с темной магией Клингзора. В этой сюжетной линии новеллы «Состязание певцов» раскрывается идея о любви как о ценности творца, питающей его стремление к идеальному миру – как об отпечатке божественного в мире реальном. Единение с истинной возлюбленной укрепляет веру гения в достижимость гармоничного состояния духа.

Иная версия реализации данного мотива обнаруживается в новелле «Церковь иезуитов в Г.» в образе художника-убийцы Бертольда, для которого романтическая любовь становится проклятием, сбившим творца с пути достижения идеального мира, поскольку Бертольд не питается ей, а пытается заместить земной любовью достигнутый идеал (если бы баланс добра и зла в душе художника не был нарушен, принцесса должна была бы выполнять роль вдохновительницы, напоминающей Бертольду о явлении Св. Екатерины).

Вариация данного мотива присутствует и в новелле «Советник Креспель»: дар Креспеля выходит на новый уровень, когда герой встречает свою жену, оперную певицу, и когда рождается Антония, его дочь с уникальным голосом. Романтическая любовь в этой

работе Гофмана трансформируется в любовь отеческую, но все же основанную на искусстве (Креспель создает скрипки и аккомпанирует Антонии) как фундаменте единомыслия персонажей. Так, любовь для гения Гофмана становится особой формой вдохновения, не столько творческого, сколько онтологического. Герои, в чьих образах реализуется мифологема «гений», воспринимают романтическую любовь как отражение идеального мира в реальном, как напоминание о гармоничном состоянии духа, достигаемом посредством творческого акта.

Еще одним компонентом мифологемы «гений» в творчестве Гофмана становится мотив соблазнения творца дьяволом, который наиболее ярко реализуется в романе «Эликсиры дьявола» в образе художника Франческо. Согласно представлениям немецкого романтика, баланс добра и зла в художнике может нарушить вмешательство черта, склоняющего гения к творческому акту во имя зла. Так, Франческо, соблазненный дьяволом, вместо благочестивой иконы пишет образ языческой богини Венеры. В романе «Эликсиры дьявола» значительная часть элементов мифологемы «гений» в произведении связана не с фигурой самого Франческо, но с Медардусом, его сыном, который перенял с кровью художника родовое проклятие, но который гением не является: проблема амбивалентности добра и зла в гении, мотив соблазнения дьяволом, проблема возвращения искусства в лоно христианства, а также раскрепощения через безумие. Мотив соблазнения творца дьяволом обнаруживает себя и в новелле «Состязание певцов» в сюжетной линии Генриха, которого inferнальный персонаж склоняет к обучению у чернокнижника Клингзора, чтобы мейстерзингер исполнял песни во имя темных сил.

И в первом, и во втором случае прослеживается идея о творческом гении как о носителе некоей особой духовной силы, способной пробуждать в людях стремление к идеальному миру или к деструктивному началу ирреального мира – черной магии. Таким образом, в представлении Гофмана гений является обладателем неких «пассионарных» качеств, за которые условные созидательные и деструктивные силы ведут борьбу.

Неотъемлемой составляющей гофмановской мифологемы «гений» является проблема возвращения искусства в лоно христианства, которая актуализируется в таких образах, как Бертольд («Церковь иезуитов в Г.») и Вольфрам («Состязание певцов»). Живописец Бертольд долгое время ищет свое предназначение в пейзажной и исторической живописи, пока не обнаруживает истинный талант к написанию библейских сюжетов. Дар художника в гофмановской новелле раскрывается лишь посредством приобщения героя к истинному – христианскому – искусству.

Схожая идея обнаруживается и в «Состязании певцов», где Вольфрам побеждает чарующее, но злое по своей природе искусство Клингзора посредством духовного пения во славу Творца.

Так, в гофмановском творчестве прослеживается идея о том, что искусство лишь тогда раскрывает свой потенциал и становится поистине гениальным, когда наполняется благодатью (как она понимается в догматическом христианстве) и приходит в гармонию с источником идеального в мире – богом.

С мифологемой «гений» в творчестве Гофмана связан и такой важный для творчества немецкого романтика мотив, как антагонизм гения и филистера. Данный элемент обнаруживает себя как в романе «Житейские воззрения кота Мурра» (Крейслер ощущает себя лишним в светском обществе), так и в новелле «Мадемуазель де Скюдери» (Кордильяк ведет себя неловко и неумело в салонных компаниях). Эта проблема актуализируется и в образе советника Креспеля («Советник Креспель»), который кажется окружающим чудачком из-за своей эксцентричности и яростной опеки над Антонией, которые на самом деле происходят от его творческого дара, позволяющего Креспелю видеть мир совершенно иначе, нежели обычный человек. Намек на противостояние филистера и гения обнаруживается и в ранней новелле Гофмана «Кавалер Глюк», в которой композитор высказывает идею о делении людей на тех, кто наделен или лишен возможности войти во «врата» музыкального искусства.

Можно утверждать, что Гофман в своем творчестве придерживается позиции, согласно которой гений и филистер изначально обладают разной природой, что влияет на все аспекты их жизни. Это несовпадение приводит к необходимости для гения разорвать с миром обывателей, чтобы устранить его оковы и развернуть свой творческий потенциал вовне – мир идеальный.

К рассматриваемой мифологеме относится и такой важный элемент, как проблема гендерной принадлежности гения. Гофман создает ряд гениев-художников и музыкантов мужского пола, однако в его творчестве существенное место занимает и такое явление, как *женский репродуктивный гений*. Немецкий романтик убежден, что только мужчины способны на созидательный творческий акт. Женщины же (что соответствует общим патриархальным настроениям эпохи) хоть и могут обладать выдающимися творческими способностями, лишь *воспроизводят* созданное мужчинами – поют (Антония, Беттина, Юлия («Sanctus»)).

Так, особое место в творчестве Гофмана занимает образ Анны из новеллы «Дон Жуан». Девушка способна посредством своего пения приблизиться к идеальному миру. Она также страдает от несоответствия

косного филистерского мира ее устремлениям к гармонии духа. Анна ощущает в безымянном главном герое единомышленника, что намекает на возможную романтическую линию, в которой должен был быть реализован мотив *любви как источника вдохновения*. Таким образом, Анна встает в один ряд с гениями-мужчинами, насколько это возможно в произведении романтической эпохи, отрицающей самостоятельную волю и таланты женщины.

Таким образом, в мифологеме «гений» в творчестве Гофмана реализуются проблемы и мотивы, связанные с достижением идеального мира. Немецкий романтик убежден, что переход на новый уровень бытия, когда мир мыслится как эстетическая категория, возможен лишь через творческий гений. В своих произведениях Гофман рассматривает все то, что способствует или препятствует достижению идеала, исследует природу такого явления, как гений, а также закономерности его существования. Мифологема «гений» аккумулирует в себе те исключительные качества, что ведут к «воспарению» духа над миром обывателей и приобщают к идеалу, то есть конечной цели существования, какой ее видели романтики.

Список литературы

- Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. 512 с.
- Бондарь И.А. Образ Гёте в творчестве Гюнтера Грасса // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 314–318.
- Вишницкая Ю.В. Современные научные концепции «прочтения» мифологических сценариев: к проблеме методологии // Літературознавчі студії / Київський національний університет імені Тараса Шевченка. 2013. № 37. Ч. 1. С. 30–37.
- Гете И.В. Фауст: трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака. Москва: Теис, 2016. 524 с.
- Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.
- Гуцол С. Психологічні особливості структурних складових неоміфологічного нарративу // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка. 2011. № 1. С. 103–108.
- Иванова Ю.А. Категория мифологического времени в современном романе-мифе: на примере романа Джеймса Джойса «Улисс»: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 188 с.
- Карельский А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. Москва: Советский писатель, 1990. 405 с.
- Королева В.В., Притомская А.Р. Алхимический символизм новеллы Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок: сказка из новых времен» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134>
- Королева В.В., Притомская А.Р. «Гофмановский комплекс» в романе П. Зюскинда «Парфюмер» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-110-116>
- Линченко С.А., Цыганков А.С. Архетипические начала мифоистории: «Идеальное общество» в циклических и линейных моделях исторического времени // Logos et Praxis. 2013. № 2. С. 28–34.
- Манн Т. Доктор Фаустус. Москва: АСТ, 2021. 640 с.
- Маслова С.И. Интертекстуальные квазимифологические рассказы в произведениях Э.Т.А. Гофмана (на примере новеллы «Золотой горшок: сказка из новых времен») // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-kvazimifologicheskie-rasskazy-v-proizvedeniyah-e-t-a-gofmana-na-primere-novelly-zolotoy-gorshok-skazka-iz-novyh-vremen> (дата обращения: 13.03.2024).
- Мокеева И.Г. «Истинный музыкант» Э.Т.А. Гофмана, или Великая романтическая концепция личности // Балтийский филологический курьер. 2014. № 11. С. 75–91.
- Санду О.М. Метод мифопоэтики в дизайне // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 117–129.
- Семенихина М.В. Мифологема как понятие и термин: к вопросу об определении // Перевод. Язык. Культура: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2015. С. 180–184.
- Якушева Г.В. Фауст в искушениях XX века: Гётевский образ в русской и зарубежной литературе / РАН. Науч. совет «История мировой культуры». Москва: Наука, 2005. 235 с.
- Novalis. Die wichtigsten Werke. OK Publishing: Mosaicum Books – Innovative digitale Lösungen & Optimale Formatierung, 2017.

References

- Berkovskii N.Ia. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)
- Bondar` I.A. *Obraz Gyote v tvorchestve Gyuntera Grassa* [The image of Goethe in the work of Gunther Grasse]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2013, no. 3, pp. 314-318. (In Russ.)
- Gete I.V. *Faust: tragediya* [Faust: a tragedy]; trans. by B. Pasternak. Moscow, Teis Publ., 2016, 514 p. (In Russ.)
- Guczol S. *Psixologichni osoblivosti strukturnix skladovix neomifologichnogo narativu* [Psychological features of structural components of a neo-mythological narrative]. *Visnik Nacjonal`nogo texnichnogo universitetu Ukraini «Kiivs`kij politexnichnij institut»*. *Filosofiya*.

Psixologiya. Pedagogika, 2011, no. 1, pp. 103-108. (In Ukr.)

Hoffmann E.T.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991-2000. (In Russ.)

Iakusheva G.V. *Faust v iskusheniiakh KhKh veka: Getevskii obraz v russkoi i zarubezhnoi literature* [Faust in the Temptations of the twentieth Century: The Goethe Image in Russian and Foreign Literature]. *Nauchn. sovet «Istoriia mirovoi kul'tury»* Publ. Moscow, Nauka Publ., 2005, 235 p. (In Russ.)

Ivanova Yu.A. *Kategoriya mifologicheskogo vremeni v sovremennom romane-mife: na primere romana Dzhejmisa Dzhojsa «Uliss»: dis. ... kand. filol. nauk.* Sankt-Peterburg, 2002, 188 p. (In Russ.)

Karel'skij A.V. *Ot geroya k cheloveku: Dva veka zapadnoevropejskoj literatury`* [From Hero to Man: Two Centuries of Western European Literature]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990, 405 p. (In Russ.)

Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. *Alximicheskij simbolizm novelly` E.T.A. Gofmana «Zolotoj gorshok: skazka iz novyx`x vremen»* [Alchemical symbolism of E.T.A. Hoffman's novella "The Golden Pot: A Tale from Modern Times"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 127-134. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-127-134>. (In Russ.)

Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. *«Gofmanovskij kompleks» v romane P. Zuskinda «Parfyumer»* [The Hoffmann Complex in P. Suskind's novel The Perfumer]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 110-116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-110-116>. (In Russ.)

Linchenko S.A., Cygankov A.S. *Arxetipicheskie nachala mifoistorii: «Ideal`noe obshhestvo» v ciklicheskix i linejny`x modelyax istoricheskogo vremeni* [Archetypal Beginnings of Mythohistory: The "Ideal Society" in cyclic and linear models of historical Time]. *Logos et Praxis*, 2013, no. 2, pp. 28-34. (In Russ.)

Mann T. *Doktor Faustus* [Doktor Faustus]. Moscow, AST Publ., 2021, 640 p. (In Russ.)

Maslova S.I. *Intertekstual'nye kvazimifologicheskie rasskazy v proizvedeniiakh E.T.A. Gofmana (na primere novelly «Zolotoj gorshok: skazka iz novyx vremen»)* [Intertextual quasi-mythological stories in the works of E.T.A. Hoffman (using the example of the short story "The Golden Pot: A Tale from Modern Times")]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2014, no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-kvazimifologicheskie-rasskazy-v-proizvedeniyah-e-t-a-gofmana-na-primere-novelly-zolotoy-gorshok-skazka-iz-novyh-vremen> (access date: 13.03.2024). (In Russ.)

Mokeeva I.G. *«Istinnyi muzykant» E.T.A. Gofmana ili Velikaia romanticheskaja kontsepsiia lichnosti* [The "True Musician" by E.T.A. Hoffman or the Great Romantic Concept of Personality]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er*, 2014, no. 11, pp. 75–91. (In Russ.)

Sandu O.M. *Metod mifopoe`tiki v dizjne* [The method of mythopoetics in design]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2020, no. 39, 117-129 pp. (In Russ.)

Semenikhina M.V. *Mifologema kak poniatie i termin: k voprosu ob opredelenii* [Mythologeme as a concept and term: on the question of definition]. *Perevod. Iazyk. Kul'tura: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Saint Petersburg, 2015, 180-184 pp. (In Russ.)

Vishniczkaya Yu.V. *Sovremenny`e nauchny`e koncepcii «prochteniya» mifologicheskix scenariiev: k probleme metodologii* [Modern scientific concepts of "reading" mythological scenarios: on the problem of methodology]. *Literaturoznachni studii: Kiivs`kij nacional`nij universitet imeni Tarasa Shevchenka*, 2013, no. 37, pp. 30-37 (In Russ.)

Novalis. *Die wichtigsten Werke*. OK Publ.: Mosaicum Books – Innovative digitale Lösungen & Optimale Formatierung, 2017.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 03.10.2024.

The article was submitted 05.07.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 03.10.2024.

МОТИВ НЕПОДВИЖНОСТИ В ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЯХ Н.В. ГОГОЛЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ И ЕГО ВАРИАНТЫ

Григорян Алла Маратовна, ассистент кафедры романо-германских языков, Костромской государственной университет, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Кострома, Россия, alla.grigorian@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Аннотация. В статье исследуется мотив неподвижности в петербургских повестях Н.В. Гоголя и выделяются основные предпосылки к созданию автором его семантических вариантов («окаменения», «одеревенения» и «оцепенения»). Рассматриваемая проблематика является малоизученной, число работ, посвященных мотиву неподвижности, невелико, а круг источников, на которых основывается анализ, ограничен. В результате семантическая вариативность мотива неподвижности оказывается не до конца проясненной. Благодаря расширению круга источников и новым наблюдениям «формула окаменения» – термин, введенный Ю.В. Манном, – получает дополнительные характеристики. Выделенные варианты рассматриваются в различных контекстах, что позволяет определить смысловую изменчивость статичного состояния гоголевских персонажей. Среди наиболее частотных предпосылок мотива – чувства высокой эмоциональной интенсивности, в ряду которых страх, восхищение, удивление, страдание и беспомощность. В ходе исследования раскрывается парадоксальность и амбивалентность гоголевского изображения героев, поскольку фиксируются случаи воссоздания Гоголем противоположных эмоций через одинаковые формы проявления неподвижности. Отмечается и семантическое обогащение мотива неподвижности через описание глаз и взгляда, звуков или тишины, раскрытого рта и иных элементов. Автор приходит к выводу, что мотив неподвижности персонажей, связанный с их различными эмоциональными состояниями, является существенным элементом художественного мира Гоголя, усиливающим глубину и выразительность повествования.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, невербальное поведение, мотив неподвижности, Петербургские повести, инвариант, семантический вариант.

Для цитирования: Григорян А.М. Мотив неподвижности в петербургских повестях Н.В. Гоголя: семантический инвариант и его варианты // Вестник Костромского университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 63–68. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68>

Research Article

THE MOTIF OF IMMOBILITY IN PETERSBURG STORIES BY NIKOLAI GOGOL: SEMANTIC INVARIANT AND ITS VARIANTS

Alla M. Grigorian, Assistant Professor at the Department of Romance-Germanic Languages, Kostroma State University, postgraduate student, Ivanovo State University, Kostroma, Russia, alla.grigorian@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7293-8361>

Abstract. The article examines the motif of immobility in the works of Nikolai Gogol on the material of Petersburg stories and highlights the main prerequisites for the author's creation of semantic invariants of immobility ("petrification", "stiffness" and "numbness"). The issues under consideration are poorly studied, the number of works devoted to the motif of immobility is small, and the range of sources on which the analysis is based is limited. As a result, the semantic variability of the motif of immobility is not fully clarified. Thanks to the expansion of the range of sources and new observations, the "petrification formula", a term introduced by Yuriy Mann, receives additional characteristics. The selected options are considered in different contexts, which make it possible to determine the semantic variability of the static state of Nikolai Gogol's characters. Among the most common prerequisites for the motif are feelings of high emotional intensity, including fear, admiration, surprise, suffering and helplessness. The study reveals the paradox and ambivalence of Nikolai Gogol's portrayal of heroes, since cases of Gogol recreating opposing emotions through identical forms of immobility are recorded. There is also a semantic enrichment of the motif of immobility through the description of eyes and gaze, sounds or silence, open mouth and other elements. The author comes to the conclusion that the motif of immobility, associated with various emotional

states of the characters, is an essential element of Nikolai Gogol's artistic world, enhancing the depth and expressiveness of the narrative.

Keywords: Nikolai Gogol, non-verbal behaviour, motif of immobility, Petersburg stories, invariant, semantic variant, petrification, semantic variant.

For citation: Grigorian A.M. The motif of immobility in Petersburg stories by Nikolai Gogol: semantic invariant and its variants. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 63–68 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-63-68>

Широко известную немую сцену, завершающую комедию «Ревизор», по праву можно считать наиболее ярким проявлением невербального поведения, связанным с неподвижностью гоголевских персонажей, – тем, что Ю.В. Манн предпочел назвать «формулой окаменения». В специальной работе, посвященной эволюции этой формулы, Ю.В. Манн обстоятельно рассмотрел ее семантическую наполненность, обратившись не только к «Ревизору», но и к другим гоголевским произведениям, первым из которых был рассказ «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала». В поле зрения ученого наряду с другими рассказами «Вечеров...», «Мертвыми душами» (реакция «застывающего» Манилова на слова Чичикова о мертвых душах) попала и повесть «Портрет», в которой формула окаменения связана с Чартковым. Однако иные случаи гоголевской презентации этой формулы в петербургских повестях Гоголя ни у Ю.В. Манна, ни в работах других авторов еще не получили сколько-нибудь развернутого анализа – по этой причине именно петербургские повести и оказываются в центре нашего внимания. При этом, на наш взгляд, предпочтительнее говорить не о «формуле окаменения», а мотиве неподвижности, поскольку наряду с концептом «окаменение» Гоголь использует концепты «оцепенение» и «одевление». Таким образом, мотив неподвижности включает в себя и то, и другое, и третье.

Задача состоит в том, чтобы выявить семантический инвариант и варианты того, что соотносимо с мотивом неподвижности в петербургских повестях. Связано это с тем, что многократные случаи неподвижности гоголевских персонажей, их статичного состояния имеют некое общее (инвариантное) основание, которое тем не менее в каждом конкретном случае обретает свою смысловую нюансировку (вариативность). Определенным ориентиром оказывается то семантическое наполнение инварианта «окаменения», которое дает Ю.В. Манн: «Самый общий вывод состоял бы в том, что немая сцена фиксирует какое-то сильное переживание, потрясение. <...> Но такой вывод можно уточнить: потрясение, связанное с испугом – страхом. Но и этим сказано еще не все: она фиксирует не всякий страх, а такой, который вызван какими-то непостижимыми для сознания фактами, перебоем в обыденном и естественном течении жизни» [Манн: 332]. Другим фактором (на-

ряду со страхом, определившим, в частности, и потрясение героев «Ревизора»), вызывающим подобное состояние гоголевских героев, является красота (так действует красота Аннунциаты в «Риме» или художественное совершенство потрясшей Чартова картины в «Портрете»). Так обстоит дело с «формулой окаменения» в произведениях, рассмотренных Ю.В. Манном. Обратимся к другим наблюдениям, в ряде случаев вернувшись к уже рассмотренным источникам, но не ограничиваясь ими или сделанными на их материале заключениями.

Главный герой повести «Портрет» – молодой, подающий надежды художник Андрей Петрович Чартков кардинально меняет свою жизнь после приобретения портрета, наводящего на него настоящий ужас. При созерцании портрета его дыхание затрудняется, останавливается («С занявшимися от страха дыханьем» (здесь и далее курсив наш. – А.Г.)), а вместе с тем наступает и полное оцепенение («Чартков *силлся вскрикнуть* – и почувствовал, что у него *нет голоса, силлся пошевелиться*, сделать какое-нибудь движение – *не движутся члены*. С раскрытым ртом и замершим дыханьем смотрел он... и ждал, что станет он делать») [Гоголь 3: 89]. Отсутствие движений, как видим, не единственное проявление оцепенения. Оно распространяется еще и на паралингвистическую сферу, на невозможность звуковых проявлений речи. В то же время отметим, что Гоголь часто прибегает к описанию сопряженного с неподвижностью «раскрытого рта» при описании *изумления* персонажей, а не только страха или его крайней формы – ужаса. Это прослеживается уже в ранних произведениях, в частности в «Вечере накануне Ивана Купала», где также есть небольшая немая сцена, персонажи которой лишены движений. В первую очередь это вызвано *изумлением* (вместо червонцев они видят черепки), впрочем не исключая и страха: «Выпуча глаза и *разинув рты*, не смея пошевелить усом, стояли козаки, будто вкопанные в землю» [Гоголь 1: 150]. В данном случае не лишним будет обратить внимание на то, о чем пишет Н.В. Капустин, заметивший, что «...еще в “Майской ночи, или Утопленнице” контекстуальное значение слова *ужас* оказывается синонимичным *изумлению*...», причем соотнесенность этих концептов, их взаимозаменяемость в мире Гоголя нередко сопровождается указанием на неподвижность персонажа, что отчетливо проявляется

в «Носе»: «Вдруг он <Ковалев> стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире, и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос!» [Капустин: 156]. В «Портрете», подобно приведенному выше примеру, «раскрытый рот» характеризует именно нескрываемое изумление (удивление) персонажа: «акционист, *разинув рот, остановился* с поднятым в руке молотком» [Гоголь 3: 119]. В этой же повести именно с изумлением (а не страхом) соотносимо вызывающее неподвижность восхищение невероятной красотой картины – «божественного произведения»: «Неподвижно, с *отверстым ртом стоял* Чартков перед картиною» [Гоголь 3: 422]. В данных примерах «раскрытый рот» дополняет, а в первом случае замещает статичное положение героя, в чем проявляется свойственное Гоголю стремление к гиперболизации и к метонимии.

В эпизоде жуткого сновидения Чартков испытывает сильные переживания, связанные со страшным стариком, сошедшим с портрета и оставившим сверток с золотом. Желанный сверток находится у художника в руках, и Гоголь полагается на невербальные проявления поведения персонажа, чтобы подвести действие к пробуждению, в данной сцене выступающей кульминацией: «Он (Чартков. – А. Г.) *сжимал покрепче* сверток свой в руке, *дрожя всем телом* за него, и вдруг услышал, что *шаги вновь приближаются* к ширмам <...> он *глянул* к нему вновь за ширмы» [Гоголь 3: 90]. Обилие акцентирующих динамику глаголов создает очевидный контраст с последующим оцепенением Чарткова, усиливая испытываемый им ужас, достигающий верхней точки: «Полный отчаяния, стиснул он всю силу в руке своей сверток, употребил *все усилие сделать движенье*, вскрикнул – и проснулся» [Гоголь 3: 90]. Отмеченный ранее феномен аудиального ограничения в этой сцене не соблюдается, оцепенение дополняется криком.

Невероятной силы страх, вызывающий оцепенение Чарткова, наблюдается и позднее: «он *хотел отойти*, но чувствовал, что ноги его как будто *приросли к земле*». Вновь возникающий контраст стремления героя к движению с невозможностью двинуться с места, что представлено яркой метафорой, создает эффект ужаса и крайнего испуга.

В свою очередь, в повести «Шинель» можно выделить яркий фрагмент, в котором описано состояние Акакия Акакиевича после гневной отповеди «значительного лица». Интересно, что мотив неподвижности вновь раскрывается не при помощи соответствующей лексики, но – в данном случае – посредством глагола из другого семантического ряда:

«Он *не слышал* ни рук, ни ног». Данный пример парадоксален – он свидетельствует не о неподвижности героя, а, напротив, подразумевает его движение, но при этом превращает сцену в немую с помощью ограничения аудиального восприятия героя. Акакий Акакиевич, удрученный тем, что его отчитал генерал, сосредоточенный на произошедшем, идет по улице, но при этом не чувствует собственного движения. Упомянутый далее «разинутый рот» подразумевает уже не страх, не изумление, а скорее высшую степень отчаяния: «Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, *разинув рот*, сбиваясь с тротуаров» [Гоголь 3: 167].

Особое значение в поэтике Гоголя имеет описание глаз и взгляда, которое в контексте мотива неподвижности также наделяется разными проявлениями. Чартков «со страхом *вперил* <...> *пристальнее* глаза», что определенно является признаком испытываемого им ужаса. Здесь также отметим гиперболичность употребленного фразеологизма «вперить глаза», подразумевающего уставившийся, устремленный взгляд. Дополнив его не наречием, а сравнительной степенью прилагательного, автор в разы усиливает эффект неподвижного, сфокусированного на предмете взгляда. Внимание к глазам можно отметить и в следующем примере: «Он *остановился* и вдруг затрясся всем телом: глаза его встретились с *неподвижно вперившимися на него глазами*» [Гоголь 3: 114]. Пронзительный взгляд выступает проводником атмосферы страха.

Несколько значимых наблюдений о семантике оцепенения и вперенного взгляда у Гоголя сделал М. Эпштейн. Особенно интересны его суждения о том, что «окаменение вызвано красотой предмета, а не воздействием взгляда», причем «божественная красота у Гоголя позволяет себя созерцать, демоническая – сама смотрит в упор и вызывает немоту и неподвижность» [Эпштейн: 59]. Таким образом, мотив неподвижности в творчестве Гоголя может быть рассмотрен в контексте воздействия как божественной (высшей красоты), так и демонических сил. Например, в повести «Невский проспект» художник Пискарев трепещет и робеет перед брюнеткой: «постигнутый стыдом и робостью», он «*остановился, потупив глаза*» [Гоголь 3: 18]. Взгляд Пискарева отведен, глаза опущены. Здесь, в описании преклонения перед божественной, как представляется герою, сошедшей с неба красотой, нет места «вперенному» взгляду. Не так в повести «Портрет», где такой взгляд недвусмысленно соотносен с демоническим: «*Два страшные глаза прямо вперились в него*», «*Глаза еще страшнее, еще значительнее вперились в него*» [Гоголь 3: 89].

Неоднократно упомянутое нами «оцепенение» Гоголь выражает посредством лексики «остолбенеть».

Так, в повести «Портрет» остоленение как проявление неподвижности связано с невероятным удивлением героя: прежний профессор бедствующего художника вдруг наблюдает его абсолютное преображение в важного господина: «*остоленевший профессор долго еще стоял неподвижно на мосту, изобразив вопросительный знак на лице своем*» [Гоголь 3: 98]. А в «Риме» подобная неподвижность – реакция на совершенную красоту, на ее высшее проявление: «Поднявши шляпу, он *поднял вместе и глаза и остоленел: перед ним стояла неслыханная красавица*» [Гоголь 3: 248]. Есть там и другой вариант «остоленения», иллюстрирующий могущество красоты: «И, повстречав ее (прохожие при виде Аннунциаты. – А. Г.), *останавливаются как вкопанные*». В «Невском проспекте» женской красотой вызвано молчание и застывание Пискарева: «Он стоял... *не смея говорить, не смея дышать*» [Гоголь 3: 26]. Из этого следует, что обездвиживание гоголевских героев вызывают изумление и некое бессилие перед невероятной красотой. Но может быть и по-другому. В этом смысле любопытна комическая сцена из «Коляски», где жена Чертокуцкого (не верх красоты, но, видимо, достаточно привлекательная женщина), любуясь собой, замирает перед зеркалом: «Взглянувши на себя раза два, она увидела, что сегодня очень недурна. Это... *заставило ее просидеть перед зеркалом ровно два часа лишних*» [Гоголь 3: 186]. Так, эффект воздействия красоты может быть направлен и на субъекта, что выражается здесь в комически поданной немой сцене самолюбования.

Остановимся на эффекте красоты, которую испытал Чартков после созерцания картины, написанной другим художником. В этой сцене сознание героя кардинально меняется, он осознает, что впустую потратил свою юность. Великолепие чужой работы вызывает сильнейшие чувства и становится одним из главных потрясений. На пороге этого переломного момента наблюдается ограничение звуковой составляющей и повышенная подвижность Чарткова, которая сменяется статичностью, сопровождаемой осознанием неверного выбранного жизненного пути: «...*речь умерла на устах его... он как безумный выбежал из залы. С минуту, неподвижный и бесчувственный, стоял он посреди своей великолепной мастерской*» [Гоголь 3: 113]. Переосмысление Чартковым своей жизни наводит на мысль о взаимосвязи немой неподвижности и происходящих с героем изменений, что перекликается с суждением С.В. Савинкова о том, что немая сцена «Ревизора» «самым тесным образом связана у Гоголя и с идеей преображения человека, и с логикой ее осуществления» [Савинков]. Близкое к этому наблюдение встречается и в работе Ч. Де Лотто, рассматривающей проявление мотива неподвижности в изображении эпизода

смерти прокурора из «Мертвых душ» и соотнося его с рассказами Киево-Печерского патерика. По словам итальянской исследовательницы, в данном микросюжете, как и в патериковом рассказе о враждовавших друг с другом Тите-попе и Евагрии-дьяконе, хотя и не столь прямолинейно, как в нем, «скрыт элемент спасения, оживления» [Де Лотто 2: 514].

Отмеченное С.В. Савинковым переосмысление жизненных ценностей, связанное с мотивом неподвижности, можно проследить и в «Шинели», в знаменитой сцене, когда один из молодых чиновников, проникшись сочувствием к Акакию Акакиевичу, осознавая бездушное и несправедливое к нему отношение, «*вдруг остановился, как будто пронзенный*, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде» [Гоголь 3: 144]. Мотив неподвижности вновь соединяется с мотивом внутренней перемены, с духовным преображением человека.

В повести «Шинель» мотиву неподвижности, в данном случае непосредственно связанному с главным героем, свойственна новая семантика. Акакий Акакиевич – ничем не примечательный человек, который проживает каждый день одинаково. Его будни статично-однообразны, в них почти нет изменений, поэтому и жизнь героя словно «застыла»: «его видели все *на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности*, тем же чиновником для письма» [Гоголь 3: 143]. Различима в его неподвижности и некоторая беспомощность, связанная с отрешенностью: «Он *остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать*» [Гоголь 3: 159]. При этом в рамках паралингвистического аспекта можно отметить тенденцию либо к молчаливости, либо к односложным высказываниям / звукам: «он *оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии*, произнося только «*изредка какие-то односложные звуки*»; «*изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. <...> ...Даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы*» [Гоголь 3: 149]. Даже движения Акакия Акакиевича бесшумны, он двигается по жизни, не оставляя в ней ни следа, ни звука: «пошел опять *по-прежнему очень тихо*» [Гоголь 3: 160]. Что касается его реакции на выговор «значительного лица», то наряду с уже отмеченными ранее проявлениями есть и другое, не менее выразительное: «Акакий Акакиевич *так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять... его вынесли почти без движения*» [Гоголь 3: 167]. Лексема «обмереть» означает оцепенение от внезапного сильного чувства, каковым здесь вновь является страх, на этот раз перед значительным лицом. В данном случае Акакий Акакиевич невольно приковывает к себе внимание. Ранее было иначе: непримечательность

главного героя находит отражение в неподвижности окружающих – он настолько неинтересен, что его не замечают, появление Акакия Акакиевича не вызывает ни желания подняться с места, ни обратиться к нему свой взгляд: «Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха» [Гоголь 3: 143]. При этом и в «Шинели», и в петербургских повестях в целом необходимо разграничивать «неподвижность», вызванную незаинтересованным отношением персонажей (в данном случае к Акакию Акакиевичу), и противоположный случай, когда речь, наоборот, идет о повышенном интересе и любопытстве, герои «застывают», обращая все свое внимание на привлечший их внимание предмет: «Остановился (Акакий Акакиевич. – А. Г.) с любопытством... посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина» [Гоголь 3: 158].

Неподвижность в «Невском проспекте» связана с отмечаемой Ю. Манном «высшей степенью страдания», которые он сравнивал с так называемыми сценами «немой скорби» – кульминационными моментами трагедий Эсхила [Манн: 329]. Так подается состояние Пискарева, когда идеал высшей красоты оказывается явлен в проститутке: «Проникнутый разрывающею жалостью, сидел он перед нагоревшею свечою. Уже и полночь давно минула... а он сидел неподвижный, без сна, без деятельного бдения» [Гоголь 3: 22]. Прилагательное «неподвижный» и повтор глагола «сидел» акцентируют испытываемые героем душевные страдания.

Нельзя не отметить и другое семантическое проявление мотива неподвижности в петербургских повестях. Обратившись к таким произведениям, как «Ночь перед Рождеством», «Ночи на вилле» и статье «О малороссийских песнях», Ю.В. Манн заметил, что отсутствие движения используется Гоголем для «омертвления», «превращения живого в неживое» [Манн: 329–330]. Этому можно найти подтверждение, обратив внимание на подобные художественные решения в повести «Портрет». Размышляя о влиянии растущего богатства на душу Чарткова, повествователь сравнивает бесчувственных, скупых людей с «движущимися каменными гробами с мертвецом внутри наместо сердца» [Гоголь 3: 110]. Этот пример – нестандартное проявление «окаменения», выполняющее несколько функций: оно одновременно выражает «застылость» души и проводит параллель с неживым, усиливая эффект развернутой метафоры.

Итак, при осмыслении мотива неподвижности были рассмотрены петербургские повести, которые не были предметом пристального внимания Ю.В. Манна (исключение – повесть «Портрет»), в его работе, посвященной «формуле окаменения». Оказались выявлены дополнительные семантические ва-

рианты неподвижности, которая не ограничена лишь «окаменением», но включает в себя «оцепенение», «одеревенение» или «остолбенение».

Семантический инвариант рассматриваемого мотива действительно связан с сильными переживаниями и потрясениями гоголевских героев. Но, основываясь на приведенных примерах, можно говорить о большем многообразии семантики мотива неподвижности и его «морфологии». Последнее достигается Гоголем с помощью различных средств: частого употребления глаголов, описывающих действия, для создания контраста со сценой, лишенной движений; лексических единиц, описывающих звук или тишину; характерных для автора описаний раскрытого рта, пронзительного взгляда и др. Гоголевская неподвижность сложнее, чем кажется – это не всегда отсутствие движения, а, например, длительное действие, которое овладевает героем, или «немая» сцена, когда аудиальный аспект ограничен.

Выявленные семантические варианты связаны в первую очередь с воздействием страха или красоты (красоты женщины или совершенством картины), но не ограничиваются ими. В ряду факторов, вызывающих неподвижность, оказываются изумление (удивление), отчаяние, переоценка ценностей, равнодушие или, наоборот, любопытство. В ряде случаев с мотивом неподвижности связана реальная или только намеченная (потенциальная) перемена, происходящая с гоголевским человеком. Стоит также отметить, что у двух, казалось бы, совершенно разных чувств (например, страха и изумления / восхищения) оказывается одинаковое внешнее проявление. В этой парадоксальности и амбивалентности обнаруживаются необычные свойства характерологии, явленные в невербальной поэтике Гоголя.

Список литературы

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков; ред. В.В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В.А. Десницкий, В.Я. Кирпотин и др. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Де Лотто Ч. Заметки о танатологии Гоголя // Феномен Гоголя: материалы юбилей. междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / под ред. М.Н. Виротайнен, А.А. Карпова. Санкт-Петербург: Петрополис, 2011. С. 509–519.

Капустин Н.В. О семантике слова «ужас» в финале «Мертвых душ» Гоголя // Гоголь и его творчество. Спектр интерпретации: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «XX Гоголевские чтения», Москва, 12–14 мая 2022 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В.П. Викуловой. Москва; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2023. С. 153–159.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. Москва: Coda, 1996. 474 с.

Савинков С.В. Немая сцена в творчестве Гоголя и логика преобразования // Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека: оф. сайт. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1414/> (дата обращения: 10.05.2024).

Эпштейн М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 385 с.

References

De Lotto Ch. *Zametki o tanatologii Gogolia* [Notes on Gogol's thanatology]. *Fenomen Gogolia: materialy Iubilei. mezhdunar. konf., posviash. 200-letiiu so dnia rozhd. N.V. Gogolia* [The Gogol phenomenon: materials of the International conference], ed. by M.N. Virolainen, A.A. Karpova. Saint Petersburg. Petropolis Publ., 2011, pp. 509-519. (In Russ.)

Epshstein M. *Ironiia ideala: paradoksy russkoi literatury* [The irony of the ideal: paradoxes of Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, 385 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t.* [Full composition of writings: in 4 vols.], AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); chief editor N.L. Meshcheriakov; ed. by: V.V. Gippius (deputy editor), V.A. Desnitskii, V.Ia. Kirpotin et al. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937-1952. (In Russ.)

Kapustin N.V. *O semantike slova «uzhas» v finale «Mertyvkh dush» Gogolia* [On the semantics of the word "horror" in the ending of Gogol's "Dead Souls"]. *Gogol' i ego tvorchestvo. Spektr interpretatsii: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. «XX Gogolevskie chteniia»* [Spectrum of interpretation: XX Gogol readings: collection of the scientific articles based on materials from the International Scientific Conference "Gogol and his work"], Moscow, 12-14 may, 2022, Departament kul'tury g. Moskvy; «Dom N.V. Gogolia – memorial'nyi muzei i nauchnaia biblioteka»; ed. by V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosib. izd. Dom Publ., 2023, 248 p., pp. 153-159. (In Russ.)

Mann Iu.V. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations on a theme]. Moscow, Coda Publ., 1996, 474 p. (In Russ.)

Savinkov S.V. *Nemaia stsena v tvorchestve Gogolia i logika preobrazheniia* [The silent scene in Gogol's work and the logic of transformation]. *Dom Gogolia – memorial'nyi muzei i nauchnaia biblioteka* [Gogol's House - memorial museum and scientific library]. URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/1414/> (access date: 10.05.2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

ВЕХИ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1914 – НАЧАЛА 1920-Х ГГ.: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Шевчук Юлия Вадимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития женской лирики в России 1914 – начала 1920-х гг. под влиянием внешних обстоятельств. Переживания, связанные с событиями Первой мировой и гражданской войн, с переломным для страны 1917 г., нашли драматическое воплощение в поэзии А. Ахматовой, А. Герцык, В. Малахиевой-Мирович, В. Меркурьевой, Л. Столицы. Женское переживание катастрофы происходит на границе понимания ситуации и ее «вещественно»-интуитивного постижения, создается ощущение материальности момента, эмоционально-оценочной реакции на него. В лирике воинственный дух гражданина, готового пожертвовать жизнью, соединяется с нежностью и силой, охраняющей дом, семью, материнство. Женский взгляд отличается ярко выраженной ориентацией на элементы народного мировосприятия, возрастает роль мифопоэтических образов и мотивов, актуализируются жанры фольклора и духовной поэзии. Момент истории эксплицируется через городское пространство, в котором прочитываются знаки индивидуальной и коллективной судьбы. Город и дом входят в семантическое пространство родной страны, России. Вера, любовь и материнство определяют отношение к происходящему как к человеческой трагедии и надвигающемуся Апокалипсису, Возмездие за грехи. Отражая вехи мировой и отечественной истории, женщины-поэты выходят за пределы первоначальной камерности, развивают эпические образы и мотивы в творчестве. В стихотворениях, написанных от лица современников, лирическое «я» сливается с «мы», в них авторы достигают трагической высоты изображения судьбы своего поколения и России.

Ключевые слова: историзм, образы, мотивы, гражданская лирика, А.А. Ахматова, А.К. Герцык, В.Г. Малахиева-Мирович, В.А. Меркурьева, Л.Н. Столица.

Для цитирования: Шевчук Ю.В. Вехи истории в русской лирике 1914 – начала 1920-х гг.: женский взгляд // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 69–76. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-69-76>

Research Article

MILESTONES OF HISTORY FROM 1914 TO THE EARLY 1920s: RUSSIAN FEMALE LYRIC POETS

Yulia V. Shevchuk, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia, julyshevchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3784-2100>

Abstract. The article is devoted to the problem of the development of women's lyrics in Russia from 1914 to the early 1920s under the influence of external circumstances. The feelings connected with the events of World War I and the Russian Civil War, the turning point between which saw revolutions of 1917, found dramatic embodiment in the poetry of Anna Akhmatova, Adelaida Gertsyk, Varvara Malahieva-Mirovich, Vera Merkur'yeva, Lyubov' Stolitsa. A purely feminine sense of catastrophe occurs on the borderline of understanding the situation and its 'material'-intuitive comprehension; it creates a sense of the materiality of the moment and an emotional and evaluative reaction to it. In the lyrics, the militant spirit of a citizen ready to sacrifice own life, is combined with tenderness and strength that protects the home, family, motherhood. The female gaze is characterised by a pronounced orientation towards elements of folkish worldview; the role of mythopoetic images and motifs increases; the genres of folklore and spiritual poetry are actualised. The moment of history is explicated through the urban space, in which the signs of individual and collective destiny are read. The city and home are included in the semantic space of the motherland – Russia. Faith, love and motherhood define the attitude to what is happening as a human tragedy and almost as an impending Apocalypse, given for grave sins. Reflecting the milestones of world and Russian history, the poetesses go beyond the original chamber setting and rather develop epic images and motifs in their creative

work. In the poems written on behalf of contemporaries, the lyrical “I” merges with “us”; the authoresses reach the tragic height of depicting the fate of their generation and the whole of Russia in the poems.

Keywords: historicism, images, motifs, civic lyrics, Anna Akhmatova, Adelaida Gertsyk, Varvara Malahieva-Mirovich, Vera Merkur'yeva, Lyubov' Stolitsa

For citation: Shevchuk Y.V. Milestones of history from 1914 to the early 1920s: Russian female lyric poets. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 69–76 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-69-76>

Лирические произведения Анны Ахматовой, Аделаиды Герцык, Варвары Малахеевой-Мирович, Веры Меркурьевой, Любви Столицы, написанные в переломные для России годы войн и революций, отражают женское переживание катастрофы на границе понимания ситуации и ее «вещественно»-интуитивного постижения. Воинственный дух гражданина, вставшего на защиту культурных и религиозных ценностей, соединяется в них с женской силой, охраняющей дом, семью, материнство. Классикой поэзии XX в. стала гражданская лирика Ахматовой, в том числе ее книга «Белая стая» (1917), менее известны современному читателю «Дни гнева, дни скорби» (1917) Меркурьевой, «Подвальные» (1921) Герцык, «Батайские дни» (1919) Малахеевой-Мирович, «Из песен девицы-добровольца» (1914–1915) Столицы. Одни произведения сразу были отданы в газеты и журналы («Накануне», «Биржевые ведомости», «Женское дело», «Журнал для женщин», «Женская жизнь»), вошли в состав коллективных и авторских поэтических сборников, другие – долгое время не печатались в России и увидели свет только во второй половине прошлого столетия и в наше время¹.

Художественное восприятие авторами событий десятилетия отечественной истории (1914–1924) отличается ярко выраженной ориентацией на элементы народного мировосприятия – в женской поэзии возрастает роль *мифопоэтических образов и мотивов*. Так, откликом Ахматовой на начало Первой мировой войны стал цикл «Июль 1914» («Пахнет гарью. Четыре недели...», 1914; «Можжевелика запах сладкий...», 1914). Известие о вступлении России в войну застало поэта в Слепневе, имении Гумилевых. Война воспринимается сквозь призму крестьянского сознания, деревенскими жителями она истолковывается как Божеское Наказание засухой, требующее от людей искупления грехов. В финале первого стихотворения появляется образ защитницы Богородицы, расстилающей «над скорбями великими плат»; во втором – страдающая земля ассоциируется со Спасителем, с Его крестными муками. Лирическое напряжение, ценностная экспрессия выражаются опосредованно – через описания природы и голоса «одноногого прохожего», плачущих вдов, «молящего».

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глады, и труса, и мора,
И затменья небесных светил» [Ахматова: 198].

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих» [Ахматова: 199].

И в дальнейшем Ахматовой трагические события в российской и мировой истории будут осмыслены как годы всенародного горя и подвижничества («Реквием», 1935–1940; «Ветер войны», 1940-е). Нерасторжимую связь поэта и времени образно обозначил О.Э. Мандельштам: «Она – плотоядная чайка: где исторические события, там слышится голос Ахматовой, и события – только гребень, верх волны: война, революция» [Герштейн: 170]. В моменты исторических катастроф, по Ахматовой, главная задача поэзии – сказать свое полновесное и внушительное слово, запечатлеть переживаемое в потоке времен и культурного сознания. Поэт, как летописец современности, способен разглядеть ту самую субъективно-значимую деталь, смысл которой прояснится годы спустя, и окажется, что в прошлом именно она была знаком судьбы, предвестницей будущего. Чтобы исполнить свое предназначение, художник выходит за пределы первоначальной камерности, развивает эпические образы и мотивы («Памяти 19 июля 1914», 1916):

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей,
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозных вестей

[Ахматова: 269].

С народом ахматовскую героиню соединяет беда, которую принесла внезапно начавшаяся война («Мы на сто лет состарились, и это / Тогда случилось в час один...»). Мотив индивидуального страдания, получивший развитие в центральном четверостишии и связанный с образом Христа, молящегося в Гефсимании, в финале стихотворения «подключается» к теме общей судьбы и культурной памяти. Память-книга лирической героини, возможно, восходит к вет-

хозаветному образу. Пророк Моисей, готовый взять на себя грех народа, обращается к Богу со словами: «Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». Господь отвечает Моисею: «Того, кто согрешил предо Мною, изгладь из книги Моей» (Исх. 32: 32–33).

В произведениях социально-исторической проблематики Ахматова, как правило, описывает страдания отдельного «я» как одного из многих. Иным вариантом представления героини является изображение ее исключительности и духовного самоутверждения в поэзии Столицы. В статье «О современном лиризме» (1909) И.Ф. Анненский характеризует стихотворения поэтессы как «наделенные яркой чувственностью, осязаемостью» [Анненский: 354]. Таковы и произведения, включенные составителями в тематический цикл «Из песен девицы-добровольца» (1914–1915). Женщина-воин выделяется богатырскими чертами, она отважна и решительна:

Я девичью ногу – в стремя,
Золотой шишак – на темя, –
И несусь
В бой за Русь [Столица: 358].

Лирическая героиня, прекрасно понимая, что обычная доля женщины «лишь шитье одно да печиво», и бунтуя против заведенного порядка, бросает вызов сразу всем возможным врагам – внешним и внутренним («Ох, ты, жизнь девичья, сонная!»). Песенная основа произведений, архаизмы, фольклорные образы и мотивы не мешают автору выражать порывы современной женской души: жертвовать на войне приходится не только жизнью, но и полом. Только во время тайных купаний в ручье героиня становится «впрямь девицей» («Я – доброволец радостный»), а женское счастье достается ей после смерти («Стаи дикие лебязие...»).

Красоту былую девичью
Смерть на лик мой навела
И Егорью-Королевичу
В жены, храбрую, дала.
Кудри солнечные глажу я,
В синезарный взор гляжу!..
Песня дальняя лебязяя...
Умерла... Лечу... Лежу...

[Столица: 359].

Революцию Столица не приняла, эмигрировала в Болгарию и тосковала там по России до конца дней своих. В глубоко трагическом сонете «Родине» (1918) страна у нее ассоциируется с кладбищем: «Кругом одни холмы темнеющих могил» [Столица: 392]. Стихотворение было опубликовано в номере газеты «Накануне» (1918, № 1, 7 апреля / 25 марта) и стало одним из первых в творчестве Столицы, посвященных теме утраченной родины – актуальной для нее в 1920–1930-е гг.

Переломный момент истории в женской поэзии начала века также эксплицируется через *городское пространство*, в котором прочитываются знаки индивидуальной и коллективной судьбы. В ахматовской лирике предвоенный Петербург – город между небом и землей – мифологизируется в сознании лирической героини, однако внешне столица сохраняет вполне реалистические очертания. Важнейшей для автора является оппозиция «мужского» и «женского», которая соотносится с мотивом покорения Петром «пустынных волн» реки, имеющим в русской литературе достаточно разработанный семантический контекст («О, это был прохладный день...», 1913; «Стихи о Петербурге», 1913; «В последний раз мы встретились тогда...», 1914). В стихотворениях Ахматовой 1912–1914 гг. ситуация любовной борьбы перерастает в противостояние поэтов: пейзаж «чудесного» города отражает высокие идеалы и устремления женщины-художника, чья скрытая сила души, уподобленная «темноводной» Неве, пробуждается и грозит выйти из своих берегов. Лирическое переживание городского пространства отражает состояние женской души, свидетельствует о ее готовности петь не только о любви, но и о событиях национального масштаба. Л.К. Чуковская справедливо указывала на то, что Ахматова постоянно ощущала себя и свою судьбу связанной с мировой культурой и историей: «<...> Пушкин, Дант, Шекспир, Петербург, Россия, война... Она не может ни любить, ни ссориться в стихах, не указав читателю с совершенной точностью момент происходящего на исторической карте» [Чуковская: 134].

Образ Петербурга в стихотворениях Ахматовой первой половины 1914 г. становится предвестником Апокалипсиса и местом, подсказывающим героине новый путь, еще не осознанный, но уже настраивающий ее на высокую жертву («А я, закрыв лицо мое, / Как перед вечною разлукой, / Лежала и ждала ее, / Еще не названную мукой» [Ахматова: 179]). Крылатые фигуры чугунных ангелов, установленные на арке «на Галерной», напоминают о наступающем Судном дне («Как ты можешь смотреть на Неву...», 1914):

Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут [Ахматова: 173].

В стихотворении «На разведенном мосту...» (1917–1919) события февральской революции и октябрьского переворота Ахматова воспринимает в образе внезапно разведенного моста – как резкий надлом времени и судьбы человека:

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя [Ахматова: 324].

История в стихотворениях была услышана Ахматовой как прозвучавший в воздухе залп («И целый день, своих пугаясь стонов...», 1917). Атмосфера, воцарившаяся в столице, передается через описание уличного гула, в котором «великопостный звон» церковных колоколов сливается с «беспорядочной стрельбой» («Я в этой церкви слушала Канон...», 1917). Тотальное присутствие смерти осмысливается поэтом как мощный стимул к покаянию и очищению. Упомянутый в стихотворении Канон Андрея Критского – выдающееся произведение церковной гимнографии – представляет собой развернутый диалог человека со своей душой. Судьбоносный период русской истории совпадает с «семью неделями», предваряющими Христову Пасху.

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
..... судьбой

[Ахматова: 322].

Образ женщины из народа сближает лирику Ахматовой и Меркурьевой, индивидуальный стиль поэзии которой критики сравнивали со стилем заговоров и заклинаний. В отличие от Ахматовой, она поэт Москвы. «Одним из самых сильных стихотворений революционного года» назвал М.Л. Гаспаров сонет Меркурьевой «Пробоина – в Успенском соборе...» (1917) из цикла «Дни гнева, дни скорби»². При обстреле Кремля красной артиллерией был пробит церковный купол.

Пробоина – в Успенском соборе,
Пробоина – в Московском Кремле.
Пробоина – крошечное горе –
Пробоина – в сраженной земле.
<...> Пробоина – где мы в ней и что мы?
Пробоина – бездна поглотила.

Пробоина – нет вся Руси [Меркурьева: 119].

В последних числах декабря 1917 – начале 1918 г. Меркурьева пишет «Сон о Богородице», где центральным является также образ Москвы революционной. Речь идет о святочных днях, когда совершается тайна встречи старого мира с новым, чудо перерождения и очищения в мистическом соединении Жизни и Смерти, Богородицы и Метелицы. Понимание поглощающей силы революции, готовность к смерти в том случае, если новая жизнь не примет в свое лоно лирическую героиню и ее товарищей по культуре, прочитываются в стихотворении Меркурьевой «Стансы» (1918).

<...> На лобном месте, веку злого
Лихие вина испуив,

Мы верно сдержим наше слово,
Не изменив, не отступив.

Совьем лирические бредни
В созвучий вольных коловерть –
И кончим ямб, свой ямб последний
Прощальной рифмой к слову «смерть»

[Меркурьева: 43].

То же переживание неизбежного эшафота, готовность войти в новую жизнь без отречения от прежних культурных ценностей или умереть обнаруживаются и в ахматовском стихотворении «Петроград, 1919» (1920). Автор пишет об одолевающем современников ужасе, но в последней строфе страх неожиданно перекрывается верой в непрерывную связь поколений, которая осуществляется культурой. Голос хора сограждан (один из вариантов заглавия – «Согражданам») звучит как соборная молитва.

И мы забыли навсегда,
Заклочены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
<...> Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет

[Ахматова: 348].

В стихотворениях, написанных поэтами от лица современников, потрясающе сильно звучит лирическое «мы». Сближает Меркурьеву с Ахматовой и мотив нищеты в настоящем, которая заставила лирическую героиню и окружающих переоценить свое положение в прошлом и ощутить духовный подъем во время голода («Голодная», 1922). К Богу обращены слова героини Меркурьевой:

Тебя не увидели
Мы сытые –
В предсмертной тоске, в покаянном ужасе
Ты нам обнаружился.
Слава же Тебе вовек,
Показавшему нам свет [Меркурьева: 381].

В образе нищенки, городской сумасшедшей в военные годы предстает ахматовская героиня. Потрясение горем очищает душу и проясняет память женщины, которая как священный долг воспринимает задачу сохранить прошлое («Думали: нищие мы, нету у нас ничего...», 1915; «Будешь жить, не зная лиха...», 1915).

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом <...> [Ахматова: 252].

Цикл «Батайские дни» (1919), посвященный городу, находящемуся неподалеку от Ростова-на-Дону, после революции неоднократно переходившему от белых к красным и наоборот, включила в руко-

писную книгу «Во дни войны» Малахиева-Мирович. Драмы разыгрываются на улицах города. Участники событий – люди разных поколений (дети, их родители и старики), явь и сновидение наполняют друг на друга, звучат голоса горожан, их свидетельства. Одной из самых сильных в цикле является сцена смерти старухи на улице:

В череду умерла старушка.
Простояла всю ночь в череду,
Не дождалась хлеба и села.
На рассвете грянула пушка.
Разбежались все, а она – на льду,
Как живая до полдня сидела

[Малахиева-Мирович: 185].

В поле зрения женщин-поэтов попадают не просто лица из толпы, но прежде всего *мужья, возлюбленные и дети*, с ними связаны мотивы мученичества и сиротства, а также важнейший для женского сознания концепт *дома*. В стихотворении Ахматовой «Утешение» (1914) убитый «в объётой пожарами, скорбной Польше» возлюбленный причисляется к святой рати, «Божьему воинству»:

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему [Ахматова: 208].

Тему женского мужества и гражданского порыва раскрывает мотив священной жертвы, которую совершает ахматовская героиня, ради России отрекаясь от того, что для нее дороже собственной жизни, – от переживаний материнства, любви и творчества («Молитва», 1915).

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей [Ахматова: 231].

Во время войны Ахматова создает «Колыбельную» (1915), в которой признается: «Я дурная мать». В центре внимания – внутренний мир матери. Если в традиционной колыбельной находят отражение женские идеалы и мечты, то здесь ребенку адресована тревожная, неутешительная исповедь и материнское раскаяние. Поэт пишет о безоговорочном неприятии войны с точки зрения женщины:

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца [Ахматова: 251].

Форма женского плача-причитания в стихотворении «Для того ль тебя носила...» (1918), посвященном Виктору Горенко – белогвардейцу, младшему

брату Ахматовой, которого в семье ошибочно считали погибшим, позволила автору выразить свое отношение к происходящему как к человеческой трагедии, отодвинув на второй план социально-политическую оценку событий гражданской войны.

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
<...> На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет [Ахматова: 329].

Материнскому горю также посвящены трагические строки Герцык – поэта круга символистов. В жанре молитвы написано стихотворение «Господи, везде кручина!» (1921). Мать, ищущая спасения в вере, не в состоянии смириться с тем, что смерть сына могла быть осуществлением Божьей воли.

Господи, везде кручина!
Мир завален горем, бедами!
У меня убили сына,
С Твоего ли это ведома? [Герцык: 164].

Дети вносят светлое настроение в лирику Герцык, с ними лирическая героиня связывает надежды на будущее возрождение мира («Женщинам», 1919):

Им нужно, чтоб их любили,
И нужно, чтоб их одели...
О, если б они свершили
Все то, что мы не сумели! [Герцык: 157].

Если время Первой мировой войны в женской поэзии ощущается как приближение «страшных сроков», то революционные события и гражданская война воспринимаются как *Апокалипсис*, *Судный день*, *Возмездие за грехи*. У Ахматовой в лирике второй половины 1910-х гг. жестом, означающим недоумение и невыразимое страдание лирического «я», становится положение рук на лицо («Закрыв лицо, я умоляла Бога / До первой битвы умертвить меня»; «И только совесть с каждым днем страшней / Беснуется: великой хочет дани. / Закрыв лицо, я отвечала ей... / Но больше нет ни слез, ни оправданий» [Ахматова: 269, 273]). Поэт не идеализирует образ родной земли, напротив, пишет о чувстве стыда, которое охватывает при взгляде на грехопадение людей («Отрывок», 1916 <?>):

.....
О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не смей поднять глаза к высокому небесам
[Ахматова: 285].

В 1917 г. создано стихотворение о Петрограде «Когда в тоске самоубийства...», в котором значимым

является мотив грехопадения города, восходящий к Книге Пророка Исайи: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы» (Ис. 1: 21).

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее... [Ахматова: 316].

Величие жеста («руками я замкнула слух») выдает решительную позицию героини, которая не собирается оставлять родной город на произвол судьбы.

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух [Ахматова: 316].

Эсхатологические мотивы переполняют и лирику Герцык. В большевистском подвале-тюрьме в Судачке, в котором она провела три недели в январе 1921 г., был создан поэтический цикл «Подвальные». Спустя несколько лет на свет появились «Подвальные очерки» (1924–1925). Центральный образ в стихотворениях «Нас заточили в каменный склеп», «В этот судный день, в этот смертный час...», «Ночь ползет, тая во мраке страшный лик», «Я заточил тебя в темнице» – подземелье. Переживание лирической героини выписано психологически точно: страх, физическое страдание, соприкосновение со смертью, неистовая молитва, двоение сознания и религиозный подъем. При всем понимании безжалостности судей и свирепости стражей, Герцык пишет не столько о терроре властей, сколько о духовном мраке, глубочайшем сомнении в душевных силах, в вере. Русская интеллигенция в начале 1920-х гг. под воздействием физической катастрофы ощущает исчерпаемость внутренних сил и неотвратимость новой власти – это есть и в подвальных молитвах Герцык, несмотря на то, что последняя из них содержит мотивы религиозного оправдания страдания и возрождения веры в чудо обновления.

Лишь здесь, в могиле предрассветной,
Твой ум постиг,
Как часто пред тобой и тщетно
Вставал Мой Лик.
<...> Так чей-то голос в сердце прозвучал.
Как сладостен в темнице плен мой стал

[Герцык: 164].

В лирическом высказывании героини слышится голос поколения, которому в России или в эмиграции суждено будет прожить две жизни – «до» и «после» перелома: «все бывшее – небылицей стало уж для нас», «эта боль – это расплата за недавний смех», «ни эти возгласы, ни речи, – не я!» [Герцык: 166, 167, 168]. В новую жизнь лучше входить налегке, без прошлых вещей, продолжающих держать в плену сознание героини («Когда-то любила я книги...», 1922).

Революцию как Возмездие и предвестие духовной Свободы воспринимает Малахьева-Мирович. От имени Революции в 1924 г. она пишет стихотворение «Я – революция. Я пламень мировой», в котором возникают образы «пожаров гнева», «меча возмездья», мира как «единой семьи» и «дитя» революции, то есть самой Свободы. Через два года поэт, однако, призывает:

О, революция! Пора сменить твой лик
И тряпку красную в архив бывшего спрятать

[Малахьева-Мирович: 260].

Чтобы исполнить высшее предназначенье – «внести свободный дух на самый верх горы, / Откуда новое пойдет времен теченье», – следует, по мнению Малахьевой-Мирович, перестать перетасовывать старые ценности и отказаться от классового подхода к ценностям как от наивной уловки.

Прямая оценка действий новой власти практически не звучит в поэзии Ахматовой, исключением можно считать стихотворение «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» (1922). В военные годы поэт, как многие современники, задумывается о проблеме выбора жизненного пространства в ситуации социально-исторического кризиса. Находясь с родными на даче Шмидта близ Севастополя, Ахматова в 1916 г. создает стихотворение «Когда в мрачнейшей из столиц...», посвященное Б.В. Анрепу, в котором представляет свой отъезд в Песочную бухту как бегство из столицы под покровом петроградской ночи:

<...> Рукою твердой, но усталой
На чистой белизне страниц
Я отречение писала
<...> Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний,
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени

[Ахматова: 270].

Мечта о путешествии в Англию описывается как реальное событие в миницикле «Сантиментальное путешествие» (1917), состоящем из произведений «Просыпаться на рассвете...» и «Это просто, это ясно...». Первая публикация стихотворения «Это просто, это ясно...» в газете «Петроградское эхо» (1918, 22 января) вышла со следующими строками 9–11: «Оттого, что, бросив друга / И единственного сына, / Бросив город мой заветный <...>» [Ахматова: 844]. Упоминание «единственного сына», «друга» и «заветного» города создавало впечатление автобиографичности произведения. Конечно, это была игра поэтической фантазии, однако родилась она от реальной ситуации выбора, который стоял перед автором.

В конце 1910-х – начале 1920-х гг., когда отъезд из России уже не воспринимается как временная мера спасения, Ахматова ориентируется на идею

безусловной ценности родного дома и коллективно-переживания беды в родной стране. Решительнее многих она заявляет о своей позиции в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922). «Последняя зима» перед Первой мировой войной является точкой отсчета нового века, а поза оглянувшейся героини и ее поколения становится у Ахматовой фигурой умолчания, за которой прочитывается скорбное прощание автора с эпохой, боль от невосполнимых утрат поколения и невозможность войти в новую жизнь, отбросив прошлое («Тот голос, с тишиной великой спора...», 1917; «Лотова жена», 1924).

Тот голос, с тишиной великой спора,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад
[Ахматова: 293].

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд
[Ахматова: 402].

Ахматова, Меркурьева, Малахиева-Мирович стали свидетелями событий Второй мировой войны.

Итак, приведенные выше произведения, посвященные вехам отечественной и мировой истории, являются глубоко лирическими и драматическими по своей природе, в них создается ощущение «вещественности» момента, эмоционально-оценочной реакции на него. В связи с событиями Первой мировой войны и последующими историческими катаклизмами в России неличные, эпические мотивы возникают и интенсивно развиваются в женской поэзии, позволяя ей постепенно набрать силу и, наконец, преодолеть первоначальную камерность и сосредоточенность на интимной тематике. Очевидно, что голос Ахматовой выделяется из хора голосов современниц своим волевым, действенным началом, внутренний строй ее лирики отличается драматизмом «закрытым, молчаливым, стоически – по-мужски – укрошенным» [Колобаева: 130].

Символично-мифологический психологизм 1910-х гг., питающийся от культурных русских корней, по мере нарастания драматизма исторических обстоятельств, сменяется в женской поэзии изображением человеческой трагедии поколения рубежа веков, национальной беды. В поэзии Столицы лихая «девица-доброволец» военных лет уступает место плакальщице-эмигрантке из 1920-х гг. Образы города и России обретают черты не символического

пространства, теряющего устойчивость и основательность, а места, где буквально рушатся дома, семьи и судьбы у Меркурьевой, Малахиевой-Мирович, Герцык. С приходом в 1914 г., по словам Ахматовой, «некалендарного» XX в. женская поэзия исторической темой преобразилась и продолжила свой путь значительных художественных обретений и невосполнимых человеческих потерь.

Примечания

¹ В статье «Ахматова и “Весенний салон поэтов”» Г.В. Петрова обращается к проблеме ахматовских публикаций в периодических изданиях, альманахах, сборниках. В центре внимания исследователя неавторский «цикл», составленный из стихотворений 1914–1917 гг., посвященных военным событиям [Русские поэты: 20–30].

² Цит. из статьи М.Л. Гаспарова «Вера Меркурьева (1876–1943). Стихи и жизнь», опубликованной в Собрании стихотворений Меркурьевой (с. 499–542) [Меркурьева, 2007: 512].

Список литературы

Источники

- Ахматова А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941 / сост., подг. текста, коммент. и ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998. 968 с.
- Герцык А.К.* Из круга женского: Стихотворения, эссе / сост. Т. Жуковская. М.: Аграф, 2004. 483 с.
- Малахиева-Мирович В.* Хризалида. Стихотворения / сост., подг. текста, ст. и коммент. Т. Нешумовой. М.: Водолей, 2013. 608 с.
- Меркурьева В.* Тщета: Собрание стихотворений / сост., подг. текста и примеч. В.А. Резвого, статьи М.Л. Гаспарова. М.: Водолей Publishers, 2007. 606 с.
- Столица Л.Н.* Голос Незримого: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Роман в стихах / сост., подг. текста и примеч. Л.Я. Дворниковой и В.А. Резвого. М.: Водолей, 2013. 728 с.

Исследования

- Анненский И.Ф.* О современном лиризме («Оне») // Критика русского символизма: в 2 т. Т. 2. М.: ООО «Издательство “Олимп”», ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 333–359.
- Герштейн Э.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.
- Колобаева Л.А.* И мужественность, и женственность (О своеобразии лиризма Анны Ахматовой) // Колобаева Л.А. От А. Блока до И. Бродского. О русской литературе XX века. М.: ООО «Русский импульс», 2015. С. 127–133.
- Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / отв. ред. Г.В. Петрова. М.: Азбуковник, 2021. 472 с.

Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М.: Согласие, 1997. 544 с.

References

Annenskii I.F. *O sovremennom lirizme ("One")* [About modern lyricism ("One")]. *Kritika russkogo simbolizma: v 2 t.* [Criticism of Russian symbolism: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, OOO "Olimp" Publ., OOO AST Publ., 2002, pp. 333–359. (In Russ.)

Gershtein E. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998, 528 p. (In Russ.)

Kolobaeva L.A. *I muzhestvennost', i zhenstvennost' (O svoeobrazii lirizma Anny Akhmatovoi)* [Both masculinity and femininity (On the peculiarity of Anna Akhmatova's lyricism)]. Kolobaeva L.A. *Ot A. Bloka do I. Brodskogo. O russkoi literature XX veka* [From A. Blok to I. Brodsky. About Russian literature of the

XX century]. Moscow, OOO "Russkii impul's" Publ., 2015, pp. 127–133. (In Russ.)

Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966) [Russian poets of the XX century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)], ed. by G.V. Petrova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, 472 p. (In Russ.)

Chukovskaia L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. 1938–1941* [Notes about Anna Akhmatova. 1938–1941]. Vol. 1. Moscow, Soglasie Publ., 1997, 544 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 08.11.2024.

ЖЕНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В РОМАНЕ А.ДЖ. КРОНИНА «ТРИ ЛЮБВИ»

Новикова Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, anitabogdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7258-2050>

Аннотация. В статье на материале романа шотландского писателя анализируется художественная концепция женских образов в динамике мироощущения автора, обозначаются попытки создания типологии женских образов в творчестве А.Дж. Кронина, выявляется специфика изображения героинь в реалистической прозе. Автор считает, что изучение женских образов с помощью литературного портрета способствует определению существенных особенностей прозы и художественного мира писателя. В статье выделены образные аналогии, связанные с автобиографическими фактами, а выбранный автором типологический подход к женской образной системе в творчестве писателя позволяет не только определить внутреннюю логику художественного мышления А.Дж. Кронина, но и наличие «литературно-эстетической общности». Как показало исследование, писателю удалось с помощью своей героини, через ее эмоции и взаимоотношения с другими персонажами, детально охарактеризовать все женские образы. Таким образом, женский литературный портрет у писателя отличается сохранением черт внешнебытового правдоподобия и индивидуальности: женским образам в романе присущи как общие типические черты, так и индивидуальные.

Ключевые слова: литературный портрет, женский образ, психологическая характеристика, роман, автобиография, мировой литературный процесс.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; код, присвоенный учредителем (организацией) – VGEA-2024-0068.

Для цитирования: Новикова А.А. Женский литературный портрет в романе А.Дж. Кронина «Три любви» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 77–86. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-77-86>

Research Article

A FEMALE LITERARY PORTRAIT IN THE NOVEL «THREE LOVES» BY ARCHIBALD JOSEPH CRONIN

Anna A. Novikova, Candidate of Philological Sciences, Lugansk Pedagogic University, Lugansk, Russia, anitabogdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7258-2050>

Abstract. The article analyses the artistic concept of female characters in the dynamics of the author’s worldview on the material of the Scottish writer’s novel, identifies attempts to create a typology of Archibald Joseph Cronin’s female characters, and reveals the specificity of the heroines’ portrayal in realistic prose. The author believes that the study of female images with the help of literary portrait helps to determine the essential features of the prose and artistic world of the writer. The article highlights figurative analogies connected with autobiographical facts, and the typological approach chosen by the author to the female image system in the writer’s work allows not only to determine the internal logic of Archibald Cronin’s artistic worldview, but also the presence of “literary and aesthetic commonality”. The research proves that the writer managed to colourfully draw all female images with the help of his heroine, through her emotions and relationships with other characters. Thus, the writer’s female literary portrait is characterised by the preservation of the features of everyday plausibility and individuality: the female characters in the novel have both general typical features and individual ones.

Keywords: literary portrait, female image, psychological characteristic, novel, autobiography, world literary process.

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, code assigned by the founder (organisation) – VGEA-2024-0068

For citation: Novikova A.A. A female literary portrait in the novel «Three Loves» by Archibald Joseph Cronin. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 77–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-77-86>

Арчибальд Джозеф Кронин (1896–1981) – известный шотландский писатель-реалист – хорошо знаком российскому читателю не только такими романами, как «Замок Броуди», «Звезды смотрят вниз», «Цитадель» и т. д., но и некоторыми постановками, а также экранизациями вышеназванных романов. Как автор, он умело балансировал между бытописателями конца XIX–XX века (*Kailyard School* / «Огородная школа») и их оппонентами (*anti-Kailyard School*), что и обусловило некий парадокс, когда, несмотря на коммерческий успех и положительные отзывы критиков, имя А. Дж. Кронина было практически проигнорировано в академических кругах. Как считал А. Рид, это было связано с несколькими причинами: во-первых, он стал мало писать о Шотландии; во-вторых, его романы-бестселлеры были недоступны для серьезной критики из-за чрезмерной популярности; в-третьих, поклонники творчества писателя полагали, что А. Дж. Кронин променял успех выдающегося писателя на солидное вознаграждение за популярные романы-бестселлеры [Reid: 55].

При этом Д. Салвак называл и другие причины: ухудшение качества романов, написанных в более поздние годы, тенденцию к повторению сюжетных линий; предсказуемость произведений и их простые сюжеты [Salwak: 131].

О. Прескотт утверждал, что «С точки зрения славы и богатства доктор Кронин – это один из самых успешных писателей своего времени, однако он не вызвал особого ажиотажа в мире литературы, но завоевал теплое восхищение критиков» [Prescott: 17].

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами имя А. Дж. Кронина редко встречается в зарубежной научной литературе: М. Волкер в книге «Шотландская литература от 1707 года» (1996) упоминает только о А. Дж. Кронине как о «развлекательном» писателе [Walker: 217]; в книге М. Линдсей «История Шотландской литературы» (1999) вообще отсутствует упоминание о нем, хотя его современник, Дж. Брайди, описывается как автор, выработавший собственный стиль [Lindsay: 437]; в книге Р. Кроуфорда «Книги Шотландии» (2008) исследователь лишь отмечает, что А. Дж. Кронин, как и Дж. Брайди, изучал медицину в университете Глазго, а затем характеризует его как «самого продаваемого и широко переводимого романиста» [Crawford: 596] и т. д.

Дж. Каррузес и Л. Маквани высказали предположение, что, возможно, такое отношение связано еще и с тем, что общественность Шотландии была более благосклонна к коренным шотландцам, чьей основной профессией была писательская деятельность, а не к тем, для кого эта профессия стала второй [The Cambridge Companion to Scottish Literature: 201]. Тем не менее для А. Дж. Кронина ключевыми факторами успеха явились не только динамичное повествование,

но и влияние профессиональных медицинских навыков, позволяющих в деталях описывать как психологические, так и другие виды заболеваний.

Конечно, западные читатели и зрители ознакомлены с творчеством писателя гораздо лучше, но именно парадокс славы и непринятия в научных кругах вызвал интерес как у отечественных критиков, так и у литературоведов (работы таких известных филологов, как Н.И. Вайсман, Н.Я. Дьяконова, Н.А. Егунова, Н.П. Михальская, Р.Н. Померанцева и других посвящены произведениям шотландского автора; Д. Салвак и А. Дэвис исследовали биографию писателя), но тем не менее не все произведения А. Дж. Кронина изучены в зарубежном и отечественном научном пространстве, и это несмотря на то, что единство мирового литературного процесса определяется связями между отдельными литературами, поэтому данная статья призвана не только пересмотреть наследие шотландского писателя, но и исследовать женский образ в его романе «Три любви», который, на наш взгляд, является показательным как с точки зрения лингвистики, так и психологии.

Исследованиями в области изучения образов в литературе занимались М.П. Абашева, О.В. Барсукова, Е.Р. Коточигова, А.С. Матвеева, Т.А. Мелешко, М.В. Михайлова, М.Б. Храпченко и другие. В конце XX столетия в работах Н. Ювал-Дэвиса, А. МакКлинтока и других начинает активно исследоваться роль мужчин и женщин в национальной культуре, а вот в российской науке впервые к этой теме обратился О.В. Рябов, а затем и другие исследователи: Е.А. Гапова, Е.И. Горошко, А.В. Кирилина, Т.Б. Рябова, Л.Ф. Хабибуллина и так далее.

Новизна нашего исследования состоит в том, что нами впервые были выделены и типизированы образы женщин в романе А. Дж. Кронина «Три любви», а также проведены образные аналогии, связанные с автобиографическими фактами.

Литературный портрет – это «одна из разновидностей описания, представляющая внешность персонажа литературного произведения», но при этом «визуализация облика героя в портрете может быть совмещена с его психологической, этической или социальной характеристикой» [Огольцева: 86], поэтому сегодня в литературоведении возникла проблема определения и изучения разновидностей портрета литературного героя. На основе многих исследований (Е.В. Огольцевой, Е.Д. Павлычевой, А.Р. Петуниной и других) можно выделить несколько основных функций литературного портрета персонажа: описательную (как средство репрезентативности образа), психологическую и оценочную.

К сожалению, типизировать женские образы достаточно сложно, ведь не существует ни единой классификации, ни единых требований к ней. Типизи-

ровать – значит выделить наиболее яркие образы в произведениях конкретного автора, так как индивидуальные творческие особенности любого писателя обуславливают и особенности его образов, как мужских, так и женских. Тем не менее в литературе можно выделить наиболее существенные типы образов женщин, которые стали каноническими или новаторскими, поэтому через их призму можно рассмотреть и охарактеризовать малоизвестные женские образы.

По мнению доктора психологических наук Е.Ю. Коржовой, главной особенностью классической литературы является изображение человека во всем его многообразии, что помогает выявить разные яркие женские образы [Коржова: 31] и, соответственно, неповторимые женские портреты, присущие идиостилю автора. На основе этого О.В. Барсукова охарактеризовала следующие образы женщин в художественной литературе: женщина с пассивным взглядом на жизнь – это, например, Нана (Э. Золя «Нана»); женщина с активной жизненной позицией – Катерина Ивановна (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»); женщина, которая хочет достигнуть равновесия с окружающим миром, – Скарлетт О'Хара (М. Митчелл «Унесенные ветром»); женщина, которая стремится разрушить равновесие с окружающим миром, – Нора (Г. Ибсен «Кукольный дом»); ситуативно-целостная личность с деятельной жизненной позицией – Элизабет (Дж. Остин «Гордость и предубеждение»); внутренне целостная личность – Джейн Эйр (Ш. Бронте «Джейн Эйр») (цит. по: [Гендерная психология: 170]).

На наш взгляд, типологический подход к женской образной системе в творчестве А. Дж. Кронина поможет понять не только внутреннюю логику художественного мышления автора, но и наличие «литературно-эстетической общности» в сфере тех явлений, «которые могут быть названы родственными в силу близости, сходства некоторых существенных своих особенностей» [Бурыгина: 264].

Роман «Три любви» (1932) – это второй роман писателя, вышедший сразу же за «Замком Броуди» (1931) и имевший колоссальный успех у читателей. Люси Мур – обычная женщина, которая старается жить по принципу «все распланировано». Постоянная потребность героини в любви: сначала к мужу, затем к сыну и в итоге к Иисусу Христу – разрушила не только характер женщины, но и ее психику. На наш взгляд, А.Дж. Кронин старался донести мысль о том, что нельзя посвящать свою жизнь только кому-то одному, необходимо не забывать и о себе: нужно помнить, что жизнь дается лишь раз, поэтому ее нужно прожить достойно, не принося себя в жертву обстоятельствам.

Хотелось бы подчеркнуть автобиографичность романа «Три любви», как и многих других произве-

дений писателя. Так, например, сын Люси Мур, Питер, несмотря на трудное материальное положение, поступил, как и сам писатель, благодаря стипендии, в медицинский университет Глазго.

В романе затронута тематика безумия – подруга Люси, мисс Хокинг (второстепенный персонаж), из-за неразделенных любовных переживаний была помещена в клинику для душевнобольных. Данный эпизод можно сравнивать с автобиографическими фактами: у жены А.Дж. Кронина, Мэй Гибсон, вскоре после свадьбы обнаружилось психическое заболевание («манифестация паранойи»; цит. по: [Бурыгина: 74]), и писатель тяжело переживал болезнь супруги. Таким образом, тема безумия постоянно привлекала автора, что свидетельствует о профессиональном врачебном интересе и опыте, и именно поэтому бредовое расстройство мисс Хокинг (ее бред отношений) описан в произведении скрупулезно и достоверно.

А.Дж. Кронин тяжело переживал гибель отца, который, как и в вышеназванном романе, погиб во время несчастного случая, и тосковал по нему. Данную ситуацию усугубляло охлаждение отношений с матерью после женитьбы писателя, которую она не одобряла (похожая ситуация представлена в романе «Три любви», когда после свадьбы сына Люси Мур отделяется от него и уходит в монастырь).

Таким образом, можно утверждать, что схожесть образов с реальными людьми, а также некоторые сюжетные линии, переплетающиеся с жизнью писателя, свидетельствуют об особой важности для А.Дж. Кронина автобиографических фактов, которые он вводит в канву повествования.

Переходя к характеристике образа Люси Мур, хотелось бы отметить, что, согласно классификации Е.Ю. Коржовой [Коржова], его можно соотнести с такими известными образами мировой литературы, как Татьяна Ларина (А.С. Пушкин «Евгений Онегин») или Нора (Г. Ибсен «Кукольный дом»), которые восстали против существующих норм, – это женщины, которые стремились разрушить равновесие с окружающим миром. При этом даже «победа героя, то есть его внутреннее освобождение и избрание им своего настоящего пути, не значит завершение и окончание его борьбы и всего конфликта» [Новикова: 57].

Героиня романа «Три любви» Люси Мур победила общество и себя, но не обрела покой даже в конце своей жизни, ведь постоянно что-то происходило не так, как она планировала. Она хотела счастливой семейной жизни – погиб муж, хотела обрести счастье в материнстве – посвятила свою жизнь сыну, но он выбрал счастье с любимой женщиной, хотела посвятить себя богу – он ее «отверг». Смерть Люси Мур в больнице, а затем и нахождение в покойнице – это ее кошмар, который ей привиделся во сне еще задолго до ее кончины. Она предвидела все,

но ничего не захотела менять, как будто не понимала, что все могло бы быть по-другому, если бы она пересмотрела свои жизненные ориентиры и стереотипы.

В начале романа автор описывает Люси как изящную и темпераментную женщину двадцати шести лет, которая завораживала взгляды своей непосредственностью: «Маленькое, открытое, живое лицо Люси дышало выразительностью и темпераментом» [Кронин: 8]. При первом знакомстве читателя с героиней автор использует такие оценочные лексемы, как «frankness», «constant», «vivid», «warm», «sincerity» [Cronin: 9], которые помогают создать одновременно и реалистичный, и индивидуализированный образ.

Как указывает М.Р. Ненарокова, к какой бы традиции мы ни обращались, многие значения цветов помогают раскрыть характер отдельных персонажей [Ненарокова: 37]. На наш взгляд, то же самое можно сказать и о времени года: А.Дж. Кронин в виде обрамления романа, а также с целью создания резкого контраста характера героини в начале произведения и в конце обращается к описанию осени: «Как она любила все это! Осень! У Люси вырвался счастливый вздох» [Кронин: 7]. Восклицательные предложения передают сильные эмоции, которые испытывает героиня – это любовь и радость, а вот финальное описание осени – это уже покой и умиротворение: «Вечер выдался спокойным и тихим, он дышал той тишиной поздней осени, которую она так любила» [Кронин: 605].

В начале романа А.Дж. Кронин подчеркивает молодость и неопытность героини, но указывает на то, что именно в этот период она была счастлива в браке, любила свой дом и гордилась этим. После появления Анны Галтон, кухни Фрэнка, атмосфера уюта и покоя в их доме сменяется на беспокойную и тревожную – у Люси просыпается ревность, которая и сыграла роковую роль в ее отношениях с мужем – она сама толкнула Фрэнка в объятия Анны. Используя антитезу, писатель противопоставляет эти женские образы: «Одна была открытой, энергичной, целеустремленной, другая – сдержанной, пассивной, флегматичной...» [Кронин: 43], но подчеркивает, что, хотя Анна и казалась спокойной (Люси поражала ее уравновешенностью и невозмутимостью [Кронин: 30]), на самом деле она была экспансивной и резкой: «Опыт делал ее старше своего возраста, и Анна, со своей крестьянской грубоватостью, которая проглядывала из-под внешней утонченности, была темпераментной, красивой и очень притягательной в мужских глазах» [Кронин: 60].

Образ Анны достаточно противоречив, но полагаем, что Анна – это ситуативно-целостная личность с деятельной жизненной позицией: ей пришлось много пережить (описывая события, связанные с рождением незаконнорожденного ребенка Анны, автор и не осуждает, но и не оправдывает героиню),

это лишь закалило ее – теперь она знает, чего хочет от жизни и как этого достичь.

Во второй части романа, по сути, должно было произойти взросление Люси Мур – она потеряла мужа и ей предстояло самостоятельно растить сына. Героиня справилась со всеми испытаниями сама, но ее желание доказать всем, что она может всего добиться без помощи других людей (ее подвел брат мужа и даже родной брат), доходило до безумия: она отказывала себе в еде, одежде, сне – довела себя до полного истощения: «Суть ее жизни сводилась к следующему – отказывать себе во всем во имя окончательного величайшего удовлетворения. Никакая жертва для достижения этой цели не была чрезмерной» [Кронин: 442].

Автор составляет психологический портрет главной героини: из гордости и чрезмерной любви к сыну она отказала влюбленному в нее мужчине, что, на наш взгляд, сильно повлияло на жизнь Люси в дальнейшем. Теперь героиня не любит свою работу, но терпит все испытания, мечтая в скором времени сменить квартиру и жить вместе с сыном-врачом в новом доме. Она строит планы, но не согласовывает их с окружающими, именно поэтому сын упрекает ее в упрямстве и недальновидности, а в дальнейшем – вообще стыдится.

В третьей части романа состояние героини уже близко к психическому расстройству – ей не для кого жить, ее терзает апатия и тревога: «Одна, покинутая и жестоко отвергнутая после всех лет беззаветной преданности, запертая в голых стенах, где каждый шаг напоминал о невероятных усилиях и непринятой жертве» [Кронин: 493]. Автор открыто сочувствует героине – в мыслях она задумывается над тем, чтобы принять ситуацию, согласиться на небольшое содержание от сына и жить в окружении будущих внуков, но подобные размышления вызывают в ней лишь отвращение. Даже мисс Тинто (коллега по работе) очень верно характеризует Люси: «Она, бедняжка, сама себе худший враг!» [Кронин: 498].

Третья любовь Люси – это Бог. На грани истощения душевных сил она пришла в небольшую церковь Святой Марии и посчитала это благословением, перевернувшим ее жизнь. У нее появилась новая цель, и она снова ожила, но, к сожалению, ненадолго – ее упрямство и нежелание подчиняться монастырским канонам позволили ей провести в Сантъянском монастыре лишь недолгий период времени – ее отправили домой, но и тут она проявила упрямство и решила поехать к сыну (он не знал о ее приезде, находясь в отпуске с Роуз в Бретани), а она ждала его на вокзале, пока ей не стало плохо.

Итак, суть жизни Люси Мур сводилась к отказу во всем во имя окончательного величайшего удовлетворения, но оно, к сожалению, так и не наступило.

ло – она «одинок» умерла в больничной палате – ее смерть была неизбежной как из-за пневмонии, так и из-за отказа жить по «чужим» правилам.

Следующий значимый художественный образ – это образ Евы Мюррей, жены брата Люси. Конечно, значение подобранного автором имени уже говорит о многом – Ева, как и ее библейский прототип, была хитрой и изворотливой, но при этом А.Дж. Кронин награждает ее природной глупостью и стремлением к шикарнейшей жизни. Интересен тот факт, что всю информацию о Еве мы узнаем лишь от Люси, которая не питала к ней любви (она была слишком жеманной, ей нравилось демонстрировать свой достаток): «Ева всегда раздражала ее, в глубине души Люси неизменно сомневалась в искренности невестки» [Кронин: 50].

При этом Люси достаточно ярко описывает Еву: «Она пыталась быть элегантною; опуская ресницы, скрывала природную глупость; стильно одевалась и была приверженкой того модного света, к которому пылко стремилась. Она шепелявила; заливалась трелью, когда смеялась; семенила при ходьбе. Ричард ее обожал» [Кронин: 49]. Автор, передавая отношение Люси к Еве, иронично опровергает многие ее положительные черты: например, она имела «хорошие зубы», но «слегка выщербленные по краям»; «изящные руки и ноги», но ее движения были слишком «быстрыми и суевливыми»; когда она «опускала глаза», то «скрывала природную глупость»; кроме этого, она «шепелявила» и «семенила при ходьбе». Как и в случае с Анной, А.Дж. Кронин сравнивает и эти два образа: «Она (*Ева*) могла быть оживленной, забавной, шикарной – словечко самой Евы. <...> Она (*Люси*) добивалась своего с меньшим притворством, стараясь не скрывать своих намерений» [Кронин: 50].

Писатель характеризует Еву оценочными лексемами «brisk», «entertaining», «chic» [Cronin: 52], но при этом подчеркивает честность и открытость намерений главной героини, что делает ее образ более понятным. И хотя Люси и не нравились методы Евы, но Ричард очень сильно любил ее – всегда отстаивал позицию жены, а о Люси он вспоминал лишь тогда, когда ему было что-то нужно от сестры. Итак, данный женский образ можно соотносить с ситуативно-целостной личностью с деятельной жизненной позицией: Ева знает, что хочет от жизни, умеет манипулировать людьми, когда это необходимо, и рационально относится к институту брака и его благам.

Следующий женский образ – это образ Пинки Хокинг – эксцентричной леди, закончившей свои дни в психиатрической лечебнице. Писатель подчеркивает не только необычность внешнего вида героини, но и ее манеру общения, которую мало кто понимал: «Ее фразы обычно представляли собой серию лирических отступлений – лоскутное шитье, да и только!» [Кронин: 85]. При этом Люси воспринимала

мисс Хокинг как вполне нормальную женщину, хотя все находили ее немного странной, что еще раз указывает на то, что Люси и Пинки имели схожий паранойяльный (целеустремленный) тип личности.

Автор снова прибегает к своему любимому приему контраста, но уже в удаленных временных рамках, описывая внешность леди Хокинг, а затем и Пинки после «удара» (предмет ее обожания – отец Малкольм – обручился с другой женщиной, что стало отправной точкой помешательства). А.Дж. Кронин противопоставляет образ леди из первой части романа образу сумасшедшей женщины из второй части с целью не только резкого контраста, но и предостережения – потеряв связь с реальностью, можно сойти с ума, но, к сожалению, Люси не поняла скрытый знак, посылаемый ей.

Мисс Хокинг была настоящей леди – «высокой, дородной, статной, с фигурой классических пропорций» [Кронин: 85], весь ее облик был гармоничен, что совершенно не соответствовало ее психическому состоянию – ее платоническая влюбленность в человека, который даже не догадывался о ее чувствах, переросла в буйное помешательство, поэтому образ Пинки Хокинг, скорее всего, можно соотносить с женщиной с пассивным взглядом на жизнь.

Следующий женский образ – это образ сестры Фрэнк – Полли Мур. Автор характеризует его несколько иронично и красочно, делая образ запоминающимся и смешным: «Она была ниже Джо, но толще, и казалось, ее чересчур пышная фигура проседала на каждом шагу, отчего рост казался еще меньше. Двойной подбородок, полное красное лицо, тяжелые груди – вдвойне непристойно...» [Кронин: 27]. Точные оценочные фразы при описании внешности героини («pendent stomach», «half-buttoned gaping boots», «heavy breasts» [Cronin: 28] и др.) создают внешнебытовое правдоподобие и женскую индивидуальность одновременно. Писатель подчеркивает ее любовь к жизни и сестринскую заботу о Джозефе Муре, вызывающую восхищение: «Уже пять лет она вела хозяйство в доме брата и все эти годы изливала на него безмерное, подобострастное обожание» [Кронин: 27].

Как и другие образы, А.Дж. Кронин характеризует Полли через образ Люси Мур, которая недолюбливала ее и считала посредственной из-за своеобразных приземленных взглядов на жизнь. Например, девизом Полли было «Накорми мужчину!» [Кронин: 31], она собирала и передавала услышанные сплетни, а что еще хуже – «деликатно пускала газы» при всех [Кронин: 33]. Тем не менее после смерти Фрэнк она посчитала своим долгом сосватать Люси за Джозефа, не понимая, что они совершенно разные. Полли полагала, что ее отношение к жизни единственно правильное и все должны следовать ее советам, что, несомненно, раздражало Люси и вызывало

у нее праведный гнев. Итак, Полли – это женщина с активной жизненной позицией, которая считает свои убеждения единственно верными и правильными, не обращая внимания на чувства и отношение к ней окружающих ее людей.

Образ Роуз Тулли – невесты Питера – появляется во второй части романа во время приезда Питера к тете на игру в теннис. Данный персонаж в романе характеризуется в основном Питером – они сидели рядом на приеме, и Роуз сначала немного напугала его своей отчужденностью (которую позже он уже называет «удивительной застенчивостью»), но привлекла внешне: «Высокая, кареглазая, с россыпью веснушек на нежной молочной коже и волосами с медным отливом...» [Кронин: 426]. А. Дж. Кронин старается убедить читателя, что Роуз лишь «казалась» Питеру не только «прекрасной собеседницей», но еще и спокойной, благовоспитанной девушкой. Так автор подчеркивает влюбленность Питера и то, что Роуз была лишь обычной молодой девушкой, которая просто произвела на него впечатление.

Люси же, напротив, относится к невесте сына с предубеждением – она узнала, что Роуз – дочь владельца трущоб, на которого она работала и втайне ненавидела из-за несправедливой ренты с бедняков. Ненависть к отцу переросла и в открытую неприязнь к его дочери – Люси называет ее «мерзкой»: «Рози Тулли – дочь того проклятого владельца трущоб, на которого она пахала и пахала, собирая несправедливую ренту с бедняков, чтобы он потратил эти деньги на виллу, сад и наряды для своей мерзкой дочери!» [Кронин: 468]. Тем не менее, когда Люси застала в больнице Роуз, она не могла не отметить пышных форм и своеобразной красоты девушки, но это вызвало в ней не чувство гордости за сына, а ревность: «Люси захлестывала злоба, переходящая в ненависть» [Кронин: 474]. Теперь мысленно она описала Роуз как «бело-розовое чудо», но при разговоре с Питером она отзывается о ней уже пренебрежительно и иронично, называя ее «пухлой маленькой пустышкой» [Кронин: 477]. То есть Люси понимает, что девушка красива и достаточно хорошо воспитана, но ее ревность и своеволие не позволяют ей принять ее. Итак, образ Роуз можно соотнести с образом женщины, которая хочет достигнуть равновесия с окружающим миром – она молода и стремится найти свое место под солнцем, в этом ей помогает ее отец и Питер.

Следующие образы являются второстепенными, но это не делает их менее значимыми и неинтересными с точки зрения исследования. Так, образ мисс Тинто, тети Фрейма, с которым Люси работала на фирме у Леннокса, появляется только во второй части романа, когда героиня устраивается на работу в управление недвижимостью. Автор не считает нужным даже

указывать ее имя – на протяжении произведения все упоминания о ней связаны только с такими номинациями, как «тетя Фрейма» или «мисс Тинто»: «Мисс Тинто была деловой женщиной, первооткрывателем своего времени – спокойной, способной, авторитетной» [Кронин: 314], поэтому данный женский образ характерен для женщины с активной жизненной позицией, хотя мисс Тинто, в отличие от Полли Мур, умна, дружелюбна и амбициозна; даже автор называет ее «деловой женщиной» и «кладезем премудрости», именно мисс Тинто указала на то, что Люси – «сама себе враг».

Она же порекомендовала Люси мисс Твиди для отдыха в Дуне, чей образ мы и хотим рассмотреть далее. Мисс Твиди – это аккуратная и чистоплотная женщина, сдающая комнаты. В ее внешности нет ничего особенного – «чинная миниатюрная женщина», занимающаяся благотворительностью и любящая беседы с постояльцами: «Домовладелица, по ее выражению, “приставала” к Люси, изливая перед ней душу, снимая со своей иссохшей груди тяжелое бремя семейных историй и мрачных откровений» [Кронин: 363] – это женщина с пассивным взглядом на жизнь, но с практическим складом ума. Скорее всего, писателю понадобился данный персонаж для более детального описания возрастных изменений, происшедших с Люси: в следующий приезд мисс Твиди отметит, что Люси изменилась: «Да... вы стали старше, – сказала хозяйка слабым голосом, – и у вас похудело лицо... очень похудело» [Кронин: 482].

Кроме того, в произведении мы встречаем образ соседки – Люси Бенч; образы служанок – Нетта, миссис Диккенс, Марта Коллинз, мисс О’Риган (экономка отца Мура); образы монахинь – сестра Жозефина, мать Мари-Эммануэль, сестра Адриана; образы женщин-гостей (так называемой «модной публики») на приеме в доме брата Люси – Айвы Макбрайд, Китти Дарлинг, Веры.

Образ мисс О’Риган – это образ женщины, посвятившей себя служению мужчине, которого она боготворила. Впервые ее характеризует Анна, называя ее «симпатичной экономкой», «ангелом-хранителем» и «доброй женщиной». Уже благодаря подобным сравнениям и описаниям у читателя складывается положительное отношение к данному персонажу. В дальнейшем автор иронично характеризует мисс О’Риган как женщину, чье «существование обречено на постоянные страдания». Описывая ее внешность, А. Дж. Кронин подчеркивает ее непривлекательность и желание всем видом показать свою набожность: «...высокая, худая, бледная, прыщавая женщина с рыжеватыми волосами, водянистыми голубыми глазами и впалой грудью. <...> С пояса у нее свисали четки и связка ключей – символы ее набожности и служения церкви» [Кронин: 69].

К сожалению, подобное описание вызывает у читателя лишь жалость и насмешку. Писатель, используя свой любимый прием контрастов, описывает мисс О'Риган как женщину «щепетильную», но «непорочную», что, по его мнению, мешало ей принимать ванну и поэтому от нее веял «кисловатый душок», который говорил как о ее «святости», так и «потливости»; женщина «умирала на ходу», но не спешила «покидать этот мир», ведь она находилась на службе у Эдварда Мура и служила «высшим силам». Ирония, с которой автор подчеркивает девственность мисс О'Риган, вызывает настоящее восхищение его талантом: «Когда она говорила о своем слабом здоровье, молчаливо подразумевалось, что она с мученичеством святой бесконечно терпит напасти от климакса девственницы» [Кронин: 70]. В данном описании скрыт не просто протест против подобного женского существования в обществе того времени, но и его отношение к этому пережитку прошлого, поэтому образ мисс О'Риган можно соотнести с женщиной с пассивным взглядом на жизнь.

Образ Нетты встречается уже с первых страниц романа – это стройная семнадцатилетняя девушка, которую автор описывает как дружелюбную и независимую натуру, не способную угождать, что не очень свойственно людям ее профессии: «У Нетты было врожденное чувство собственного достоинства, и оно служило ей крепкой опорой. Нетта не отлынивала от работы, однако не собиралась никому угождать» [Кронин: 9]. Для характеристики Нетты автор использует ряд оценочных эпитетов: «willing», «touchy», «reticent», «amiable» [Cronin: 10], которые помогают реалистично представить этот художественный персонаж. В дальнейшем автор упоминает только ее личностные и профессиональные качества: она ни во что не вмешивается и достаточно хорошо выполняет свои обязанности, поэтому данный женский образ характерен для женщины с активной жизненной позицией.

Образ миссис Диккенс практически не прорисован автором настолько, чтобы его можно было анализировать – писатель упоминает ее лишь для некоторого эмоционального торжества Люси: «Она с удовлетворением отметила свою моральную победу над приходящей прислугой» [Кронин: 291]. При этом подчеркивается чрезмерное любопытство миссис Диккенс, которая «скорее из любопытства, чем из чувства долга пришла неожиданно рано...» [Кронин: 286], и некоторое превышение своих обязанностей – она пытается давать советы Люси касательно мисс Хокинг.

Образ Марты Коллинз – уборщицы, которую Люси периодически нанимала для уборки лестницы, – также прорисован писателем недостаточно, но с целью подчеркнуть не плохое самочувствие Люси (об этом она говорила всем), а ее нежелание

быть встреченной сыном с ведром в руке: «Хороша бы она была, если бы ей пришлось отступить в сторону и подвинуть ведро, чтобы дать пройти сыну» [Кронин: 400]. Видимо, героиня считала это слабостью, а вызов уборщицы был своего рода отдушиной, напоминая ей о счастливой семейной жизни с Фрэнком. Тем не менее из описаний Люси мы можем охарактеризовать Марту как женщину небогатую и любящую пофилософствовать.

Образ соседки Люси Бесси Финч – это образ обычной женщины небогатого сословия. Она простодушная и открытая, «любящая почесать языком», как указывала Люси, но именно это и раздражало героиню больше всего: «Ведь однажды она испытала на себе добрососедское участие...» [Кронин: 355]. Автор не прорисовывает данный образ, так как он является достаточно типичным для своего времени. Итак, все образы слуг помогают автору сформировать более детальный портрет Люси, подчеркивают ее характер и эмоциональное состояние.

Среди наиболее ярких образов монахинь можно выделить образ сестры Жозефины, матери Мари-Эммануэль, образ матери-настоятельницы и пожилой сестры Адрианы. Все они представлены в третьей части романа: знакомство с матерью Мари-Эммануэль и сестрой Жозефиной происходит сразу же по приезде Люси в Брюссель – они встретили героиню на вокзале. Автор указывает на их внешнюю схожесть из-за длинных мантий и монашеского одеяния, но на самом деле они были совершенно разными. Сестра Жозефина была невысокого роста с неправильными чертами лица: «...среднего роста, с тусклой, испещренной расширенными порами кожей, широким носом, небольшими зелеными глазами...» [Кронин: 569], а мать Мари-Эммануэль – высокого роста с бледным и суровым лицом: «У нее были голубые глаза, тонкие сухие губы, а когда она изредка улыбалась, можно было заметить заостренные клыки» [Кронин: 526]. При этом писатель подчеркивает «подобострастное» отношение сестры к матери Мари-Эммануэль, что указывало на преклонение «слабой природы перед сильной».

В дальнейшем описание Мари-Эммануэль и ее поступков передаются уже через восприятие Люси, которая при первой встрече с ней почувствовала «холодность», а позднее ей и вовсе стало казаться, что она переросла в жгучую неприязнь, а затем и в ненависть, ведь все придирки по отношению к ней были несправедливыми и надуманными.

Сестра Адриана – пожилая монахиня, с которой Люси познакомилась в монастырском саду и привязалась к ней, видимо, потому, что она была к ней добра. Сестра уже почти шестьдесят лет находилась в монастыре, поэтому обладала некоторыми привилегиями: могла заговорить с новициаткой и выполнять не очень сложную работу. Она была в том возрасте, когда ста-

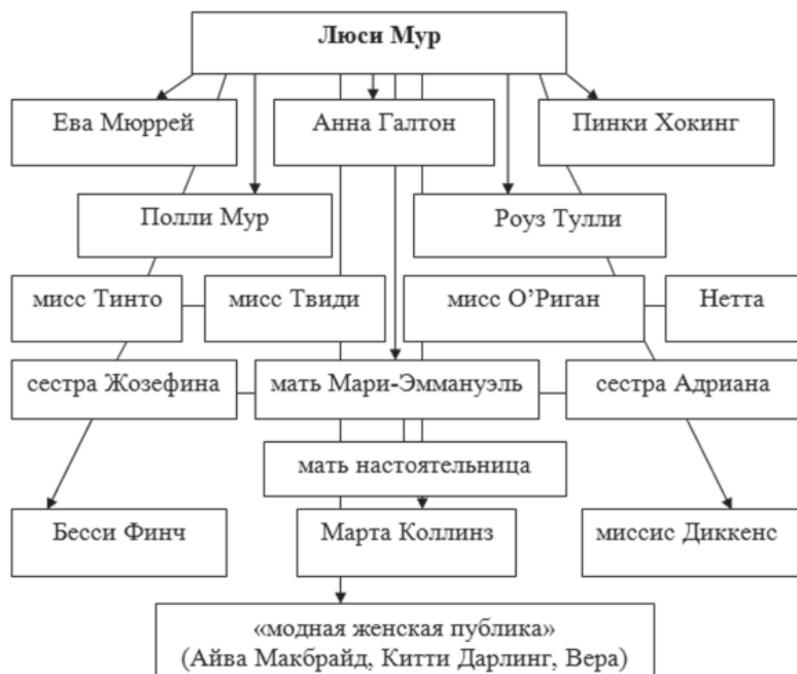

Рис. 1. Женские образы в романе А.Дж. Кронина «Три любви» (схематично показана их значимость и влияние на судьбу главной героини)

рость уже наложила свой отпечаток: «...худое, иссохшее тело, морщинистое лицо, беззубый рот и слезящиеся глаза с каймой, как у голубя, но при этом ясные и добрые, как ее улыбка» [Кронин: 569]. Тем не менее ее кротость и спокойствие поражали Люси, а вот желание жить, несмотря ни на что, обескураживало. Люси называла сестру Адриану «противоядием» от Мари-Эммануэль – она была ее утешением и помогла ей преодолеть собственную антипатию.

Образ матери-настоятельницы представлен несколько обобщенно: одежда делала ее похожей на всех монахинь, но отличием служило наличие многослойного облачения, а также «важный» и «внушительный» вид. Ее внешний облик не говорил о красоте: «Женщина была высокой, полноватой и казалась еще крупнее из-за многослойного облачения. У нее было полное белое лицо, шея вытягивалась вперед. Карие близорукие глаза, уменьшенные толстыми стеклами очков в металлической оправе до размера бусинок, смотрели с пристальным вниманием» [Кронин: 530], и хотя взгляд не был отталкивающим, но при этом улавливалось недовольство, «словно она постоянно упрекала в чем-то весь мир». Итак, писатель уважительно относится к игуменье, но подчеркивает ее внешнюю непривлекательность и отстраненность от мира.

Для описания так называемой женской «модной публики» начала XX столетия автор использует несколько типизированных образов женщин: Айвы Макбрайд, Китти Дарлинг и Веры (дочери Евы и Ричарда). Достаточно просто прочитать их небольшую биографию, не обращая внимания на описание их

внешности, чтобы понять, кто был вхож в дом семьи Мюрреев: «Там была миссис Айви Макбрайд, близкая подруга Евы, эффектная блондинка с выразительной жестикуляцией, моложавая, энергичная вдова джентльмена, сделавшего деньги на корсетном бизнесе. И Китти Дарлинг, живая миниатюрная брюнетка с озорными глазами, у которой папенька недавно приумножил состояние в несколько тысяч фунтов, заработанное на торговле мясом... <...> ...и Вера, анемичная, немного вялая девушка в очках, хорошо одетая, но не слишком интересная...» [Кронин: 425].

Итак, важным, по мнению автора, был не социальный статус, а материальное благополучие – бизнес родителей – торговля корсетами и мясом. Все женские образы, представленные в романе «Три любви», мы представили на рисунке 1.

Все вышеперечисленные женские образы можно типизировать на следующие категории: образ матери (Люси Мур), образ любовницы (Анна Галтон), образ невестки (Роуз Тулли), образ идеальной жены (Люси Мур (первая часть романа) и Ева Мюррей), образ подруги (Пинки Хокинг), образ заботливой сестры (Полли Мур), образ коллеги (мисс Тинто), образ простой женщины (мисс Твиди), образ соседки (Бесси Финч), а также образы монахинь (мать-настоятельница, сестра Жозефина, мать Мари-Эммануэль, сестра Адриана), образы служанок (Нетта, мисс О'Риган, Марта Коллинз, миссис Диккенс) и собирательный образ модной женской публики.

А.Дж. Кронину удалось с помощью своей героини, через ее эмоции и взаимоотношения с дру-

гими персонажами красочно прорисовать все вышперечисленные образы, передав не только свое отношение к ним, но и выявив отрицательные качества характера самой героини: упрямство, эгоизм и нежелание подчиняться законам общества и монастыря. Женский литературный портрет у писателя отличается сохранением черт внешнебытового правдоподобия и индивидуальности: женским образом в романе присущи как общие типические черты, так и индивидуальные.

Итак, в романе «Три любви» преобладают образы женщин с пассивным взглядом на жизнь (Пинки Хокинг, мисс О’Риган, мисс Твиди) и образы женщин с активной жизненной позицией (Полли Мур, мисс Тинто, Нетта), далее представлены образы ситуативно-целостных личностей с деятельной жизненной позицией (Анна Галтон, Ева Мюррей), образ Роуз – это образ женщины, которая хочет достигнуть равновесия с окружающим миром, а образ Люси – образ женщины, которая стремится разрушить равновесие с окружающим миром; образ внутренне целостной личности отсутствует.

На наш взгляд, все описываемые автором образы продуманы – он сопереживает женщинам, пытающимся самостоятельно прокормить семью или обманутым мужчинами, и восхищается женщинами, которые знают, чего хотят от жизни; все отрицательные черты героинь представлены с юмором и иронией, что смягчает читательское восприятие и вызывает сочувствие.

Список литературы

Бурьгина Т.С. Автобиография как основа творчества А.Дж. Кронины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41). Ч. 1. С. 40–42.

Гендерная психология / под ред. И.С. Клециной. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 656 с.

Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2006. 383 с.

Кронин А.Дж. Три любви. Москва: Инostrанка, Азбука-Аттикус, 2021. 608 с.

Ненарокова М.Р. Стихотворение П.А. Вяземского «Цветы» как свидетельство франко-русских литературных и культурных связей // Два века русской классики. 2021. Т. 4. С. 24–45. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-24-45>

Новикова А.А. Проблемы места и роли женщины в обществе (на материале драмы Г. Ибсена «Кукольный дом») // Вестник Луганского государственного педагогического университета: сб. науч. тр. Сер. 3: Филологические науки. Медиакоммуникации. Луганск: Книга, 2021. № 4 (65). С. 52–59.

Огольцева Е.В. Лицо человека в зеркале сравнения // РЯШ. 2006. № 5. С. 86–91.

Crawford R. Scotland’s Books: The Penguin History of Scottish Literature. London, New York, Penguin Books Publ., 2007, 830 p.

Cronin A.J. Three loves London: Macmillan Publishers Limited, 2013, 576 p.

Lindsay M. History of Scottish Literature. London, Robert Hale, 1992, 496 p.

Prescott O. Books of the Times. New York Times, 1944, 13 Nov., p. 17.

Reid A. The Story of a Best Seller. Scotland’s Magazine, 1961, May, pp. 55-56.

Salwak D.A.J. Cronin. Boston, Twayne Publ., 1985, 154 p.

The Cambridge Companion to Scottish Literature, ed. by G. Carruthers, L. McIlvanney. Cambridge, University Press Publ., 2013, 301 p.

Walker M. Scottish Literature from 1707. London, Longman Publ., 1996, 464 p.

References

Burygina T.S. *Avtobiografiya kak osnova tvorchestva A.Dzh. Kronina* [Autobiography as the foundation of A.J. Cronin’s work]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 2014, no. 11 (41), part 1, pp. 40-42. (In Russ.)

Cronin A.J. *Tri lubvi* [Three loves]. Moscow, Inostranka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021, 608 p. (In Russ.)

Gendernaya psihologiya [Gender Psychology], 2 ed., ed. by I.S. Klecina. Saint Petersburg, Peter Publ., 2009, 656 p. (In Russ.)

Korghova E.Yu. *Psihologiya zhiznennykh orientacij cheloveka* [Psychology of human life orientations]. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2006, 383 p. (In Russ.)

Nenarokova M.R. *Stihotvorenije P.A. Vyazemskogo «Tsvety» kak svidetelstvo franko-russkih literaturnyh i kulturnyh svyazej* [The Poem “Flowers” by P.A. Vyazemsky as an Evidence of Franco-Russian Literary and Cultural Relations]. *Dva veka russkoj klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2021, vol. 4, pp. 24-45. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-24-45>

Novikova A.A. *Problemy mesta i roli zhenshchiny v obshchestve (na materiale dramy G. Ibsena «Kukol'nyj dom»)* [Problems of the Women’s Place and Role in Society (based on G. Ibsen’s Drama «A Doll’s House»]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: sb. nauch. tr.* [Bulletin of Lugansk State Pedagogical University: collection of scientific works]. Lugansk, Kniga Publ., 2021, no. 4 (65). Ser. 3: *Filologicheskie nauki. Mediakommunikacii* [Ser. 3. Philological Sciences. Media Communications], pp. 52-59. (In Russ.)

Ogoltseva E.V. *Lico cheloveka v zerkale sravneniya* [The human face in the mirror of comparison]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 2006, no. 5, pp. 86-91. (In Russ.)

Crawford R. Scotland's Books: The Penguin History of Scottish Literature. London, New York, Penguin Books Publ., 2007: 830 p.

Cronin A.J. Three loves. London, Macmillan Publ. Limited, 2013: 576 p.

Lindsay M. History of Scottish Literature. London, Robert Hale Publ., 1992, 496 p.

Prescott O. Books of the Times. New York Times, 1944, 13 Nov., p. 17.

Reid A. The Story of a Best Seller. Scotland's Magazine, 1961, May, pp. 55-56.

Salwak D. A.J. Cronin. Boston, Twayne Publ., 1985, 154 p.

The Cambridge Companion to Scottish Literature, ed. by G. Carruthers, L. McIlvanney. Cambridge, University Press Publ., 2013, 301 p.

Walker M. Scottish Literature from 1707. London, Longman Publ., 1996: 464 p.

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 08.10.2024.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 08.10.2024.

ФРАКТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Громов Алексей Владимирович, аспирант, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, grymep4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Аннотация. В статье рассматривается фрактальный характер художественной реальности в романе В.В. Набокова «Отчаяние». Фрактальность прослеживается на сюжетном, нарративном, мотивном уровнях художественной системы. Несмотря на то, что реализм основывается на миметическом принципе, мы не обнаружим фрактальный характер художественной реальности на материале подавляющего большинства произведений, отличающихся линейной структурой текста, подразумевающей начало и конец. Фрактальность начинает отчетливо проявляться в произведениях модернизма, что обусловлено поисками новой эстетики. В романе «Отчаяние» мы имеем дело с децентрированным текстом, в котором многоуровневые смысловые лабиринты закручиваются в сложные узоры. В романе транслируется идея о подобии части целому, где в качестве первой выступают различные художественные образы и события, а второе – это набокowska гиперреальность без начала и конца, «без референта и предела», в рамках чего все предметы и явления перманентно повторяются, обуславливая эффект самоподобия художественного пространства. Образы походят на собственные блеклые копии, у которых отсутствуют оригиналы априори. Это связано с игровой стратегией автора, изображающего не объекты реального мира, а симулятивный мир кукол и декораций, онтологической основой которого является область чистой эстетики.

Ключевые слова: фрактал, художественная реальность, гиперреальность, абсурд, игровое начало, двойничество, нарративная система.

Для цитирования: Громов А.В. Фрактальный характер художественной реальности в романе В.В. Набокова «Отчаяние» // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 87–93. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-87-93>

Research Article

FRACTALITY OF ARTISTIC REALITY IN THE NOVEL «DESPAIR» BY VLADIMIR NABOKOV

Alexey V. Gromov, post-graduate student, Moscow City University, Moscow, Russia, grymep4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Abstract. The article examines the fractal nature of artistic reality in the novel «Despair» by Vladimir Nabokov. Fractality can be traced at the plot, narrative, and motivational levels of the artistic system. Despite the fact that realism is based on the mimetic principle, we will not find the fractal nature of artistic reality in the material of the vast majority of works that differ in the linear structure of the text, implying a beginning and an end. Fractality begins to manifest itself clearly in the works of modernism, which is due to the search for a new aesthetic. In the novel «Despair», we are dealing with a decentered text in which multilevel semantic labyrinths twist into complex patterns. The novel translates the idea of the similarity of a part to the whole, where various artistic images and events act as the first, and the second is Vladimir Nabokov's hyperreality without beginning and end, "without referent and limit" within which, all objects and phenomena are permanently repeated, causing the effect of self-similarity of the artistic space. The images resemble their own faded copies, which lack the originals a priori. This is due to the author's game strategy, which depicts not objects of the real world, but a simulated world of dolls and decorations, the ontological basis of which is the field of pure aesthetics.

Keywords: fractal, artistic reality, hyperreality, absurdity, game principle, duality, narrative system

For citation: Gromov A.V. Fractality of artistic reality in the novel «Despair» by Vladimir Nabokov. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 87–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-87-93>

Современная наука все чаще обращается к понятию фрактала. Из математической сферы термин интегрировался в область междисциплинарных исследований, в гуманитарные науки. Так, В.В. Тарасенко, занимающийся проблемами самоорганизации фракталов, в книге «Фрактальная логика» пишет об исчислении «логических фракталов» – парадоксальных суждений с бесконечным количеством значений, генерируемых рекурсивными обратными связями [Тарасенко]. Также в области междисциплинарных исследований (по большей части в естественно-научной сфере) возникло положение, согласно которому основа жизни имеет фрактальную природу. А.Е. Черезов в докторской диссертации «Методология познания живого: идея самоподобия самоорганизующихся систем» приходит к заключению, что в ходе эволюционного процесса происходит множество повторяющихся бифуркаций (качественных изменений системы), которые проявляются в виде качественных мутаций организма, образуя собой подобие фрактальной сетки – «эволюционную паутину»: «Фрактал жизни образуется путем итерации бифуркаций (мутовок) и имеет биологический смысл рационального “заполнения жизненного пространства”» [Черезов: 96].

Научный дискурс возник благодаря трудам Б. Мандельброта, но в рамках настоящего исследования отсутствует потребность вдаваться в математические теории, поскольку фрактал нас интересует не как алгебраическая формула, а как аспект произведения искусства. Поэтому ограничимся указанием двух ключевых характеристик:

- часть фрактальной структуры подобна целому (самоподобие);
- возможность бесконечного масштабирования.

Научная новизна концепции статьи обусловлена реализованным в ней междисциплинарным подходом, предполагающим наличие сложного объекта исследования, несущего системный характер, и его комплексного анализа, предоставляющего возможность синтеза концепций и методов из разных областей научного знания. При применении такого подхода мы опирались на монографию В.С. Мокия «Методология трансдисциплинарности-4», на книгу Э.М. Мирского «Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки», а также на литературоведческие статьи А.И. Смирновой «Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста» и Г.Т. Гариповой «Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме».

Руководствуясь принципами междисциплинарного подхода, мы рассматриваем художественную систему романа «Отчаяние» на предмет выявления

образов, мотивов, концептов и приемов, отражающих фрактальный характер художественной реальности. Мы усматриваем необходимость в комплексном анализе текста, в рамках чего будет происходить определенная редукция положений из разных областей знания в целях создания единой концептуальной системы, описывающей специфику такого сложного объекта, как художественная реальность. По словам В.С. Мокия, «унификация (единообразие) всех областей знания и их редукция (сведение) к представлениям об объекте одного научного направления приветствуется. Мало того, эта редукция необходима» [Мокий: 7].

В предложенном научном дискурсе ранее роман В.В. Набокова «Отчаяние» не рассматривался. Так, исследователь И.С. Беляева в статье «Победа автора над рассказчиком: “Отчаяние” Владимира Набокова как “насквозь пародийный роман”» (2012) выявляет специфические особенности набоковской поэтики. По мысли литературоведа, русский художник использует прием «текст в тексте», где первый – это текст внешний, а второй – внутренний. Автор внешнего – это В.В. Набоков, а внутреннего текста – ненадежный рассказчик Герман. Автор статьи акцентирует внимание на наличии конфликта между эстетическими установками этих авторов, в результате чего В.В. Набоков развенчивает Германа «как художника даже в его собственных глазах» [Беляева: 37]. Думается, не совсем правомерно противопоставлять В.В. Набокова и Германа в таком ключе даже с учетом того, что Герман пишет роман на автобиографической основе, поскольку он (*Homo ludens*) является марионеткой в руках всемогущего авторатора (*Magister Ludi*), что составляет игровую стратегию автора романа.

Литературовед С.С. Давыдов в труде «“Тексты-матрешки” Владимира Набокова» интерпретирует художественную реальность произведений В.В. Набокова как сложную многоуровневую структуру, функционирующую по принципу игрушки-матрешки. Предлагаемая исследователем концепция вызывает несомненный интерес, однако, как нам представляется, она не в полной мере отражает специфику материала, что побуждает к диалогу. Думается, более релевантно говорить о фрактальном характере художественного мира. Принципиальная разница между текстом-матрешкой и текстом-фракталом заключается в том, что первый подразумевает логическую последовательность, детерминированность, однако структура набоковского романа – ризомная иррациональная система. Модель матрешки подразумевает конечный пункт – минимальную фигуру, тогда как набоковская гиперреальность – это фрактальная бесконечность смыслов. Помимо модели матрешки, литературовед предлагает к рассмотрению ленту Мебиуса

и спиралевидные фигуры, которые, как нам думается, объясняя «круговой» характер построения сюжетно-композиционного уровня, только отчасти отражают специфику художественной реальности, поскольку опускают симулятивный аспект, отвечающий за организацию гиперреальности.

Уместнее говорить о ленте Мебиуса – фигуре без начала и конца. Об этом также пишет современный набоковед Л.Ю. Стрельникова в докторской диссертации «Структурообразующие приемы литературной игры в ранней прозе В.В. Набокова в контексте эстетики модернизма и постмодернизма» (2023): «Внешняя форма иррациональной художественной структуры у В.В. Набокова представляла собой “прекрасную округленность”, формируясь в лабиринтную неопределенность, сопоставимую с так называемой “лентой Мебиуса” без начала и конца, означая незавершенность авторской литературной игры» [Стрельникова: 93]. При такой структуре художественной реальности возможно бесконечное количество интерпретаций, что отвечает эстетической программе автора. Отметим, если мы разрежем ленту Мебиуса – получим спиралевидную фигуру. Следовательно, пропадает реверсивность поверхности, за счет которой возникает трехмерность пространства и эффект бесконечности.

Суть выдвигаемой нами гипотезы заключается в том, что художественная реальность романа «Отчаяние» В.В. Набокова обладает фрактальным характером и функционирует как постмодернистская гиперреальность, область чистой эстетики без референта и предела.

Обратимся к тексту романа «Отчаяние». Начнем с рассмотрения поэтики сюжета, по большей части основывающейся на деконструкции сюжетного паттерна о двойнике. К слову, повесть «Двойник» оценивается В.В. Набоковым как лучшее произведение классика. Несмотря на то, что он при каждом удобном случае иронизировал над «достоевщиной», однако в то же время регулярно апеллировал к идеям и образам великого писателя, чаще всего пародируя или вступая с ним в контртекстовые отношения, в связи с чем можно говорить о наличии «анти-комплекса Достоевского». Жанрово-стилистический план произведения преисполнен пародийностью, поэтому современное литературоведение, рассматривая игровую многоплановость и широко представленный прием деконструкции, зачастую характеризует «Отчаяние» как роман-пародию, а также обращает внимание на постмодернистский характер такой поэтики: «...к нему применим постмодернистский критерий особого вида пародии – пастиша, усиливающего ироническое направление» [Стрельникова: 224].

Нас интересует фигура главного героя романа В.В. Набокова. По сюжету Герман обладает шизо-

идным типом личности, на что эксплицитно указывается в первой главе: «...я кончу в сумасшедшем доме» [Набоков: 400]. Психика героя предрасположена к отклонениям, что подтвердится дальнейшим развитием событий, но в начале романа он производит впечатление здорового и рассудительного бизнесмена. Это впечатление начинает стремительно развеиваться, когда главный герой обнаруживает лежащего в канаве Феликса, принимая его за своего двойника. Герман начинает сходить с ума, ключевым катализатором чего выступает состояние раздвоения личности: «Я видел в нем своего двойника, то есть существо, физически равное мне, – именно это полное равенство так мучительно меня волновало» [Набоков: 404]. «Полное равенство», или уподобление другого самому себе, тревожит Германа и представляется проявлением болезненного состояния рассудка, свидетельствующем о фрактальной картине мира. Двойничество – это выражение фрактальности на уровне экзистенции личности, где целое – это оригинал, а часть – отсоединившаяся / материализовавшаяся копия. Однако здесь мы имеем дело с фиктивным подлинником, о чем речь пойдет далее.

Связь двойничества и фрактала подтверждается и на примере других фрагментов текста: «Вы еще скажите, что все японцы между собою схожи. Вы забываете, синьор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан. <...> “Но согласитесь, – продолжал я, – что иногда важно именно сходство”» [Набоков: 421]. Из диалога между Германом и пишущим его портрет Ардалионом можно предположить, что у главного героя редуцирована способность находить / сознавать различия при сравнении физических объектов (по крайней мере, в ряде случаев), что является одной из характерных особенностей его восприятия окружающего мира, способствующей развивающейся одержимости. Герой буквально не может оторвать глаз от созерцания структур, обладающих самоподобными частями: «Падал кружась лист, и кружась стремилось к нему его точное отражение. Я не мог оторвать взгляда от этих неизбежных встреч» [Набоков: 433]. Отметим, что траектория кружения листа образует спиралевидную структуру в пространстве, что походит на визуальный эффект при масштабировании фрактальной структуры.

Примечательно, что вышеприведенный диалог начался с замечания Ардалиона о сложности, с которой пришлось столкнуться при написании портрета: «У вас трудное лицо» [Набоков: 420]. Лицо может быть «трудным» по причине индивидуальности, которую составляет комплекс уникальных, порой трудноуловимых черт. Герман, в свою очередь, заявляет, что имеет «обыкновенное лицо», настаивая на схожести различных лиц определенного типа и игнорируя замечание художника об уникальности каждого от-

дельно взятого лица. Возникает ощущение, что главный герой созерцает мир через фрактальную призму, в результате чего усматривает равенство / самоподобие в том, что таковым свойством не обладает, например в своем надуманном двойнике Феликсе.

Обратим внимание на специфику нарративной системы в романе. В тексте говорится о шизоидном Германе, который по сюжету работает над автобиографическим романом о художнике-убийце, по ходу повествования которого «автор» совершает своеобразные «лирические отступления», рассказывая об иноказательных историях трагикомичного характера, тоже имеющих автобиографическую основу: «Жил-был на свете слабый, вялый, но состоятельный человек, некто Игрек Иксевич. <...> Бедняга был истощен недавним развлечением и грустно, понуро сидел, раздумывая над тем, как сам сдуру предал, обратил в ничто свой остроумнейший замысел» [Набоков: 461–462]. Следовательно, нарративная система романа «Отчаяние» выглядит следующим образом:

1. Автор-творец, в руках которого находится марионетка Германа-рассказчика. Этот образ отвечает за нулевой слой художественной реальности, поскольку находится за скобками художественного пространства.

2. Герман-рассказчик:

– образует 1-й слой художественной реальности, где главным героем является Герман-персонаж: «Я усомнился в действительности происходящего...» [Набоков: 400];

– образует 2-й слой, где главным героем является Икс Игрович: «Жил-был на свете слабый...» [Набоков: 461].

Рождение нарративных уровней происходит посредством итераций. Трех итераций вполне достаточно, чтобы говорить о фрактальности изображаемого. Примечательно, что Герман-персонаж является прототипом Игрека Иксевича, который, соответственно, может оказаться писателем, работающим над романом на автобиографической основе, что прочитывается «между строк». Также стоит отметить, что нарративная система с каждым новым уровнем теряет качество изложения, образы начинают функционировать по типу блеклых копий себя: Икс Игрович – это симулякр, поскольку его оригинал (Герман-персонаж) существует лишь на 1-м уровне художественной реальности, тогда как сам он находится на 2-м. Предлагаемая нами модель не соответствует тому, как функционирует текст-матрешка. Мы имеем дело не со строгой последовательностью взаимосвязанных уровней, а, скорее, с фрактальным древом, поскольку художественная реальность обладает ветвящейся структурой и в ее основе лежит фрактальный паттерн «писатель пишет о том, как писатель пишет о том...».

Герман-рассказчик на протяжении всего повествования совершает своеобразные нарративные вставки. Например, по-набоковски изысканной представляется история о потерявшемся брате, поведенная Германом-рассказчиком своей жене. Также примечательна нарративная вставка о «некоем Карле Шписе»: «...цилиндр, нарисованный на облупившейся стене, вывески, фамилию над булочной, Карл Шпис, – напомнившую мне некоего Карла Шписа, которого я знал в волжском поселке и который тоже торговал булками» [Набоков: 437]. Здесь рассказчик создает еще одну «ветку» на 2-м слое художественной реальности, повествуя о двойнике Карла Шписа, также имеющего симулятивную природу. Примечательно, что Герман, заинтриговывая читателя, употребляет лексему «некоем», как бы намекая на художественный обман (ведь это для читателя Карл Шпис является «неким», а не для рассказчика, который его «знавал»); также в этом усматривается пренебрежение формальной логикой, что является неотъемлемым свойством абсурдистской традиции.

Наконец, скажем несколько слов о нулевом уровне художественной реальности. В.В. Набоков использует такую структуру в целях убеждения в подлинности повествования: автор-творец как бы надевает маску Германа-рассказчика. Это своеобразная игра с читателем, поскольку автор-творец тоже является маской / амплуа. Получается, оригинал утрачен априори, но реципиент может взять на веру, что автор-творец – это Герман-рассказчик, или может подыграть В.В. Набокову, сделав вид, что поверил. Так автор произведения использует любопытный прием, относящийся скорее к постмодернистской эстетике – введение фиктивного подлинника на уровне нарративной системы.

Рассмотрим мотивную систему романа. В первую очередь интерес вызывает мотив сна, характерный для раннего творчества В.В. Набокова: «Я проснулся. На простыне соседней постели лежала, свернувшись холодным белым пирожком, все та же гнусная лжесобачка, – так, впрочем, сворачиваются личинки, – я застал от отвращения – и проснулся совсем. Кругом плыли тени, постель рядом была пуста, и тихо серебрились те широкие лопухи... <...> ...но тут уж я проснулся по-настоящему» [Набоков: 456]. Как мы видим, Герман испытывает пробуждение ото сна три раза к ряду, два из которых оказываются фиктивными, поскольку являются частью другого сна. Здесь стоит вспомнить об исследовании С.С. Давыдова, предлагающем модель матрешки в качестве универсального объяснения. Приведенная выше цитата позволяет сделать формальный вывод о соединенности трех слоев художественной реальности по принципу матрешки, как они вынимаются одна из другой. «Проснувшись» в реальности сна, человек не имеет возможности определить, что продолжает спать, по-

сколькo находится в области подсознания. Бывают исключения, которые связаны с осознанными сновидениями, но анализируемый материал к таковым не относится. В результате возникает интересный эффект. Фиктивная реальность сна сливается с действительностью в одно целое.

В контексте концепции фрактальности художественной реальности в романе «Отчаяние» обратим внимание на два ярко выраженных мотива, связанных между собой: круга и узора. Проследим, как реализуются эти мотивы при описании интерьера: «Узор коричневых цветов на обоях, какая-то надпись, обиженно объясняющая, что кабак не отвечает за пропажу вещей, картонные круги, служащие базой для пива, на одном из которых был косо начертан карандашом торопливый итог, и отдаленная стойка, подле которой пил, свив ноги черным кренделем, окруженный дымом человек...» [Набоков: 451]. Мотив узора, широко представленный в ранней прозе В.В. Набокова, является выражением фрактального характера художественной реальности. Автор в рамках одной синтаксической конструкции прибегает к изображению окружности три раза: «картонные круги», «свив ноги черным кренделем», «окруженный дымом». Также стоит обратить внимание на размышления Германа о том, что «мы все заключены» в некую окружность своих привычек: «...Чертя палкой те земляные радуги слева направо и справа налево, что чертит всякий, у кого есть трость и досуг, – вечная привычка наша к окружности, в которой мы все заключены» [Набоков: 434]. Лейтмотив круга оказывается тесно связан с мотивом притягивающей точки, по сути функционирующей по принципу аттрактора, организующего фрактальное пространство: «...появилась для меня некая смутная точка, вокруг которой почти бессознательно, движимый невнятной силой, я начал замыкать круги» [Набоков: 467]. Примечательно, что главный герой «бессознательно» стремится вращаться вокруг аттрактора по принципу того, как образовывается окружность, выступающая фрактальным паттерном по организации художественного пространства.

Приведем несколько примеров, где в качестве аттрактора выступает такая художественная деталь, как желтый столб. Герман на протяжении всего сюжета раз за разом сталкивается с ним, что оказывает на его внутренний мир ощутимое воздействие:

1. «Я посмотрел туда и, клянусь, почувствовал, что все это уже знаю! Да, теперь я вспомнил ясно: конечно, было у меня такое чувство, я его не выдумал задним числом, и этот желтый столб» [Набоков: 417]. Примечательно, что третье упоминание о желтом столбе сопровождается размышлениями Германа о том, что наблюдаемую картину он уже видел, что снова отсылает нас к ключевому свойству фрактальной структуры – самоподобие частей.

2. «И на желтом столбе была мурмолка снега. Так просвечивает будущее» [Набоков: 419]. Герман вновь обращает внимание на желтый столб, при этом намекая о перспективе дальнейшей встречи с ним.

3. «...Приехал я на этот раз один, и не в автомобиле, а сперва поездом до Кенигсдорфа, потом автобусом до желтого столба» [Набоков: 428]. Здесь желтый столб начинает выступать в качестве устойчивейшей пространственной точки, мимо которой раз за разом проносится главный герой.

4. «Поставь там памятник, – например, желтый столб. Пусть будет отмечена вещественной вехой эта минута» [Набоков: 468]. Герой неслучайно отождествляет «желтый столб» с памятником, поскольку из притягивающей точки (аттрактора) эта деталь трансформировалась в точку бифуркации. В такие моменты внутри Германа происходят роковые мыслительные процессы, в результате которых он все стремительнее отдаляется от «здорового смысла», оправдывая и эстетизируя идею об убийстве двойника.

5. «Снова я видел желтый столб и ходил по лесу, уже обдумывая свою фабулу; снова в осенний день мы смотрели с женой, как падает лист навстречу своему отражению, – и вот я и сам плавно упал в саксонский городок, полный странных повторений, и навстречу мне плавно поднялся двойник» [Набоков: 521]. Здесь рассматриваемая деталь сопряжена сразу с несколькими характеристиками текста-фрактала: самоподобие (двойничество), итерация (повторение), узорчатость (траектория падения листа). Также обращает на себя внимание замечание Германа о городе, «полном странных повторений».

Таким образом, изображение желтого столба в романе В.В. Набокова способствует воплощению фрактальности художественного мира как на уровне сюжетной событийности (герой принимает решения, обуславливающие точку невозврата), так и на уровне композиции (итерация самоподобных элементов). В связи с этим можно говорить как о литературном приеме, так и о концепции повтора, представляющей собой комплекс итераций по организации фрактального пространства, в результате чего Германа одолевает ощущение, что все происходящее вокруг уже было: «Ведь нечто очень похожее, если не точь-в-точь такое, я видел у него, – что за дичь...» [Набоков: 438].

В этой связи стоит упомянуть концепцию Ф. Ницше о «вечном возвращении», в рамках которой бытие рассматривается как бесконечное возвращение прошедшего. Приведем отрывок, в котором Герман, согласуясь с ницшеанской концепцией, рассуждает о вечном повторении жизненных ситуаций и образов: «Мне даже кажется, что он был построен из каких-то отбросов моего прошлого, ибо я находил в нем вещи, совершенно замечательные по жуткой и необъяснимой близости ко мне: приземистый, бледно-голубой

домишко, двойник которого я видел на Охте, лавку старьевщика, где висели костюмы знакомых мне покойников, тот же номер фонаря (всегда замечаю номера фонарей), как на стоявшем перед домом, где я жил в Москве, и рядом с ним – такая же голая береза, в таком же чугунном корсете и с тем же раздвоением ствола» [Набоков: 438–439]. В этом отрывке важен образ березы. Такой феномен, как «раздвоение» органической системы, есть точка бифуркации. Таким образом, концепт точки невозврата функционирует в тексте, в частности, на мотивном уровне. Фрактальность реальности оказывает давление на психическое состояние Германа, маркируя необратимость каждого шага на пути к убийству.

В «Отчаянии» реализуется мысль о подобии части бесконечному целому, которым, нам думается, является область чистой эстетики – набоковская гиперреальность. Все явления и предметы изображаются как повторяющиеся в бесконечной цепи самоподобных элементов (на разных уровнях художественной системы), что приводит к утрате подлинника и продиктовано игровой стратегией автора. Следовательно, специфика художественной реальности романа «Отчаяние» заключается в бесконечности повторов, образующих пространство без начала и конца, «без референта и предела». Однако будет ошибкой усматривать в этом антигуманизм, в чем упрекали В.В. Набокова его критики. Напротив, автор наводит на мысль о ценности и красоте всего живого, уникального, самобытного.

Л.Ю. Стрельникова также проводит параллели между творческими изысканиями В.В. Набокова и концепцией Ф. Ницше: «Играя с ницшеанской философской концепцией “вечного возвращения” как двойным кодом романа, “отстаивая неповторимость особенного”, В.В. Набоков создает эстетическую модель бытия, которая находится вне рационального сознания и выводится за пределы пространства и времени» [Стрельникова: 136]. Наблюдение Л.Ю. Стрельниковой об «отстаивании неповторимости особенного» представляется нам наиболее ценным. Идея фрактальности бытия, овладевшая Германом, выступает антиподом понятия индивидуальности.

Во второй половине XX века концепция «вечно-го возвращения» была переосмыслена постструктуралистом Ж. Делезом. В трактате «Логика смысла» французский мыслитель рассматривает ее как категорию абсурда, указывая на симулятивный характер [Делез]. Он определяет этот миф как симулякр, нацеленный на бесконечное самокопирование, аргументируя свой тезис наличием в дионисийской эзотерике воображаемой проекции будущего мира, по сути, функционирующей как симуляция реальности. Как мы помним, бесконечное самокопирование – ключевое свойство фрактальной структуры.

Категория фрактальности, таким образом, оказывает семантически приближенной к феномену абсурда в рамках постмодернистской парадигмы. Наши рассуждения о симулятивной природе художественного мира восходят к теории философа-постмодерниста Ф. Бодрийяра, который в фундаментальной работе «Симулякры и симуляция» предположил симулятивный характер окружающей реальности [Бодрийяр].

Важно, что именно Ф. Ницше, развенчивая рациональное начало, рассматривает окружающий мир как гигантскую фикцию: «Почему мир, имеющий к нам некоторое отношение, не может быть фикцией? И если кто-нибудь спросит при этом: “Но с фикцией связан ее творец?”, – разве нельзя ему ответить коротко и ясно: почему? А может быть, само это слово “связан” связано с фикцией?» [Ницше 2006: 19]. При всей разности подходов и мировоззрений Ф. Ницше и Ж. Бодрийяр оказываются включены в один эстетико-философский дискурс о симулятивной природе окружающей реальности, который также нашел отражение в ранней прозе В.В. Набокова. Русский художник, руководствуясь принципами иррационализма и театральности, создал собственную художественную гиперреальность, имеющую фрактальную структуру.

Роман «Отчаяние», как и большинство произведений В.В. Набокова, является продуктом как модернистского, так и постмодернистского художественного опыта, основывающегося на переосмыслении и реформатировании предшествующей литературы, по причине чего «текст становится неустойчивым, лабиринтно-асимметричным шизоидным действием, в котором художник проявляет “полезное”, по Платону, творческое безумие, пробуждая смех и иронию у читателя как реакцию на прочитанное» [Стрельникова: 350]. При таких условиях читателю предлагается игра и смех, которые в эстетике В.В. Набокова несут божественный характер. Неслучайно Германа охватывает «гомерический смех», когда он впервые встречает своего двойника.

Итак, мы проследили, из чего складывается фрактальный характер художественной реальности в романе В.В. Набокова «Отчаяние», проявляясь в сюжетосложении, мотивах, нарративной системе. Мы привели достаточно доказательств в пользу того, что В.В. Набоков на интуитивном уровне сумел изобразить фрактальность окружающей реальности задолго до развития научного дискурса.

Набоковский роман характеризуется тем, что сюжетной последовательностью управляет интуитивно-иррациональный метод. Мы имеем дело с децентрированным текстом, в котором многоуровневые смысловые лабиринты закручиваются в сложные узоры. Писатель конструировал реальность, придавая ей узорчатую структуру и наполняя ее варьирующимися копиями событий и образов, оригиналы которых от-

сутствуют, более того, их быть не может в соответствии с игровой поэтикой. Таким образом, главный герой обречен на бесконечное блуждание по лабиринтам смысловых паттернов, на бесконечное рефлексирование в набоковской гиперреальности без начала и конца.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Постум, 2015. 240 с.

Буренина О.Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. 332 с.

Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. Филологические науки. 2019. № 5. С. 64–74.

Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. Санкт-Петербург: Кирцидели, 2004. 157 с.

Делез Ж. Логика смысла. Москва: Раритет, 1998. 480 с.

Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. Москва: Наука, 1980. 304 с.

Мокий В.С. Методология трансдисциплинарности-4. Нальчик: АНОИТТ, 2017. 112 с.

Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 848 с.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Москва: Азбука-классика, 2006. 99 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Москва: АСТ, 2015. 416 с.

Смирнова А.И. Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста // Вестник МГПУ. 2023. № 1. С. 7–19.

Стрельникова Л.Ю. Структурообразующие приемы литературной игры в ранней прозе В.В. Набокова в контексте эстетики модернизма и постмодернизма: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2023. 391 с.

Тарасенко В.В. Фрактальная логика. URL: http://lit.lib.ru/w/wladislaw_t/text_0010.shtml (дата обращения: 09.08.2024).

Черезов А.Е. Методология познания живого: идея самоподобия самоорганизующихся систем: дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2008. 321 с.

Черезов А.Е. *Metodologija poznaniia zhivogo: ideia samopodobia samoorganizuiushchikhsia sistem: dis. ... dokt. filos. nauk* [Methodology of cognition of the living: the idea of self-similarity of self-organizing systems: DSc thesis]. Moscow, 2008, 321 p. (In Russ.)

Davydov S. «*Teksty-matreshki*» Vladimira Nabokova [«Matryoshka Texts» by Vladimir Nabokov]. Saint-Petersburg, Kirtsideli Publ., 2004, 157 p. (In Russ.)

Delez Zh. *Logika smysla* [The logic of meaning]. Moscow, Raritet Publ., 1998, 480 p. (In Russ.)

Garipova G.T. *Fenomen integral'nogo myshleniia i postroenie novatsionnykh metodik literaturovedcheskogo issledovaniia v sovremennoi nauchnoi paradigme* [The phenomenon of integral thinking and the construction of innovative methods of literary research in the modern scientific paradigm]. *Biulleten' nauki i praktiki. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Science and Practice. Philological sciences], 2019, no. 5, pp. 64-74. (In Russ.)

Mirskii E.M. *Mezhdistsiplinarye issledovaniia i distsiplinarynaia organizatsiia nauki* [Interdisciplinary research and the disciplinary organization of science]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 304 p. (In Russ.)

Mokii V.S. *Metodologija transdistsiplinarynosti-4* [The methodology of transdisciplinarity-4]. Nal'chik, Anoit Publ., 2017, 112 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Sobr. soch. russkogo perioda* [The collection of works of the Russian period]: in 5 vols, vol. 3. Saint-Petersburg, Simpozium Publ., 2006, 848 p. (In Russ.)

Nitshe F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. Moscow, Azbuka-klassika Publ., 2006, 99 p. (In Russ.)

Nitshe F. *Tak govoril Zaratustra* [That's what Zarathustra said.]. Moscow, AST Publ., 2015, 416 p. (In Russ.)

Smirnova A.I. *Mezhdistsiplinarynost' v issledovanii prirodnogo mira v prostranstve khudozhestvennogo teksta* [Interdisciplinarity in the study of the natural world in the space of a literary text]. *Vestnik MGPU* [Bulletin MCU], 2023, no. 1, pp. 7-19. (In Russ.)

Strel'nikova L.Iu. *Strukturoobrazuiushchie priemy literaturnoi igry v rannei proze v. V. Nabokova v kontekste estetiki modernizma i postmodernizma: dis. ... d-ra filol. nauk* [The structure-forming techniques of literary play in the early prose of V.V. Nabokov in the context of aesthetics of modernism and postmodernism: DSc thesis]. Krasnodar, 2023, 391 p. (In Russ.)

Tarasenko V.V. *Fraktal'naia logika* [Fractal logic]. URL: http://lit.lib.ru/w/wladislaw_t/text_0010.shtml (access date: 09.08.2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.08.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 08.10.2024.

The article was submitted 23.08.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 08.10.2024.

References

Bodriar Zh. *Simuliakry i simuliatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow, Postum Publ., 2015, 240 p. (In Russ.)

Burenina O.D. *Simvolistskii absurd i ego traditsii v russkoi literature i kul'ture pervoi poloviny XX veka* [The symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture of the first half of the 20th century]. Saint-Petersburg, Aleteia Publ., 2014, 332 p. (In Russ.)

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 94–100. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 94–100. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN DMGWFR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-94-100>

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БОРИСА ДЫШЛЕНКО

Тюленева Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, talen@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5551-3394>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эстетических представлений Б.И. Дышленко, формирующих его подход к тексту и авторскую поэтику. Анализируются эссе, выступления, интервью писателя, для иллюстрации основных положений привлекаются художественные произведения разных периодов творчества. Характеризуется связь концептуальных установок Дышленко с общегуманитарными тенденциями последней четверти XX в., определяется круг эстетических и мировоззренческих влияний, в том числе ближний (учитывается длительное интеллектуальное сотворчество Б. Дышленко с его старшим братом Ю. Дышленко), а также выявляется набор эстетических концептов, позволяющих описать специфическую писательскую методологию Дышленко (пороговая оптика, живописное/пластическое мышление, «изображение изображения»), грамматика и морфология изображения, орнаментальность, саспенс, читательское напряжение). Делается вывод о формировании Борисом Дышленко эстетически однородного сверхтекста, опирающегося на идеи «уловления становящегося объекта» как основной задачи текста; «пороговости» как нарративного принципа организации текста; «изображения изображения» как механизма создания текстового пространства.

Ключевые слова: Борис Дышленко, эстетическая концепция, пороговая оптика, живописное мышление, пластическое мышление, «изображение изображения», орнаментальность, саспенс, читательское напряжение.

Для цитирования: Тюленева Е.М. Эстетическая концепция Бориса Дышленко // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 94–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-94-100>

Research Article

AESTHETIC CONCEPT OF BORIS DYSHLENKO

Elena M. Tyuleneva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, talen@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5551-3394>

Abstract. The article examines the aesthetic ideas of Boris Dyshlenko that shape his approach to text and his authorial poetics. Boris Dyshlenko's essays, speeches and interviews are analysed with using works of art from different periods of his career to illustrate theses. The article characterises the connection between Boris Dyshlenko's conceptual principles and general humanitarian tendencies of the last quarter of the 20th century; we define the range of aesthetic and ideological influences, including the inner circle of influences (taking into account the long-term intellectual cocreation of Boris Dyshlenko with his elder brother Yuriy Dyshlenko), and we identify a set of aesthetic concepts that allow us describing Boris Dyshlenko's specific writing methodology (threshold optics, pictorial/plastic thinking, "image of image", grammar and morphology of image, ornamentality, suspense, reader tension). The conclusion is made about the formation by Boris Dyshlenko of an aesthetically homogeneous supertext, based on the ideas of "capturing the becoming object" as the main task of the text; "threshold" as a narrative principle of text organisation; "image of image" as a mechanism for creating text space.

Keywords: Boris Dyshlenko, aesthetic concept, threshold optics, pictorial thinking, plastic thinking, "image of image", ornamentality, suspense, reader tension.

For citation: Tyuleneva E.M. Aesthetic concept of Boris Dyshlenko. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 94–100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-94-100>

Борис Иванович Дышленко (1941–2015) – писатель и художник ленинградского андеграунда, один из первых лауреатов Премии Андрея Белого (1980), постоянный автор журналов «Часы», «Обводный канал», печатался в «Гранях», альманахе «Лепрозорий – 23», составленном К. Кузьминским; его первый авторский сборник «Повести и рассказы» вышел также в самиздате, в серии «Библиотека журнала “Обводный канал”» (1984). С конца 1980-х гг. публикационные возможности и журнальное поле расширяются, его публикуют журналы «Звезда», «Нева», «Родник»; в издательстве журнала «Звезда» печатается сборник «На цыпочках» (1997); постепенно выходят и крупные жанровые формы – роман «Контур и силуэты» (1994–1996) под названием «Ложный силуэт» публикует в 1999 г. журнал «Нева», ранний роман «Созвездие Близнецов» (1964–1974) – в 2009 г. журнал «Звезда»; отдельными изданиями выходят «Контур и силуэты» в издательстве ДЕАН в 2002 г. и «Людмила. Детективная поэма» (2007) в издательстве Юолукка в 2012 г.

Вместе с тем в литературоведческом поле Б. Дышленко присутствует, как правило, лишь в контекстуальных рядах, иллюстрирующих тенденции и явления неофициального ленинградского пространства 1970–1980-х гг. Исключение составляет диссертационное исследование Е.В. Панкратовой, посвященное литературной позиции журнала «Часы» и рассматривающее в этой связи ранние рассказы Б. Дышленко более подробно [Панкратова].

Рецепция текстов Дышленко современной ему критикой, думается, во многом исходит также из раннего творчества и, едва ли не больше, из общих установок ленинградской неподцензурной литературы, либо еще более узко – журналов «Часы» и «Обводный канал», с которыми Дышленко ассоциируется. С этой точки зрения фокусируется обращение к прозе «условного реализма» как индивидуальному мифотворчеству, «сопротивление всеобщей обезличенности, интерес к философии персонализма» [Иванов: 578]; выбор стратегии автобиографического самоутверждения, не характерной, например, для московского андеграунда [Берг; Иванов]; разработка образа маленького/подпольного человека, антигероя [Арьев; Берг; Иванов]; генетическое родство с прозой 1920-х гг. [Берг], в том числе практикой антиутопии [Савицкий: 76]. М. Берг говорит также о советской версии «кафкианского» героя, а с другой стороны – видит параллели с французским «новым романом» [Берг: 7]. И если об интеллектуальном родстве с А. Роб-Грийе неоднократно говорит сам Дышленко, в том числе в одном из последних выступлений – презентации романа «Людмила»¹ в 2013 г., то кафкианство видится ему скорее общим местом всей новой литературы: «Гений Кафки отобразил, да и сам создал этот абсурдный мир,

в котором мы сейчас. В таком плане все близки Кафке» [Контур абсурдного...]. Предсказуемо оказывается, что знакомство с текстами Кафки происходит уже после написания «близких Кафке» вещей, равно как и Роб-Грийе возникает в интеллектуальном поле Дышленко, уже начавшего формировать свою манеру, которая, к слову, весьма устойчива на протяжении всего творчества.

Как представляется, в этом *ракурсе ожидания* (или *ракурсе совпадения*) который неминуемо возникает как у участников общего процесса (в нашем случае ленинградского андеграунда), так и у исследователей, нуждающихся в первую очередь в типологизации этого самого процесса, возникают неминуемые искажения восприятия и акцентировок. Так, в случае Дышленко оказались не востребованы (или просмотрены) те принципиальные авторские установки, которые не только отличают его эстетику и обнаруживают в его текстах тенденции более масштабные, выходящие за пределы андеграундной программы, но и неоднократно артикулируются им в текстах (от метавысказывания до прямой рефлексии) и в выступлениях, о чем можно судить по настойчивости повторения важных позиций в сохранившихся эссе, интервью и презентациях последних лет.

Идеи, о которых мы говорим и которые появляются в творчестве Дышленко уже в 1970-е гг., связаны с проблемами неосуществленной/неосуществимой репрезентации; обращения текста к разработке собственной телесности; текста как пространства, свободного от трансценденции и/или трансгрессии; авторской стратегии в том виде, в какой она понимается при коммуникативном подходе. Об их возникновении и текстовой реализации мы и будем говорить, попытавшись описать эстетику Б. Дышленко.

Если все-таки определять имена влияния, то в генезисе Дышленко важны три источника, формирующие его подход к тексту. Все они названы им самим: Андрей Белый, Николай Акимов и Юрий Дышленко. Поэтика Белого, все время оказывающаяся на пересечении рационального и иррационального, идея двойничества, ветвящиеся цепочки метафорических и метонимических замещений, по воспоминаниям Дышленко, сильно впечатляют его, влияют на первые авторские тексты и формируют особую орнаментальность его стиля, состоящую в нанизывании форм и умножении вещества текста. Н.П. Акимов – режиссер, художник, педагог Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, где Дышленко в 1959–1962 гг. учится на постановочном факультете. О его роли в формировании творческого мировоззрения учеников есть множество воспоминаний (из его мастерской помимо братьев Дышленко вышли Е. Михнов-Войтенко, М. Кулаков, О. Целков, А. Раппопорт и др.), Дышленко формулирует мо-

менты, важные для себя: «он учил гибкости, широте восприятия, учил воспринимать пластический ряд как семантический и наоборот» [Контуры абсурдного...]. Юрий Дышленко – старший брат и единомышленник, многолетний собеседник Бориса, ключевая фигура ленинградской неофициальной живописи, художник, обратившийся к структуралистской и затем постструктуралистской проблеме текстуальности живописи, возможности изображения (описания, считывания или прочтения) самого изображения, погружения в грамматику изображения и затем обнажения процесса синтезирования изображения в акте зрительского восприятия картины.

Эти три источника идей, подпитывающие формирующуюся эстетику Б. Дышленко, объединяются тем, что Ры Никонова в своей рецензии на первый самиздатский сборник Дышленко назвала ожиданием «революции литературных средств» [Никонова: 114]. И хотя нужно делать поправку на то, что она видит любые тексты через свою оптику, и в первую очередь для нее важен новый язык в его буквальном проявлении и буквальное (фигуративное) пересоздание текста, тогда как для Дышленко это только частные случаи или один из способов достижения своей цели, но обнаруженное типологическое родство дает ей возможность практически единственной обозначить у Дышленко распадение внутризнакового единства, проблемы декодирования знака или сбоя в референции. В ее понимании, Дышленко – автор для тех, «кто видит содержание именно в форме, для кого философия жизни не в рассуждениях и спекуляциях по ее поводу, а в МЕТОДАХ ее подачи и проявления», и ценен тем, что «сделал заявку на новый способ сочинения прозы, за которым, естественно, и новый способ видения жизни» (выделено автором. – Е. Т.) [Никонова: 113]. Именно в этом смысле важно суммированное нами тройное влияние Белого – Акимова – Дышленко-старшего: (новый) способ видения жизни, который демонстрирует Борис Дышленко, – это попытка уловления становящегося объекта и изучение этого момента незавершенного становления.

В этой связи Дышленко интересует, например, априорный страх, на котором строятся практически все первые тексты. Это страх неоформленный, до-рефлексивный, его источник находится за пределами текста и порой не реализуется, не свершается в сюжете – собственно, этот специфический жест неразрешения от страха становится фирменным знаком стиля Дышленко [Тюленева 2023а: 45]. Безусловно, в контексте андеграундной повестки он в первую очередь прочитывается в остросоциальном или экзистенциально-абсурдном плане, что, кстати, делает невозможной публикацию его повести «Мясо» в единственном официально изданном сборнике «Круг», собранном Клубом-81. Но как показывает вся логи-

ка развития последующих текстов Дышленко, страх выступает у него не столько в роли маркера социума, сколько в своей саспенсной функции, как способ создания длящейся процессуальности, нон-финального поля возможного становления, «выявления своей сути тем, что пытается организовать» [Дышленко 2005: 207]. Эта стадия попытки организации, всегда намеренно незавершенная или удерживаемая от завершения, крайне интересна Дышленко: в его понимании «мысль изреченная — мертва», обретя имя и образ, она «тут же перестает существовать, костенеет в законченном контексте» [Дышленко 2005: 195], а «быть представлением – значит как раз не быть тем, что представляется» [Дышленко 2002: 79]; творящийся мир исчезает, стоит переступить метафорический «порог открытия», назвать неуловимое, обозначить границы, достичь отчетливого понимания. Соответственно, необходимо зафиксировать момент узнавания/понимания, но оставить его не до конца проявленным, оставить слово «в пути», без шанса на финальное прочтение, но с обязательным сохранением читательского интереса к попытке этого прочтения. И страх, поддерживающийся в развивающейся наррации, связан не столько с предошущением катастрофы, сколько с потенциальным узнаванием, освоением неизвестного, на границе с которым всегда находится текст – это всегда еще страх «перед непонятным и потому завораживающим действием» [Дышленко 2005: 198]. Эффект завораживания/завороженности, бесконечно длящегося застывания в процедуре узнавания дает возможность проработки самого страха как плотности, вещества.

К примеру, вот начало одного из первых рассказов «Кромка» (1967): «Я не сразу понял, что произошло, и, придя в себя, удивился тому, что пристально вглядываюсь в окно на противоположной стороне улицы и как бы стараюсь понять. – Не надо мыслить штампами, – попытался я себя успокоить, – все оттого, что я мыслю штампами. Вон окно. Это кафе. Очень большое окно в этом кафе. Оно начинается от самого тротуара и высотой около двух с половиной метров. В ширину и того больше. На прозрачном стекле белая надпись “Кафе”, и та девушка в брюках, глядя на меня, видит меня сквозь надпись, которая с той стороны читается “Ефак”. В этом есть что-то турецкое, так что во мнении этой девушки я могу быть турком. Это уже не так плохо, то есть не то, что я турок, а то, что я перестаю мыслить штампами. Вот теперь, когда я не мыслю штампами, я могу разрешить задачу, и все придет в норму» [Дышленко 1979: 116]. Состояние страха, в котором внезапно, без предыстории и какой-либо мотивации, оказывается герой, подается через *паттерн застывания* (неслучайно здесь возникает метатекстовая ирония – «мыслить штампами»), который в свою очередь длится через наро-

чито постепенное и при этом столь же подчеркнута непоследовательное ассоциативное распаковывание: пристальное глядявание, пространственное пересечение (противоположная сторона улицы) – попытка успокоения как способ понимания – случайное уловление пространственного объекта (окна кафе) – новое зависание на форме и фактуре окна – врезка нового объекта (девушка в черных брюках) и нового способа видения-понимания, фиксируемого словом «Ефак». Этот простейший остраняющий жест видения/чтения слова «кафе» наоборот запускает два одновременных и разнонаправленных движения: 1) ожидаемое разрешение саспенса – избавление от страха (избавление от штампов должно все привести в норму), но и 2) абсурдизацию ситуации выдаванием мнимого за логичное (слово «Ефак» слышится как турецкое и начинает семантизироваться), что вызывает новый виток страха, уже перед абсурдным. Так страх, удерживаясь на границе репрезентации, не получая имени (объяснения, причины), умножает свою морфологию, обретает форму (формы) и становится изображением.

«Изображение изображения» – один из основных принципов, разрабатываемых братьями Дышленко. Идеологом этого метода выступает Юрий Дышленко, и в семейной памяти сохранилась дата концептуализации идеи – 1 апреля 1973 г., день, когда были сделаны эскизы к серии живописных полотен «Характеры» для легендарной выставки независимого искусства в ДК имени И.И. Газа [Дышленко 2005: 198]: 9 портретов-характеров с отсутствующим главным элементом портрета – лицом портретируемого. По мысли художника, именно остановка изображения на этой стадии «вводит зрителя в процесс синтезирования образа» [Гуревич: 41]: изображения оказываются одновременно знакомыми (понятен жанр, срабатывает рефлекс узнавания) и ставящими в тупик (всматривание в изображение приводит к нулевому результату – понятных предметов на картине нет). Л. Гуревич для иллюстрации ситуации приводит в пример картину Ю. Дышленко «На фоне моря что-то происходит», в которой по наличию линии горизонта определяется пейзаж, но самое «что-то» на поверку семантикой не обладает, это некая совокупность пятен [Гуревич: 42]. Смысловым центром в этом проекте оказывается возникшее в зрителе *напряжение* – напряжение ожидания проявления образа, ради него создается картина. При таком подходе изображение перестает демонстрировать свое содержание или являться содержанием, оно – средство, повод. Как и в случае с текстом рассказа Б. Дышленко, здесь можно говорить о своеобразном остранении, когда изображение понимается и воспринимается не как пространство, а как объект – двухмерный, наблюдаемый, отчужденный от своего денотата. Юрий Дышленко сравнивает свои картины со старыми фотографиями и иллюстра-

циями, которые всегда не сами по себе, на них всегда *что-то изображение* и всегда *способ изображения*. Именно отдаление от первоначального изображения позволяет проявить его стиль и в дальнейшем «изобразить его структуру». Изображение, таким образом, предстает системой знаков, лингвистической конструкцией, которая *называется* картиной. А художник пишет не столько красками, сколько, как формулирует Ю. Дышленко в беседе с В. Агафоновым, «отношениями и отношениями отношений, аккордами, из которых строится цветовое пространство». Ну, а собственно художественный акт в его трактовке становится *описанием* пространства, «в котором только ожидается появление предмета», художник всегда «на полпути к этому предмету» [Агафонов].

«Этот процесс можно было бы назвать созданием метафоры», – в свою очередь рассуждает Борис Дышленко [Дышленко 2005: 207]. Однако ситуация усложняется тем, что речь идет не о конкретных предметах, о сходстве или различии которых можно говорить, а о предметах еще не существующих и образах еще не оформившихся, только потенциальных. Здесь возникает тупик: «Мы видим лишь тенденцию к сходству или различию... чего? Предметов нет, эпитеты повисают в пространстве, остается чистая метафора, выражение чего-то через нечто. Функция выражается другой функцией. Этот процесс, подчеркиваю, длится бесконечно, но с постоянно сохраняющейся надеждой» [Дышленко 2005: 207]. Б. Дышленко, тоже будучи художником и обладая очевидным пластическим мышлением, вместе с тем ищет литературные эквиваленты реализации этого механизма. Одним из них будет орнаментальное наслоение умножающихся вариантов существования изображения-объекта (часто субъект в результате остранения предстает объектом наблюдения): объект выделен из фона, объект на фоне, объект в «раме», объект вмонтирован в форму или проходит через нее, объект помещен за поверхность, объект со стертými границами, объект метонимически замещен другими формами, объект визуализирует абстрактное/символическое/метафорическое понятие, объект-субъект видит себя со стороны и др. Так, к примеру, он продолжает выстраивать нарратив в «Кромке»: «Однако я все не мог заставить себя выйти из подъезда (отделение от фона / выход из рамы), и не от того, что боялся дождя, который теперь хлестал уже какими-то непрерывными всхлипывающими потоками, искажая, как неровное стекло (замутнение изображения, объект за поверхностью), противоположную сторону улицы (перемещение точки зрения, позиции объекта относительно другого объекта) вместе с фонарным столбом и маленьким автобусом, все еще стоявшим там (вытеснение объекта другими объектами, растворение за ними), – мне казалось, что на улице, едва

только я выйду (выход объекта из формы), они, при- таившиеся на время в парадных (введение потенци- альных объектов, дополнительных объектов в до- полнительных формах), и *сквозь низвергающуюся водяную толщу по движению моего силуэта, хоть и смутного, хоть и размываемого ливнем, но узна- ют меня, узнают и придадут этому значение* (про- граммная демонстрация страха узнавания и семан- тизации)» (Курсив мой. – Е. Т.) [Дышленко 1979: 122]). Это устойчивое для Дышленко орнаменталь- ное «плетение словес», или намеренно конструиру- емая серийность, имеет вполне методологическую задачу, которую он формулирует в одном из послед- них эссе «Порог»: «Я хотел расширением синтагмы, бесконечным уточнением слова добиться от него ми- нимального количества значений, но так, чтобы оно все-таки оставалось в пути» [Дышленко 2005: 195]. В его литературной версии формируется некий пу- стой знак, одновременно стремящийся к максималь- ному опустошению (ср. отсутствие лиц в «Харак- терах» Ю. Дышленко) и неиссякаемый, поскольку сохраняет потенцию интерпретации.

Тот же принцип он реализует в позднем рома- не «Контур и силуэт» (заметим, *силуэт* присут- ствовал уже в «Кромке» – см. курсивный фрагмент этого рассказа в предыдущем абзаце), овеществляя проблемы идентификации и самоидентификации героя. Здесь герой проходит несколько форм аген- та преступления: собиратель/читатель следов и зна- ков преступления – наблюдатель свидетельств пре- ступления – зритель информационных сообщений о преступлении – расследователь преступления – свидетель преступления – участник преступления – возможный преступник. На выходе совершенно сти- рается статус героя, его положение в тексте и самое главное – уверенность читательской рецепции. Чи- татель введен в релятивное недоумение, он лишен каких-либо надежных оснований для финального заключения и, вероятно, уже собственной самои- дентификации.

«Предметы настаивают на идентичности с той же силой, с какой они отвергают эту идентичность», – цитирует Б. Дышленко Х. Ортегу-и-Гассета, объяс- няя в беседе с Д. Григорьевым причину своего отка- за от выяснения основного вопроса детектива – «кто убийца?» и перевода текста в плоскость других про- блем [Контур абсурдного...]. Невозможность осу- ществления героем самоидентификации для него одновременно и экзистенциальная, и эстетическая, а потому реализуется в тексте формальными метода- ми: демонстрируется через множественность комби- наций, которые герой выстраивает, в том числе комби- наций моделируемых, проигрываемых им как версия. Закономерно, следующим шагом становится автоном- ность этих моделей, которые сами постоянно меняют-

ся, поскольку уже неконтролируемы героем. Так че- реда контуров и силуэтов не просто создает проблему герою или читателю, но становится ядерным центром текста, однако неминуемо размытым уже в силу фор- мальной специфики контура или силуэта.

Таким способом достигается сразу несколько це- лей: остранение проблематики и переключение ее в иные регистры восприятия, переводение текстовой задачи в плоскость текстового становления и удер- жание читателя на пороге восприятия. Идея «поро- га восприятия»: «Образ, созданный чьим-то сознани- ем, приобретает контуры, материализуется в ткани романа. Но и тут же рассыпается» [Контур абсурд- ного...] – становится следствием размышлений бра- тьев Дышленко о структуре изобразительного образа и новом языке его представления. Порог метафори- чески реализует два основания их концепции: по- тенциальную генеративность лиминальности и про- странственную закреплённость или прикрепленность творческого жеста, свойственную мышлению ху- дожника. Отсюда соответствующий тезаурус: «по- роговый, найти порог, дойти до порога, вернуться на порог», «за порогом ничего нет» [Дышленко 2005: 198]) – порог важен методологически. И поскольку он не должен быть преодолен, все тексты будут строиться на балансировании на пороге или удержи- вании порога, что в свою очередь позволит длить ис- комый процесс формообразования [Тюленева 2023b]. И здесь, наверное, наиболее продуктивно будет за- действован живописный опыт Б. Дышленко, позво- ляющий ввести в литературный текст фактурность и визуальность, овеществляющие порог. В этой свя- зи становится не просто понятен, но функциональ- но необходим характерный дышленковский стили- стический набор: подвижное, постоянно мерцающее пространство, перманентная смена фона и первого плана; монтажная техника; нанизывание форм; ме- тонимические замещения объектов их деталями; де- семантизация цвета, утрачивающего свои символические интенции и др.

К слову, для Б. Дышленко порог становится еще и метафорическим выражением «близичности»: про- дуктивной дополнительной, двойничества, узнава- ния и присвоения Другого, вечного диалога тождеств и различий, имеющего неограниченные порождаю- щие возможности – с одной стороны, и биографиче- ского братства, единомыслия, родства индивидуаль- ностей – с другой. Этот концепт отрабатывается им и в художественных текстах, где герои часто имеют интертекстуальных близнецов, и в текстах автореф- лексивных, где он ощущает себя хранителем и транс- лятором идей рано ушедшего брата.

Таким образом, можно говорить о том, что эсте- тическая концепция Б. Дышленко строится на весьма актуальных для гуманитаристики последней четвер-

ти XX в. посылках референциальной неустойчивости и текстовой генеративности, а также обладает рядом уникальных особенностей, индивидуализирующих его, в том числе и в родственной среде ленинградского андеграунда: а) формирование *пороговой оптики* – стратегии, ориентированной на освоение «пороговости» как нарративного принципа, организующего текст; б) разработка поэтики *уловления становящегося объекта* в тексте с многообразным набором приемов и техник; в) реализация принципов живописного (пластического) мышления и воплощение идеи *изображения изображения* в литературном тексте.

Примечания

¹ Презентация книги Бориса Дышленко «Люди-мила (детективная поэма)». 12 апреля 2013 г. Издательство «Юолукка». Художественная галерея «АРТ-лига». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VFhUIYPIN5w> (дата обращения 05.10.2024).

Список литературы

Источники

Дышленко Б. Кромка // Часы. 1979. № 18. С. 116–134.

Дышленко Б. Контур и силуэты: Роман. СПб.: ДЕАН, 2002. 256 с.

Дышленко Б. Порог // Звезда. 2005. № 11. С. 195–212.

Исследования

Агафонов В.Ю. Алгебра гармонии // Агафонов В.Ю. Русские художники в Нью-Йорке и окрестностях: интервью: в 2 ч. Ч. 2. URL: http://lit.lib.ru/a/agafonow_w_j/agaf22.shtml (дата обращения 05.08.2024).

Арьев А. Рид Грачев и «Миф о Сизифе» // Звезда. 2020. № 5. С. 204–220.

Берг М. Воспоминания о будущем // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1970-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 3–20.

Гуревич Л. Художники ленинградского андеграунда. 2-е изд. СПб.: ДЕАН, 2019. 448 с.

Иванов Б.И. Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе: 1950–1980 годы // Самиздат Ленинграда. 1950–1980. Литературная энциклопедия. М.: НЛЮ, 2003. С. 535–584.

Контур абсурдного мира: интервью Дмитрия Григорьева с Борисом Дышленко // Книжный Петербург. 2000. № 4.

Никонова Р.Е. Ефак // Транспонанс. 1985. № 27. С. 111–114.

Панкратова Е.В. Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы»: концепция независимой литературы: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2019. 251 с.

Савицкий С. Андеграунд: История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М.: НЛЮ, 2002. 153 с.

Тюленева Е.М. Роль саспенса в нарративной стратегии Бориса Дышленко (роман «Контур и силуэты») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023а. Специальный выпуск. С. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.46726/H.2023.5.5>

Тюленева Е.М. «Пороговость» как нарративный принцип в романе Бориса Дышленко «Контур и силуэты» // Филологос. 2023б. № 2 (57). С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2023-57-2-57-65>

References

Agafonov V.Yu. *Algebra harmonii* [Algebra of harmony]. Agafonov V.Yu. *Russkie khudozhniki v Nyu-Yorke i okrestnostyakh: intervyyu* [Russian artists in New York and surrounding areas: interviews], in 2 ch. Ch. 2. URL: http://lit.lib.ru/a/agafonow_w_j/agaf22.shtml (access date: 05.08.2024). (In Russ.)

Ariev A. *Rid Grachev i «Mif o Sizife»* [Reed Grachev and “The Myth of Sisyphus”]. *Zvezda* [Star], 2020, no. 5, pp. 204–220. (In Russ.)

Berg M. *Vospominaniya o budushchem* [Memories of the future]. *Kollektsiya: Peterburgskaya proza (leningradskiy period). 1970-e* [Collection: St. Petersburg prose (Leningrad period). 1970s]. St. Petersburg, Ivan Limbach Publ., 2003, pp. 3–20. (In Russ.)

Gurevich L. *Khudozhniki leningradskogo andegraunda* [Artists of the Leningrad underground]. St. Petersburg: DEAN Publ., 2019, 448 p. (In Russ.)

Ivanov B.I. *Literaturnye pokoleniya v leningradskoy neofitsialnoy literature: 1950–1980 gody* [Literary generations in Leningrad unofficial literature: 1950–1980]. *Samizdat Leningrada. 1950–1980. Literaturnaya entsiklopediya* [Samizdat of Leningrad. 1950–1980. Literary encyclopedia]. Moscow, NLO Publ., 2003, pp. 535–584. (In Russ.)

Kontury absurdnogo mira: Intervyyu Dmitriya Grigoreva s Borisom Dyshlenko [Contours of an absurd world: Interview with Dmitry Grigoriev with Boris Dyshlenko]. *Knizhnyy Peterburg* [Book Petersburg], 2000, no. 4. (In Russ.)

Nikonova Ry. *Yefak* [Efak]. *Transponans* [Transponance], 1985, no. 27, pp. 111–114. (In Russ.)

Pankratova E.V. *Literaturnaya strategiya samizdatского zhurnala «Chasy»: kontseptsiya nezavisimoy literatury* [Literary strategy of the samizdat magazine “Hours”: concept of independent literature, PhD thesis]. Smolensk, 2019. 251 p. (In Russ.)

Savitsky S. *Andegraund: Istoriya i mify leningradskoy neofitsialnoy literatury* [Underground: History and myths of Leningrad unofficial literature]. Moscow, NLO Publ., 2002. 153 p. (In Russ.)

Тюленева Е.М. *Rol saspensa v narrativnoy strategii Borisa Dyshlenko (roman «Kontury i siluety»)* [The role of suspense in Boris Dyshlenko's narrative strategy (novel "Contours and silhouettes")]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities], 2023a, Special issue, pp. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.46726/H.2023.5.5> (In Russ.)

Тюленева Е.М. "Porogovost" kak narrativnyy printsip v romane Borisa Dyshlenko "Kontury i siluety" ["Threshold" as a narrative principle in Boris Dy-

shlenko's novel "Contours and Silhouettes"]. *Filologos* [Filologos], 2023b, no. 2(57), pp. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2023-57-2-57-65> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 11.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 11.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

А.А. ФЕТ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на материале интернет-фольклора)

Абрамова Вероника Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Архангельская Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Тула, Россия, archangelju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования в цифровом пространстве текстов культуры, которые связаны с именем А.А. Фета – одного из знаковых для русской лирики второй половины XIX века поэтов. Исследованию подвергается та область сетевого пространства, которая представлена интернет-фольклором. Целью работы являлось определение степени востребованности и анализ форм репрезентации представлений о жизни и творчестве поэта в сетевом фольклоре. Анализу подвергались различные формы интернет-презентем (мемы, демотиваторы, карикатуры, комиксы), образцы сетевой поэзии (стишки-порошки, депрессяшки), шутки, а также приемы, с помощью которых Фет-контент включается в интернет-коммуникацию. В результате исследования было установлено, что в интернет-фольклоре активно используется языковая игра с фамилией поэта посредством метанализа, а именно: ложноэтимологического переосмысления, экспрессивной деривации, ребуса. В интернет-коммуникации востребованы три крылатые единицы из стихотворений Фета: «На заре ты ее не буди», «Я пришел к тебе с приветом», «обнять и плакать». Последняя пока не фиксируется словарями и справочниками, однако активно используется в сетевом пространстве как устойчивая и воспроизводимая единица. Крылатизмы Фета включаются в интернет-презентемы в оригинальном и трансформированном виде, а также обыгрываются в сетевой поэзии с использованием формы пастиша.

Ключевые слова: интернет-фольклор, метанализ, прецедентный текст, Фет, биография, языковая игра, сетевая поэзия, интернет-презентема.

Для цитирования: Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. А.А. Фет в современном цифровом пространстве (на материале интернет-фольклора) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 101–107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-101-107>

Research Article

AFANASY FET IN THE MODERN DIGITAL SPACE (using the example of Internet folklore)

Veronika I. Abramova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tolstoy Tula State Pedagogic University, Tula, Russia, istinijobraz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>

Yuliya V. Arkhangel'skaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tolstoy Tula State Pedagogic University, Tula, Russia, archangelju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>

Abstract. The article deals with analysis of the functioning of cultural texts in the digital space associated with the name of one of the iconic Russian lyrics of the 2nd half of the 19th century, poet Afanasy Fet. The area of the network space represented by Internet folklore, is being studied. The objective of the work was to determine the degree of demand and analyse the forms of representation of notions about the poet's life and work in network folklore. Various forms of Internet presentemes (memes, demotivators, cartoons, comics), samples of Russian online poetry – “mindless” and “depressive” rhymes (*poroshki* and *depressyashki* respectively), jokes, as well as techniques, by which Fet's content is included in Internet communication, were analysed. As a result of the study, it was found that Internet folklore actively uses the language game with the poet's surname through metanalysis, namely: false etymological reinterpretation, expressive derivation, rebus. Three winged units from Afanasy Fet's poems are in demand in Internet communication: “Do not wake her at dawn”, “I have come to you with greetings”, “to embrace and cry”. The latter has not been fixed in dictionaries and reference books yet, but is of active use

in the network space as a stable and reproducible unit. Afanasy Fet's winged phrases are included in Internet presentemes in original and transformed forms, as well as played with in net-poetry using the form of pastiche.

Keywords: Internet folklore, metanalysis, precedential text, Afanasy Fet, biography, language game, network poetry, Internet presenteme.

For citation: Abramova V.I., Arhangelskaya Yu.V. Afanasy Fet in the modern digital space (using the example of Internet folklore). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 101–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-101-107>

В современном цифровом пространстве литературная классика часто выступает в роли прецедентной основы для различных форм интернет-коммуникации, таких как мемы, мотиваторы, демотиваторы, сетевые шутки и анекдоты, произведения сетевой поэзии (пирожки, порошки, депрессяшки и т. п.). Все они входят в активно изучаемый в настоящее время интернет-фольклор, который определяется учеными как «мультимедийное народное творчество в интернет-коммуникациях», возникающее «на стыке креативности (художественности), анонимности (коллективности), вариативности (изменчивости), виральности (массовизации), мультимедийности (технологичности)» [Арпентьева: 7]. Исследователями отмечена карнавальность дискурса в сетевых коммуникациях, многие темы «обыгрываются через их пародирование, перевертывание, приемы карнавального гротеска» [Соковикова: 219]. Не являются исключением жизнь и творчество известных литераторов. Авторы данной статьи посвятили несколько работ анализу репрезентации в интернет-фольклоре образов А.С. Пушкина [Абрамова, Архангельская] и Л.Н. Толстого [Abramova, Arkhangelskaya]. Другие исследователи анализировали особенности интерпретации творчества Ф.М. Достоевского в литературных мемах [Максимова; Гурьянова, Синегубова]. Проблемным для данной статьи стал вопрос о степени востребованности и способах репрезентации в интернет-фольклоре информации о жизни и творчестве А.А. Фета.

Поистине трагическая судьба поэта «отозвалась» в интернет-фольклоре в форме следующей презентемы: репродукцию портрета А.А. Фета работы И.Е. Репина (1882 г.) сопровождает текст – «Когда ты жалуешься на жизнь, где-то на облачках улыбается Фет». Человек, знакомый со всеми перипетиями биографии лирика, без труда поймет смысл этой фразы. Поэт испытал в своей жизни так много несправедливости и разочарований, что любые неприятности современного человека в сравнении с этим кажутся не стоящими внимания и могли бы вызвать у поэта только горькую усмешку. «Афанасий Афанасьевич Фет родился 29 ноября (по другим сведениям, 29 октября) 1820 года в имении Новоселки Орловской губернии, в семье помещика А.Н. Шеншина. До четырнадцати лет он и звался Шеншиным, но затем церковное начальство, обнаружив, что он родился до вступления

его матери в брак с А.Н. Шеншиным, присвоило ему фамилию первого мужа его матери – Фет» [Бухштаб: 247]. Всю дальнейшую жизнь поэт добивался возвращения дворянского титула и фамилии Шеншин: пытался сделать карьеру в армии, но дважды дослужившись до чина, дающего дворянство, сталкивался с тем, что, по вновь выходящим законам, желаемый статус приобретался со следующего военного звания; стремясь к своей цели, отказался от женитьбы на любимой девушке, чем, вероятно, обрек ее на гибель; вышел в отставку, удачно женился, сделался успешно ведущим хозяйство помещиком, но постоянно подвергался нападкам со стороны приверженцев «общественно заинтересованного искусства» и обвинялся в заключении брака по расчету; в конце жизни вернул себе дворянский титул, фамилию Шеншин, получил звание камергера и чин тайного советника, но решил совершить самоубийство, причем попытка оказалась неудачной, и поэт умер от сердечного приступа.

В биографии Фета были и светлые моменты. Например, его дружба с поэтом Ф.И. Тютчевым. Фет восхищался творчеством старшего собрата по перу, посвятил ему статью «О стихотворениях Тютчева» (1859) и несколько лирических произведений. В школьных учебниках по литературе стихотворения Фета и Тютчева обычно соседствуют друг с другом, объединенные темой природы, что вызывает путаницу в сознании учеников. Поэты кажутся им «одинаковыми». В интернет-фольклоре Фетом и Тютчевым названы герои мема, изображающего двух Человеков-пауков, указывающих друг на друга (кадр взят из 36-й серии мультсериала про супергероя, которая называется «Двойная идентичность»). Фамилии поэтов стоят рядом и в других интернет-презентемах, включаясь в их вербальную часть: «Я величайший поэт всей России, Тютчев и Фет мой автограф просили»; «Жду ответа, как Тютчев Фета». Встречается пара Тютчев – Фет и в таком жанре интернет-поэзии, как депрессяшки (ироничные четверостишия о несовершенстве мира, о грусти, тоске и вызывающих их факторах, написанные трехстопным хореем, количество слогов в стихах 6-5-6-5, вторая и четвертая строки рифмуются, отсутствуют заглавные буквы и знаки препинания): «осень наступила / силой школоты / вертятся в могилах / тютчевы феты».

В литературоведческих исследованиях и в опирающейся на них школьной программе Фет пред-

стает как поэт, воспевающий красоту: «основные “предметные” элементы лирики Фета – красота природы, красота любви, красота песни, гармонически слитые в одно трепетное троезвучие, в один музыкальный аккорд» [Благой 1981]. Данное представление обыгрывается в интернет-фольклоре с помощью комикса. На первой панели изображены юноша и девушка на фоне горного пейзажа и представлен их диалог: «[Юноша:] Как здесь красиво! – [Девушка:] Стой!». На второй панели персонажи продолжают разговор: «[Юноша:] Но здесь правда очень красиво! – [Девушка:] Нет, остановись, ты привлечешь Фета». На третьей панели юноша восхищается: «Так красиво, что дух захватывает», а изображение дополняется еще одним персонажем – летящим по воздуху поэтом, как будто троекратно произнесенное слово «красиво» вызвало его дух. На четвертой панели парящий над обескураженным юношей и грустившей девушкой Фет читает свое стихотворение «Весна на дворе». Возможная трактовка данного креолизованного текста: девушка хотела побыть наедине с молодым человеком, но тот, сам того не понимая, вызвал дух Фета, и прогулка перестала приносить ей удовольствие (может быть, она не любит поэзию или прилетевший дух будет читать все свои стихотворения и утомит слушателей).

Активно используется в интернет-фольклоре обыгрывание необычной фамилии Фет при помощи метанализа (термин предложен О. Есперсенем и означает «ложноэтимологическое переосмысление частей или отдельного фрагмента слова на основе ассоциаций по близкозвучию или омонимии» [Москвин: 392]). Чаще всего в цифровом пространстве происходит следующее: в поле мема пишутся слова, содержащие в себе фрагмент «фет» (*буфет*, *салфетки*, *фетучини*, *фетакса*), и сопровождаются иллюстрацией, которая включает изображение поэта (обычно это репродукция портрета Фета кисти И.Е. Репина), а также изображение обозначенного предмета. В данном случае используется такая разновидность метанализа, как ложноэтимологическое переосмысление слова, причем, учитывая, что это сделано специально, можно идентифицировать этот прием как языковую игру. Иногда такая игра сопровождается вариативным изменением опорного слова. Так, слово «буфет» преобразуется в «буууфет» и сопровождается изображением Фета в виде привидения. Понять этот мем несложно, если знать, что междометие «буу» (в английском языке: *bo / boh* или *boo*) используется для выражения угрозы, устрашения [Oxford Advanced Learner's Dictionary]. Поскольку слов, содержащих фрагмент «фет», в русском языке не так много, а желание продолжить языковую игру достаточно сильно, пользователи Сети изменяют графический облик близких по звучанию фрагментов слов,

например, *привет* → *прифет* (креолизованный текст, содержащий данное преобразование, включает в себя репродукцию репинского портрета Фета в несколько измененном виде: поэт словно машет зрителю рукой). Наиболее частотным является преобразование слов с корнем «свет», в котором буква «в» меняется на «ф»: *сфет*, *Сфетлана*, *сфетофор*, *просфетление*, *рассфет*. Такое преобразование основано на параномазии. Подобные креолизованные тексты создаются по модели, описанной выше: фрагмент репродукции портрета Фета + изображение объекта, обозначенного исходным словом.

Считается, что метанализ лежит и в основе ребуса [Москвин: 393]. В цифровом пространстве Рунета мы обнаружили следующие ребусы с использованием репродукции портрета Фета: 1) изображение поэта + ИШ (ответ: фетиш); 2) две запятые + изображение чашки кофе + Т + портрет поэта как подсказка (ответ: Фет).

Описанные выше преобразования можно обозначить как экспрессивную деривацию («создание номинативных единиц с выразительной внутренней формой» [Москвин: 869]).

Еще одной разновидностью языковой игры с фамилией Фет является использование в текстах интернет-фольклора омоформ:

- Передайте сыр фету, пожалуйста.
- Афанасий Афанасьевич, возьмите.

В данном шуточном диалоге, который сопровождается репродукцией портрета Фета, двусмысленность порождается совпадением названия греческого сыра в винительном падеже и фамилии поэта в дательном падеже. Похожая шутка представлена и в следующем диалоге:

- Почему Афанасий злой ходит?
- Да у него кто-то сыр съел, а это сыр Фета.

В данном случае контекст не снимает двусмысленность фразы, за счет чего создается юмористический эффект: словосочетание «сыр Фета» можно понять двояко – сыр (какой?) и сыр (чей?). Следует отметить, что в интернет-фольклоре, в котором бытуют письменные жанровые формы, двусмысленность приведенных фраз не снимается графически (название сорта сыра пишется со строчной буквы, а фамилия поэта с заглавной), а, наоборот, с помощью графики подчеркивается. Становится ясно, что в первой шутке воспроизводится устный диалог и его участники говорят о разных вещах, не понимая друг друга. Во второй шутке сообщается о том, что некто, видимо участвовавший в устной коммуникации ранее, не понял, что перед ним сыр, принадлежащий Фету, а не сыр фета, и съел его, обидев поэта.

Фамилия Фета нередко используется в таком жанре интернет-фольклора, как стишки-порошки: «язык тургенева и фета / остался где-то в стороне / увы се-

годня лишь говаяжий / в цене». Жанровые особенности порошков описаны М. Кронгаузом: это катрены, написанные четырехстопным ямбом с усеченной последней строкой, которая рифмуется со второй; количество слогов в стихах: 9-8-9-2 [Кронгауз: 112]. Кроме того, в порошках не соблюдаются орфографические и пунктуационные нормы: отсутствуют заглавные буквы и знаки препинания: «душа поэта ждет рыданий / капризно произносит фет / и крепостной бежит со стопкой / салфет».

Анализируя многочисленные формы обыгрывания фамилии Фет в интернет-фольклоре, нельзя не процитировать строчки из письма поэта к жене Марии Петровне: «Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет» (цит. по: [Благой 1983]). Цифровой двойник лирика снова «испытывает страдания», становясь предметом интернет-шутки из-за необычной фамилии.

Карнавальному снижению, переводу из возвышенного в низменное подвергается не только фамилия, но и имя поэта. В студенческие годы Фет жил в доме своего однокурсника Аполлона Григорьева, где друзей ласково называли Афонею и Аполлошей [Полонский]. Имя Афоня ассоциируется у любителей советского кино с образом главного героя одноименной комедии Г. Данелии. Афоня – юный поэт и Афоня – беспринципный сантехник объединяются в интернет-презенте, представляющей собой креолизованный текст, включающий портрет Фета, а также кадры и преобразованный диалог из фильма: «[Герой Е. Леонова:] Что вы шумите? – [Герой Б. Брондукова:] Гони стих, родственник! Мне Афоня стих должен! – [Портрет Фета:] Скажи им, что я на картошку уехал» (в комедии речь шла о деньгах: «Мне Афоня рубль должен»).

Помимо фамилии и имени, в интернет-фольклоре комическому обыгрыванию подвергаются прецедентные тексты Фета. Устойчивостью и воспроизводимостью обладает не так много поэтических фрагментов, принадлежащих перу поэта, по сравнению с цитатами из текстов других русских литераторов XIX века. Так, в справочном издании «Крылатые слова: крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения» Н.С. и М.Г. Ашукиных зафиксировано 139 единиц, принадлежащих Пушкину, 69 – Грибоедову и только 3 – Фету: «Вот эта книжка небольшая / Томов премногих тяжелей» (цитата из стихотворения «На книжке стихотворений Тютчева», 1885) [Ашукин, Ашукина: 59]; «Ряд волшебных изменений милого лица» (цитата из стихотворения «Шепот, робкое дыханье...», 1850) [Ашукин, Ашукина: 305]; «На заре ты ее не буди, / На заре она сладко так спит» (из одноименного стихотворения 1842 г.) [Ашукин, Ашукина: 460]. Современные словари крылатых слов дополняют этот список всего несколькими единицами. Например, в книге В.В. Серова «Энциклопедический

словарь крылатых слов и выражений», помимо упомянутых, содержатся следующие: «Шепот, робкое дыханье, трели соловья» (из одноименного стихотворения 1850 г.) и «Я пришел к тебе с приветом – / Рассказать, что солнце встало» (из одноименного стихотворения 1843 г.) [Серов]. В интернет-фольклоре из перечисленных фраз, по нашим наблюдениям, активно используются только две: «На заре ты ее не буди...» и «Я пришел к тебе с приветом...».

Крылатое выражение «На заре ты ее не буди...» часто является элементом креолизованных текстов (мемов и демотиваторов), содержащих изображение спящего существа, чаще всего кота. Прецедентное высказывание используется в интернет-фольклоре как без изменений, так и в трансформированном виде: «На заре ты его не буди...»; «На заре ты меня не буди...»; «На заре ты кота не буди...». Тексты могут подвергаться расширению, в них появляются новые стихи, отсутствующие в оригинале. Представляют интерес для исследователя шуточные четверостишия, в которых соединяются стихи из стихотворения «На заре ты ее не буди...» А. Фета и «Девичья песня» М. Исаковского (1944 г.): «На заре ты ее не буди / И терпенье ее не испытывай: / В голове у нее бигуди, / А на большее ты не рассчитывай...» и «На заре ты ее не буди, / На IQ ты ее не испытывай. / В голове у нее бигуди, / А на большее ты не рассчитывай!». Данные четверостишия близки к пастишу, который, являясь редуцированной формой пародии, направлен на «ироническое сопоставление различных литературных стилей, жанровых форм и художественных течений» [Ильин: 724], в приведенных примерах это романтический, возвышенный стиль Фета и подчеркнуто бытовленный реализм Исаковского. Кроме того, в данных четверостишиях присутствует ставшая фольклорной строчка про бигуди, не содержащаяся ни в одном из исходных стихотворений. По свидетельству кинодраматурга и журналиста Г.М. Шерговой, комическое продолжение стихотворения Фета придумала Ирина Донская, сценарист, жена режиссера Марка Донского: «Иринины рифмованные шуточки, вроде «На заре ты ее не буди, в голове у нее бигуди», ходили по Москве, обретая иных авторов» [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004), НКРЯ].

Другая популярная в интернет-фольклоре фраза из лирики Фета – «Я пришел к тебе с приветом...». В интернет-презентах она, как и предыдущая, используется как в своем изначальном виде, так и в трансформированном. В тех случаях, когда крылатая фраза «Я пришел к тебе с приветом» соответствует оригиналу, ее семантическое наполнение меняется при взаимодействии с изображением в креолизованном тексте. Например, данный крылатизм Фета сопровождает фотографию туристической палатки в го-

рах, в которую заглядывает огромный дикий медведь. В данном случае фраза иронически переосмысливается, что в целом характерно для использования устойчивых единиц в интернет-фольклоре: исследователи обращают внимание на то, что нетривиальные ассоциативные ходы, которые применяются создателями сетевых текстов, направлены «на профанацию, снижение, натурализацию исходных прецедентных смыслов» [Чемезова, Исакова: 233]. Еще один вариант подобного использования крылатизма «Я пришел к тебе с приветом» – включение его в качестве реплики в карикатуру, на которой изображен пришедший к психиатру пациент. В данном случае семантическому переосмыслению подвергается компонент «с приветом», который в русском языке является фразеологизмом. Так говорят о чудаковатом, странном человеке, словари фиксируют это выражение с пометами «просторечное», «шутливое» [Мокиенко, Никитина: 533].

Преобразования, которым подвергается крылатизм «Я пришел к тебе с приветом» в интернет-фольклоре, чаще всего касаются изменения рода глагола (мужской род заменяется женским: пришел → пришла), что сопровождается соответствующим видеорядом (растрепанная девочка, странно выглядящая девушка) и продолжением текста, состоящим из отсутствующих в оригинале стихов: «Я пришла к тебе с приветом!!! / Рассказать, что солнце встало! / Ну и пусть сейчас три ночи... / Я с приветом, я ж сказала!»; «Я пришла к тебе с приветом... / С утюгом и с пистолетом!». Следует отметить, что пунктуация оригинала, как правило, тоже не сохраняется.

В современном цифровом пространстве часто используется выражение «обнять и плакать», обладающее, по нашим наблюдениям, устойчивостью и воспроизводимостью. Его источником является стихотворение Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (1877): «И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя, / Тебя любить, обнять и плакать над тобой» [Фет: 185]. Оно было обращено к своейченице Л.Н. Толстого Т.А. Кузминской, обладавшей прекрасным голосом.

Крылатая единица «обнять и плакать» иронически употребляется для характеристики кого-либо или чего-либо с целью выразить сочувствие или сожаление, но при этом не показаться сентиментальным, например: «Пока мой автомобиль разобран до состояния “обнять и плакать” и ждёт запчастей, мы с детьми перемещаемся на такси или пешком» [Валерия Робустова. Робустова – Блогер Про Воронеж (23.09.2016), НКРЯ]. До сих оно не зафиксировано в словарях и справочниках, но активно употребляется в разных формах интернет-фольклора. Например, в Сети существует мем «обнять и плакать», визуальная часть которого – изображение плачущего человечка, сидя-

щего в луже собственных слез, а вербальная – анализируемый крылатизм. Устойчивое выражение «обнять и плакать» часто сопровождает на интернет-презентах фотографии домашних питомцев, которые по той или иной причине вызывают жалость. Большой популярностью также пользуется в цифровом пространстве фраза: «Мужчины делятся на три вида: обнять и плакать, поймать и держать, отойти и поржать», приписываемая сатирику М. Жванецкому. Она включается в интернет-презентемы, нередко сопровождается видеорядом, обладает вариативностью, при этом элемент «обнять и плакать» всегда сохраняется.

Таким образом, анализ показал, что имя Афанасия Афанасьевича Фета, отдельные факты его биографии, крылатые фразы из его произведений активно используются в современном цифровом пространстве, обеспечивая успешную интернет-коммуникацию пользователей Сети. Фет-контент, с одной стороны, включен в ассоциативное поле коммуникантов и вызывает узнавание и ожидаемую реакцию у адресатов, с другой стороны, с легкостью включается в языковую игру, которая является одним из самых востребованных приемов в интернет-фольклоре.

Список литературы

- Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре Рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4 (49). С. 357–361.
- Арпентьева М.Р. Эративы интернетоязы // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2018. № 4. С. 5–14.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. Москва: Худож. лит., 1987. 528 с.
- Благой Д. Мир как красота: (О «Вечерних огнях» А. Фета) // Фет А.А. Вечерние огни. Москва: Наука, 1981. URL: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0020.shtml (дата обращения: 09.08.2024).
- Благой Д.Д. Афанасий Фет – поэт и человек // Фет А. Воспоминания. Москва: Правда, 1983. URL: <http://www.philology.ru/literature2/blagoj-83.htm> (дата обращения: 08.08.2024).
- Бухитаб Б.Я. Фет // История русской литературы: в 10 т. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 2 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. С. 247–260.
- Гурьянова А.М., Синегубова К.В. Интернет-мемы как индикатор прочтения произведений Ф.М. Достоевского // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 1. С. 19–25.
- Ильин И.П. Пастиш // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 724–725.

Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («Порошок») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2019. № 4. С. 109–126.

Максимова С.А. Интерпретация творчества Ф.М. Достоевского в медиасреде (анализ литературных интернет-мемов) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. 2022. С. 270–274.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 30.07.2024).

Полонский Я.П. Мои студенческие воспоминания. URL: https://poesis.ru/poeti-poezia/polonsk/frm_univ.htm (дата обращения: 08.08.2024).

Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm> (дата обращения: 30.07.2024).

Соковицова С.М. Словесная игра в интернет-фольклоре: некоторые аспекты культурного наследования // Сб. материалов всерос. науч. конф. «X Лазаревские чтения. Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций». Челябинск: ЧГИК, 2022. С. 216–220.

Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Ленинград: Советский писатель, Ленингр. отд-е, 1959. 899 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

Чемезова И.А., Исакова Е.А. Прецедентная «игра в бисер» как черта интернет-фольклора (на примере жанра «стишки-порошки» и «стишки-пирожки») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 230–234.

Abramova V.I., Arkhangel'skaya I.V. Leo Tolstoy In The Internet Space: Representation, Image, Stereotype, Myth. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2021, no. 76, pp. 570-577.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/boo_1?q=boo (access date: 08.08.2024).

References

Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu. V. *Pushkinskij mif v fol'klоре Runeta: biograficheskij aspekt* [Pushkin's myth in the folklore of RuNet: biographical aspect]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Novgorod state university], 2023, no. 4 (49), pp. 357-361. (In Russ.)

Arpent'eva M.R. *Errativy internetoyaza* [Erratives of Internet language]. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve* [Languages and literature in a multicultural space], 2018, no. 4, pp. 5-14. (In Russ.)

Ashukin N.S., Ashukina M.G. *Krylatye slova: krylatye slova, literaturnye citaty, obraznye vyrazheniya* [Catchphrases: Literary quotes; Figurative expressions]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1987, 528 p. (In Russ.)

Blagoj D. *Mir kak krasota (O "Vechernih ognyah" A. Feta)* [The world as beauty (On A. Fet's "Evening lights")]. Fet A.A. *Vechernie ogni* [Evening lights]. Moscow, Nauka Publ., 1981. URL: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0020.shtml (access date: 09.08.2024). (In Russ.)

Blagoj D.D. *Afanasij Fet – poet i chelovek* [Afanasy Fet - poet and person]. Fet A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1983. URL: <http://www.philology.ru/literature2/blagoj-83.htm> (access date: 08.08.2024). (In Russ.)

Buhshtab B.Ya. Fet [Fet]. *Istoriya russkoj literatury. T. 8. Literatura shestidesyatyh godov, ch. 2* [History of Russian literature: in 10 vols. Vol. 8. Literature of the sixties. Part 2]; USSR Academy of Sciences. Institute of Russian lit. (Pushkin. House). Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956, pp. 247-260. (In Russ.)

Chemezova I.A., Isakova E.A. *Precedentnaya "igra v biser" kak cherta internet-fol'klora (na primere zhanra "stishki-poroshki" i "stishki-pirozhki")* [The Precedent "Glass Bead Game" as a Feature of Internet Folklore (Based on the Example of the Genre of "Pottery Poems" and "Pie Poems")]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice Issues], 2019, vol. 12, no. 3, pp. 230-234. (In Russ.)

Fet A.A. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel', Leningr. otd-e Publ., 1959, 899 p. (In Russ.)

Gur'yanova A.M., Sinegubova K.V. *Internet-memy kak indikator prochteniya proizvedenij F.M. Dostoevskogo* [Internet memes as an indicator of reading the works of F.M. Dostoevsky]. *Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti* [Virtual communication and social networks], 2023, vol. 2, no. 1, pp. 19-25. (In Russ.)

Il'in I.P. *Pastish* [Pastiche]. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts], ed. by A.N. Nikol'yukin. Moscow, NPK Intelvak Publ., 2001, columns 724-725. (In Russ.)

Krongauz M.A. *Pereosmyslenie teksta i motiv prevrashcheniya v malom zhanre internet-poezii ("Poroshok")* [Rethinking the text and the motive of transformation in the small genre of Internet poetry ("Powder")]. *Slovo.ru: Baltijskij accent* [Slovo.ru: Baltic accent], 2019, no. 4, pp. 109-126. (In Russ.)

Maksimova S.A. *Interpretaciya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v mediasrede (analiz literaturnyh internet-memov)* [Interpretation of the works of F.M. Dostoevsky in the Media Environment (Analysis of Literary Internet Memes)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lite-*

raturovedeniya [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies], 2022, pp. 270-274. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [A Large Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2007, 784 p. (In Russ.)

Moskvin V.P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'* [Expressive Means of Modern Russian Speech. Tropes and Figures. Terminological Dictionary]. Rostov n/D, Feniks Publ., 2007, 940 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (access date: 30.07.2024). (In Russ.)

Polonskij Ya.P. *Moi studencheskie vospominaniya* [My Student Memories]. URL: https://poesis.ru/poeti-poezia/polonsk/frm_univ.htm (access date: 08.08.2024). (In Russ.)

Serov V.V. *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm> (access date: 30.07.2024). (In Russ.)

Sokovikova S.M. *Slovesnaya igra v internet-fol'klore: nekotorye aspekty kul'turnogo nasledovaniya* [Verbal play in Internet folklore: some aspects of cultural inheritance]. *X Lazarevskie chteniya "Liki tradicionnoj kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: igrovoj univerversum tradicij"* [X Lazarevskie readings "Faces of traditional culture in the modern cultural space: the game universe of traditions"]. Chelyabinsk, CHGIK Publ., 2022, pp. 216-220. (In Russ.)

Abramova V.I., Arkhangelskaya I.V. Leo Tolstoy In The Internet Space: Representation, Image, Stereotype, Myth. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2021, no. 76, pp. 570-577.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/boo_1?q=boo (access date: 08.08.2024).

Статья поступила в редакцию 08.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024.

The article was submitted 08.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 108–115. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 108–115. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09"19"

EDN JWFYEM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

«ОСТРОВСКИЙ ОСТАЁТСЯ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ВОСТРЕБОВАННЫХ ФИГУР РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»: СИГНАЛЫ РАЗГОВОРНОСТИ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Цинь Лидун, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, qinlidong@mail.ru

Аннотация. В статье на примере пьесы А.Н. Островского середины девятнадцатого века «Старый друг лучше новых двух» исследуются черты художественной манеры драматурга в области проявления ярких сигналов разговорности на фоне традиционно-книжной основы речи героев. Диалоги представителей мещанского сословия Москвы портнихи Олиньки и её матери, речь купца Густомесова, изобилующая выразительными образцами народно-разговорной лексики и фразеологии, обогащают традиционный состав лексико-грамматических средств русского литературного языка. Приводятся достаточно протяжённые тексты речи героев с графическим выделением в них лексических, лексико-грамматических и устойчивых разговорных и книжных средств разной этиологии, просторечной, диалектной, нейтрально-книжной и искажённо книжной, близкой к просторечию, с последующим их толкованием. Делается вывод о том, что разговорные элементы языка героев данной пьесы драматурга, умело поданные автором в виде сигналов, до сих пор остаются доступными для понимания современной публики и своей свежестью и яркой образностью способны приносить читателю эстетическое наслаждение.

Ключевые слова: московская мещанско-купеческая речь, народно-разговорная лексика, книжность, диалог, литературный язык, условные союзы.

Для цитирования: Ганцовская Н.С., Цинь Лидун. «Островский остаётся одной из самых востребованных фигур русской классической литературы»: сигналы разговорности в пьесах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 108–115. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

Research Article

“OSTROVSKY REMAINS ONE OF THE MOST DEMANDED FIGURES IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE”: CONVERSATIONAL SIGNALS IN THE PLAYS BY ALEXANDER OSTROVSKY

Nina S. Gantsovskaya, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Qin Lidong, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, qinlidong@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the playwright's artistic manner in the area of displaying vivid colloquial signals against the background of the traditional bookish basis of the characters' speech using the mid-19th-century play “An Old Friend Is Better than Two New Ones” as an example. The dialogues between the representatives of the Moscow bourgeoisie, the dressmaker Olin'ka and her mother, and the speech of the merchant Gustomesov, replete with expressive examples of colloquial vocabulary and phraseology, enrich the traditional composition of the lexical and grammatical means of the Russian literary language. The article provides fairly lengthy texts of the characters' speech with graphic highlighting of lexical, lexical and grammatical, and stable colloquial and bookish means of different etiology, colloquial, dialectal, neutral-bookish, and distorted-bookish, close to colloquial speech, with their subsequent interpretation. It is concluded that the colloquial elements of the language of the characters in this play by the playwright, skillfully presented by the author in the form of signals, still remain accessible to the understanding of the modern public and, with their freshness and vivid imagery, are capable of bringing aesthetic pleasure to the reader.

Keywords: Moscow petty bourgeois and merchant speech, folkish colloquial vocabulary, bookishness, dialogue, literary language, conditional conjunctions.

For citation: Gantsovskaya N.S., Qin Lidong. "Ostrovsky remains one of the most demanded figures in Russian classical literature": conversational signals in the plays by Alexander Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 108–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-108-115>

«Островский остаётся одной из самых востребованных фигур русской классической литературы» [Кайдаш-Лакшина 2013: 4]. Эти слова из аннотации к книге «Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи» принадлежат Светлане Николаевне Кайдаш-Лакшиной, известному исследователю его жизни и творчества, и, бесспорно, они относятся к каждой из его многочисленных пьес. Подобной высокой оценке в первую очередь драматург обязан качеству их языка, пока непревзойдённо-го никем в области художественной выразительности и жизненной точности характеристик персонажей, высокой степени демократизма их языка, достигнутого за счёт органического сочетания средств народно-разговорной речи с традиционной книжностью.

В немалой степени сказанное выше относится и к такой его, казалось бы, не слишком заметной пьесе «Старый друг лучше новых двух», не получившей того громкого социального резонанса, что знаменитая «Гроза», её «ровесница» по времени создания, номинированная Уваровской премией в 1960 г. Пьесу «Старый друг лучше новых двух» не изучают в школе, почти не ставят в театрах¹, и о ней многие даже и не слышали. Однако она обладает высокой степенью художественности, и с момента выхода в свет имела немало положительных откликов; главным образом критики отмечали мастерски написанные диалоги, особенно женщин, и неповторимую индивидуальность изображения героев.

Об истории создания пьесы, откликах на её появление, сценической судьбе написано к настоящему времени достаточно. Вот некоторые примеры из относительно недавней литературы. В частотности, в своей лаконической и ясной манере изложения, доступной широкой публике, рассказывает об этом Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина в «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи»: **«1859. 19 июля.** Начата «Гроза» (авторская помета на листе 1 черновой рукописи) **31 июля.** В «Московском вестнике» напечатан отрывок из пьесы Островского «Старый друг лучше новых двух». **1860. 10 сентября.** Театрально-литературный комитет одобрил пьесу Островского «Старый друг лучше новых двух». **4 или 5 октября.** Островский читал актёрам-любителям Красноворотского театра пьесу «Старый друг лучше новых двух». **10 октября.** Пьеса «Старый друг лучше новых двух» впервые поставлена в Петербурге в Мариинском театре в пользу вдовы и детей Мартынова. **14 октября.** Пьеса «Старый друг лучше новых

двух» впервые прошла в московском Малом театре. **15 октября.** В спектакле Красноворотского театра поставлено 2-е действие пьесы «Старый друг лучше новых двух», и Островский исполнил роль купца Густомесова» [Кайдаш-Лакшина: 41–42].

В краткой словарной статье Энциклопедии, посвящённой А.Н. Островскому, её автор Ю.В. Высоцкая со ссылкой на Е.Г. Холодова даёт критический разбор данного произведения, упоминая в основном негативные отклики современников на эту пьесу, и уподобляет её построение и речевые особенности комедиям dell'arte. Она пишет о том, что «Старый друг лучше новых двух», пьеса, которая представляет собой «картины из московской жизни, в 3-х действиях, работа над которой закончена 17 апр. 1860 г. О. показывает здесь особенности психологии и поведения людей, сосредоточенных на сугубо личных интересах. 20-летняя портниха Олинька встречается с молодым титулярным советником Прохором Гаврилычем Васютиным в надежде выйти за него замуж, видя в этом замужестве возможность поправить своё материальное положение» [Высоцкая: 421]. В таком же духе построено и дальнейшее краткое изложение содержания пьесы. В статье есть ценное для нашего очерка упоминание о том, что «Сам О. дважды исполнил роль купца Густомесова в любительских спектаклях» [Высоцкая: 422].

Об этой пьесе более детально, с привлечением различных документальных данных (также и по поводу её языка) можно прочитать в содержательных комментариях Е.Н. Беляковой к этой пьесе во 2-м томе нового 18-томного издания Полного собрания сочинений и писем А.Н. Островского [Белякова 2020: 738–766]. Кстати, в дальнейшем все цитаты из речи героев в нашей статье даются по этому изданию. С критическим обзором откликов в середине XIX в. на «Старого друга...» и ещё нескольких статей, близких к названной пьесе по тематике и времени создания, Е.Н. Белякова обратилась ещё раз в недавней статье «"Что за люди, что за язык!.." Русская критика второй половины XIX в. о границах «этического» и «приличного» в текстах А.Н. Островского» в Специальном юбилейном выпуске «Вестника» Костромского государственного университета в 2023 г. К сожалению, тут, вопреки её намерению, почти ничего не говорится о языке персонажей пьесы [Белякова: 97–108].

Диалоги представителей мещанско-купеческой Москвы в «Старом друге...» по-шекспировски многогранно обрисовывают характеры персонажей пьесы,

собственно мещан, купцов, мелких чиновников и др. лиц незлитного происхождения, мужчин и женщин разных возрастов и образа жизни, индивидуальных характеров, сверкают свежими красками образных народно-разговорных слов и выражений (характеристику мещанского и купеческого сословий Москвы времён А.Н. Островского см. в Словаре к пьесам А.Н. Островского Ашукина Н.С., Ожегова С.И., Филиппова В.А. [Ашукин, Ожегов, Филиппов: 97–98, 115]. По мнению ряда исследователей, драматургу особенно удалось с точки зрения лингвистических характеристик образы женщин, но и речь мужских персонажей писатель в полной мере сумел сделать живыми и запоминающимися, снабдив меткими сигналами разговорности. Приметы, или сигналы разговорности, как противостояние понятию книжности, терминологически стали употребляться в русском языкознании в работах по языку художественной литературы вслед за стилистическими штудиями В.В. Виноградова, но, как кажется, наиболее удачное применение, вследствие глубокой и ясной теоретической разработки и практическому подтверждению, они нашли в исследовании В.Д. Левина «Литературный язык и художественное повествование» [Левин]. Исследовательские находки В.Д. Левина были впервые апробированы нами (т. е. Н.С. Ганцовской, одним из авторов настоящей статьи. – Н.Г.) при анализе усложнённых синтаксических конструкций пьес А.Н. Островского в стилистическом аспекте книжное/разговорное с выявлением сильной и слабой позиции разговорности [Ганцовская: 1974]. Н.П. Киселёва в упомянутом выше сборнике научных трудов ярославских и костромских авторов работ также воспользовалась подобными стилистическими разработками В.Д. Левина [Киселёва].

Обратим внимание на эти, повсеместно рассыпанные в пьесе «сигналы разговорности», характерные преимущественно для области лексики (сильная позиция), но проявляющиеся и в синтаксисе (слабая позиция). Это именно сигналы, а не чрезмерное (натуралистическое) копирование устной спонтанной речи. Мы рассмотрим их на фоне устоявшихся элементов книжной речи в двух планах: собственно словарном (т. е. в области знаменательной лексики) и словарно-грамматическом (в области служебных слов – условных союзов). Ранее на многочисленных примерах из других пьес А.Н. Островского мы доказали, что последние (условные союзы) способны быть точными маркерами (показателями) степени разговорности речи персонажей пьес, а также показателями степени архаичности или продвинутости в сторону новых форм функционирования русского литературного языка².

Сделаем выборку народно-разговорной лексики из речи главной героини пьесы портнихи Олиньки

в острых дебатах её с матерью Татьяной Никоновной, а для показа особенностей разговорно-словарного мастерства мужских персонажей обратимся к колоритной речи купца Вавилы Осипыча Густомесова, роль которого когда-то исполнял сам Александр Николаевич (кстати, недалеко от Костромы есть известное поволжское село Густомесово. Не имя ли этого ойкони-ма навяло появление в пьесе фамилии Густомесов?).

Условные же союзы, как обычно, мы анализируем в речи всех персонажей.

Перечисляем эти союзы с указанием в скобках их употребительности в пьесе, сначала общей, затем, по мере надобности, характерной для отдельных персонажей. В целом частотность союзов в пьесе [(коли (23), если (8), ежели (8), когда (6), кабы (3)] показывает, что речь её героев отличается высокой степенью разговорности. Мерилом этого факта является конкуренция лидера народно-разговорного стиля того времени союза *коли* (23 употребления) и дополнительно некнижных союзов *ежели*, *когда*, *кабы* с нейтральным и книжным *если* (8)³. Суммарно, если сопоставить число всех употреблений книжного и нейтрального стилистически союза *если* (8) с частотностью всех союзов разговорного типа (23+8+6+3), победа «разговорности» над «книжностью» в пьесе оказывается ещё более внушительной: 40 против 8.

Наибольшее количество употреблений союза *коли* – 7 единиц – наблюдается в речи портнихи Олиньки, малообразованной, но неглупой и расчётливой девушки 20-ти лет, проживающей у матери, Татьяны Никоновны, «мещанки, хозяйки небольшого деревянного дома». В самом начале пьесы зритель впервые видит Олиньку, которая «сидит у стола и поёт вполголоса»:

«Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна.
И сижу обнаковенно
Близ камина у огня».

В содержании этой нехитрой песенки и её лексическом наполнении как бы заложена программа её дальнейшего поведения, житейского и речевого: простоты, непосредственности и вместе с тем хитроумного расчёта в жизни, что видно из сочетания элементов разговорно-просторечного стиля (обнаковенно) с книжной лексикой «образованных» (краткими прилагательными-определениями *тиха*, *скромна*, *уединенна*; *у камина*). Олинька (само произношение с заударным *и* на южнорусский, акающий «манер» этого имени говорит о московском происхождении персонажа) олицетворяет тип простенькой мещанской девушки из московского пригорода с претензией на «образованность», как бы слабый вариант Липочки из «Своих людей – сочтёмся». В явлении втором (конечно, и далее, но пока остановим наше

внимание именно на этом отрывке) эту характеристику полностью подтверждают её реплики в диалоге с матерью, где Татьяна Никоновна в отношении употребления форм разговорной речи ей не только не уступает, а задаёт агрессивно-эмоциональную тональность общения (графически народно-разговорную, или просторечную, лексику, а иногда и целые обороты в репликах выделяем курсивом, книжную – подчёркиванием). Приведём выдержки из их диалога:

«Татьяна Никоновна. *А ты бы вот меньше тарантила! А то не даёшь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдёшь...*

Олинька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателей.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Олинька. Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Экзамент, что ли, ты хочешь мне делать? Сказано, что знаю. Вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать – нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Олинька. Коли вы чувствуете себя, что вы так дальновидны, пускай это при вас и останется...

Татьяна Никоновна. Потому что все вы баловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Олинька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион...

Татьяна Никоновна. Как не верить, когда все говорят?..

Олинька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного поведения, зачем же вы живёте со мной вместе?..

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Олинька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тех пор нечего вам толковать да казни разные придумывать...

Татьяна Никоновна. Только всё-таки помни ты, что ежели я замечу...»

В этом отрывке видна искусно сотканная драматургом связь традиционной, книжной основы русского литературного языка с народно-разговорным наслоением в виде отдельных сигналов, что в целом можно обозначить терминами бытовая, поточная, профанная речь, т.е. аффективная, стилистически сниженная. Книжная речь здесь также не едина: это сложное множество, и оно делится на подразделы: нейтрально-книжная лексика, обязательная для всех стилей русского языка, и «квази-книжная» лексика с признаками разговорности по форме и значению: резонтов, обожателей, в магазине-то, экзамент. Если рассматривать её в оппозиции высокое / низкое, то, как кажется, и здесь нужен дифференцированный подход. Для книжной речи – это сни-

женный стиль в результате семантической и нередко формальной трансформации лексики под ближайший контекст. Для народно-разговорной – высокие образцы обыденной речи, своеобразные «культурные» неологизмы.

Бесспорным маркёром, или культуремой (показателем мещанской речевой культуры) в приведённых примерах, как и во всей пьесе, являются условные союзы в речи Олиньки (как и других персонажей). Это устаревшие к настоящему времени союзы коли, когда, ежели, как бы субституты стилистически нейтрального и всегда актуального хронологически, вневременного союза если. Это служебные слова, и их преимущество перед знаменательной лексикой как культурем – в высокой частотности и пространственно-временной устойчивости.

Разговорная знаменательная лексика в диалогах Олиньки и её матери многообразна по составу и выразительно-изобразительным свойствам. Есть здесь и диалектизмы, наиболее яркие сигналы разговорности, преимущественно севернорусского характера. Это частица «-то», которую часто мы наблюдаем в постпозиции к существительному, реже к глаголу в речи Татьяны Никоновны, и других персонажей (о магазине-то, прыти-то, дело-то, бранит-то) и которую сейчас не встретишь в речи москвичей. Она употребительна и во многих пограничных севернорусских/среднерусских говорах, в том числе Подмосковья, образующих протяжённый ареал говоров центрального типа.

«Нешто вы сами видели?» – говорит Олинька матери. Здесь нешто частица в значении ‘может быть, как будто’, которая по данным академического Словаря русских народных говоров (СРНГ) имеет широкий, севернорусский спектр распространения с пометами: Арх., Сев. Двин., Новг., Волог., Ярослав. [СРНГ 23: 211]. Просторечная форма обожателей, т.е. поклонников, интересна и с лексической точки зрения, но более всего с грамматической – демонстрирует более широкое распространения окончания -ов/-ев в народно-разговорной среде, чем в литературном языке. Речи героев пьесы изобилуют народными поговорками, присловьями, всякого рода устойчивыми предложно-падежными конструкциями, многословными и двусловными, общенародного распространения и индивидуального характера, что неизменно подчёркивает фактор их не книжности. Более всего их в речах матери: не даёшь матери рта разинуть; на каждое слово десять резонтов найдёшь; мотай себе теперь на ус; будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь; но и Олинька за словом в карман не лезет. Приведём примеры устойчивых оборотов речи Олиньки из последующих действий пьесы: Олинька (взглянув в окно). Ах, бесстыжие глаза! Да он ещё сюда идёт – хватило у него совести...

Олинька. Нет уж, увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла... Олинька. Хуже-то мудрено найти. А лучшие хоть сейчас.

Пожалуй, образ купца Вавилы Осипыча Густомесова в пьесе – один из наиболее удачно созданных драматургом социально-бытовых типажей старой Москвы, причём средствами разговорной речи: всегда с кульком вина, любезный, но не приторно угодливый, рассыпающийся на каждый случай, и всегда к месту, шутки, поговорки, замечания и пожелания, но преимущественно на одну тему – о винопитии. Его знаменитое пожелание «не задерживайте-с!» – о необходимости быстро выпить очередную рюмку вина, чтобы приступить к следующей – имеет источниковедческий подтекст. Оказывается, по свидетельству А.А. Стаховича, оно принадлежит дяде Прова Садовского Сергею Семёновичу Кошеверову: «Вспомнились мне неистощимые ласкательные и поощрительные поговорки Сергея Семёновича для каждой им предлагаемой рюмки вина или водки и финальная фраза «Не задерживайте-с!», чтобы кончили одну серию выпивки или задушевный тост и переходили бы к следующим» (о чём мы прочитали в комментариях Е.Н. Беляковой [Белякова: 763]).

Познакомимся с афоризмами и народно-разговорными словечками купца Вавилы Осипыча Густомесова непосредственно в тексте пьесы (разговорно-просторечная лексика и синтаксические обороты в примерах передаются курсивом, диалектизмы жирным шрифтом, устойчивые обороты, поговорки, при словья и др. подчёркиваются).

Третий акт, явление пятое. «Прохор Гаврилыч. Прощайте! (К купцу). *А, друг! Что это ты, вина принёс?*

Купец. *Особенного.*

Прохор Гаврилыч. *Ну вот спасибо!* Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да *подай рюмок!*

Орест берёт кулёк.

Купец. Ты двух сортов откупори, А те, что с *долгим* горлышком-то для другого раза оставь. Да стой, я покажу тебе...

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец (*Оресту*). *А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую поставь. Не всё же тебя кликать...*

Купец (подавая рюмки). *Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! (Пьёт сам)*

Прохор Гаврилыч. С чем?

Купец. Как с чем? Да нынче что?

Прохор Гаврилыч. *А что?*

Купец. Первая пятница на этой неделе. Ну, вот, честь имею поздравить.

Прохор Гаврилыч. *Ах ты, голова!* Маменька, каков молодец!

Третий акт. Явление шестое. Купец. *А вот и я здесь!* Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать (*Кланяется*).

Прохор Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. *А я забежал, кулёчек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудыны? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно, нам случалось не раз, мы народ бывалый...*

Татьяна Никоновна (*приносит стаканы на подносе*). Вот, *батюшка*, стаканчики.

Купец. Стаканчиком-то оно ещё *способнее!* (*Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне*). Честь имею поздравить! *Пожалуйте, хозяюшка!*

Татьяна Никоновна. Ох, *много!*

Купец. *Пожалуйте, без церемонии-с!*

Татьяна Никоновна (*берёт стакан*). Ну, дай вам бог всякой радости (*Целуется с Васютиным и дочерью, отпивает немного*).

Купец (*не принимая стакана*). Просим *обо всей-с!*

Татьяна Никоновна. Тяжело, *батюшка!*

Купец. *Ничего-с. Не хмельное, пройдёт.*

Татьяна Никоновна допивает и отдаёт стакан.

Он наливает и подносит Олиньке.

Олинька. Я не пью.

Купец. *Нельзя-с!*

Олинька. Право, не могу.

Купец. *Никак невозможно-с.*

Татьяна Никоновна. Выпей немножко.

Олинька целуется с Васютиным

и отпивает немножко.

Купец. *Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с.*

Олинька. Я вас уверяю, что не могу.

Купец. *Пожалуйте! Не задерживайте-с!*

Прохор Гаврилыч. Выпей, *поневолясь!*

Олинька допивает.

Купец (*подливает и подносит Васютину*). *Пожалуйте-с.*

Прохор Гаврилыч. *Маменька, за ваше здоровье!*

Олинька, за твоё здоровье! (*Целуется и пьёт*).

Купец (*наливает*). Вот теперь и сам выпью-с! *Честь имею, на многие лета! Чтобы вам богатеть, а нам на вас радоваться, да завсегда компанию водить!* (*Пьёт и чокается*). *Очень приятно-с! Уж мы теперь, хозяюшка, к вам каждый вечер.*

Татьяна Никоновна. Милости просим, *батюшка!*

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

Купец. Мы здесь *знёздышко совьём!* Только вы, *хозяюшка, насчёт провианту* не беспокойтесь на будущее время, – это уж моя забота. Я к вам *завтрашнего числа* *зараз побольше* привезу, чтоб надолго хватило (*Откупоривает ещё бутылку и наливает*).

Прохор Гаврилыч. Опять тем же порядком!

Купец. Как водится. Сначала дамам.

Татьяна Никоновна. *Батюшка*, увольте!

Купец. Уж это, Прохор Гаврилыч, *так чином по порядку у нас линия и пойдёт* (*Подносит Татьяне Никоновне*).

Татьяна Никоновна. Да ты дай хоть *вздохнуть-то* немножко!

Купец. *Не задерживайте!*».

Не очень принято сейчас отмечать диалектизмы в драматургическом творчестве А.Н. Островского, в лучшем случае скопом выявляют аффективную лексику, стилистически сниженную или архаизированную, и именуют её просторечием. Возможно, функционально, если рассчитывать на неподготовленную публику, это и так. Но при более пристальном рассмотрении, при обращении к этническим, национальным корням русского языка, выясняются её пространственные координаты, которые неизбежно оказываются масштабными, территориально широкими, характерными и для севера и для юга России, поэтому до сих пор понятными русской публике. Узкотерриториальные диалектизмы разного рода А.Н. Островский, будучи человеком любопытным и имея врождённое чутьё языка, также любил, знал и собирал, но их он помещал в свои словари (которые при его жизни не были напечатаны). В связи с этим хочется сейчас ещё раз вспомнить слова С.К. Шамбинаго, сказанные им в год столетнего юбилея драматурга о том, что современная публика до конца понимает каждое слово драматурга [Шамбинаго]. То же самое происходит, конечно, и сейчас, но при условии, что она эти его слова хорошо и в полном объёме слышит.

Дадим краткий комментарий к некоторым образцам локально окрашенной лексики (диалектизм) в вышеприведённых диалогах купца Густомесова с другими персонажами пьесы. Заметим, что драматург здесь, как и в других пьесах, неизменно даёт отчество мужчинам в народно-разговорной форме: Прохор Гаврилыч, Ваила Осыпыч.

Кóли видишь, что котóрая опростáлась... Кóли – стилистически сниженный народно-разговорный условный союз. *Которая* – неопределённое местоимение ‘какой-нибудь’, характерное для широкой сферы диалектов и просторечия. *Опростáться* – сделаться пустым, в СРНГ в 1-м значении «становиться незанятым, свободным для пользования» с широкой географией от севера до юга русских говоров [СРНГ 23: 292].

Голова́ – в значении ‘умный, сообразительный’, чаще как член словосочетания *большая голова*, широко известно во многих русских говорах [СРНГ 6: 298].

Поневóлится. В СРНГ «*Поневóлится, сов.* Принудить, заставить себя сделать что-л.». Тут

указано и более узкое значение слова ‘Поесть, попить (употребляется при вежливом приглашении угощаться чем-л.’ [СРНГ 29: 255].

Бáтюшка – народно-разговорная форма обращения, широко употребительная в говорах [СРНГ 2: 149–150] и просторечии.

Зара́з – нареч. ‘тотчас, сейчас, немедленно’ [СРНГ 10: 376–377].

Как кажется, таким образом на примере анализа ряда диалогов из одной из оригинальных, но полузабытых пьес А.Н. Островского мы сделали попытку восстановить некоторые черты старомосковской мещанской речи девятнадцатого столетия, устойчивые провинциализмы, которые, полагаем, были типичны и для других городов центра России и её периферии, окающих и акающих, и тем самым показать особенности художественного почерка нашего великого русского драматурга, прекрасного бытописателя и знатока народной речи.

Примечания

¹ В 2023 г., на 200-летний, юбилейный год со дня рождения А.Н. Островского, эту пьесу поставил Костромской государственный драматический театр имени А.Н. Островского, режиссёрская трактовка и исполнение артистами вызвали некоторое недоумение, что отчасти и послужило поводом, чтобы рассмотреть эту пьесу драматурга. Если оставить в стороне историко-литературные и чисто театральные проблемы сценографии, подбора актёрского состава, качество исполнения ролей в аспекте понимания актёрами замысла автора и др., то прежде всего поражает невнимательное отношение театрального коллектива к слову великого драматурга, утонувшего в крике персонажей и усиленной жестикуляции.

² Подобные тенденции в развитии родного языка, заключающиеся во внимании к разнообразным формам народной речи в период становления нового литературного языка были характерны и для других славянских языков, у нас, начиная с творчества А.С. Пушкина, в Польше же, с творчества А. Мицкевича, что убедительно изложено на примере языка писателей в «Истории польского языка» Зенона Клемсевича [Klemensiewicz: 89].

³ Сведения о частотности условных союзов в языке драматурга можно получить в Частотном словаре языка А.Н. Островского (ЧСЯО), где указано также, что союзы *если* и *коли* принадлежат к тысяче самых частотных слов языка А.Н. Островского (Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 530–658).

Список литературы

Источники

Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. Москва: Редакционно-издат. фирма «Веста», 1993. 264 с.

СРНГ 2 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 2. Ленинград: Наука, 1966.

СРНГ 6 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 6. Ленинград: Наука, 1970.

СРНГ 10 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 10. Ленинград: Наука, 1974.

СРНГ 21 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 21. Ленинград: Наука, 1986.

СРНГ 23 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Т. 22. Ленинград: Наука, 1986.

СРНГ 29 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 29. Санкт-Петербург: Наука, 1995.

Исследования

Белякова Е.Н. Комментарий. Старый друг лучше новых двух // Островский, Александр Николаевич. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 2: Сочинения, 1855–1863 / редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. Кострома: Костромаиздат, 2020. С. 738–766.

Белякова Е.Н. “Что за люди, что за язык!..” Русская критика второй половины XIX в. о границах «этического» и «приличного» в текстах А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. Спец. вып. С. 97–108.

Высоцкая Ю.В. Старый друг лучше новых двух // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГ БОУ ВПО «ШПГУ», 2012. С. 221–222.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношениях разговорной и книжной речи // Язык и слог Островского-драматурга. К 150-летию со дня рождения (1823–1973): сб. науч. трудов. Вып. № 126. Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. С. 80–93.

Кайдаш-Лакишина С.Н. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи. Москва: Лазурь, 2013. 240 с.

Киселёва Н.П. Стилистическая характеристика присоединительных конструкций (на материале пьес А.Н. Островского) // Язык и слог Островского-драматурга. К 150-летию со дня рождения (1823–1973). Сб. науч. трудов. Вып. № 126. Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. С. 100–107.

Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной художественной литературы. Москва: Наука, 1972. С. 9–97.

Шамбинаго С.К. Из наблюдений над творчеством Островского // Творчество А.Н. Островского. Юбил. сб. / под ред. С.К. Шамбинаго. Москва; Петроград, 1923. 365 с.

Klemensiewicz Zenon. Historia języka polskiego. Część III. Doba nowopolska. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. S. 312.

References

Beljakova E.N. *Kommentarii. Staryj drug luchshe novyh dvuh* [Comments: An old friend is better than two new ones]. *Ostrovskij, Aleksandr Nikolaevich. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 18 t. T. 2: Sochinenija, 1855–1863*. [Ostrovsky, Alexander Nikolaevich. Complete Works and Letters: in 18 vol. Vol. 2: Works, 1855–1863]. Editorial board: I.A. Ovchinina (Editor-in-Chief) [et al.]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2020, pp. 738–766. (In Russ.)

Beljakova E.N. “*Chto za ljudi, chto za jazyk!..*” *Russkaja kritika vtoroj poloviny XIX v. o granicah “jeticheskogo” i “prilichnogo” v tekstah A.N. Ostrovskogo* [“What kind of people, what kind of language!..” Russian criticism of the second half of the 19th century on the boundaries of the “ethical” and “decent” in the texts of A.N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], 2023, vol. 29, special edition, pp. 97–108. (In Russ.)

Vysockaja Ju.V. *Staryj drug luchshe novyh dvuh* [An old friend is better than two new ones]. *A.N. Ostrovskij. Jenciklopedija* [A.N. Ostrovsky. Encyclopedia]. Editor-in-Chief I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuja, Izd-vo FG BOU VPO «ShPGU» Publ., 2012, pp. 221–222. (In Russ.)

Gancovskaja N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija v p'esah A.N. Ostrovskogo (k voprosu o vzaimootnoshenijah razgovornoj i knizhnoj rechi)* [Multicomponent complex sentences in the plays of A.N. Ostrovsky (on the issue of the relationship between colloquial and literary speech)]. *Jazyk i slog Ostrovskogo-dramaturga. K 150-letiju so dnja rozhdenija (1823–1973)*. [Language and style of Ostrovsky the playwright. On the 150th anniversary of his birth (1823–1973)], collection of science works, iss. 126. Jaroslavl, K.D. Ushinsky Jaroslavl State Pedagogical University Publ., 1974, pp. 80–93. (In Russ.)

Kajdash-Lakshina S.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo. Stat'i*. [Chronicle of the life and work of A.N. Ostrovsky. Articles]. Moscow, Lazur Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Kiseljova N.P. *Stilisticheskaja harakteristika prisoe-dinitel'nyh konstrukcij (na materiale p'es A.N. Ostrovskogo)* [Stylistic characteristics of connecting construc-

tions (based on the plays of A.N. Ostrovsky)]. *Jazyk i slog Ostrovsckogo-dramaturga. K 150-letiju so dnja rozhdenija (1823–1973)* [Language and style of Ostrovsky the playwright. On the 150th anniversary of his birth (1823–1973)], collection of science works, iss. 126. Jaroslavl, K.D. Ushinsky Jaroslavl State Pedagogical University Publ., 1974, pp. 100-107. (In Russ.)

Levin V.D. *Literaturnyj jazyk i hudozhestvennoe povestvovanie* [Literary language and artistic narrative]. *Voprosy jazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury* [Questions of the language of modern fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 9-97. (In Russ.)

Shambinago S.K. *Iz nabljudenij nad tvorchestvom Ostrovsckogo* [From observations on Ostrovsky's works]. *Tvorchestvo A.N. Ostrovsckogo. Jubil. sb.* [Works of A.N. Ostrovsky. Anniversary collection]. Ed. by S.K. Shambinago. Moscow; Petrograd, 1923. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 821.161.1.09

EDN YHLQKA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-116-121>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА «СВОЙ» В РУССКОМ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Аннотация. В данной статье образ «свой» рассматривается как часть многомерного концепта «личность». Цель статьи – выявить аксиологический потенциал данного образа в современном дискурсивном пространстве. В результате исследования, проведенного в направлении современной аксиологической лингвистики, выделяются семантические «круги», в рамках которых формируется образ «своего человека»: семейный, дружеский, профессиональный, возрастной, религиозный, территориальный, духовный, культурный. Духовный и культурный «круги», объединяющие «своих», представляются в настоящий момент наиболее актуальными для русского языкового сознания. Изменения ценностных установок и ориентиров, происходящие в российской действительности, свидетельствуют о формировании еще одного «круга своих» – гражданско-патриотического. Устанавливается, что принадлежность личности к той или иной группе объективируется в русском языке различными единицами лексико-семантического и фразеологического уровня. Делается вывод о том, что когнитивный признак «свой» становится важной частью концептуального содержания «личности».

Ключевые слова: образ «свой», концепт «личность», ценность, лингвоаксиология, репрезентация, актуализация, языковое сознание

Для цитирования: Лаптева М.Л. Актуализация образа «Своего» в русском ценностно-смысловом пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 116–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-116-121>

Research Article

ACTUALISATION OF THE IMAGE OF “OWN” IN THE RUSSIAN VALUE-SEMANTIC SPACE

Maria L. Lapteva, Doctor of Philological Sciences, Tatishchev Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, hohlina2004@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2412-1299>

Abstract. In this article, the image of “Own” is considered as part of the multidimensional concept of “Personality”. The purpose of the article is to identify the axiological potential of this image in the modern discursive space. As a result of the research conducted in the direction of modern axiological linguistics, semantic “circles” are distinguished, within which the image of “own” person is formed: family, friendly, professional, age, religious, territorial, spiritual, cultural. The spiritual and cultural “circles” uniting “one’s own” seem to be the most relevant for the Russian language consciousness at the moment, the changes in value attitudes and orientations taking place in Russian reality indicate the formation of another “own circle” – a civic-patriotic one. It is established that the identity of a person to a particular group is objectified in the Russian language by various units of lexico-semantic and phraseological. It is concluded that the cognitive attribute “own” becomes an important part of the conceptual content of the “Personality”.

Keywords: image of “Own”, concept of “Personality”, value, lingual axiology, representation, actualisation, linguistic consciousness.

For citation: Lapteva M.L. Actualisation of the image of “Own” in the Russian value-semantic space. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 116–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-116-121>

Предмет аксиологической лингвистики, одного из современных научных направлений, крайне сложен, поскольку ценностное восприятие окружающего мира, а вместе с тем и морально-нравственных, этических категорий постоянно меняется в силу действия различных экстралингвистических факторов [Schwartz; Williams]. Поэтому учеными предпринимались попытки установить не только в синхронии, но и в диахронии лингвоаксиологический статус, например, таких понятий, как *щедрость*, *радость*, *граница*, а также наиболее семантически емкого и значимого – *личность* [Общая и русская лингвоаксиология].

Действительно, еще совсем недавно мы говорили о проблеме изоляции личности, о разрыве социальных связей, крайней степени эгоцентризма и понимании личности исключительно как самоценной и независимой единицы. Однако сейчас все чаще из средств массовой информации слышатся призывы к объединению, сплочению, консолидации на всех уровнях: от развития навыков работы в команде (тимбилдинга) до благотворительного проекта «Всемирным миром» или патриотического лозунга «Вместе мы сила!»

Появившаяся в 2022 г. аббревиатура *СВО* оказывается с фонетико-графических позиций близкой притяжательному местоимению *свой*, которое является в русском языке полисемантом (по данным разных толковых словарей количество значений доходит до шести), но идеологически востребованным в современном контексте становится значение «родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [Ожегов: 704].

Цель данной статьи – выявить аксиологический потенциал образа «свой» в современном дискурсивном пространстве.

В исследовании, кроме описательного, нашли применение такие частные лингвистические методы, как лексикографический анализ, лингвоаксиологический анализ, метод компонентного (семного) анализа.

«Свой» (в трактовке Г.А. Крылова – это общеславянское слово индоевропейской природы той же основы, что *особенность*, *особа* [ЭСРЯ: 355]), в нашем понимании, является важной составляющей многомерного концепта «Личность», т.к. личность представляет ценность в том числе и тогда, когда она принадлежит к определенному кругу лиц, среди которых имеет большое значение и оказывается востребованной.

Личность, осваивая и в дальнейшем играя разные социальные роли, занимая определенные позиции в обществе, входит в разные сообщества («круги»), где может признаваться «своей»:

1) в семейный круг, тогда «свой» – это родственник (группа терминов родства включает и дериваты от *свой*: *свояченица* – «сестра жены»; *свояк* – «муж се-

стры жены или вообще родственник», *свойственник*; *Свояк свояка видит издалека*);

2) в дружеский круг, тогда «свой» – это друг;

3) в профессиональный круг, тогда «свой» – это коллега;

4) в возрастной круг, тогда «свой» – это ровесник;

5) в религиозный круг, тогда «свой» – это единоверец;

6) в территориальный круг, тогда «свой» – это земляк;

7) в духовный круг, тогда «свой» – это единомышленник (сходство морально-нравственных и жизненных установок в данном случае оказывается важнее всех других категорий);

8) в культурный круг, тогда «свой» – представитель того же народа (той же национальности), носитель той же культуры.

Это лишь результат первой попытки в общих чертах назвать актуальные для образа «свой» семантические признаки, которые скрывают более глубокие смыслы. Например, сложным представляется понятийное содержание концепта «друг» как одной из ипостасей «своего» [Тарасова: 28]. Сравним смыслы, которые репрезентируются в сочетаниях *закадычный друг*, *верный друг* («близкий, давний приятель»), *друг по несчастью* («тот, с кем связан общей бедой»), *друг жизни* («муж или жена»), *друг дома* («постоянный посетитель» или «любовник хозяйки дома»), *друг мой* (обращение), *виртуальный друг* («пользователь социальной сети, подписанный на аккаунт другого пользователя») – в личностном дискурсе. В социальном дискурсе границы расширяются, и мы говорим о *друге свободы*, *друге народа* (в значении «защитник»), а затем и о *дружбе народов*, *дружбе стран (государств)*, о *политике дружбы* и пр., более широко – о толерантности, ср., например, [Ухова, Гусева].

Следовательно, лексема *друг*, выступая в том или ином значении, может входить в отличные друг от друга «круги», формирующие образ «своего» человека или «своих» людей.

Обратим внимание: генетическим дискурсом устойчивого сочетания *друг народа* – репрезентанта культурного «круга» – является название газеты, которую издавал политический деятель эпохи Великой французской революции Жан-Поль Марат, впоследствии сам получивший такое прозвище. Выражение имеет высокую степень употребительности в различных дискурсивных практиках: 1. «– Жаль, что вы так поздно приехали к нам, – говорил клоун. – Мы вас очень любим. Вы бы успокоили нас. Мы знаем, что вы друг обездоленных, **друг народа**» (Ю.К. Олеша. Три толстяка) [НКРЯ]. 2. «<...> Сталин вел истребление руководящих кадров партии, это стоило нам тысяч голов честных людей, а все кричали: «Да здравству-

ет Сталин! Сталин – лучший друг народа, Сталин – отец народа!» (Н.С. Хрущев. Воспоминания) [НКРЯ]. 3. «Единственный друг народа, президент, далеко, и добраться до него трудно» (О. Андреева. Стланная стлана // «Русский репортер», 2014) [НКРЯ]. В политическом дискурсе так обозначается лицо, занимающее высокую руководящую должность, наделенное властью, стоящее на защите интересов и прав простых людей.

Анализ словарных дефиниций лексемы *брат* показывает, что данная единица также способна номинировать «своего» по разным основаниям. Только в первичном значении она входит в семейный «круг», однако активно используется в разговорной речи (нередко – с оттенком фамильярности) в качестве дружеского обращения к любому лицу мужского пола: *брат, братан, братец, браток, братка, братишка, брателло, братулёк, бро*. Например: «Извини, не признал, **браток**, – сказал, улыбнувшись сквозь неразгладившийся испуг, охотник. Он бережно зачехлил ружье, пригласил к огню» (А. Иличевский. Костер) [НКРЯ]. Выбранная говорящим форма обращения «браток» служит лингвокультурным маркером включения собеседника в круг «своих».

Кроме этого, рассматриваемая лексема *брат* относится к репрезентантам духовного круга, маркирующим близких по интересам или взглядам людей (в материалах нашего исследования – *братья по цеху, братья по перу, братья по проекту, братья по литературе, братья по ремеслу, братья по футболу, братья «по ножу и топору»*, чаще всего – *братья по разуму* и др.), и религиозного круга, обозначающим членов религиозного братства (*брат мой, братья во Христе* и т.п.). Сравним: 1. «А вот еще ближе для шотландского барда подходил бы (так и хочется написать «идеально») Шукишин. Они буквально **братья по стилю**» (В. Соколов. Заметки переводчика) [НКРЯ]. 2. «На втором курсе семинарии он принимает монашеский постриг. Тогда-то **братья по вере** и нарекли его Варлаамом» (Прихожан ждут на родине // «Жизнь национальностей», 2003.06.18) [НКРЯ].

Принадлежность личности к тому или иному сообществу объективируется в русском языке различными единицами, прежде всего, лексико-семантического и фразеологического (в том числе и паремиологического) уровня. Среди большого числа образных языковых единиц с компонентом «свой» (не менее 200) выделим те, в основе формирования идиоматического значения которых лежит понимание *своего* как ‘родного, близкого, похожего и т.п.’.

Во фразеологическом корпусе находим устойчивые выражения *своего поля ягода, свой в доску, свой человек, свой брат* [БФСРЯ], употребление которых свидетельствует о том, насколько широко мыслится этот круг «своих». Например, представим кон-

тексты функционирования фразеологизма *свой в доску*, доказывающие, что «своим» может признаваться лицо независимо от социального статуса, занимаемой должности, известности; значимыми являются такие качества, как открытость и простота в общении: 1. «И конечно, сыграл свою роль фактор личности самого Ельцина – **свой в доску**, простой и даже в своих недостатках близкий и понятный широким кругам российского плебса человек» (А. Собчак. Дюжина ножей в спину) [НКРЯ]. 2. «Оказалось, что с ним [хоккеистом Алексеем Морозовым] и за пределами площадки приятно общаться. Спокойный такой парень, **свой в доску**...» (Советский спорт. № 56. 21.04.2006) [НКРЯ]. В основе формирования фразеологического значения устойчивого сочетания *свой в доску* (‘такой же, как мы’) лежит образ материального предмета – доски, которая представляет собой (1) ровную, гладкую поверхность, не имеющую зазубрин и шероховатостей; (2) поверхность, на которой легко выровнять предметы. Следовательно, происходит перенос признаков данного материального объекта на уровень межличностных отношений (гладкая, ровная поверхность – гладкие, ровные отношения).

Эта же идея «равенства» прослеживается в других фразеологизмах с компонентом *доска*: *ставить (стать, становиться) на одну доску* – ‘приравнивать кого-, что-либо с кем-, чем-либо в каком-либо отношении’; *стоять на одной доске* – ‘быть равным с кем-, чем-либо в каком-либо отношении’.

Заметим, что фразеологизм *свой в доску* имеет грамматический вариант *своя в доску*, который указывает на принадлежность к «своим» лица женского пола, при этом речь может идти именно о нивелировании гендерных различий. Сравним: «Зашли с ней в кафе, и я убедился, насколько легко мне было общаться с Любкой! **Своя в доску**, простая, да и морячка, просто морской волк!» (А. Мацанов. Бабник) [НКРЯ].

В паремиологическом пространстве образ «своего» конкретизируется и рисуется более детально. Например, точно указывается, кто не входит в круг «своих», что не похоже на «своих». Это отражено в одноструктурных пословицах, построенных по модели «X не свой (брат)»: *Начальство не свой брат: много говорить не станешь* [Даль 1: 199]; *Бог не как свой брат, скорее поможет* [Даль 1: 27]; *Смерть не свой брат – разговаривать не станешь* [Даль 1: 248]; *Казна не свой брат. На казне не что возьмешь* [Даль 1: 212]; *Пьян не свой – сам себе чуж* [Даль 1: 224].

В пословицах раскрываются отношения, которые складываются между теми, кто считается «своими»: *Свой своему поневоле друг (брат). Свой своему – и ногою пнет, поможет. Свой своему лежа помогает.*

Всяк за своих стоит (а один бог за всех) [Даль 2: 108]; *Свой со своим бранись, а чужой не вяжись (не мешайся, не вязывайся)! Свой со своим считайся, а чужой не вступайся!* [Даль 2: 120]; *Свой со своим бранится, сам помирится, а чужой пристанет – век постылым станет* [Даль 2: 108]; *Царь видит редко, бог никогда, а мы всегда своего брата* [Даль 1: 281]; *Свой дурак дороже чужого умника. Свой бороноволок дороже чужого работника* [Даль 1: 337]; *В поезжанах был, так свой* [Даль 1: 341].

Условно выделенные нами духовный и культурный «круги», объединяющие «своих», представляются в настоящий момент наиболее актуальными для русского языкового сознания: *Духовное родство плуще плотского* [Даль 1: 341].

Действительно, «свой» в современной массовой лингвокультуре – это не член семьи, не друг и даже не человек той же национальности, это тот, кто так же мыслит, имеет те же интересы, разделяет те же ценности, среди которых центральное место занимает защита Родины. «Свой» получает идентификацию с гражданских позиций, о чем свидетельствуют, в частности, лозунг «*Своих не бросаем*» и патриотический призыв «*Присоединяйся к своим*», имеющий широкое распространение.

Возрастает и роль средств массовой информации, активно использующих всевозможные инструменты воздействия на общественное сознание. Так, в августе 2022 г. на Первом канале выходит программа «*Свои*», в анонсе к которой говорилось: «Глобальные изменения в мире влияют на национальную культуру. Уходит наносное, остается настоящее. Время изменений сейчас царит не только в глобальной политике. Происходящее в эти дни в мире открыло новые имена и в творческих сферах. На наших глазах происходит патриотический ренессанс в поэзии, музыке, песне. Кто они, герои нового времени? Они свои» [Альперина].

Становится понятным, что под «своими» имеются в виду те деятели культуры (поэты, музыканты, литераторы и пр.), которые после начала СВО не покинули Россию, а остались верны своей родине и готовы ей служить, поднимая патриотический дух в обществе, возвращая в массы «русское звучание».

С октября 2022 г. на этом же канале идет познавательная телепрограмма «*Жизнь своих*», рассказывающая о жизни простых людей из разных российских регионов. «Мы хотим показать не местные красоты, а то, как живет обычный человек, и почему ему хорошо и интересно именно в своем регионе, чем он занимается и чем дышит», – объясняет смысл проекта его автор и ведущий Евгений Кривцов [О проекте...]. Названная передача по концепции противопоставлена тревел-шоу о «чужих» странах и народах, транслируемым до недавнего времени: «Орел и решка», «Жизнь других», «Их нравы», «Мир наизнанку» и др.

В 2023 г. на телеканале «Россия» появляется еще одна патриотическая передача – «*Наши*», рассказывающая об участниках СВО, их женах, родных и близких, всех тех, кто поддерживает бойцов и помогает приблизить победу.

В этом же году на телеканале «Звезда» был запущен проект «*Ищу своих*» – программа, которая помогает разыскивать родных, близких, друзей, однополчан и сослуживцев, чьи судьбы изменили развернувшиеся на Украине события.

Таким образом, наблюдается процесс субстантивации местоимений (*свои люди – свои, наши люди – наши*), а затем и их онимизации (использование в качестве гемеронимов – названий телепередач). Эти явления отражают изменения ценностных установок и ориентиров, происходящие в российской действительности, и свидетельствуют о формировании еще одного «круга своих» – гражданско-патриотического.

Заметим: «Свой» мыслится таковым только в рамках конкретного лингвокультурного сообщества, которое в зависимости от цели его участников номинируется по-разному.

Например: «*Свой в доску, рубаха парень, дело свое, однако, знающий туго; знающий, что сила – в дружбе, в принадлежности к “смае”...*» (А.Б. Гребнев. Дневник) [НКРЯ]. В приведенном контексте слово *стая* употреблено в окказиональном значении – ‘группа лиц, связанных дружескими отношениями, общностью интересов и взглядов’. Именно параметр принадлежности дает возможность говорить о личности как «своей» среди «своих».

Отметим отдельные лексемы, которыми в современном дискурсивном пространстве обозначается группа «своих». Это, прежде всего, сама лексема *круг* в следующих значениях: ‘7. (в кругу) кого или каком. Группа людей, объединенных какими-л. связями’ (*Круг знакомых, друзей, сослуживцев и т.п.*) и ‘8. мн. ч. (круги, -ов) кого-чего или какие. Общественные, профессиональные группировки людей’ (*Правящие круги государства. В либеральных кругах. В аристократических кругах и т.п.*) [СРЯ 2: 125].

Геометрическая метафора затрагивает сферу человеческих взаимоотношений и обуславливает реализацию данного содержания в следующих сочетаниях, выделяемых на основе таких семантических признаков, как:

1. Количество «своих» в данной общности: *широкий круг, узкий круг, тесный круг*;
2. Сфера общности:
 - а) профессия, род деятельности, занятий: *в журналистских кругах, в медицинских кругах, в офицерских кругах, в артистических кругах, в литературных кругах, в музыкальных кругах и др.*;

б) положение в обществе: *аристократические круги, высокие круги, в элитных кругах, правительственные круги* и др.

Установлено, что лингвокультурная значимость «семейного круга» подчеркивается устойчивыми сочетаниями *узкий семейный круг, в кругу семьи, в кругу близких, в кругу родных, в кругу родственников*.

3. Связь с общностью: *вводить / ввести кого-либо в круг своих, входить / войти в круг (доверенных лиц), вступить / вступить в круг (авторов), выходить / выйти из круга (поэтов), собирать / собрать круг (единомышленников), побыть в кругу (домочадцев), влиться в круг (интеллигенции), ограничить круг (общения)* и др.

Очевидно, что «наивная геометрия в речевой практике “обрастает” множеством смыслов подобно тому, как не знает начала и конца сама геометрическая фигура *круг*» [Лаптева: 29].

Актуальным для русского языкового сознания по-прежнему, как нам представляется, остается лингвокультурный знак *коллектив*, обозначающий «своих» по двум объединяющим признакам – деятельность (*трудовой коллектив, коллектив кафедры, коллектив театра, коллектив ученых* и др.) и реже – интересы (*коллектив художественной самодеятельности* и др.).

Для человека важно стать частью коллектива, включиться в него, что подтверждается на языковом уровне широкой сочетаемостью лексемы *коллектив* с глаголами, реализующими подобное значение: *войти в коллектив, вписаться в коллектив, попасть в коллектив, влиться в коллектив, приходиться в коллектив* и др.

На тесные связи личности с коллективом указывают синтагматические отношения такого плана: *сливаться / слиться с коллективом, прижиться / прижиться в коллективе, сплотить коллектив, не отрываться / не оторваться от коллектива, находиться в коллективе, быть в коллективе, жить в коллективе, считаться с коллективом* и др.

Например: «*Даже таким ярким индивидуально-стям, как вы, полезно время от времени сливаться с коллективом, окружающей средой и всем, с чем только можно слиться*» (Гардеробная революция // Домовой, 04.06.2002) [НКРЯ]. В высказывании звучит совет стать частью коллектива, таким же, как дру-гие, «своим», и в этом видится определенная польза.

Безусловно, «свой» не может рассматриваться вне оппозиции «свой / чужой (другой, иной)» – одной из архетипических оппозиций, лежащих в основе би-нарного членения мира и человека. Однако в рамках данной статьи было важно подчеркнуть, что образ «своего» является одним из ключевых в ценностно-смысловом пространстве русской лингвокультуры и получает в настоящее время все большую обще-ственную направленность.

Таким образом, личность воспринимается и по-нимается как «своя» не только в привычных семей-ном и дружеском кругах, но и в круге духовном, куль-турном, а также в гражданско-патриотическом, где нивелируются возрастные и гендерные различия, стираются границы между разными социальными группами и целыми народами. Ценностный подход обуславливает принадлежность к «своим», а когни-тивный признак «свой», в свою очередь, становит-ся значимой частью концептуального содержания «личности».

Список литературы

Источники

Альперина С. На Первом канале вышло новое шоу «Свой». URL: <https://rg.ru/2022/08/21/na-pervom-kanale-vyshlo-novoe-shou-svoi.html> (дата обращения 20.04.2024)

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2009. 781 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля: в 2 т. Т. 1, 2. М.: Худож. лит., 1989.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2024)

О проекте «Жизнь своих». URL: <https://www.1tv.ru/shows/zhizn-svoih/o-proekte> (дата обращения 20.04.2024)

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Поли-графресурсы, 1999. 736 с.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского язы-ка / сост. Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Полиграфуслу-ги», 2005. 432 с.

Исследования

Лаптева М.Л. Смысловые векторы «геометриче-ской» семантики языковых единиц // Русистика и со-временность. Сборник статей XXII Международной научной конференции. Астрахань: Астраханский го-сударственный университет, 2019. С. 28–31.

Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М.С. Милованова. М.; Ярос-лавль: Издательство «Канцлер», 2022. 390 с.

Тарасова А.В. Понятийные характеристики кон-цепта «Друг» в русском и английском языковом со-знании // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5. С. 28–31.

Ухова Л.В., Гусева Л.А. Толерантность: к пробле-ме осмысления слова // Вестник Костромского госу-дарственного университета. 2016. № 6. С. 140–145.

Schwartz S.H. *Universals in the content and struc- ture of values: theoretical advances and empirical tests*

in 20 countries. *Advances in experimental social Psychology*, vol. 25, 1992, pp. 1–65.

Williams R.M. *Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective*. Understanding Human Values: Individual and Societal, ed. by M. Rokeach. New York, The Free Press Publ., 1979, pp. 15–46.

References

Lapteva M.L. *Smyslovyye vektory «geometricheskoy» semantiki yazykovykh edinic* [Semantic vectors of the “geometric” semantics of linguistic units]. *Rusistika i sovremennost'* [Russian studies and modernity, sbornik statei XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii]. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2019. pp. 28–31. (In Russ.)

Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya [General and Russian linguoaxiology], kollektivnaya monografiya, ed. by M.S. Milovanova. Moscow, Iaroslavl', Izdatel'stvo “Kantsler»” Publ., 2022. 390 p. (In Russ.)

Tarasova A.V. *Ponyatiinye karakteristiki koncepta “Drug” v russkom i angliiskom yazykovom soznanii* [Conceptual characteristics of the concept of “Friend” in Russian and English language consciousness]. *Izves-*

tiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2007, no. 5, pp. 28–31. (In Russ.)

Ukhova L.V., Guseva L.A. *Tolerantnost': k probleme osmy'sleniya slova* [Tolerance: to the problem of understanding the word]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2016, no. 6, pp. 140–145. (In Russ.)

Schwartz S.H. *Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries*. *Advances in experimental social Psychology*, vol. 25, 1992, pp. 1–65.

Williams R.M. *Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective*. Understanding Human Values: Individual and Societal, ed. by M. Rokeach. New York, The Free Press Publ., 1979, pp. 15–46.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'25

EDN LRMMAN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-122-129>

ЖАНРОВООБУСЛОВЛЕННЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЕРЕВОД: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Саковец Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, sakovetssa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5154-7629>

Аннотация. Автор обращается к проблеме перевода текстов юридического дискурса, моделированию учебного перевода специального текста на примере перевода каузативной лексики немецкого и английского языков. Особое внимание в аспекте обучения переводу направлено на процесс анализа языка оригинала и языка перевода, а также созданию вторичного текста правовой тематики. Автором представлено современное состояние исследований в области жанровых аспектов перевода, значимых в теоретическом и дидактическом аспекте. Обращение к семантико-семиотической модели перевода связано с выделением референциальных/когнитивных элементов (сем) в исходном тексте и выбором единиц языка перевода, которые содержат такие же семы. Также автор рассматривает понятие ситуации в аспекте номинации и ситуативной (денотативной) модели перевода. Последовательность анализа сочетаемости лексической единицы в составе предложения в рамках учебного перевода включает рассмотрение его синтаксической структуры, семантики компонентов этой структуры и формирование семантической структуры предложения. Предлагаемый автором ономаσιологический подход включает знакомство со структурой событийной номинации, анализ механизма номинации. Основным результатом представленного исследования является его прикладной характер, методическое обоснование использования компонентного анализа, семантико-семиотической модели как условия переводческого решения, основанного на анализе языковой техники именования ситуаций предложениями, представленными в юридическом дискурсе.

Ключевые слова: ономаσιология, перевод, жанр, модель перевода, компонентный анализ, событийная номинация, языковой знак.

Для цитирования: Саковец С.А. Жанровообусловленный учебный перевод: моделирование процесса перевода // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 122–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-122-129>

Research Article

GENRE-BASED EDUCATIONAL TRANSLATION: MODELLING OF THE TRANSLATION PROCESS

Svetlana A. Sakovets, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia, sakovetssa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5154-7629>

Abstract. The author addresses the problem of translation of texts of legal discourse, modelling of educational translation of a special text on the example of translation of causative vocabulary of German and English languages. Special attention in the aspect of translation training is paid to the process of analysing the source language and the target language, as well as creating a secondary text of legal subjects. The author presents the current state of research in the field of genre aspects of translation, significant in theoretical and didactic aspects. The appeal to the semantic-semiotic model of translation is associated with the allocation of referential/cognitive elements (semes) in the source text and the choice of translation language units that contain the same semes. The author also examines the concept of a situation in terms of nomination and situational (denotative) translation model. The sequence of analysing the compatibility of a lexical unit in a sentence within the framework of an educational translation includes consideration of its syntactic structure, the semantics of the components of this structure and the formation of the semantic structure of the sentence. The onomasiological approach proposed by the author includes an introduction to the structure of the event nomination, an analysis of the nomination mechanism. The main result of the presented research is its applied nature, methodological justification of the use of component analysis, semantic – semiotic model as a condition for a translation solution based on the analysis of the linguistic technique of naming situations with sentences presented in legal discourse.

Keywords: onomasiology, translation, genre, translation model, component analysis, event nomination, language sign.

For citation: Sakovets S.A. Genre-based educational translation: modelling of the translation process. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 122–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-122-129>

Введение

Моделирование перевода заключается в описании алгоритма перевода, тех действий и их последовательность, которые выполняет переводчик в процессе анализа исходного текста и создания переведенного текста. В теоретическом плане модель перевода трактуется как условное представление процедуры выполнения процесса перевода, этапами которого являются: анализ синтаксической композиции текста, установление связи между языковыми знаками и их значением, синтез. Речевой жанр и функциональный стиль определяют особые характеристики языка и текста, все оценочно-смысловые оттенки текста. А.В. Ачкасов указывает, что «принятие во внимание основных черт жанровой системы и жанровых норм языка является необходимым этапом при переводе, так как переводной текст должен быть «встроен» в новый социокультурный контекст» [Ачкасов: 8]. В лингвистической литературе жанр рассматривается как категория верхнего семиотического уровня [Ачкасов: 5]. Отмечается, что для переводоведения необходим контрастивный анализ жанровых систем, родовидовых жанровых связей, анализ структуры и средств речевой реализации отдельных жанров. В рамках учебного перевода развитие практических навыков формирования «жанровых компетенций» и «жанровой осведомленности» представляется необходимым.

Данное исследование представляется значимым в контексте обращения к проблеме перевода текстов юридического дискурса, моделированию учебного перевода специального текста. Юридический дискурс, важной чертой которого является формальность и точность, характеризуется особой формой общения и представления информации. Перевод юридического дискурса представляет особые трудности из-за специфических терминов, особенностей правовой терминологии и своеобразия законодательства страны изучаемого языка и юрисдикций. Актуальность предпринятого исследования определяется дидактической и теоретической сложностью такого феномена как модель перевода, приемлемой для перевода текстов юридического дискурса в рамках подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (учебный перевод), для преодоления трудностей, связанных с переводом лексики. В нашем исследовании мы обращаемся к нюансам перевода лексических единиц с каузативной семантикой в рамках семантико-семиотической модели перевода. Обращение к данной модели связано с выделением референциальных/когнитивных элементов (сем) в исходном

тексте и выбором единиц языка перевода, которые содержат такие же семы. Также автор рассматривает понятие ситуации в аспекте номинации и ситуативной (денотативной) модели перевода.

В научной литературе когнитивные семы, рассматриваемые как основа значения слова, – это признаки, считающиеся обобщением объективных свойств реальной действительности [Учебник: 70]. Принципы организации словесного значения проявляются в принципах существования словарного состава языка как композиционной системы [Учебник: 80]. В этой связи слово трактуется как «минимальный компонент ситуативной модели опыта, обозначающий объект, изменение, свойство... а также различные существенные для человека условия, в которых возможны изменения, совершаемые объектами и изменяющие свойства объектов» [Учебник: 82]. Научная значимость представленного исследования заключается в рассмотрении семантико-семиотической модели как возможной стратегии поиска оптимального варианта перевода лексических единиц с каузативной семантикой в юридическом дискурсе, в использовании ономаσιологического анализа предложения, предполагающего знакомство со структурой событийной номинации, анализа механизма номинации, компонентного анализа для выявления объема значения и специфики актуализации дифференциальных сем глаголов в ядерной позиции в предложении. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «создание предложения – это осуществление процесса номинации различных типов: процессы номинации, относящиеся к глобальному обозначению всей ситуации, факта, события и т.п. и к ее расчленению, с одной стороны, и процессы номинации, относящиеся к обозначению отдельных элементов описываемой ситуации или события, с другой» [Кубрякова 1986: 97]. «Слова как единицы словаря языка, денотируют множество всех сущностей, которые могут быть обозначены данным словом – экстенционал слова. В дискурсе те же слова соотносятся лишь с той частью этого множества, которые имеет в виду говорящий» [Кобозева, Татевосов: 194]. Методологической основой исследования послужили исследования в области общей теории перевода (Л.Л. Нелюбин, J.C. Catford, Л.С. Бархударов, С.Б. Велединская), семиотических аспектов перевода (П. Тороп, Н.К. Гарбовский), моделирования перевода (Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, А.М. Поликарпов, И.В. Убоженко, А.Г. Минченков), жанровых аспектов перевода (А.В. Ачкасов), дискурса и текстов юридического дискурса (М.А. Сухомлинова, В.В. Дементьев, К.М. Левитан, М.С. Медве-

дева, К.С. Неустроев), синтаксического, семантического аспекта предложения и его номинативной функции (Е.Л. Кривченко, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Левицкий). Методами исследования послужили общенаучные методы анализа и синтеза представленных научных концепций, сплошная выборка, компонентный анализ.

Семиотические аспекты переводческой деятельности

Обращение к аспектам семантико-семиотической модели перевода обусловлено условиями анализа языковой единицы в исходном и в переводном тексте. С нашей точки зрения определенный интерес представляет и ситуативная (денотативная) модель перевода, разработавшаяся В.Г. Гаком. В сфере интересов семиотики переводческой деятельности являются исследования языковых, культурных и других знаковых систем, используемых при переводе текстов с одного языка на другой. Предметом анализа являются процессы передачи информации и смысла между различными языками и культурами, уделяя внимание используемым при этом знаковым системам и их функциям в процессе перевода.

С точки зрения семиотики оригинал и перевод рассматриваются как сложные знаки, требующие интерпретации и переноса из одной семиотической среды в другую (с одного языка на другой или из одной культуры в другую) [Велединская: 32]. В семантико-семиотической модели перевода Л.С. Бархударова выделяется денотативный, сигнификативный внутрилингвистический и прагматический компоненты [Нелюбин: 46]. Учеными отмечается специфичность связи между знаками внутри языковой системы, находящая свое выражение, например, в системе сочетаемости языковых знаков. Различительные черты, выделяемые человеческим сознанием в объектах при их именовании, порождают дифференциальные семы в семантической структуре слова; актуализация и погашение сем показывает чередование значений в слове [Гак: 229], его реализацию, обусловленную коммуникативной ситуацией, что предполагает использование компонентного анализа. Задача переводчика согласно семантико-семиотической модели перевода передать коммуникативно значимые семы переводимых языковых единиц исходного языка. Переводческая эквивалентность основывается на общности сем в содержании оригинала и перевода. Определяя специфику перевода текстов юридического дискурса, К.М. Левитан отмечает необходимость анализа семантики языковых единиц «не только в пределах словаря и грамматических конструкций, но прежде всего в пределах того коммуникативного окружения, которое является уникальным для каждой оформленной мысли» [Левитан: 67]. На это указы-

вает и Дж. Кэтфорд, разделяющий языковые уровни на формальные (фонология и графология) и неформальные (грамматика и лексика). Неформальный уровень связан с ситуативной субстанцией (элементами внешнего мира) [Catford]. Контекстуальное значение единиц определяется их отношением к элементам ситуации, в отличие от их формального значения, которое определяется их положением относительно других единиц того же уровня.

Представленная в научной литературе ситуативная (денотативная) модель перевода имеет предмет своего анализа «предметную ситуацию». Суть процесса перевода заключается в описании средствами языка перевода, что и дает в результате текст перевода. Соответственно, эквивалентность перевода основывается на тождестве предметной ситуации, описываемой в оригинале и переводе [Кляничина: 6]. Однако для нашего исследования наибольшую значимость имеет тот аспект ономаσιологического подхода, в рамках которого подвергаются анализу компоненты семантической структуры предложения, анализируется реализация значений семантического предиката и денотативная отнесенность имен существительных в позициях субъекта и объекта. С точки зрения ономаσιологического подхода, говорящий исходит из определённого внеязыкового содержания и выбирает языковые формы из имеющейся в его распоряжении системы языка.

Взаимосвязь жанра и дискурса

Речевой жанр трактуется как дискурсивный тип, включающий тематически, композиционно и стилистически отмеченные речевые акты, которые объединены коммуникативной целью, авторской интенцией, языковой личностью адресата и структурой ситуативного контекста общения. Учеными подчеркивается, что языковые особенности жанра определенного текста проявляются в преимущественном использовании определенных лексических, морфологических, синтаксических языковых единиц, характерных для того или иного функционального стиля [Сухомлинова: 91–92]. О.А. Крапивкина пишет, что взаимосвязь жанра и дискурса проявляется в том, что «каждый текст, относящийся к определённому жанру, существует в рамках дискурса» [Крапивкина: 219]. Автор отмечает, что жанровое пространство юридического дискурса определяет правоприменительная практика.

В данной статье мы обращаемся к вопросу перевода предложений с каузативными глаголами немецкого и английского языков, извлеченных из текстов юридического дискурса. Дискурс рассматривается как до- и послетекстовые когнитивные процессы. Дискурс говорящего (пишущего) начинается с замысла и заканчивается созданием текста, а дискурс

адресата – с восприятия текста и заканчивается формированием смысла [Аверкина, Базылев: 63–64]. Лингвисты особо отмечают важность рассмотрения и изучения дискурса как объекта лингвистического исследования, умения распознавать рассматриваемый дискурс как относящийся к определенному жанру на основании языковых характеристик, уникальных для каждого языка [Кибрик: 143].

Вопросы перевода текстов юридического дискурса

Семиотический аспект перевода текстов юридического дискурса относится к процессу передачи не только смысла и лексического значения слов, но и культурных, правовых и социальных нюансов через различные системы знаков и символов. Центральным звеном концепции юридического перевода К.М. Левитана является учет коммуникативного окружения, специфичного для каждой высказанной и оформленной по нормам языка мысли. Основой адекватной передачи содержания юридических текстов является равноценное регулятивное воздействие, а условием адекватного понимания и интерпретации является контекстная семантика [Левитан, Югова: 174]. В свою очередь М.С. Медведева говорит о низкой контекстуальности юридических текстов, о специфичности юридического дискурса по его универсальному содержанию [Медведева: 93]. К особенностям контекста юридического дискурса относят текстоцентричность, формализованность, универсальность категорий и норм, а также их объективность [Медведева: 94].

Обратимся к некоторым моделям перевода, представленным в научной литературе. И.В. Убоженко, рассматривая когнитивную модель переводческого процесса, выделяет 3 этапа: формирование фона процесса познания (лингвистические, металингвистические и экстралингвистические знания); сравнение и комбинирование накопленного исходного знания с целью оформления представления обо всех допустимых и гипотетических версиях перевода; заключительный этап посвящен окончательному выбору, принятию и оформлению оптимального переводческого решения [Убоженко: 128]. В концепции А.М. Поликарпова 4 ступени: предпонимание, дегербиализация и ревербиализация, извлечение получателем текста перевода его смысла [Поликарпов: 12]. А.Г. Минченков, основываясь на разработанном им когнитивно-эвристическом подходе, предполагает, что в центре внимания исследователя оказывается собственно процесс перевода как вида речемыслительной деятельности [Минченков: 12]. Стратегия перевода по А.Г. Минченкову в рамках его модели: когнитивный поиск, рекомбинация смыслов и поиск средств выражения, включающего автокоррек-

цию [Минченков: 13]. Автор говорит о сложности перевода каузативных конструкций в английском языке «в связи с различиями в способах структурирования смысла и его выражения средствами двух языков и невозможности или нежелательности структурного параллелизма в переводе» [Минченков: 9]. В процессе когнитивного поиска, по мнению А.Г. Минченкова, в сознании переводчика взаимодействуют различные виды знаний, в частности, знания прототипических значений входящих в текст единиц, фоновые знания и знания контекста [Минченков: 13].

М.П. Котюрова, Л.В. Кушнина выдвигают концепцию переводческого пространства, включающую «три поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и три текстовых поля (содержательное, энергетическое, фатическое)», в рамках которых и формируется уникальный смысл. «Результатом перевода является синергия смыслов всех полей переводческого пространства, что сопровождается приращением новых смыслов и их вхождением в принимающую культуру» [Котюрова, Кушнина: 180].

Представленные концепции показывают, что наиболее трудным представляется этап поиска средств выражения на языке перевода. В научной литературе предлагается следующая модель учебного перевода, включающего 4 стадии: ориентировочный перевод, обучающий (практика перевода с привлечением внимания к межкультурно-значимым элементам текста), автономно-интерпретационный и контролирующий [Лебедева: 149]. В рассматриваемом нами аспекте наибольший интерес представляет обучающий этап. Анализа сочетаемости лексической единицы в составе предложения в учебных целях предполагает анализ предложения с точки зрения его синтаксической и семантической структуры, определение типа ситуации, обозначаемой анализируемым предложением посредством выявления денотативной отнесенности именованных в структурной схеме предложения, анализ структуры событийной номинации. Необходимы условием анализа является и формирующийся навык распознавания жанра текста. Жанровая компетенция, рассматриваемая как составная часть дискурсивной компетенции, трактуется как умение идентифицировать жанр текста, прогнозировать его и извлекать дополнительную информацию о тексте на основе знаний об этом жанре [Аникина, Якименко: 21].

С точки зрения семиотики предложение – это сложный знак (цепочка знаковых единиц), характеризующийся процессом порождения и функционированием. Событие выступает в качестве объекта обозначения. Для ономазиологии важен анализ предметной направленности, то есть соотносительности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства именованности последнего [Кубрякова].

Ситуацию рассматривают как систему, в которой взаимодействуют элементы разных типов, относящиеся к предметному и признаковому компоненту. Как референт высказывания ситуация— это сочетание элементов в момент говорения, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности. Данные элементы определяют отбор языковых элементов при формировании высказывания. Связь семантики предложения и реального события заключается в том, что «все типы предложений, по крайней мере в их генезисе, представляли языковые модели конкретных ситуаций» [Левицкий: 111]. Учеными, как правило, подчеркивается организующая роль глагола в составе предложения. С номинативной точки зрения, глагол выполняет свою номинативную функцию в составе предложения, именуя разного рода ситуации. Кривченко Е.Л. говорит об «относительном характере» семантики глагола. Специфика его семантической структуры заключается в понятии признака, однако, дифференцирующую часть образует понятие отношения признака к предмету, что детерминирует сочетаемостные и номинативные свойства глагола [Кривченко: 26]. Информационная насыщенность языковой единицы неминуемо ограничивает сферу ее употребления, ее номинативный потенциал, так как языковая единица специализируется на обозначении только определенного круга объектов. Метод компонентного анализа важен для определения изменений семного состава глаголов в ядерной позиции, потому что показателем в определении типов ситуаций, описываемых предложениями с определённым глаголом в главной роли, является денотативная принадлежность имён существительных, занимающих позиции субъекта и объекта в предложении.

Рассмотрим примеры с каузативными глаголами немецкого и английского языков. Анализ номинативных свойств предложений, извлеченных из текстов художественного дискурса, с каузативными глаголами немецкого и английского языков позволили выделить 3 группы ситуаций: ситуация вынужденного действия лица, ситуация действия лица с целью получения результата, ситуация действия лица, обусловившего определенные последствия [Саковец]. В предложениях с английскими глаголами *to force*, *to make*, *to get*, *to cause* в позиции Объекта могут быть употреблены имена существительные, обозначающие лицо, жидкость, предмет, растение, транспортное средство. Они реализуют значение побуждения в каузативных конструкциях. В англо-русском юридическом словаре зафиксировано следующее значение глагола *cause*, значимое для юридического английского: заставлять, велеть, распоряжаться [Англо-русский юридический словарь]. Следующие устойчивые сочетания *cause to commit suicide* (доводить до самоубийства), *cause confusion* (вызвать путаницу), *cause injury* (нанести

повреждения), *cause loss* (причинить ущерб), *cause proceedings* (возбудить дело), *cause serious bodily harm* (причинить серьезные телесные повреждения) показывают, что глагол сочетается с именами существительными, обозначающими какое-либо (общественное) явление, связанное с нарушенным правом: *confusion* – смущение, замешательство, беспорядок, путаница, общественные беспорядки; *injury* – телесное повреждение, вред, имущественный ущерб; *loss* – потеря, лишение, ущерб, урон; *proceedings* – судебное преследование, судопроизводство, процесс, производство по делу [Англо-русский юридический словарь]. Анализ данных словаря COCA, разделы Genre Blog: Legal (Year 2010–2020) и Web: Legal позволил выделить следующие примеры сочетаемости *cause* с именами существительными абстрактной семантики: *cause significant difficulty or expense for the employer*; *cause undue hardship to the employer*; *cause more than the stated number of prizes as set forth in these Official Rules to*; *cause the application of the laws of any jurisdiction other than the State of Ohio*; *shall cause the question provided for in section thirteen (d) of this article to be*; *to cause significant humiliation, indignity, anxiety, or other emotional trauma*. Анализ Constitutional Reform Act (2005): *...may cause the full-time equivalent number of judges of the Court*; *...does not cause the statutory instrument to be subject*; *...that causes or is likely to cause harassment, alarm or distress*; *...may by Order in Council cause a referendum*.

Анализ примеров предложений из художественной литературы с глаголом *stellen* немецкого языка позволил определить следующие особенности его сочетаемости с именами существительными в позиции объекта. В данной позиции используются одушевленные имена существительные, неодушевленные имена существительные, обозначающие различного рода предметы, которые можно размещать в вертикальном положении (положить/поставить), имена существительные, обозначающие предмет, в сочетании с которыми данная сема нейтрализуется, имена существительные, обозначающие часть тела человека, транспортное средство, механизм. В позиции семантического субъекта используются только одушевленные имена существительные. Рассмотрим примеры из текстов юридического дискурса. Глагол немецкого языка *stellen* имеет следующие значения, зафиксированные в немецко-русском юридическом словаре: 1. Задерживать (вора); 2. Предоставлять (доказательства), представлять (поручителя); 3. Заявлять ходатайство; с *sich* – являться с повинной; являться для отбывания наказания [Мокин: 215]. Анализ примеров из словаря современного немецкого языка (DWDS), жанр «Закон», позволяет сделать вывод, что в данных текстах *stellen* употребляется только в составе устойчивых словосочетаний, на-

пример, *Antrag stellen, einen Registerauszug stellen, eine Bürgeranfrage stellen, die Anforderungen stellen, Fragen stellen*. Представленные словосочетания являются примерами лексической сочетаемости, характерными для немецкого языка.

Заключение

Основным результатом представленного исследования является его прикладной характер: методическое обоснование использования компонентного анализа, семантико-семиотической модели как условия переводческого решения, направленные на анализ языковой техники именованной ситуации, представленных определенным образом в предложениях юридического дискурса. По замечанию Ю.А. Левицкого предназначенность предложения для коммуникации обусловлена его соответствием суждению (субъект – предикат) и ситуации (денотат – сигнификат) [Левицкий: 117]. Для предпереводческого анализа, важной представляется трактовка дискурса как речевого произведения, являющегося двусторонней сущностью с лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками, рассмотрение речевого жанра как явления, участвующего как в организации, так и в интерпретации семантики коммуникативной ситуации [Дементьев, Степанова: 195].

Список литературы

Источники

Англо-русский юридический словарь по гражданскому и международному частному праву. URL: <https://miripravo.ru/gallery/x-mi03-english-russian-legal-dictionary.pdf?ysclid=ly2m9akxfe692560870> (дата обращения 30.08.2024).

DWDS. Suche nach 'stellen' (Jurakorpus) URL: <https://www.dwds.de/wb/Suche> (дата обращения: 30.08.2024).

COCA. English-Corpora: COCA. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 30.08.2024).

Исследования

Аверкина Л.А., Базылев В.Н. Diskurs // Основные понятия немецкоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / отв. ред. и сост. М.Б. Раренко. Москва, 2013. С. 63–64.

Аникина О.В., Якименко Е.В. Формирование рецептивной дискурсивной компетенции в процессе обучения переводческому анализу профессионально ориентированного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 20-22.

Ачкасов А.В. Жанровые вопросы перевода // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 5–17. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.401.

Велединская С.Б. Курс общей теории перевода. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с.

Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 224–242.

Дементьев В.В., Степанова Н.Б. Жанры речи в дискурсивных исследованиях. Учебное пособие для магистрантов. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2015. 276 с.

Кибрик А.А. Дискурс // Введение в науку о языке. Москва: Буки Веди, 2019. С. 126–163.

Клянчина В.В. Ситуативные аспекты перевода: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 24 с.

Кобозева И.М., Татевосов С.Г. Семантика // Введение в науку о языке. М.: Буки Веди, 2019. С.164 – 214.

Котюрова М.П., Кушнина Л.В. Индуктивный и дедуктивный пути познания в научном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 172–184. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.18>

Крапивкина О.А. Жанровое пространство юридического дискурса // Вестник ИрГТУ. 2014. № 1 (84). С. 218–225.

Кривченко Е.Л. Номинативная функция глагола и его семантическая структура // Языковые средства преобразования и хранения знаний о мире. Саратов: СГАП, 2002. С. 23–28.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности и разные типы (и модели) ее организации // Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. С. 97–149.

Кубрякова Е.С. Ономазиология. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2689729> (дата обращения: 30.08.2024).

Лебедева А.А. Значение контекста для корректного перевода юридических текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 149–158. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-149-158

Левитан К.М., Югова М.А. Некоторые вопросы дидактики юридического перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 4. С. 60–72.

Левицкий Ю.А. Проблемы лингвистической семантики. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 152с.

Медведева М.С. Юридический текст как объект профессионально-ориентированного дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 92–94.

Минченков А.Г. Подходы к переводу каузативных конструкций в рамках когнитивно-эвристической

модели // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 3. С. 8–21.

Мокин И.В. Немецко-русский и русско-немецкий юридический словарь. Москва: Живой язык, 2013. 512 с.

Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). Москва: Флинта: Наука, 2018. 216 с.

Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.1>

Саковец С.А. Ономаσιологическая структура ситуаций действия и модального отношения (на материале предложений с каузативными глаголами немецкого и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8. С. 2591–2598. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220464>

Сухомлинова М.А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: лингвостилистический аспект: дис. ... докт. филол. наук. Ростов на/Д., 2023. 600 с.

Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 122–141. DOI: [10.21638/11701/spbu09.2016.410](https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.410).

Учебник по лексикологии / Е.А. Лукьянова, И.В. Толочин, М.Н. Коновалова, М.В. Сорокина; под ред. И.В. Толочин. Санкт-Петербург: Антология, 2014. 352 с.

Catford J.C. A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics. Oxford University press, 1965.

References

Averkina L.A., Bazylev V.N. *Diskurs* [Discourse]. *Osnovnye poniatia nemetskoiazыchnogo perevodovedeniia. Terminologicheskii slovar'-spravochnik* [The basic concepts of German translation studies: A terminological dictionary-reference]. Moscow, 2013, pp. 63-64. (In Russ.)

Anikina O.V., Iakimenko E.V. *Formirovanie retseptivnoi diskursivnoi kompetentsii v protsesse obucheniia perevodcheskomu analizu professional'no orientirovannogo teksta* [Formation of Receptive Discursive Competence in Process of Teaching Translation Analysis of Professionally Oriented Text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 8 (26), part 2, pp. 20-22. (In Russ.)

Achkasov A.V. *Zhanrovye voprosy perevoda* [Genre Issues in Translation Studies]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistsika* [Vestnik

SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2016, iss. 4, pp. 5-17. (In Russ.)

Veledinskaia S.B. *Kurs obshchei teorii perevoda* [The course of general theory of translation]. Tomsk, Tomskii politekhnicheskii universitet Publ., 2010, 230 p. (In Russ.)

Gak V.G. *K dialektike semanticheskikh otnoshenii v iazyke* [On the dialectic of semantic relations in language]. *Iazykovye preobrazovaniia: Nekotorye aspekty lingvisticheskoi nauki v kontse XX veka. Ot situatsii k vyskazyvaniu* [Linguistic transformations: Some aspects of linguistic science at the end of the XX century. From situation to statement]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2009, pp. 224-242. (In Russ.)

Dement'ev V.V., Stepanova N.B. *Zhanry rechi v diskursivnykh issledovaniakh* [Genres of Speech in Discursive Research]. *Uchebnoe posobie dlia magistrantov*. Saratov: SGU im. N.G. Chernyshevskogo Publ., 2015, 276 p. (In Russ.)

Kibrik A. A. *Diskurs* [Discourse]. *Vvedenie v nauku o iazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2019, pp. 126-163. (In Russ.)

Klianchina V.V. *Situativnye aspekty perevoda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Situational Aspects of Translation: DSc thesis]. Moscow, 2008, 24 p. (In Russ.)

Kobozeva I.M., Tatevosov S. G. *Semantika* [Semantics]. *Vvedenie v nauku o iazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2019, pp. 164-214. (In Russ.)

Kotiurova M.P., Kushnina L.V. *Induktivnyi i deduktivnyi puti poznaniia v nauchnom diskurse* [Inductive and Deductive Strategies of Cognition Process in the Academic Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no 1, pp. 172-184. (In Russ.)

Krapivkina O.A. *Zhanrovoe prostranstvo iuridicheskogo diskursa* [Genres of Legal Discourse]. *Vestnik IrGTU* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], 2014, no 1 (84), pp. 218-225. (In Russ.)

Krivchenko E.L. *Nominativnaia funktsiia glagola i ego semanticheskaia struktura* [The Nominative Function of the Verb and its Semantic Structure]. *Iazykovye sredstva preobrazovaniia i khraneniia znaniia o mire* [Language tools for the transformation and storage of knowledge about the world]. Saratov, SGAP Publ., 2002, pp. 23-28. (In Russ.)

Kubriakova E.S. *Nominativnyi aspekt rechevoi deiatel'nosti i raznye tipy (i modeli) ee organizatsii* [The Nominative Aspect of Speech Activity and Different Types (and Models) of its Organization]. *Nominativnyi aspekt rechevoi deiatel'nosti* [The nominative aspect of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 97-149. (In Russ.)

Kubriakova E.S. *Onomasiologiya* [Onomasiology]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2689729> (access date: 30.08.2024). (In Russ.)

Lebedeva A.A. *Znachenie konteksta dlia korrektnogo perevoda iuridicheskikh tekstov* [Context Significance for Correct Legal Texts Translation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 149-158. (In Russ.)

Levitan K.M., Iugova M.A. *Nekotorye voprosy didaktiki iuridicheskogo perevoda* [Some Issues of Legal Translation Didactics]. *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2019, no. 4, pp. 60-72. (In Russ.)

Levitskii Iu.A. *Problemy lingvisticheskoi semantiki* [Problems of Linguistic Semantics]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 152 p. (In Russ.)

Medvedeva M.S. *Iuridicheskii tekst kak ob'ekt professional'no-orientirovannogo diskursa* [Legal Text as an Object Professional-Oriented Discourse]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2015, no. 4, pp. 92-94. (In Russ.)

Minchenkov A.G. *Podkhody k perevodu kauzativnykh konstruksii v ramkakh kognitivno-evristicheskoi modeli* [Approaches to the Translation of Causative Constructions within the Framework of Cognitive-Heuristic Model]. *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin], 2017, no. 3, pp. 8-21. (In Russ.)

Mokin I.V. *Nemetsko-russkii i russko-nemetskii iuridicheskii slovar'* [German-Russian and Russian – German Legal Dictionary]. Moscow, Zhivoi iazyk Publ., 2013, 512 p. (In Russ.)

Neliubin L.L. *Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyi teoretiko-pragmaticheskii aspekt)* [Introduction to Translation Techniques (Cognitive Theoretical and Pragmatic Aspect)]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2018, 216 p. (In Russ.)

Polikarpov A.M. *Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vznikoveniia i osnovnye idei* [Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2,*

Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 6-17. (In Russ.)

Sakovets S.A. *Onomasiologicheskaiia struktura situatsii deistviia i modal'nogo otnosheniia (na materiale predlozhenii s kauzativnymi glagolami nemetskogo i angliiskogo iazykov)* [Onomasiological Structure of the Situations of Action and Modal Relation (by the Material of Sentences with German and English Causative Verbs)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, iss. 8, pp. 2591-2598. (In Russ.)

Sukhomlinova M.A. *Diskursivnye zhanry akademicheskoi kommunikatsii: lingvostilisticheskii aspekt: dis. ... dokt. filol. nauk* [Discursive Genres of Academic Communication: Linguistic and Stylistic Aspect: DSc thesis]. Rostov na/D., 2023, 600 p. (In Russ.)

Ubozhenko I.V. *O kognitivnom modelirovanii intuitsii i tvorchestva v perevode: interpretativno-semioticheskii podkhod* [On Cognitive Modeling of Intuition and Creativity in Translation: Interpretive and Semiotic Approaches]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2016, iss. 4, pp. 122-141. (In Russ.)

Uchebnik po leksikologii [Lexicology], E.A. Luk'ianova, I.V. Tolochin, M.N. Konovalova, M.V. Sorokina; ed. by I.V. Tolochin. St. Petersburg, Antologiya Publ., 2014, 352 p. (In Russ.)

Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*. Oxford University press, 1965.

DWDS. Suche nach 'stellen' (Jurakorpus) URL: <https://www.dwds.de/wb/Suche> (access date: 30.08.2024).

COCA. English-Corpora: COCA. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (access date: 30.08.2024).

Статья поступила в редакцию 13.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 13.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'25

EDN MASBVX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-130-139>

МОДЕЛЬ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА: НЕВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Уланова Екатерина Эдуардовна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме исследования мультимодальности языковой личности устного переводчика. Актуальность статьи обусловлена современными требованиями к уровню компетенций устного переводчика, одной из которых является мультимодальное взаимодействие (удалённый перевод, онлайн перевод интервью, презентаций, конференций, перевод через реле). Цель настоящей статьи – создание модели мультимодальной языковой личности и описания каналов модальности с позиции невербального поведения устного переводчика. Новизна исследования состоит в рассмотрении устного переводчика как мультимодальной языковой личности и выявление новых каналов модальности. Автор рассматривает взгляды отечественных и зарубежных исследователей на понимание природы мультимодальности и проблему её изучения. В ходе оценочно-критического анализа последовательно анализирует и описывает функциональную сторону перцептивных каналов (модальности) на основании предложенной методологии анализа невербального поведения. Первый этап исследования включает лингвокогнитивный анализ и наблюдение за невербальным поведением (кинесика, окулесика, просодика) синхронных и последовательных переводчиков. На основании результатов оценки вербального и невербального поведения языковой личности устного переводчика анализируются перцептивные каналы модальности: проводится анализ экстралингвистических компонентов коммуникации, среды перевода, невербального поведения переводчика, средств ввода и вывода информации. В результате второго этапа представлена классификация перцептивных каналов в ситуации устного перевода. С учётом интеграции полученных данных исследователь предлагает модель мультимодальной языковой личности устного переводчика. Результаты исследования обогащают понимание проблемы мультимодальности и способствуют комплексному изучению профессиональной языковой личности переводчика. Автор намечает перспективу дальнейших исследований мультимодальности с позиции когнитивной лингвистики и невербальной семиотики.

Ключевые слова: мультимодальность языковой личности, языковая личность устного переводчика, невербальное поведение синхронного переводчика.

Для цитирования: Уланова Е.Э. Модель мультимодальной языковой личности устного переводчика: невербальный аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 130–139. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-130-139>

Research Article

MODEL OF MULTIMODAL LANGUAGE PERSONALITY OF THE INTERPRETER: NON-VERBAL ASPECT

Ekaterina E. Ulanova, Candidate of Philological Sciences, the Kuban State University, Krasnodar, Russia, ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0007-3683>

Abstract. The present article is devoted to the problem of multimodality research in the complex study of interpreter's linguistic personality. Topicality of the article is conditioned by modern requirements to the level of interpreter competences, including multimodal interaction (remote interpreting, online interpreting of interviews, presentations, conferences, relay interpreting, etc.). The purpose of this paper is to create a model of multimodal linguistic personality and to describe the modality channels from the perspective of the interpreter's nonverbal behaviour. The novelty of the research is considering the interpreter as a multimodal linguistic personality and identifying non-obvious channels of modality. The author considers the views of Russian and foreign researchers on understanding the nature of multimodality and the problem of its study. During the evaluative-critical analysis the author studies and describes the functional side of perceptual channels (modalities). The first stage of the study includes linguo-cognitive analysis and observation of non-verbal behaviour (kinesics, oculistics, prosodics) of the interpreters. Based on the results of the evaluation of the non-verbal behavior of the interpreter's

linguistic personality, the author analyses the following perceptual channels: extra-linguistic components of communication, the environment, the non-verbal behaviour, the means of input and output of information. As a result of the second stage, the classification of perceptual channels in the situation of simultaneous interpreting is presented. Taking into account the integration of the data, the researcher proposes a model of multimodal linguistic personality of the interpreter. The results of the study enrich the understanding of the problem of multimodality and contribute to the in-depth study of professional linguistic personality. The author outlines the prospects for further research on multimodality from the perspective of cognitive linguistics and non-verbal semiotics.

Keywords: multimodality of language personality, language personality of conference interpreter, non-verbal behaviour of interpreter.

For citation: Ulanova E.E. Model of multimodal language personality of the interpreter: non-verbal aspect. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 130–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-130-139>

Коммуникация как таковая не сводится к одной знаковой системе, а представляет собой специфическую форму симбиотического одновременного многоканального взаимодействия [Klemm, Michel 2014: 191]. Будучи одним из средств межкультурной коммуникации, устный перевод представляет собой наиболее сложный и эмоционально затратный вид переводческой деятельности, который быстро и эффективно решает задачи взаимопонимания между людьми [Уланова 2021]. Устный переводчик (далее – УП), осуществляющий как последовательный, так и синхронный перевод, профессионально ориентируется в системах многоканального распределения звука, имеет навыки работы удаленного перевода и непрямого перевода. Профессия устного переводчика требует особого навыка вычленения «глубинного смысла», контроля логики выступления говорящего, одновременного восприятия лингвистической и экстралингвистической информации и воспроизведения грамматически оформленных предложений с определенным темпом, громкостью, интонационным рисунком с минимальным отставанием по времени.

Актуальность данного исследования обусловлена малой изученностью функциональных особенностей невербального поведения синхронных переводчиков как представителей мультимодального типа языковой личности (далее – ЯЛ), в котором процессы передачи и восприятия информации происходят с участием различных семиотических систем и через различные каналы информационного обмена.

По мере развития и широкого применения компьютерных методов обработки данных становится возможным проводить комплексные исследования, раскрывающие особенности вербальных и невербальных средств коммуникации, в отличие от ранее главенствующих сугубо лингвистических методов описания [Pasquandrea 2011; Davitti 2013]. Согласимся с Е.В. Чистовой, что функциональные особенности мультимодальности изучены слабо [Чистова 2022: 208], а их влияние на невербальное поведение ЯЛ и категорию ЯЛ в целом недооценено. Исследование личности переводчика с позиции мультимодальности позволяет шире понять роль переводчика в межкультурной коммуникации. Вышеуказанные

причины свидетельствуют о необходимости подробного изучения роли устного переводчика среди семиотических систем, особенностей невербального поведения устных переводчиков и возможности реализации языковой личности как мультимодальной языковой личности устного переводчика (далее – ЯЛ УП).

Цель данной статьи – создать модель мультимодальной ЯЛ УП на основании анализа невербального поведения устных и последовательных переводчиков в коммуникативной ситуации перевода.

Материалом анализа послужили видеодатчики оригинальных синхронных и последовательных переводов, выполненных 16 профессиональными переводчиками за период с 2018–2021 гг. в рамках участия в этапах конкурса синхронных и последовательных переводчиков ‘CosinesPi’, размещенные на ресурсе конкурса в Интернет, а также фотоизображения невербального поведения устных переводчиков в момент коммуникативной ситуации перевода. Тематика переводов соответствует отраслевому и массмедийному дискурсу и включает темы: культура, экономика, кино, мода, политика. Общий объем эмпирического видеоматериала анализа составил 256 минут; 299 единиц фотоизображений невербального поведения, отобранных методом сплошной и частичной выборки. Данные, полученные в результате фотофиксации вербальных и невербальных компонентов коммуникации, позволяют говорить о репрезентативной выборке анализа данных.

Теоретическую базу исследования составляют работы Г.Е. Крейдлина, Л.А. Манерко, Е.В. Чистовой, Ю.В. Сорокиной, А.А. Кониной, Т.В. Черниговская, Л.В. Кушниковой, Г.В. Черновой, А. Chesterman, G. Kress, J.A. Hall, T.G. Horgan, N.A. Murphy, T. Stivers, J. Sidnell.

Основными методами исследования выступают: лингвокогнитивный анализ вербального и невербального поведения синхронных и последовательных переводчиков, осуществляемый посредством визуального наблюдения на платформе Sonix.com, в которой есть возможность одновременного анализа вербального и невербального поведения; оценочно-критический анализ невербального поведения син-

хронных и последовательных переводчиков; метод моделирования; метод сплошной и частичной выборки; сравнительно-сопоставительный анализ; статистический метод.

Практическая значимость исследования состоит в возможности основательного понимания когнитивных процессов, происходящих в сознании устных переводчиков в момент перевода, и отражаемых в невербальном поведении, что способствует совершенствованию методологической базы комплексного анализа языковой личности в целом. Данные, полученные в ходе исследования, могут найти применение в спецкурсах по компьютерной лингвистике, лингвоперсонологии, при анализе виртуальных жанров коммуникации (онлайн форумов, конференций и т. д.). Представленный в данной статье опыт лингвокогнитивного описания способствует развитию методики лингвокогнитивных исследований невербального и вербального поведения различных языковых личностей и может получить широкое применение в последующих лингвистических исследованиях.

Результаты. Синхронные и последовательные переводчики работают в сложных полевых условиях, зачастую «вслепую» (удалённый перевод) и способны воспринимать и порождать смыслы, поступающие из нескольких каналов (модусов) одновременно. В ситуации синхронного перевода переводчику оказывается недостаточно чисто вербального высказывания и лингвистического знания для дешифровки смысла. Адекватный перевод будет возможен в случае, если переводчик готов воспринимать не только лингвистический канал модальности передачи информации, но и экстралингвистический, визуальный, аудиальный, пространственный, рефлексивный.

Основными аспектами мультимодальности, на наш взгляд, являются всестороннее исследование каналов модальности, степень обработки, анализа, передачи и реакции на информацию, передающейся по каналам модальности. Данное исследование направлено на создание типизируемой модели мультимодальной ЯЛ УП и описание вербальных, невербальных, смешанных (вербально-невербальных) каналов.

Функционирование ЯЛ представляется нам комплексным процессом. По словам Ю.В. Сорокиной, для полноценного изучения невербального поведения ЯЛ УП и составления последующей модели мультимодальной ЯЛ важно использовать «разные направления рассмотрения мультимодальности в её лингвистическом и социологическом понимании, комбинируя анализ вербальных и невербальных средств, используемых для передачи информации» [Сорокина 2017: 169]. Термин «модальность» заимствован из психологии и используется для обозначения сенсорных каналов восприятия.

В когнитивной лингвистике термин определяется как один из кодов информации, включённый в понятие гибридизированного текста [там же].

В широком смысле под мультимодальностью понимается описание общих законов и конкретных правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных или невербальных знаков [Мичурин 2014]. Г. Кресс полагает, что в дискурсе мультимодальные явления обусловлены интеграцией вербальных текстов с изображениями, видео, речью и жестами, размером и цветом текста [Kress 2009].

Т. Стиверс и Дж. Сиднел говорят о мультимодальном взаимодействии, под которым понимают межличностное взаимодействие, при котором коммуниканты поддерживают стабильный поток смылосодержащих вербальных и невербальных знаков [Stivers, Sidnel 2005].

Основываясь на постулате, что ЯЛ устного переводчика является мультимодальной по своей природе, ввиду характера профессиональной деятельности, мы предприняли попытку оценочно-критического анализа роли ЯЛ УП в ситуации перевода с позиции невербальной коммуникации.

Количество коммуникативных модальностей, с которыми сталкивается ЯЛ, зависит от количества кодов семиотических систем: ситуация, которая требует восприятие, анализ и декодирование информации посредством одновременно нескольких перцептивных каналов может считаться мультимодальной. Следовательно, мультимодальность может включать коммуникацию с точки зрения лингвистических, экстралингвистических, аудиовизуальных, пространственных, временных модусов, которые сознательно и бессознательно используются для извлечения и передачи информации, а также считаем, что в невербальной коммуникации раскрываются интенции говорящего, обозначается личное отношение оратора к тексту, в случае полисемии уточняется смысл высказывания [Уланова, 2024].

Вследствие этого, считаем необходимым представить поэтапную методологию проведения оценочно-критического анализа ЯЛ УП. Разработанная методология включает:

- 1) проведение сравнительно-сопоставительного анализа вербальных и невербальных проявлений поведения устных переводчиков (кинесику, окулесу, просодию);
- 2) описание экстралингвистических характеристик коммуникативной ситуации перевода, которые участвуют в формировании общего семиотического пространства;
- 3) определение каналов модальности, т.е. каналов поступления и подачи информации, перцептивно обрабатываемой ЯЛ в коммуникативной ситуации перевода;

4) анализ взаимовлияния невербального поведения и прагматики языкового выражения.

Вслед за J. Robinson, при проведении сравнительно-сопоставительного анализа невербального поведения устных переводчиков, мы анализировали телодвижения, учитывая кинесические маркеры верхней половины тела синхрониста, т.е. от талии и выше [Robinson 1998]. Это обусловлено тем, что все синхронные переводчики, принимающие участие в исследовании, осуществляют перевод в позиции сидя. Анализируется ширина и частота жестыкуляции рук, эмоциональность и подвижность выражения лица устного переводчика (наличие/отсутствие улыбки, вектор движения/неподвижности надбровных дуг), положение верхней части тела, движения головы.

Зрительный контакт для устного переводчика является важнейшим каналом получения а) смысловой информации для последующего перевода и б) возможной обратной связи от (реакции) реципиента для контроля успешности перевода. Методом оценочно-критического анализа были проанализированы маркеры визуального поведения: направление взгляда, зрительный контакт, прищур, степень раскрытия глаз и т.д. Направление взгляда и длительность зрительного контакта являются наиболее репрезентативными окулесическими маркерами, свидетельствующими об интересе переводчика к говорящему и вовлеченности в коммуникативный процесс.

Анализ просодических маркеров включал в себя оценку особенностей произношения, частоту появления звуков-хезитаций, наличие яркого интонационного рисунка при подаче перевода, громкость голоса, отчетливость произнесения высказывания.

По итогам анализа невербального поведения синхронных переводчиков была составлена сравнительная таблица процентного соотношения использования невербальных маркеров в коммуникативной ситуации перевода. Так, кинесические маркеры ориентированы на процессы организации вербального потока, в то время как окулесические и просодические маркеры отражают собственную когницию и психоэмоциональный настрой в целом.

Невербальное поведение подтверждает и дополняет знания о ЯЛ, полученные путем лингвокогнитивного анализа вербальных и невербальных средств.

Так, например, подача в сторону оратора (незначительный наклон вправо), визуальный контроль оратора, улыбка, вариативная интонация, акцентная паузация, преимущественно ровное дыхание без посторонних звуков – свидетельствует об уверенной подаче на родном языке, о достаточном понимании содержания высказывания на иностранном языке, сохранении темпа перевода и психоэмоциональной стабильности в момент перевода.

В нашем исследовании описаны случаи сольного удалённого синхронного перевода с опорой на видеотрансляцию одного или нескольких ораторов. Типизируемая ЯЛ синхронного переводчика осуществляет удалённый синхронный сольный перевод. Рассмотрим каналы модальности с точки зрения проявления невербальных сигналов в коммуникативной ситуации перевода.

Рабочее место синхрониста отличается от традиционной переводческой кабины, снабженной встроенными панелями управления оборудованием, микрофонами и наушниками. Подобные кабины, как правило, имеют хорошую шумоизоляцию [Чистова 2023: 209–210].

Научные изыскания определили значительную роль визуального контакта при синхронном переводе (L. Anderson, 1994; A. Bacigalupe, 1999; R. Baxter, 2016; S. Rennert, 2008 и т. д.). Управление записью перевода осуществляется вручную, что при помощи системы ввода информации в персональный компьютер устного переводчика. Переводчик на экране видит одного или нескольких ораторов и отсчет времени с начала перевода. Для осуществления успешного перевода очень важно обеспечить достаточно близкий аудиовизуальный контакт синхрониста с оратором и реципиентом для восприятия невербальных сигналов, материалов презентации и реакции аудитории.

Важным параметром, влияющим на невербальную репрезентацию ЯЛ синхрониста, является среда, где осуществляется перевод. Расположение рабочего места и освещение, влияющие на визуальный параметр, температура и влажность воздуха, влияющие на просодическую репрезентацию; сторонние шумы и технические сбои в работе аппаратуры.

Особую сложность в работе представляет собой случаи удалённого перевода, где ограниченность визуального канала, невозможность работы в профес-

Таблица 1

Невербальные маркеры языковой личности синхронного переводчика (в языковой паре английский язык – русский язык)

Маркеры	%	Единицы
Кинесические	50,16%	150
Окулесические	21,40%	64
Просодические	19,06%	57

сиональной кабине негативно влияет на успешность и общую оценку работы переводчика.

Наблюдение за невербальным поведением синхронистов позволило также определить трудности, которые испытывают устные переводчики при удаленном синхронном переводе: невозможность оценить атмосферу пространства мероприятия, студии, а также технические сбои работы оборудования. В некоторых случаях синхронисты теряют канал аудиальной связи и непременно пытаются его восстановить. В анализируемом материале невербальный контроль аудиального канала происходил до 15 раз за семиминутную сессию синхронного перевода.

На рисунке 1 и 2 изображены переводчики, осуществляющие перевод через гарнитуру. Как показали наши наблюдения, переводчики стремятся занять наиболее выгодную позицию для обеспечения стабильного визуального канала восприятия оратора или информационного изображения, а также – позицию для удобства работы со вспомогательными ма-

териалами (рис. 1 и 2). Аудиальный канал для устного переводчика является одним из способов контроля собственной подачи перевода как с позиции корректности вербального оформления высказывания, так и с позиции регуляции громкости при произнесении перевода в микрофон. Таким образом, аудиальный канал как канал поступления информации обладает определенной модальностью, так как используется переводчиком для оценки продукта перевода, т. е. информация на языке перевода, передаваемая реципиенту, обрабатывается и регулируется самим переводчиком.

Пример подобной мультимодальной интеграции невербального поведения синхрониста представлен на рисунке 2. Синхронист воспринимает речь оратора на иностранном языке через одно ухо, а второе использует для контроля аудиального канала, который отвечает за контроль аудио-вербальной информации, т.е. смысловое содержание, грамматическая и стилистическая корректность информации на языке пере-

Рис. 1. Переводчики в ситуации синхронного перевода

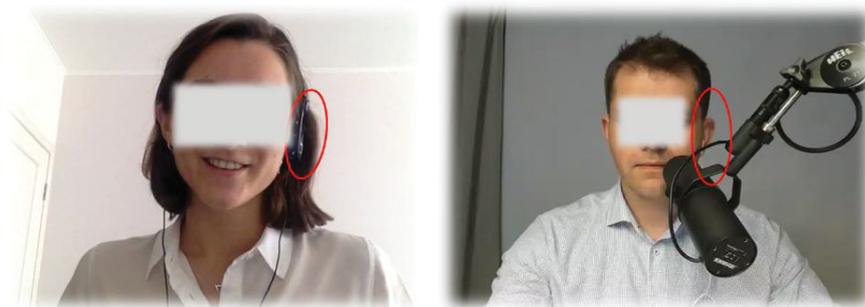

Рис. 2. Регулирование переводчиком аудиального канала

вода, а также за просодическими сигналами (контроль собственного произношения, громкости, тональности, скорости). Таким образом, синхронист одновременно слушает и переводит не только источник, но и контролирует собственную подачу, т. е. продукт перевода.

Согласно Е.В. Чистовой, в синхронном переводе можно говорить о мультимодальной коммуникации при интеграции знаний и информации, получаемых и продуцируемых синхронистом по различным каналам:

а) аудиальный (звук в наушниках, музыка, постоянные шумы);

б) аудиально-вербальный (выступление докладчика, вопросы из зала, коллективная дискуссия, комментарии/замечания организаторов или техников в случае потери сигнала или настройки оборудования, реплики синхрониста-напарника, содержащие вербальные подсказки, разделение эмоций и др.);

в) визуально-вербальный (доклад в письменном виде или в презентационных материалах);

г) визуально-пространственный (графики, диаграммы, схемы и т. д.);

д) визуально-коммуникативный (зрительный зал, через окно или на экране монитора, видеосюжет – все, что иллюстрирует экстралингвистический контекст коммуникативной ситуации и поведение коммуникантов);

е) визуально-кинетический (мимика, жесты, эмоции, собственные жесты как внешние инструменты когнитивной системы и т. д.) [Чистова 2019: 216].

Современные технологии способствуют развитию и внедрению всё новых видов и подвидов устного перевода, отличающихся скоростью и количеством каналов восприятия информации. Сегодня помимо классического синхронного перевода в кабине востребованным удаленный синхронный перевод (онлайн конференц-перевод), осуществляемый через различные интернет-платформы, удаленный синхронный перевод без видеотрансляции, практи-

куется сольный синхронный перевод как очно, так и удаленно.

В случае синхронного перевода переводчик, выполняющий одновременно несколько лингвистических задач, использует каналы модальности для самообеспечения дополнительной информацией, когда через один канал восполняются неточности (или устраняется многозначность), поступающие через другой канал [Hidalgo-Barnes, Massaro 2007]. Более того, сигналы из разных каналов постоянно проверяются на полноту и специфику информации [Чистова 2022: 209]. Таким образом, постоянное поступление информации из разных источников сигналов способствуют усилению общего сигнала.

Невербальные знаки, репрезентирующие ЯЛ устного переводчика в момент осуществления профессиональной деятельности, отражают мотивы, установки, мировоззрение, фоновые знания, что способствует целостному анализу, а создание модели мультимодальной ЯЛ устного переводчика позволяет понять возможные причины и мотивы языкового поведения и психоэмоционального состояния переводчика, степень саморегуляции и самоорганизации переводчика ввиду значительной роли вербально-смысловых структур в организации сознательной деятельности человека [Лурье 2010: 111].

Основываясь на результатах лингвокогнитивного и оценочно-критического анализа, мы полагаем, что момент реализации мультимодальной ЯЛ УП наступает в момент, когда агент *извлекает смысл* из невербального поведения источника и вербального сообщения источника, основных социолингвистических особенностей реципиента (возраст/профессия/социальный статус/пол), т. е. из внутреннего и внешнего лексикона.

На этом основании мы предлагаем следующее строение модели мультимодальной ЯЛ УП (рис. 3):

Агент – устный переводчик, осуществляющий синхронный или последовательный перевод;

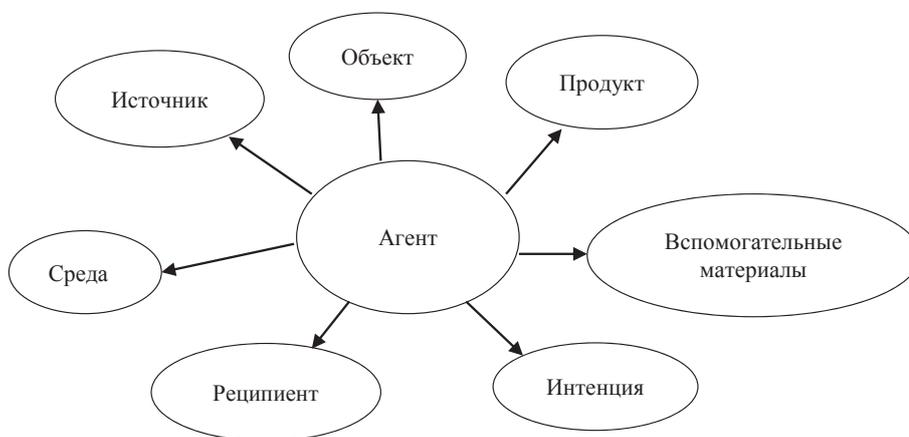

Рис. 3. Модель мультимодальной языковой личности устного переводчика

Объект – высказывание на ЯИ;

Продукт перевода – высказывание на ЯП;

Реципиент перевода – аудитория, на которую рассчитан перевод с ЯИ;

Источник – оратор, продуцирующий высказывание на языке оригинала.

В соответствии с данной моделью агент выполняет одномоментно ряд операций по получению, обработке, переводу и передаче (подаче) информации, получаемой по различным каналам:

I. Канал модальности: агент – источник – преимущественно невербальный (в случае офлайн перевода возможен смешанный вербально-невербальный вариант канала). Передача информации идёт преимущественно от источника к агенту, как к одному из реципиентов информации. Интерпретация невербального поведения оратора, позы, взгляда, одежды, особенно, если оратор является представителем иностранной культуры, может привести к сбоям в переводе или культурному барьеру, что может повлечь неудачу при переводе в целом.

II. Канал модальности: агент – объект – невербальный канал. Перцепция информации происходит внутри агента непосредственно в момент восприятия объекта.

III. Канал модальности: агент – продукт – смешанный вербально-невербальный канал. Подача перевода происходит одновременно вербально и невербально.

IV. Канал модальности: агент – вспомогательные материалы – невербальный канал. Обмен и фиксация информации в дополнительных источниках может включать невербальные знаковые компоненты (запись элементов на ЯИ и/или ЯП, уточнение значений в глоссариях, онлайн-словарях, материалов оратора и т. д.).

V. Канал модальности: агент – интенция – невербальный канал. Предлагается учитывать персональную мотивацию, мировоззрение и опыт при восприятии, обработке и подаче перевода. Так, агент оценивает разнообразные виды поступающей в его сознание информации, свою интенцию (в т. ч. саморефлексию), определяющую мотивацию личности, основания для принятия переводческих и поведенческих решений, а также исходящий от агента продукт (воплощение в языке) перевода.

VI. Канал модальности: агент – реципиент – смешанный вербально-невербальный канал. В ситуации синхронного перевода (очного) информация передается по каналу переводчик – аудитория, где синхронист, с одной стороны, осознанно и неосознанно проявляет вербальные, соматические и вегетативные реакции, которые дополняют общий смысл высказывания. Очевидно, что в значительной степени толкование двусмысленных выражений, игры слов, социально закреплённых значений, личной оценки

переводчиком смысла высказывания может передаваться вербально и невербально. С другой стороны, синхронисту важно верифицировать «обратную связь» от аудитории, т.е. успех передачи смысла и точности коммуникативного намерения, воздействия на аудиторию, а также «успешное семантическое предвосхищение в продолжающемся дискурсе, без которого синхронным переводчикам сложно работать, сохраняя высокий уровень качества перевода» [Чистова 2022: 218–219].

VII. Канал модальности: агент – среда перевода – невербальный канал. Получение информации от среды перевода и её корректная интерпретация не ограничивается толкованием и пониманием языка тела конкретного оратора, но также других компонентов невербальной коммуникации, относящихся к ситуации перевода: площадка мероприятия, дистанция между коммуникантами, дополнительная видео- и аудио-информация в момент перевода, различные типы телесных знаков коммуникантов (например, рукопожатия, объятия, прикосновения), одежда коммуникантов, вещи и предметы, несущие определённую информацию о культуре участников ситуации перевода.

Интересной представляется мысль Л.А. Манерко, что разнообразные виды поступающей языковой и неязыковой информации, будучи неоднородными по самой своей природе и семиотике, формируют определённый континуум [Манерко 2021: 18], который можно определить, как мультимодальный континуум.

В ситуации синхронного перевода мы можем говорить о том, что агент получает сигналы от:

1) источника высказывания: восприятие и оценка самого оратора аудиально и визуально (включая невербальную коммуникацию источника);

2) от реципиента перевода: визуальную и аудиальную реакцию реципиента на сообщение источника и на продукт перевода;

3) от непосредственно объекта перевода (форма и смысл высказывания), выраженного различными способами: вербально и невербально;

4) от самого агента как такового: прагматический уровень самого синхронного переводчика, определяющей мотивацию, интенцию и выбор переводческого решения, невербального поведения и т.д.;

5) от продукта собственного перевода агентом: контроль подачи перевода с точки зрения смысла и формы.

6) от среды перевода: экстралингвистический контекст места проведения перевода влияет на степень социального взаимодействия, регламент, установку при переводе.

7) от вспомогательных материалов: пользование персональными заметками синхрониста непосредственно в момент устного перевода, заметками на-

парника-синхрониста, личным настольным глоссарием и т. д.

Подробное описание функциональной мультимодальности ЯЛ УП является важным этапом изучения невербальной коммуникации устных переводчиков, столь необходимого для оценки психоэмоциональных процессов ЯЛ в коммуникативной ситуации перевода, особенностей понимания экстралингвистической информации, саморефлексии УП (контроля собственного невербального поведения) и корректной дешифровке культурно обусловленного вербально-невербального поведения говорящих.

Опираясь на вышеуказанную модель мультимодальной ЯЛ, нам представляется необходимым обратиться к оппозиции вербального и невербального воплощения ЯЛ. Первый ракурс – вербальный – реализуется структурно в соответствии с трехуровневой моделью ЯЛ, разработанной Ю.Н. Карауловым [Караулов 2010]. Будучи вербальным, в нём структурно организованы уровни вербальной реализации, которые функционируют одновременно как сложная знаковая система, адаптированная под коммуникативно-когнитивные потребности человека [Шапошникова 2021].

Второй ракурс – невербальный – реализуется как язык в человеке, т.е. невербальная реализация зависит от физиологической и когнитивной основы и воплощаются в невербальных проявлениях. Единицы невербального уровня порождаются при взаимодействии смысловых и сигнальных систем носителя. Таким образом, сама концепция ЯЛ интегрирует вербальное и невербальное воплощение и определяется взаимным влиянием смыслопорождения на реализацию в вербальном и невербальном поле.

Таким образом, мультимодальной ЯЛ мы можем считать языковую личность, оперирующую различными каналами модальности для обмена информацией в профессиональном или социальном общении, относящейся к разным семиотическим системам, обслуживаемых при помощи естественных и дополнительных средств коммуникации. Мультимодальный образ ЯЛ УП, в свою очередь, отображает каналы модальности, транслирующие дополнительную информационную нагрузку ЯЛ УП в процессе перевода и выражаемую вербально и/или невербально. Составленная модель мультимодальной языковой личности устного переводчика отражает действие агента по оценке каждого канала поступления информации и взаимовлияния вербальных и невербальных знаков на восприятие информации из этих каналов (напарник-синхронист, аудитория в зале, модератор конференции, основной оратор, собеседник основного оратора, руководитель службы протокола и т.д.).

Выводы

Результаты исследования подтвердили достижение указанной цели.

Теоретическое обоснование проблемы изучения мультимодальности ЯЛ УП позволило разработать поэтапную методику проведения оценочно-критичного анализа вербального и невербального поведения устных переводчиков, осуществляющих синхронный и последовательный переводы.

Общая оценка вербального и невербального поведения имеет важное значение при определении точности структурного анализа языковой личности. Наше исследование показало, что невербальные формы коммуникации демонстрируют проявление прагматического уровня (уверенность/желание/симпатию/заинтересованность/разочарование и т. д.): успешные синхронные переводы соответствовали результатам анализа невербального поведения.

Исходя из анализа взаимовлияния вербального и невербального поведения устных переводчиков, момент возникновения мультимодальности ЯЛ УП наступает, когда агент извлекает смысл из невербального поведения и вербального сообщения источника, социолингвистических особенностей реципиента (возраст/пол/профессия/социальный статус/акцент/авторитетность), т.е. из внутреннего и внешнего лексикона.

На основании полученных результатов сформировано определение мультимодальной языковой личности как языковой личности, оперирующей каналами модальности, принадлежащих к разным семиотическим системам и обслуживаемым при помощи естественных и дополнительных средств коммуникации, для обмена информацией в профессиональном или социальном общении.

Воспринимая информацию по различным каналам (коммуникативным модальностям), сопоставляя новые знания с имеющимися знаниями, фреймами, сценариями, интенции самого переводчика с учётом прагматики ситуации, устный переводчик конструирует собственное процедурное знание, которое впоследствии трансформируется в переводческий опыт. Предложенная модель мультимодальной ЯЛ УП демонстрирует и позволяет анализировать поведенческие паттерны ЯЛ в случаях адекватного/неадекватного перевода, причины возникновения переводческих ошибок, психоэмоциональное состояние переводчика в ситуации перевода и его контроль.

Перспектива дальнейшего исследования нам представляется в расширении эмпирической базы исследования, подробном изучении подуровней мультимодальности, влиянии соматических и вегетативных реакций на репрезентацию языковой личности, проведении масштабных экспериментов с учетом сравнительно-сопоставительного анализа вербального выражения типизируемой языковой личности устного переводчика. Это даёт основания считать, что проблема мультимодальности требует продолжения всесто-

ронного изучения с позиций когнитивной лингвистики и невербальной семиотики.

Список литературы

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. Москва, 2010. 264 с.

Кони́на А.А., Черниговская Т.В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. №4 (38). С. 178–203.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. Москва, 2002. 592 с.

Кушнина Л.В., Криворучко А.И. Создание портрета переводчика в свете когнитивно-дискурсивного и персонологического подходов // Русский язык и культура в зеркале перевода: XIV Междунар. науч. конф. Суздаль; Москва, 2024. С. 404–411. URL: estis.msu.ru/pages/science/conf-materials/ (дата обращения: 08.05.2024).

Лурье С.В. Обобщённый культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13, № 2. С. 152–167.

Манерко Л.А. Общесемиотическое пространство современного академического дискурса и особенно мультимодальности // Наука без границ: Англическая в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 13–15 октября 2021 г. / отв. ред. Е.Е. Голубкова. Москва, 2021. С. 17–21.

Мичурин Д.Е. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2014. 162 с.

Сорокина Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1 (76). С. 168–170.

Уланова Е.Э. Компетенции устного переводчика // Филология и человек, 2021. № 1. С. 68–79.

Уланова Е.Э. Исследование невербальной коммуникации языковой личности синхронного переводчика // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 193–200.

Чернова Г.Р., Слотина Т. В. Психология общения: общеметодологические аспекты, коммуникативные компетентность, трудности общения, публичное выступление, практикум. Москва, Санкт-Петербург, 2012. 235 с.

Чистова Е.В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 337–342.

Чистова Е. В. Экокогнитивная модель профессиональной мультимодальной коммуникации (на при-

мере кейса синхронных переводчиков): дис. ... д-ра. филол. наук. Челябинск, 2022. 448 с.

Шапошникова И.В. Интегрирующая роль концепции языковой личности в построении теории языка // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 2. С. 279–301.

Davitti E. Dialogue Interpreting as Intercultural Mediation: Interpreters' Use of Upgrading Moves in Parent-Teacher Settings. *Interpreting*, 2013, 15 (2), pp. 168-199.

Hall J.A., Horgan T.G., Murphy N.A. Nonverbal Communication. *Annual Review of Psychology*, 2019, pp. 271-294.

Hidalgo-Barnes M., Massaro D.W. Read My Lips: An Animated Face Helps Musical Lyrics. *Psychomusicology*, 2007, vol. 19, no. 2, pp. 3-12.

Klemm M., Michel S. Medienkulturlinguistik. Plädoyer für eine holistische Analyse von (multimodaler) Medienkommunikation. *Korpus – Kommunikation – Kultur. Ansätze und Konzepte einer kulturwissenschaftlichen Linguistik*, hrsg. N. Benitt, C. Koch, K. Müller, L. Schüler, S. Saage. Trier, 2014, pp. 183-215.

Kress G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London, Routledge, 2010. 212 p.

Kress G. What Is Mode? *A Handbook of Multimodal Analysis*, ed. by C. Jewitt. London; N. Y., Routledge, 2009, pp. 54-67.

Pasquandrea S. Managing Multiple Actions through Multimodality: Doctors' Involvement in Interpreter-mediated Interactions. *Language in Society*, 2011, pp. 455-481.

Robinson J.D. Getting Down to Business: Talk, Gaze and Body Orientation during Openings of Doctor-patient Consultations. *Human Communication Research*, 1998, 25 (1), pp. 98-124.

Stivers T., Sidnell J. Introduction: Multimodal Interaction. *Semiotica*, 2005, 156 (1/4), pp. 1-20.

References

Karaulov Y.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality], 7th edit. Moscow, 2010, 264 p. (In Russ.)

Konina A.A., Chernigovskaya T.V. *Sinhronnyj perevod kak ekstremal'nyj vid kognitivnyh processov (obzor eksperimental'nyh issledovanij)* [Synchronous translation as an extreme type of cognitive processes (review of experimental studies)]. *Voprosy psycholingvistiky* [Psycholinguistics Studies], 2018, no. 4 (38), pp. 178-203. (In Russ.)

Kreidlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal semiotics: body language and natural language]. Moscow, 2002, 592 p. (In Russ.)

Kushnina L.V., Krivoruchko A.I. *Sozdanie portreta perevodchika v svete kognitivno-diskursivnogo i perso-nologicheskogo podhodov* [Creating a portrait of a translator in the light of cognitive-discursive and personological approaches]. *Russkij yazyk i kul'tura v zerkale*

perevoda: XIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya [Russian language and culture in the mirror of translation: XIV International scientific conference]. Suzdal, Moscow, 2024, pp. 404-411. (In Russ.) URL: esti.msu.ru/pages/science/conf-materials/ (access date: 08.05.2024).

Lurie S. V. *Obobshchyonnyj kul'turnyj scenarij i funkcionirovanie sociokul'turnyh sistem* [Generalized cultural scenario and functioning of sociocultural systems]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2010, vol. 13, no. 2, pp. 152-167. (In Russ.)

Manerko L. A. *Obshchesemioticheskoe prostranstvo sovremennogo akademicheskogo diskursa i osobennosti mul'timodal'nosti* [Common Semiotic Space of Modern Academic Discourse and Features of Multimodality]. *Nauka bez granic: Anglistika v XXI veke: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 13-15 oktyabrya 2021* [Science without Borders: Anglistics in the XXI century: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, October 13-15, 2021]. Editor-in-Chief E.E. Golubkova. Moscow, Moscow State Linguistic University Publ., 2021, pp. 17-21. (In Russ.)

Michurin D. E. *Precedentnyj polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshchestv (na materiale russkoyazychnyh imidzh-forumov): diss. kand. filol. nauk.* [Precedent polycoded text in verbal-imaginative communication of Internet communities (on the material of Russian-speaking image-forums): PhD thesis]. Tver, 2014, 162 p. (In Russ.)

Sorokina Y. V. *Ponyatie mul'timodal'nosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo lekcionnogo diskursa* [The concept of multimodality and issues of analyzing multimodal lecture discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Studies of theory and practice], 2017, no. 10-1 (76), pp. 168-170. (In Russ.)

Ulanova E. E. *Kompetencii ustnogo perevodchika* [Competencies of the interpreter]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2021, no. 1, pp. 68-79. (In Russ.)

Ulanova E.E. *Issledovanie neverbal'noj kommunikacii yazykovej lichnosti sinhronnogo perevodchika* [Research of non-verbal communication of the linguistic personality of the simultaneous interpreter]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 1, pp. 193-200. (In Russ.)

Chernova G.R., Slotina T.V. *Psihologiya obshcheniya: obshchemetodologicheskie aspekty, kommunikativnye kompetentnost', trudnosti obshcheniya, publichnoe vystuplenie, praktikum* [Psychology of communication: general methodological aspects, communicative competence, communication difficulties, public speaking, workshop]. Moscow, St. Petersburg, 2012. 235 p. (In Russ.)

Chistova E. V. *Mul'tikanalost' i mul'timodal'nost' vospriyatiya v kognitivnoj deyatel'nosti perevodchika-sinhronista* [Multicanality and multimodality of perception in the cognitive activity of the translator-synchronist]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. 2019, vol. 12, iss. 9, pp. 337-342. (In Russ.)

Chistova E. V. *Ekokognitivnaya model' professional'noj mul'timodal'noj kommunikacii (na primere kejsa sinhronnyh perevodchikov): dis. ... dok. filol. nauk.* [Eco-cognitive model of professional multimodal communication (on the example of the case of simultaneous interpreters): DSc thesis]. Chelyabinsk, 2022, 448 p. (In Russ.)

Shaposhnikova I. V. *Integriruyushchaya rol' koncepcii yazykovej lichnosti v postroenii teorii yazyka* [Integrating role of the concept of linguistic personality in the construction of language theory] *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of RUDN. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics], 2021, no. 2, pp. 279-301. (In Russ.)

Davitti E. *Dialogue Interpreting as Intercultural Mediation: Interpreters' Use of Upgrading Moves in Parent-Teacher Settings*. *Interpreting*, 2013, 15 (2), pp. 168-199.

Hall J.A., Horgan T.G., Murphy N.A. *Nonverbal Communication*. *Annual Review of Psychology*, 2019, pp. 271-294.

Hidalgo-Barnes M., Massaro D.W. *Read My Lips: An Animated Face Helps Musical Lyrics*. *Psychomusicology*, 2007, vol. 19, no. 2, pp. 3-12.

Klemm M., Michel S. *Medienkulturlinguistik. Plädoyer für eine holistische Analyse von (multimodaler) Medienkommunikation. Korpus – Kommunikation – Kultur. Ansätze und Konzepte einer kulturwissenschaftlichen Linguistik*, hrsg. N. Benitt, C. Koch, K. Müller, L. Schüler, S. Saage. Trier, 2014, pp. 183-215.

Kress G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London, Routledge, 2010. 212 p.

Kress G. *What Is Mode? A Handbook of Multimodal Analysis*, ed. by C. Jewitt. London; N. Y., Routledge, 2009, pp. 54-67.

Pasquandrea S. *Managing Multiple Actions through Multimodality: Doctors' Involvement in Interpreter-mediated Interactions*. *Language in Society*, 2011, pp. 455-481.

Robinson J.D. *Getting Down to Business: Talk, Gaze and Body Orientation during Openings of Doctor-patient Consultations*. *Human Communication Research*, 1998, 25 (1), pp. 98-124.

Stivers T., Sidnell J. *Introduction: Multimodal Interaction*. *Semiotica*, 2005, 156 (1/4), pp. 1-20.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 08.08.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 140–149. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 140–149. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 342

EDN PRYNPT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-140-149>

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЯТИЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ. ЧАСТЬ 2. КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРОЦЕДУРА

Груздев Денис Владиславович, следователь Следственного комитета Российской Федерации, auf.2012@mail.ru

Аннотация. Статья является продолжением исследования правовых основ принятия в Российскую Федерацию новых субъектов и посвящена раскрытию конституционной процедуры принятия. Особый акцент в работе сделан на формально-юридическом подходе к раскрытию предмета исследования. Обосновывается выделение шести стадий процедуры принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Проведен критический анализ предложений по изменению федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Ключевые слова: принятие в Российскую Федерацию, конституция, новые субъекты, закон.

Для цитирования: Груздев Д.В. Правовые основы принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Часть 2. Конституционная процедура // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 140–149. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-140-149>

Research Article

LEGAL BASIS FOR ADOPTION NEW SUBJECTS TO THE RUSSIAN FEDERATION. PART 2. CONSTITUTIONAL PROCEDURE

Denis V. Gruzdev, Investigator, Investigative Committee of the Russian Federation, auf.2012@mail.ru

Abstract. The article is a continuation of the study of the legal basis for the admission of new subjects of federation into Russia, and it is devoted to the disclosure of the constitutional procedure of admission. What sounds a special emphasis in the work is a formal-legal approach to the disclosure of the subject of the study. Allocation of six stages of the procedure of admission of new subjects of federation into Russia is justified. Critical analysis of proposals to change the federal constitutional law ‘On the procedure for admission to the Russian Federation and the formation of a new subject of the Russian Federation in its composition’ is critically analysed.

Keywords: admission to Russian Federation, constitution, new subjects of federation, law.

For citation: Gruzdev D.V. Legal basis for adoption new subjects to the Russian Federation. Part 2. Constitutional procedure. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 140–149 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-140-149>

Ранее мы попытались раскрыть конституционные условия принятия в Российскую Федерацию новых субъектов [Груздев: 282–289]. Здесь мы перейдем к вопросу характеристики конституционной процедуры принятия в Российскую Федерацию новых субъектов, которая предусмотрена действующим законодательством.

В вопросах, связанных с порядком принятия в Российскую Федерацию новых субъектов, учеными указывается на необходимость рассмотрения двух наборов последовательных решений.

Первый блок касается прекращения статуса самостоятельного государства или отделение части территории иностранного государства. Данный вопрос регулируется законодательством государства или его части, которое принимается в состав России, а также нормами международного права. При этом справедливо особо отмечается, что органы государственной власти Российской Федерации в рамках производства по принятию нового субъекта в состав России не должны давать оценку действий по прекращению статуса самостоятельного государства или отделение

части территории иностранного государства с точки зрения соблюдения законодательства иностранного государства [Шугрина: 17–18].

Второй блок непосредственно относится к самой процедуре принятия нового субъекта.

Анализ главы 2 Федерального конституционного закона от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»)¹ позволяет выделить несколько стадий в процедуре принятия в Российскую Федерацию нового субъекта. Принятие в Российскую Федерацию нового субъекта включает в себя внесение в Государственную Думу международного договора на ратификацию, проекта федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта, принятие данного федерального конституционного закона, а также внесение изменений в Конституцию Российской Федерации. Соответственно, стадиям процедуры принятия в Российскую Федерацию нового субъекта в значительной мере присущи признаки стадий законодательного процесса как главной составной часть и правотворческого процесса.

Как правило, в законодательном процессе выделяются четыре основных стадии: 1) внесение законопроекта (законодательная инициатива); 2) рассмотрение законопроекта в парламентских палатах и комитетах (комиссиях); 3) принятие и утверждение закона; 4) обнародование закона. В некоторых случаях последнюю стадию разделяют на две: подписание закона главой государства и опубликование закона [Радько: 370].

Д.А. Керимов считает, что правотворческий процесс состоит из следующих стадий: 1) инициатива по созданию правового акта; 2) создание проекта правового акта; 3) обсуждение проекта правового акта; 4) дополнение, изменение или уточнение проекта правового акта; 5) принятие правового акта; 6) издание правового акта [Керимов: 157–163].

Рассмотрение имеющихся точек зрения на структуру нормотворческого процесса позволил Т.Н. Москальковой и В.В. Черникову прийти к выводу о том, что различия в подходах в основном касаются степени детализации и конкретизации технологических фаз. При этом ими было отмечено, что не совсем правильно придавать самостоятельный характер процедурным и техническим моментам нормотворчества, и в тоже время недооценивать в процессе нормотворчества значения и места работы, связанной с проведением экспертизы проекта правового акта [Москалькова, Черников: 58].

Что же касается определения количества стадий в процедуре принятия в Российскую Федерацию нового субъекта, то в юридической литературе спектр

мнений по данному вопросу достаточно широк. Одни ученые выделяют пять стадий [Шугрина: 17–23], другие – одиннадцать стадий, называя их «специфическими» [Нагаева: 77–78]

С учетом сказанного, на наш взгляд, необходимо выделять шесть стадий. Данное количество оптимально группирует имеющие свои качественные особенности этапы (ступени) в имеющейся процедуре принятия в Российскую Федерацию нового субъекта.

Первая стадия – инициатива процедуры принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части.

Инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного (межгосударственного) договора о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, должно являться данное иностранное государство. При этом, как мы отмечали выше, Российская Федерация не может быть инициатором включения в состав Российской Федерации иностранного государства или его части в качестве субъектов.

Ряд ученых данную норму подвергают критике. Так, несмотря на то, что нейтралитет России при решении данных вопросов признается вполне обоснованным, отмечается, что на практике могут возникнуть ситуации, предполагающие более активную позицию государства. В частности, речь идет о территориях, которые в силу распада СССР оказались за пределами Российской Федерации. Обоснованно подвергается сомнению, что в подобном случае вряд ли последует инициатива соседнего государства по передаче соответствующей территории в состав России. Поэтому предлагается предоставить Российской Федерации инициативу в этом вопросе, а также допустить обращение России к соответствующему государству с предложением передать ей такую территорию или, по крайней мере, провести референдум населения территории по вопросу о возможности вхождения в состав Российской Федерации в качестве ее субъекта. Также подчеркивается, что могут иметь место ситуации, когда инициатива другого государства о передаче собственной территории не реальна, если иностранное государство находится во враждебных отношениях с территорией (государственным образованием), ранее включенной в состав этого государства административным путем [Авакьян: 23; Ромашов: 27].

Сходная мотивация была положена в основание проекта федерального конституционного закона № 462741-6 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”», кото-

рый был внесен в Государственную Думу ФС РФ 28 февраля 2014 года².

Авторы законопроекта в пояснительной записке отмечали, что предлагаемый законопроект соответствует Конституции Российской Федерации и общепризнанным принципам международного права, ибо содержит комплекс правовых мер, действующих на территории России, и в случае, если какие-либо регионы Украины самоопределятся по поводу своей государственной принадлежности. Было указано, что содержащееся в ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» положение об обязательности заключения международного договора с иностранным государством для принятия в состав России самоопределившихся регионов (части территории и населения иностранного государства) следует считать ограничительным, не обусловленным международным правом.

На основании это предлагалось допустить возможность быть инициаторами предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства в случае, предусмотренном пунктом 2.1. статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», органы государственной власти части иностранного государства. Соответственно, пункт 2.1. статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» должен был иметь следующую редакцию: «2.1. При невозможности заключения международного договора в связи с отсутствием в иностранном государстве эффективной суверенной государственной власти, обязанной защищать своих граждан, соблюдать их права и свободы, обеспечивающей фактическое постоянное и мирное осуществление государственных функций, принятие в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта части иностранного государства может осуществляться по результатам референдума, проведенного в соответствии с законодательством иностранного государства на территории данной части иностранного государства, если вопрос о ее присоединении к Российской Федерации получил одобрение, либо по обращению органов государственной власти данной части иностранного государства».

Первоначально было принято решение о включении данного проекта в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы в период весенней сессии 2014 года (март)³. Однако 20 марта 2014 года в связи с отзывом данного законопроекта депутатами Государственной Думы, которые его внесли, Совет Государственной Думы согласился с предложением Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству, и данный проект Федерального конституционного закона был снят с рассмотрения Государственной Думой⁴.

Рассматриваемые и на первый взгляд вполне логичные и аргументированные предложения наталкиваются, однако, на ряд достаточно серьезных возражений.

Прежде всего следует учитывать факт того, что одна лишь возможность принятия в Российскую Федерацию нового субъекта по инициативе России может (и будет) оцениваться недружественными государствами⁵ в качестве наличия в действующем законодательстве Российской Федерации возможности аннексии других государств. Напомним, что под аннексией понимается захват одним государством территории другого посредством угрозы силой или применения последней [Тихонравов: 97], «...присоединение территории другого государства (полная аннексия) или частей этой территории (частичная аннексия) к сфере господства аннексирующего государства против воли носителя территориального суверенитета» [Международное право: 267]. При этом аннексия исключает волю народа на самоопределение абсолютно и рассматривается только в качестве противоположности воли народа к самоопределению [Черниченко: 15; Шитьков: 26].

Тем более сам факт принятия в Российскую Федерацию нового субъекта по инициативе России, независимо от любых иных обстоятельств, будет давать дополнительную (и ненужную) возможность для соответствующих трактовок и спекуляций недружественными государствами. А используемая в процессе ведения «новых войн» враждебная риторика будет конфронтационной и противоположной национальным интересам Российской Федерации [Ершов, Груздев: 28–36; Груздев, Смирнов: 6–20, 46–60; Груздев, Груздева: 214–217].

Подобные аргументы также лежат в основе непринятия законодателем ряда предложений по изменению ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию». Так, рассматривая правовую основу присоединения к России новых субъектов федерации, в научной литературе было отмечено отсутствие в перечне национальных актов, нормы которые устанавливают требования и процедуру принятия в Российскую Федерацию, актов субъектов Российской Федерации. Эта позиция конституционного законодателя вызывала у ряда ученых вопросы, поскольку присоединение новых территорий, по их мнению, не может не затрагивать интересы субъектов РФ, особенно граничащих с новыми субъектами федерации [Савоськин, Галицков: 99].

Действующая конструкция принятия в Российскую Федерацию нового субъекта через механизм признания Российской Федерацией части территории иностранного государства в качестве суверенного и независимого государства соответствует нормам международного права. После этого, соответственно,

появляется возможность, когда инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта и заключении международного договора, предусмотренного пунктом 2 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», будет данное новое иностранное государство, признанное Российской Федерацией.

Первый раз в новейшей истории России в качестве суверенных и независимых государств были признаны части иностранного государства бывшего СССР в 2008 году, когда такая возможность была реализована в отношении Республики Абхазия и Республики Южная Осетия⁶.

Ряд ученых считает, что российское законодательство должно содержать требование об обязательности проведения референдума на территории государства или его части, которое претендует на вхождение в состав России. По их мнению, Россия вправе устанавливать условия, на которых она готова принимать в свой состав новые территории. И одним из таких условий как раз и может быть проведение референдума. Дополнительным аргументом в пользу проведения референдума при присоединении новых территорий к России является порядок объединения субъектов РФ, установленный ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», который предусматривает проведение региональных референдумов. Ставится вопрос о том, почему территориальные образования более низкого порядка предусматривают более сложный порядок изменения их границ, нежели территориальные образования более высокого порядка (Россия и присоединяемое государство или его часть) [Савоськин, Галицков: 99].

Ответ на поставленные вопросы, думается, лежит не в области легитимации, поскольку действительно, и с этим никто не спорит, проведение референдума является актом прямого выражения власти народа по наиболее значимым вопросам. Причиной отсутствия требования к проведению референдума является, на наш взгляд, сознательный уход Российской Федерации в лице органов государственной власти от необходимости квалификации (оценки) всех действий иностранных государств или их частей на предмет их соответствия действующему законодательству и международному праву. Также возникают достаточно сильные сомнения в отношении установления требований к обязательности референдума. Тем самым, фактически будут определяться общественные отношения, которые подлежат регулированию за пределами территории России.

Вторая стадия – рассмотрение инициативы и выработка решения по вопросу принятия в Российскую Федерацию нового субъекта.

На этой стадии Президент Российской Федерации в соответствии с пунктом 1 статьи 6 ФКЗ «О поряд-

ке принятия в Российскую Федерацию» после поступления предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного (межгосударственного) договора о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, уведомляет о нем Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и при необходимости проводит с ними соответствующие консультации. При этом рассмотрение данного предложения и принятие решений, касающихся заключения международного договора, должно осуществляться в соответствии с Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации»⁷.

Третья стадия – подписание международного договора.

В статье 2 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» определено, что международный договор Российской Федерации означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Соответственно системное толкование норм статей 7, 8 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» и пункта «в» статьи 2 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» позволяет сделать вывод о том, что в данном случае подписание международного договора означает стадию заключения договора, но не форму выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора. Следовательно, применительно процедуре принятия в Российскую Федерацию нового субъекта термины «ратификация», «утверждение», «принятие» и «присоединение» будут означать в этом случае форму выражения согласия Российской Федерации на обязательность для нее международного договора.

В соответствии с пунктом 1 статьи 7 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» международным договором, подписанным Российской Федерацией и иностранным государством, должны быть урегулированы следующие вопросы:

а) наименование и статус нового субъекта Российской Федерации;

б) порядок приобретения гражданства Российской Федерации гражданами иностранного государства и распространения на них в полном объеме правового статуса гражданина Российской Федерации;

в) правопреемство в отношении членства иностранного государства в международных организациях, его имущественных активов и пассивов;

г) действие законодательства Российской Федерации на территории нового субъекта Российской Федерации;

д) функционирование органов государственной власти и органов местного самоуправления иностранного государства на территории нового субъекта Российской Федерации.

Также международным договором может устанавливаться переходный период, в течение которого новый субъект должен быть интегрирован в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти Российской Федерации (пункт 2 статьи 7 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»).

По отдельным вопросам, связанным с принятием в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части, Российской Федерацией и данным иностранным государством могут быть подписаны специальные протоколы, подлежащие ратификации одновременно с ратификацией международного договора (пункт 3 статьи 7 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»).

Ряд и исследователей критикует установленную законодательством необходимость процедуры регулирования вопросов о вхождении иностранного государства в состав Российской Федерации международными договорами. Они полагают, что «войдя в состав Российской Федерации, иностранное государство перестает быть самостоятельным субъектом международного права, равно как и часть иностранного государства теряет над собой суверенитет иностранного государства, следовательно, в этом случае нельзя говорить об установлении каких-либо международных норм» [Шушканов: 59–60]. Следовательно, одна из сторон договора не только перестает быть субъектом международного права, но и не может быть одной из сторон международного договора [Котовой: 137]. Более того, утверждается, что «договоры прекращают свое действие сразу же после того, как ранее существовавшее иностранное государство становится участником РФ, приобретая статус ее отдельного субъекта» [Тюнина: 38].

В данном случае международный договор имеет все признаки юридического факта – правомерного юридического акта. Другой подход, когда до-

говор рассматривают в качестве правоотношения, как это делают вышеуказанные авторы, приводит к смешению основания возникновения правоотношений и правовых последствий, в том числе обязательств, которые собственно и возникают из данного юридического факта.

Четвертая стадия – проверка соответствия Конституции Российской Федерации международного договора.

В пункте 4 статьи 7 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» предусмотрен еще один этап данной стадии: после подписания международного договора Президент Российской Федерации должен обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке соответствия Конституции Российской Федерации не вступившего в силу международного договора.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» было подчеркнута обязательность конституционного контроля для случаев ратификации международных договоров при принятии в Российскую Федерацию и образованию в ее составе нового субъекта Российской Федерации. Формой обращения в Конституционный Суд Российской Федерации в этих случаях является запрос о проверке соответствия международного договора Конституции Российской Федерации. Тем самым данная специальная компетенция Конституционного Суда Российской Федерации была увязана с его полномочием по проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации. В тоже время, это не предопределяет полную процессуальную идентичность реализации указанных законоположений применительно к факультативному конституционному контролю (т.е. осуществляемому путем реализации права на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации управомоченных лиц) и конституционному контролю, являющемуся, как в данном случае, неотъемлемой частью юридического состава государственно-властного решения⁸.

И поскольку обращение Президента основано не на споре (глава государства не оспаривает договор, он сам его подписал и считает его конституционным), по делу нет второй (отвечающей) стороны. А раз нет спора как такового, то нет и необходимости в соблюдении некоторых стадий конституционного судебного процесса, в частности предварительного изучения обращения судьями и слушания по делу. Это еще раз подтверждает особый статус органа кон-

ституционной юстиции и огромную роль Конституционного Суда в развитии конституционного судебного процесса [Несмеянова: 143–144].

Пятая стадия – ратификация международного договора и принятие федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта.

Одновременно с международным договором в Государственную Думу должен быть внесен и проект федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта. Е.С. Шургина справедливо отмечает факт того, что объем совершаемых юридически значимых действий, а также процедуры ратификации международного договора и принятия закона о новом субъекте разные. В одном случае необходим федеральный закон, в другом – федеральный конституционный. Однако, поскольку в статье 8 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» говорится об обязательной одновременности этих действий, то поэтому, по словам ученого, «... возможно, корректнее было бы говорить о параллельном осуществлении двух самостоятельных стадий – стадии ратификации межгосударственного договора и стадии принятия федерального конституционного закона о принятии нового субъекта Российской Федерации» [Шургина: 20–21].

Пункт 3 статьи 8 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» определяет, что проект федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта должен содержать положения, определяющие наименование, статус и границы нового субъекта, а также заключительные и переходные положения, устанавливающие сроки, в течение которых новый субъект должен быть интегрирован в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти Российской Федерации. Кроме того, проект указанного закона может содержать и другие положения, вытекающие из международного договора и протоколов к нему.

Федеральный закон о ратификации международного договора принимается палатами Федерального Собрания Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьями 105, 106 и 107 Конституции Российской Федерации. Соответственно федеральный конституционный закон о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта принимается палатами Федерального Собрания Российской Федерации в порядке, предусмотренном статьей 108 Конституции Российской Федерации.

Шестая стадия – внесение изменений в Конституцию Российской Федерации.

В соответствии с частью 4 статьи 9 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» изме-

нения в часть 1 статьи 65 Конституции Российской Федерации, определяющую состав Российской Федерации, вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта и учитываются при переиздании текста Конституции Российской Федерации.

Характеризуя конституционную процедуру принятия в Российскую Федерацию нового субъекта, следует особо подчеркнуть, что действующее законодательство Российской Федерации не регламентирует сроки осуществления действий в рамках той или иной стадии. Поэтому продолжительность стадий, в зависимости от происходящих обстоятельств и событий, может быть неодинаковой. В одном случае они могут быть достаточно продолжительными, в другом случае та или иная стадия может занимать относительно короткий отрезок времени.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд следующих выводов.

1. Следует различать две самостоятельные процедуры: «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта» и «образование в составе Российской Федерации нового субъекта». В первом случае – это изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части. Во втором случае – это процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в соответствии ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» и не связанная с принятием в Российскую Федерацию иностранного государства или его части.

Данные процедуры не являются однопорядковыми категориями, не совпадают по условиям их осуществления, не являются идентичными по конституционно-правовому содержанию и по возможным конституционно-правовым последствиям. Поэтому принятие в Российскую Федерацию нового субъекта РФ не является формой образования в ее составе нового субъекта.

2. Пункт 3 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» определяет, что в случае принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства этому субъекту должен быть предоставлен статус республики, если международным (межгосударственным) договором не предусматривается предоставление новому субъекту статуса края или области. Если же в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта принимается часть иностранного государства, то этому субъекту предоставляется статус республики, края, области, автономной области или автономного округа в соответствии с международным (межгосударственным) договором (пункт 4 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию»).

Следует учитывать, что в обоих случаях статус нового субъекта Российской Федерации определяется международным договором. При этом, конечно, следует учитывать меньшую нормативную вариативность возможного статуса для принимаемого в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства, которое определило федеральное законодательство. Дело в том, что нормы пунктов 3 и 4 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» о статусе принимаемого в Российскую Федерацию иностранного государства или его части помимо собственно правового регулирования, основой которого является нормативность и общеобязательность, осуществляют правовое воздействие. И в этом смысле оно характеризует все формы влияния права на общество, в том числе функционирование права как воспитательный и идеологический фактор действительности. Поэтому указанные нормы, при заключении международного договора, утрачивают регулирующее значение в силу приоритета действия заключенного международного договора. Но правовое воздействие их остается, что подтверждает ведущаяся в научной литературе по данному вопросу дискуссия.

3. В порядке принятия в Российскую Федерацию новых субъектов необходимо рассматривать два юридических состава:

1) прекращение статуса самостоятельного государства или отделение части территории иностранного государства. Данный вопрос регулируется законодательством государства или его части, которое принимается в состав России, а также нормами международного права. В рамках процедуры принятия в состав России органы государственной власти Российской Федерации не должны давать оценку действий по прекращению статуса самостоятельного государства или отделение части территории иностранного государства с точки зрения соблюдения законодательства иностранного государства;

2) процедура принятия в состав Российской Федерации новых субъектов.

4. Анализ главы 2 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» позволяет выделить шесть стадий в процедуре принятия в Российскую Федерацию нового субъекта: 1) инициатива процедуры принятия в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части; 2) рассмотрение инициативы и выработка решения по вопросу принятия в Российскую Федерацию нового субъекта; 3) подписание международного договора; 4) проверка соответствия Конституции Российской Федерации международного договора; 5) ратификация международного договора и принятие федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию нового субъекта;

6) внесение изменений в Конституцию Российской Федерации.

5. Имеющиеся в научной юридической литературе и обоснованиях предложений о внесении изменений в ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию» в части предоставления России возможности инициации процесса принятия иностранного государства или его части и заключении международного договора о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта имеют серьезные ограничения и возражения.

Одна лишь возможность принятия в Российскую Федерацию нового субъекта по инициативе России может (и будет) оцениваться недружественными государствами в качестве наличия в действующем законодательстве Российской Федерации возможности аннексии других государств. Тем более сам факт принятия в Российскую Федерацию нового субъекта по инициативе России, независимо от любых иных обстоятельств, будет давать дополнительную (и ненужную) возможность для соответствующих трактовок и спекуляций недружественными государствами. А используемая в процессе ведения «новых войн» враждебная риторика будет конфронтационной и противоположной национальным интересам Российской Федерации.

Действующая конструкция через механизм признания Российской Федерацией части территории иностранного государства в качестве суверенного и независимого государства соответствует нормам международного права. После этого, соответственно, появляется возможность, когда инициатором предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта и заключении международного договора, предусмотренного пунктом 2 статьи 4 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию», будет данное новое иностранное государство, признанное Российской Федерацией.

6. В Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» необходимо внести следующие изменения и дополнения: установить максимальные сроки, в течении которых Президентом Российской Федерации должны быть направлены соответствующие уведомления о поступлении предложения о принятии в Российскую Федерацию в качестве нового субъекта иностранного государства или его части и заключении международного (межгосударственного) договора, а также сроки проведения соответствующих консультаций, которые при необходимости проводятся с палатами Федерального Собрания Российской Федерации и Правительством Российской Федерации.

Установление минимальных сроков нецелесообразно в связи с тем, что, как показал опыт 2014

и 2022 годов, в условиях наличия дестабилизирующих факторов, в том числе массовых беспорядков, проведения или угрозы проведения боевых действий, соответствующие решения необходимо принимать оперативно.

Примечания

¹ Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 N 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (1 ч.), ст. 4916.

² См.: Проект Федерального конституционного закона № 462741-6 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 11.03.2014 № 152 «О проекте Федерального конституционного закона № 462741-6 “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 20.03.2014 № 156 «О проекте Федерального конституционного закона № 462741-6 “О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ, 14.03.2022, № 11, ст. 1748.

⁶ Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1260 «О признании Республики Абхазия» // Российская газета, № 183, 29.08.2008; Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия» // Российская газета, № 183, 29.08.2008.

⁷ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О международных договорах Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 21.07.1995.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию

Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Российская газета, № 63, 20.03.2014.

Список литературы

Авакьян С.А. Изменение статуса субъекта Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Вестник Московского государственного университета. Серия «Право». 2003. № 2. С. 18–37.

Груздев Д.В. Правовые основы принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Часть 1. Конституционные условия // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 282–289.

Груздев В.В., Груздева М.Л. Молодежь как цель и средство новых войн // Проблемы и перспективы развития социально-экономических, правовых и политических аспектов современного общества: риски и стратегии: материалы II Международной научно-практической конференции, Донецк, 5 апреля 2023 года. Донецк: ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия», 2023. С. 214–217.

Груздев В. В., Смирнов В. А. Российская молодежь в условиях «новых войн» и социальных кризисов: монография. Москва: Проспект, 2024. 88 с.

Ершов В.Н., Груздев В.В. Доверие как ключевой объект управления при ведении когнитивных войн // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–36;

Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. Москва: Госюриздат, 1960. 223 с.

Котовой А.С. Проблемные аспекты принятия и образования новых субъектов в Российской Федерации // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых. Москва, 7–8 апреля 2023 года: в 3 т. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. Т. 1. С. 136–138.

Международное право / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. 961 с.

Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2013. 419 с.

Нагаева С.В. Федеральный конституционный закон о порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта // Российский юридический журнал. 2003. № 2(38). С. 76–83.

Несмеянова С.Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2015. № 3(102). С. 137–144.

Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. Москва: Проспект, 2010. 752 с.

Ромашов П.А. Порядок принятия в состав Российской Федерации нового субъекта РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 26–28.

Савоськин А.В., Галицков В.А. Размышления о конституционно-правовой процедуре принятия новых субъектов в состав Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215). С. 96–99.

Тихонравов Е.Ю. Незаконная аннексия территории государства как основание для прекращения его существования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 97–106.

Тюнина И.И. Правовое регулирование порядка принятия в Российскую Федерацию нового субъекта // Конституционализм и государственное управление. 2024. № 1(33). С. 37–40.

Черниченко С.В. Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал международного права. 1996. №4. С. 3–21.

Шитков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2016. 99 с.

Шугрина Е.С. Особенности производства по принятию нового субъекта Российской Федерации: опыт Крыма // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 11. С. 17–23.

Шушканов П.А. О некоторых проблемах принятия в состав Российской Федерации иностранного государства или его части // Право и политика. 2007. № 8. С. 57–60.

References

Avak'ian S.A. *Izmenenie statusa sub"ekta Rossiiskoi Federatsii: problemy i puti ikh resheniia* [Changing the Status of a Subject of the Russian Federation: Problems and Ways to Solve Them]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia "Pravo"* [Bulletin of Moscow State University. Series "Law"], 2003, 2, pp. 18–37. (In Russ.)

Gruzdev D.V. *Pravovye osnovy priniatiia v Rossiiskuiu Federatsiiu novykh sub"ektov. Chast' 1. Konstitutsionnye usloviia* [Legal basis for the admission of new subjects to the Russian Federation. Part 1. Constitutional conditions]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 282–289. (In Russ.)

Gruzdev V.V., Gruzdeva M.L. *Molodezh' kak tsel' i sredstvo novykh vojn* [Youth as a goal and means of new wars]. *Problemy i perspektivy razvitiia sotsial'no-ekonomicheskikh, pravovykh i politicheskikh aspektov sovremennogo obshchestva: riski i strategii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Donetsk, 5 apreliia 2023 goda* [Problems and prospects for the development of socio-economic, legal and political aspects of modern society: risks and strategies: ma-

terials of the II International scientific and practical conference, Donetsk, April 5, 2023]. Donetsk, GBOU VO «Donbasskaia iuridicheskaiia akademiia» Publ., 2023, pp. 214–217. (In Russ.)

Gruzdev V.V., Smirnov V.A. *Rossiiskaia molodezh' v usloviakh "novykh vojn" i sotsial'nykh krizisov: monografiia* [Russian youth in the context of "new wars" and social crises: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2024, 88 p. (In Russ.)

Ershov V.N., Gruzdev V.V. *Doverie kak kliuchevoi ob"ekt upravleniia pri vedenii kognitivnykh vojn* [Trust as a Key Object of Management in Conducting Cognitive Wars]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2023, vol. 29, no. 4, pp. 28–36. (In Russ.)

Kerimov D.A. *Svoboda, pravo i zakonnost' v sotsialisticheskoi obshchestve* [Freedom, Law and Legality in a Socialist Society]. Moscow, Gosizdat Publ., 1960, 223 p. (In Russ.)

Kotovoi A.S. *Problemye aspekty priniatiia i obrazovaniia novykh sub"ektov v Rossiiskoi Federatsii* [Problematic aspects of the adoption and formation of new subjects in the Russian Federation]. *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava: materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Moskva, 7–8 apreliia 2023 goda: v 3 t.* [Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the XXII International scientific and practical conference of young scientists. Moscow, April 7-8, 2023: in 3 vol.]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet imeni O.E. Kutafina (MGIU) Publ., 2023, vol. 1, pp. 136–138. (In Russ.)

Mezhdunarodnoe parvo [International Law]. Vol'fgang Graf Vittstum [& al.]; translation from German. Moscow; Berlin, Infotropik Media Publ., 2011, 961 p. (In Russ.)

Moskal'kova T.N., Chernikov V.V. *Normotvorchestvo: nauchno-prakticheskoe posobie* [Rulemaking: a scientific and practical guide]. Moscow, Prospekt Publ., 2013, 419 p. (In Russ.)

Nagaeva S.V. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon o poriadke priniatiia v Rossiiskuiu Federatsiiu i obrazovaniia v ee sostave novogo sub"ekta* [Federal Constitutional Law on the Procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within It]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Law Journal], 2003, no. 2(38), pp. 76–83. (In Russ.)

Nesmeianova S.E. *Mezhdunarodnye dogovory kak ob"ekt konstitutsionnogo sudebnogo kontroliia* [International Treaties as an Object of Constitutional Judicial Review]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Law Journal], 2015, no. 3(102), pp. 137–144. (In Russ.)

Rad'ko T.N. *Teoriia gosudarstva i prava: ucheb-nik* [Theory of State and Law: Textbook], 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2010, 752 p. (In Russ.)

Romashov P.A. *Poriadok priniatiia v sostav Rossiiskoi Federatsii novogo sub'ekta RF* [The procedure for admitting a new subject of the Russian Federation to the Russian Federation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2014, no. 2, pp. 26–28. (In Russ.)

Savos'kin A.V., Galitskov V.A. *Razmyshleniia o konstitutsionno-pravovoi protsedure priniatiia novykh sub'ektov v sostav Rossiiskoi Federatsii* [Reflections on the constitutional and legal procedure for admitting new subjects to the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2022, no. 11(215), pp. 96–99. (In Russ.)

Tikhonravov E.Iu. *Nezakonnaia anneksiia territorii gosudarstva kak osnovanie dlia prekrashcheniia ego sushchestvovaniia* [Illegal annexation of the territory of a state as a basis for terminating its existence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 32, pp. 97–106. (In Russ.)

Tiunina I.I. *Pravovoe regulirovanie poriadka priniatiia v Rossiiskuiu Federatsiiu novogo sub'ekta* [Legal regulation of the procedure for admitting a new subject to the Russian Federation]. *Konstitutsionalizm i gosudarstvovedenie* [Constitutionalism and state science], 2024, no. 1(33), pp. 37–40. (In Russ.)

Chernichenko S.V. *Printsip samoopredeleniia narodov (sovremennaia interpretatsiia)* [The principle of self-determination of peoples (modern interpretation)]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow journal of international law], 1996, no. 4, pp. 3–21. (In Russ.)

Shit'kov S.V. *Anneksiia. Popytka istoriko-pravovogo analiza* [Annexation. An attempt at historical and legal analysis]. Tambov, Izdatel'skii dom TGU imeni G.R. Derzhavina Publ., 2016, 99 p. (In Russ.)

Shugrina E.S. *Osobennosti proizvodstva po priniatiuu novogo sub'ekta Rossiiskoi Federatsii: opyt Kryma* [Features of the proceedings on the acceptance of a new subject of the Russian Federation: the experience of Crimea]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2017, no. 11, pp. 17–23. (In Russ.)

Shushkanov P.A. *O nekotorykh problemakh priniatiia v sostav Rossiiskoi Federatsii inostrannogo gosudarstva ili ego chasti* [On some problems of admission of a foreign state or part thereof to the Russian Federation]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 8, pp. 57–60. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 02.11.2024.

The article was submitted 30.09.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 02.11.2024.

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 342.7

EDN UTHAMK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-150-158>

КАТЕГОРИЯ «РАВЕНСТВО» В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; профессор кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Груздева Мария Львовна, доктор философских наук, доцент, профессор, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, Кострома, Россия, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы государственной молодежной политики России в условиях ведущихся «новых войн». Отмечая важность категории «равенство» в представлениях современной молодежи о должном и правильном, определяется корреляция данного понятия с принципами реализации государственной молодежной политики и ее целями. Рассмотрение эффективности молодежной политики предлагается проводить с учетом ее оценки применительно к категории «равенство» как принципу и цели молодежной политики. В связи с нестабильностью и уязвимостью фактической стороны равноправия обосновывается вывод о том, что анализ категории «равенство» необходимо вести также применительно к реальному поведению субъектов, в котором происходит претворение, воплощение правовых норм в жизнь – применительно к ключевым стадиям правового регулирования, к развертыванию правоотношения. Данный методологический подход позволит получить реальную картину правовой составляющей молодежной политики на стадии процесса ее реализации, а также в качестве результата действия комплекса мер ее осуществления.

Ключевые слова: молодежь, политика, конституция, равенство, правоотношение, равноправие, эффективность, правовое регулирование.

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2023-0003.

Для цитирования: Груздев В.В., Груздева М.Л. Категория «равенство» в оценке эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере молодежной политики // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 150–158. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-150-158>

Research Article

CATEGORY “EQUALITY” IN ASSESSMENT EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD YOUTH POLICY

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Donbass University of Justice, Donetsk, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Maria L. Gruzdeva, Doctor of Philosophic Sciences, Associate Professor, Military Academy of Radiation, Chemical and Biological Defence named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko, Kostroma, Russia, maria.gruz2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-3347>

Abstract. The article discusses issues of state youth policy in Russia in the context of ongoing “new wars”. Noting the importance of the category “equality” in the ideas of modern youth about what is proper and right, the correlation of this concept with the principles of implementation of state youth policy and its goals is determined. It is proposed to consider the effectiveness of youth policy taking into account its assessment in relation to the category of “equality” as the principle and goal of this policy. In connection with the instability and vulnerability of the actual side of equality, the conclusion is substantiated that the analysis of the category “equality” must also be carried out in relation to the real behavior of subjects in which the implementation and implementation of legal norms takes place – in relation to the key stages of legal regulation, to

the deployment legal relations. This methodological approach will allow obtaining a real picture of the legal component of youth policy at the stage of the process of its implementation, including the result of a set of measures for its implementation. Accordingly, verification of the actual performance of state youth policy measures according to the criterion of ensuring equality of opportunity can be carried out by receiving feedback – studying the attitude of young people to these mechanisms. With this approach, we will be faced with a fairly objective situation (as far as it can be in the context of the action of many social regulators), expressed not only in the possible (allowed) behaviour of a person belonging to the socio-demographic group of young people stipulated by the legal norm in satisfying their legitimate interests in development and self-realisation guaranteed by objective law, but also the direct realisation of rights in this area through their implementation. In turn, the analysis carried out at this level will allow assessing, firstly, the degree of equal access of youth, young families, youth public associations to appropriate measures of state support as the currently existing reality of the implementation of the principle of youth policy; secondly, the effectiveness of the implementation of youth policy in terms of ensuring equal conditions for the spiritual, cultural, intellectual, mental, professional, social and physical development and self-realisation of youth as one of the goals of youth policy and, to a certain extent, as a value of the legal form as a whole.

Keywords: youth, politics, constitution, equality, legal relationship, equality, efficiency, legal regulation

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2023-0003.

For citation: Gruzdev V.V., Gruzdeva M.L. Category “equality” in assessment effectiveness of legal regulation of public relations in the field youth policy. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 150–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-150-158>

Введение. В настоящее время Россия находится в состоянии так называемой «новой войны» – типа доминирующего конфликта XXI века, фронт которого располагается в нескольких измерениях. В зоне специальной военной операции проходит лишь часть противостояния – горячая фаза боевых действий. Это конфликт нового типа, в котором активными субъектами являются сети государственных и негосударственных участников, а основная масса насилия направлена против гражданского населения. Данное противостояние одновременно глобально и локально, в нем размыто различие между внутренним и внешним, оно отличается от классических межгосударственных и гражданских войн [Калдор 2016: 20–21].

В послании к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г., говоря про цели элит коллективного Запада, Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул, что «...они также не могут не отдавать себе отчёт в том, что победить Россию на поле боя невозможно, поэтому ведут против нас всё более агрессивные информационные атаки. Целью выбирают, прежде всего, конечно, молодых людей, молодые поколения...»¹.

Такой акцент не является случайным. Граждане, входящие в социально-демографическую группу молодежи, уже завтра будут определять все основные векторы развития государства и общества. Составляя почти 30 % населения нашей планеты, молодежь является носителем нравственного, интеллектуального и физического потенциала.

Сложнейшие проблемы формирования личности во все времена относились к числу приоритетов внутренней политики, которые государство не может игнорировать и которые с той или иной степенью успешности стремятся решать. Действенным ин-

струментом защиты прав и законных интересов молодежи, обеспечения необходимых условий для участия молодежи в различных сферах жизни общества, формирования системы нравственных и смысловых ориентиров и культуры семейных отношений призвана быть молодежная политика.

В пункте 2 статьи 4 федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»² закреплено, что одной из целей молодежной политики является *обеспечение равных условий* (выделано нами – В. Г., М. Г.) для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи. В том же нормативном правовом акте открытость и *равный доступ* (выделано нами. – В. Г., М. Г.) молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки определен в качестве принципа молодежной политики (пункт 4 статьи 5). Законодатель, таким образом, конституирует категорию «равенство» в качестве значимого элемента не только процесса, но и результата молодежной политики.

Осмысление сущности категории «равенство» применительно к реализации молодежной политики принципиально важно по причине того, что существует достаточно тесная связь между понятиями «равенство» и «справедливость». Ученые достаточно единодушны в том, что жизненные стратегии российской молодежи основываются, прежде всего, на доступе к институциональным ресурсам [Чупров, Зубок, Уильямс 2001: 103]. При этом равенство возможностей оценивается и воспринимается как принцип реализации жизненных стратегий и социальная справедливость [Некрасов 2017: 122–123].

В этом отношении показательны результаты онлайн-анкетирования и фокус-групповые интервью молодых людей, проводившиеся в 2021 году. Среди наиболее часто использовавшихся для определения справедливости категорий присутствуют сразу три равенства: просто «равенство» (без каких-либо пояснений/уточнений либо же когда из контекста ответа было понятно, что речь идет о равенстве в экономическом смысле), равенство возможностей и равенство перед законом (равноправие). Это, по мнению исследователей, во многом может являться своеобразными маркерами того, чего сегодня молодежи больше всего не хватает [Казаков 2022: 117–118].

В докладе о реализации молодежной политики в современных условиях 2022 года³ достаточно полно рассмотрены ценности, установки, планы и запросы молодежи, а также экосистема и меры по развитию молодежной политики. Но в то же время остается открытым вопрос о том, что современная российская молодежь считает правильным или неправильным, справедливым или несправедливым? По данному критерию молодые люди оценивают не только меры государственной поддержки своей социальной группы, но и всю молодежную политику Российской Федерации. Представления молодежи о должном и правильном, являясь основой норм морали, которые вместе с правом выполняют единую социальную функцию по регулированию общественных отношений, должны приниматься во внимание при разработке государством комплекса мер, направленных на создание условий для развития молодежи, в том числе соответствующих государственных программ.

Кроме того, обеспечение справедливых условий для развития и самореализации молодежи, а также равный доступ к соответствующим мерам государственной поддержки молодежи обуславливают не только легитимность государственной власти, но и высокий уровень эффективности реализуемых государством мер в данной сфере.

Методологический подход. В государственной молодежной политике важную роль играет ее правовая форма, поскольку она претворяется в жизнь посредством правовых актов и иных юридических средств. В этой связи представляется важным также акцентировать внимание на рассмотрении государственной молодежной политики Российской Федерации в качестве научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении целей [Малько 2012: 34].

Следуя логике законодателя, категорию «равенство» необходимо раскрыть применительно в цели молодежной политики России, того, что характери-

зуется в качестве должного, – ценностном правовом идеале, которого требуется достигнуть посредством целесообразной деятельности. Данный методологический подход одновременно позволит изучить «равенство» в качестве принципа реализации молодежной политики, установив фактическое положение дел по обеспечению равенства возможностей субъектов, относящихся к молодежи, тем самым определив контуры и пределы нормализации сущего.

Методологической порок рассмотрения частных вопросов без предварительного решения общих, а также закономерный результат такой ошибки – неминуемость встречи на дальнейших этапах исследования данных «общих вопросов» – предопределяют изучение равенства не только в нормах Основного закона, дающих высшие правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина, но и в правоотношениях, выступающих связующим звеном между нормами объективного права и фактическими отношениями. Это позволит выработать действенный механизм оценки реальной эффективности правового регулирования общественных отношений в сфере молодежной политики.

Равенство в Конституции Российской Федерации. В части 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации провозглашается, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Перечень признаков, по которым государство гарантирует равенство прав и свобод, носит открытый характер, на что указывает фраза «...а также других обстоятельств». Это означает, что в случае наличия свойств (систем свойств) человека или иных признаков, по которым тот или иной человек будет отличаться от других людей, государство гарантирует равенство прав и свобод таких субъектов. При этом основным становится вопрос определения допустимых и возможных средств и механизмов обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина для уравнивания неодинаковых возможностей, которые производны от разного фактического положения людей.

Можно выделить несколько подходов к интерпретации конституционного принципа равенства.

Б.С. Эбзеев считает, что принцип правового равенства имеет широкое значение, выраженное в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ: «Все равны перед законом и судом». Обосновывается это тем, что, поскольку одной из основ сформированной государственности является конституированное в Основном законе социальное неравенство, речь идет о равенстве правовых воз-

возможностей различных по своему социальному статусу и имущественному положению, способностям и ожиданиям людей и равенстве в законопослушании. И это не является фактическим равенством. Следовательно, равенство перед законом и судом, утверждая равное политическое и социальное значение людей, не означает экономического равенства и не упраздняет социального неравенства, как не упраздняет его и социальное государство» [Эбзеев 2019: 315–317; Эбзеев 2007: 232–235]. Ученый не соглашается с интерпретацией данного конституционного принципа в качестве формального равенства как равенства социально-экономического, поскольку это не соответствует конституционной модели свободы и прав личности и может породить неадекватную правоприменительную практику [Эбзеев 2014: 269]. В данной интерпретации конституционного принципа равенства принципиально важным здесь представляется указание автора на равенство правовых возможностей.

Некоторые ученые указывают, что конституционное равенство повсеместно не исчерпывается формально-юридическими параметрами и с необходимостью учитывает также фактическое положение дел. При несовпадении смыслов конституционного и формального (юридического) равенства приоритет остается за первым. Отмечается, что номинальные принципы справедливости, равенства, добросовестности и разумности, существуя одновременно в различных контекстах и дискурсах, нуждаются поэтому в конституционной интерпретации и предполагают ее применительно к конкретным обстоятельствам правоупотребления [Крусс 2007: 443, 444, 446; 10].

Другие полагают, что в качестве основополагающей выступает юридическая идея всеобщей формальной одинаковости, которая является только ядром правового равенства. И если бы система юридических норм была единой, недифференцированной и одинаково обязательной для каждого субъекта, то равная правовая мера превратилась бы в уравниловку. Поэтому имеются отдельные категории граждан, физиологические, возрастные и другие особенности которых порождают неравенство фактических возможностей людей в общественных отношениях. Социальная справедливость в подобных случаях восстанавливается путем принятия специальных юридических норм, вводящих для отдельных категорий лиц специальные нормы, направленные на учет их фактического состояния, государственную поддержку и т. д. Такое выравнивание, имеющее целью установить реальное равенство правовых возможностей, соответствует принципу социальной справедливости. Но для того, чтобы правовая мера выражала реальное равенство правовых возможностей, обеспечивающие ее юридические нормы должны дифференцироваться обоснованно [Проблемы... 2016].

В последнем подходе остается неясным вопрос о том, что авторы понимают под «реальным равенством правовых возможностей». Если это равенство субъективных прав, то этот вопрос достаточно определенно характеризует часть 2 статьи 19 Конституции РФ. Если же имеется в виду такой вид непосредственной реализации права, как использование правовых норм, выраженный в совершении фактических действий в мере, определенной субъективными правами, то в данном случае более точно говорить о реализации прав в конкретных актах поведения субъектов, то есть не о сфере возможного, а о сфере действительного.

Равенство и правоотношение. В этой связи поновому раскрываются парадоксальные, на первый взгляд, выводы Аристотеля о том, что «...справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также представляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных» [Аристотель 2003: 459]. В данном случае происходит своего рода «подтягивание» фактического положения субъектов до определенного уровня для того, чтобы возможность, заключенная в субъективных правах, могла из модели воплотиться в реальность и действительность фактического правомерного поведения. И такое выравнивание посредством использования специальных правовых средств находится в логическом ряду с конституционными гарантиями равенства прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что в данном случае следует вести речь о позитивном равенстве, то есть результате использования правовых средств, которые восполняют недостатки или особенности тех или иных свойств субъектов, оказывающих воздействие на динамику правоотношений, а также того, что составляет материальное содержание правоотношения – фактические положительные действия, которые управомоченное лицо может совершать.

Следующий за этим вывод о выделении понятия «негативное равенство» в качестве результата действия правовых средств обеспечения, которые сдерживают (ограничивают) действия субъектов, имеющих значительные социально-экономические ресурсы, представляется неочевидным и верен лишь отчасти – в качестве теоретической конструкции. Дело в том, что, с одной стороны, есть конституционный запрет любых форм ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (статья 19 Конституции РФ). С другой стороны, нет смысла ограничивать фактическое поведение субъекта по реализации своего субъективного права, у которого пределы и границы обозначены самим субъективным правом. Следует учитывать и правило части 3 статьи 17 Конституции

туции РФ относительно того, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В.Н. Кудрявцев справедливо указывает на нестабильность и уязвимость фактической стороны равноправия, предлагая для уяснения реального положения в данной сфере проводить анализ возникновения, реализации и прекращения правоотношений [Кудрявцев 2007: 43–46]. Если верно, что с проблемой перехода возможности в действительность при анализе правоотношений приходится сталкиваться дважды (в процессе анализа реализации нормы в правоотношении – когда эта общая абстрактная норма закона превращается в субъективные права и обязанности его участников, а также когда права и обязанности реализуются в конкретных актах поведения [Халфина 1974: 204–205]), то закономерен вывод о том, что анализ категории «равенство» необходимо проводить также применительно к реальному поведению субъектов, в котором происходит претворение, воплощение правовых норм в жизнь.

В юридической науке разделяется право в объективном и субъективном смыслах. В объективном смысле – это система правил поведения (норм), выраженная в законах и иных нормативных правовых актах. В субъективном значении – это возможность совершения определенных действий субъектами права, которая основана на законе.

Ранее один из авторов пришел к выводу, что общее понятие «субъект права» не может рассматриваться как состояние, предусматривающее совокупную а) возможность участия в различных правоотношениях и б) реальное в них участие. Поэтому необходимо более узкое понятие – участника правоотношения, которое предоставляет возможность охарактеризовать определенную сторону реального бытия субъекта права – его участие в конкретных общественных отношениях [Груздев 2008: 58]. Конструкция правоотношения является той узловой точкой, где юридическое и фактическое встречается, переводя возможность в действительность.

Равенство и эффективность правового регулирования. Наука устанавливает связь между правовым обеспечением и реальным управлением с одной стороны и фактическими результатами с другой. Необходимо выявлять и определять уровни реального воздействия права на управление, выделяя корреляции, которые способствуют эффективному «складу» права в обеспечении эффективности управления [Правовое 2022: 17].

В этом отношении важную роль имеет понятие эффективности действия правовых норм, которую большинство сторонников классического подхода к правопониманию определяют как соотношение между фактическим результатом их действия и теми

социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты [Никитинский 1971: 32; Эффективность 1980: 22; Еремина, Волкова, Путило: 39]. В такой трактовке, исходя из необходимости последующего определения степени достижения социального результата, выраженного в обеспечении равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи, следует оценивать цель государственной молодежной политики.

В литературе справедливо отмечают проблемы, связанные с рассмотрением эффективности правового регулирования в качестве его результативности. Так, например, указывается на присутствующую в любом результате правового регулирования двойственность и, соответственно, невозможность его оценки или позитивно, или негативно [Гишинский 2007: 33–34]. Признавая комплексность воздействия всех социальных факторов на результат, констатируется факт того, что под исключительным воздействием права формируется лишь небольшая часть поведенческих актов [Toorman, Jørgensen 2005: 524].

Также обосновываются альтернативные модели эффективности права. Одни ученые связывают «сущность» не с функцией права, а с самой формой общих и абстрактных правил поведения, способных усиливать и порождать предвидимость результатов социальных процессов, обеспечивая стабильность и нейтральность правовой формы, понимаемой как отсутствие дискриминации и избирательности. При этом уникальность правовой формы в целом также видят и в ее ориентации на обеспечение принципа равенства субъектов права [Эффективность 2010: 46, 55, 56]. Другие предлагают антропологические критерии эффективности, учитывающие восприятие регулирующего воздействия нормативных правовых актов в правосознании и в практике их реализации [Эффективность 2017: 88–89]. Как представляется, выход из сложившейся проблемы может быть в интеграции разных подходов.

Вместе с тем, исходя из необходимости определения степени достижения социального результата как цели государственной молодежной политики, которую законодатель раскрывает через обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи, следует оценивать эффективность молодежной политики в Российской Федерации. А вводя в оценку уровня эффективности критерий обеспечения принципа равенства субъектов молодежной политики, мы выстраиваем закономерную связь между, с одной стороны, ценностью стабильности и предсказуемости правового регулирования, с другой – ре-

зультативностью действия правовых норм, имеющих общий характер.

Поскольку правовое регулирование как институциональный и познавательный механизм установления нормативно-юридических правил поведения (деятели), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации является процессом длящимся, имеющим несколько этапов [Тихомиров 2010: 27], оценку правового равенства как принципа молодежной политики (который, напомним, молодежью оценивается и воспринимается как принцип реализации жизненных стратегий и социальную справедливость) необходимо провести применительно к ключевым стадиям правового регулирования. Если быть более точным – к возникновению и развертыванию правоотношения.

Так, например, Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета победителям Всероссийского конкурса молодежных проектов, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15.09.2020 № 1436⁴, устанавливают, что гранты предоставляются физическим лицам и образовательным организациям, отобранным по результатам проведения конкурса. При этом отбор победителей конкурса осуществляется на основании оценки проекта по критериям, в число которых входят: опыт и компетенции команды проекта (пп. в, пункт 14), собственный вклад и дополнительные ресурсы проекта (пп. д, пункт 14). Вполне очевидно, что возможности стать победителями в данном конкурсе и получить грант в форме субсидий будут не у всех молодых людей одинаковыми.

Фиксируя социально-демографическую группу лиц, относящуюся к молодежи, на которую распространяется действие юридических норм в данный момент времени, закрепляя условия, которым они должны соответствовать, определяя модели вариантов их поведения, а также запуская в действие специальные юридические средства обеспечения субъективных прав и обязанностей, правоотношение предстает в качественно иной связи, отличной от иных зависимостей, существующих в правовой системе. Оно выступает средством перевода («переключения») юридических норм в плоскость индивидуализированных связей, то есть в плоскость субъективных прав и обязанностей для данных субъектов [Алексеев 2008: 338].

Поскольку любое правоотношение имеет свое материальное содержание, которым выступает закрепляемое и регулируемое им реальное общественное отношение [Иоффе 1961: 217], для предметного анализа целесообразно отобразить несколько блоков общественных отношений, которые будут соответствовать основным направлениям молодежной политики, определенным в пункте 1 статьи 6 федерального за-

кона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». При учете реальных приоритетных ценностей современной российской молодежи [Ценностные 2017: 49]⁵, которые сами молодые люди считают для себя значимыми, основные направления молодежной политики Российской Федерации, которые необходимо оценить на предмет ее эффективности, предстают в следующем составе:

- поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов из числа молодых граждан, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи, формирование условий для занятий физической культурой, спортом, содействие здоровому образу жизни молодежи;
- предоставление социальных услуг молодежи;
- содействие решению жилищных проблем молодежи, молодых семей;
- поддержка молодых семей;
- содействие образованию молодежи, научной, научно-технической деятельности молодежи;
- выявление, сопровождение и поддержка молодежи, проявившей одаренность;
- обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи, содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством студенческих отрядов, профессиональному развитию молодых специалистов;
- поддержка и содействие предпринимательской деятельности молодежи⁶.

Соответственно, и верификацию реальной работоспособности мер государственной молодежной политики по критерию обеспечения равенства возможностей можно будет провести посредством получения обратной связи – изучения отношения молодежи к данным механизмам на всех стадиях их реализации. При этом оценка обеспечения равных условий для развития и самореализации молодежи, которая обозначена законодателем в качестве цели молодежной политики, будет максимально объективной.

Заключение. Один английский судья однажды остроумно заметил, что закон, как и отель «Риц», открыт одинаково для всех – и бедных, и богатых. Для исключения корреляции негативной стороны данного логически безупречного тезиса с практикой государственной молодежной политики, а также минимизации отрицательных социальных результатов и последствий требуется ответить на вопрос о том, какова роль правового регулирования в системе иных социальных регуляторов в сферах, в которых молодежь имеет объективный интерес. Но для этого необходимо произвести анализ правовой формы на уровне развертывания правоотношений от абстрактной нормы права до реального поведения.

При этом подходе перед нами предстанет достаточно объективная ситуация (насколько она может таковой быть в условиях действия множества социальных регуляторов), выраженная не только в предусмотренном юридической нормой возможном (дозволенном) поведении лица, относящегося к социально-демографической группе молодежи по удовлетворению своих законных интересов по развитию и самореализации, гарантируемых объективным правом, но и с фактическим преломлением правовой модели в непосредственную реализацию прав в этой сфере путем их осуществления.

В свою очередь, проведенный на данном уровне анализ позволяет оценить эффективность молодежной политики по значимым для молодежи критериям, поскольку будет определена:

– во-первых, степень равного доступа молодежи, молодых семей, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки в качестве имеющейся в настоящее время реальности осуществления принципа молодежной политики;

– во-вторых, уровень обеспечения равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодежи как цель молодежной политики Российской Федерации.

Примечания

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 21.02.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 27.02.2023).

² Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 11.01.2021.

³ См.: Доклад о реализации молодежной политики в современных условиях. Москва: Государственный Совет Российской Федерации, 2022.

⁴ Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета победителям Всероссийского конкурса молодежных проектов: постановление Правительства РФ от 15.09.2020 № 1436: (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 28.09.2020. № 39. Ст. 6033.

⁵ По мнению экспертов, наиболее приоритетными ценностями современной российской молодежи являются ценности материального достатка, карьеры, общения, самовыражения, индивидуализма.

⁶ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 11.01.2021. № 1.

Список литературы

Алексеев С.С. Общая теория права: учебник, 2-е изд. Москва: Проспект, 2008. 565 с.

Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983. 830 с.

Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Ассоц. «Юридический центр». 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2007. 525 с.

Груздев В.В. Спорные вопросы соотношения правоспособности и субъективного права // Государство и право. 2008. № 1. С. 52–59.

Еремина О.Ю., Волкова Н.С., Путило Н.В. Эффективность государственного управления в социальной сфере: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. О.Ю. Еремина. Москва: Проспект, 2022. 120 с.

Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.

Казаков А.А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120.

Калдор М. Новые и старые войны: организационное насилие в глобальную эпоху. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2016. 416 с.

Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 303 с.

Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. Москва: Норма, 2007. 752 с.

Кудрявцев В.Н. Равноправие и равенство. Москва: Наука, 2007. 181 с.

Малько А.В. Теория правовой политики. Москва: Юрлитинформ, 2012. 328 с.

Молодёжь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс; Рос. акад. наук. Ин-т соц.-полит. исслед., М-во образования РФ. Департамент по молодёж. политике. Москва: Наука, 2001. 229 с.

Некрасов Е.Е. Стратегии равенства возможностей как способ самоорганизации молодежи // Гуманитарий юга России. 2017. № 4. С. 116–125.

Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права / Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. Москва: Юрид. лит., 1971. 247 с.

Правовое управление в кризисных ситуациях: монография / С.Б. Бальхаева, Х.И. Гаджиев, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва: Проспект, 2022. 280 с.

Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / Андреев В.К. и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак-т. Москва: Юстицинформ, 2016. 339 с.

Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российское правотворческое о-во. Москва: Формула права, 2010. 398 с.

Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. Москва: Юридическая литература, 1974. 352 с.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / О.Л. Бегичева, С.А. Гришаева, М.Б. Поляков и др.; Мин-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления». Москва: Гос. ун-т управления, 2017. 131 с.

Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. Москва: Проспект, 2019. 768 с.

Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. Москва: Норма, 2007. 384 с.

Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. 336 с.

Эффективность законодательства в экономической сфере: науч.-практ. исследование / В.М. Баранов и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров; Гос. ун-т Высш. шк. экономики, Ин-т правовых исслед. Москва: Волтерс Клувер: Юридическая фирма «Контракт», 2010. 370 с.

Эффективность правового регулирования: монография / Антонов М.В. и др.; под общ. ред. А.В. Полякова и др. Москва: Проспект, 2017. 239 с.

Эффективность правовых норм / Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Москва: Юрид. лит., 1980. 280 с.

Torpman J., Jørgensen F. Legal Effectiveness. Theoretical Developments Concerning Legal Transplants. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, vol. 91, 2005, pp. 515-534.

References

Alekseev S.S. *Obshchaia teoriia prava: uchebnik* [General theory of law: textbook], 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008, 565 p. (In Russ.)

Aristotel'. *Politika* [Politics]. *Sochineniya* [Works], in 4 vols., vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983, 830 p. (In Russ.)

Chuprov V.I., Zubok Iu.A., Uil'iams K. *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth in a risk society]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 229 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik* [Constitutional Law of Russia: textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 68 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaia otvetstvennost' i konstitutsionnye obiazannosti* [Individual and State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties]. Moscow, Norma Publ., 2007, 384 p. (In Russ.)

Ebzeev B.S. *Konstitutsiia, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniia* [Constitution, Power and Freedom in Russia: Experience of Synthetic Research]. Moscow, Prospekt Publ., 2014, 336 p. (In Russ.)

Effektivnost' zakonodatel'stva v ekonomicheskoi sfere: nauchno-prakticheskoe issledovanie [The effectiveness of legislation in the economic sphere: scientific and practical research]. Moscow, Volters Kluver: Iuridicheskaiia firma "Kontrakt" Publ., 2010, 370 p. (In Russ.)

Effektivnost' pravovogo regulirovaniia: monografiia [The effectiveness of legal regulation: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 239 p. (In Russ.)

Effektivnost' pravovykh norm [The effectiveness of legal norms]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1980, 280 p. (In Russ.)

Eremina O.Iu., Volkova N.S., Putilo N.V. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniia v sotsial'noi sfere: genesis pravovogo regulirovaniia: nauchno-prakticheskoe posobie* [Efficiency of public administration in the social sphere: genesis of legal regulation: scientific and practical manual]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 120 p. (In Russ.)

Gilinskii Ia.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"], 2nd ed. St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House, Legal Center Press Publ., 2007, 525 p. (In Russ.)

Gruzdev V.V. *Spornye voprosy sootnosheniia pravovosposobnosti i sub"ektivnogo prava* [Controversial issues of the relationship between legal capacity and subjective right]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2008, no. 1, pp. 52-59. (In Russ.)

Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Questions of the Theory of Law]. Moscow, Gosizdat Publ., 1961, 381 p. (In Russ.)

Kazakov A.A. *Tsennost' spravedlivosti v predstavleniakh sovremennoi molodezhi* [The Value of Justice in the Views of Modern Youth]. *Izvestiia Saratovskogo un-ta. Novaia ser. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Ser.: Sociology. Political Science], 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 114-120. (In Russ.)

Kaldor M. *Novye i starye voiny: organizatsionnoe nasilie v global'noi epokhu* [New and Old Wars: Organizational Violence in the Global Age]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2016, 416 p. (In Russ.)

Khalfina R.O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General doctrine of legal relations]. Moscow, Iuridicheskaiia literature Publ., 1974, 352 p. (In Russ.)

Kruss V.I. *Konstitutsionalizatsiia fiskal'no-ekonomicheskikh obiazannostei v Rossiiskoi Federatsii: monografiia* [Constitutionalization of Fiscal and Economic Responsibilities in the Russian Federation: monograph]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2017, 303 p. (In Russ.)

Kruss V.I. *Teoriia konstitutsionnogo pravopol'zovaniia* [Constitutionalization of Fiscal and Economic Responsibilities in the Russian Federation: monograph]. Moscow, Norma Publ., 2007, 752 p. (In Russ.)

Kudriavtsev V.N. *Ravnopravie i ravenstvo* [Equality and equality]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 181 p. (In Russ.)

Mal'ko A.V. *Teoriia pravovoi politiki* [Theory of legal policy]. Moscow, Iurlitinform Publ., 2012, 328 p. (In Russ.)

Nekrasov E.E. *Strategii ravenstva vozmozhnostei kak sposob samoorganizatsii molodezhi* [Strategies for equal opportunities as a way of youth self-organization]. *Humanitarnii iuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 2017, no. 4, pp. 116-125. (In Russ.)

Nikitinskii V.I., *Effektivnost' norm trudovogo prava* [Effectiveness of labor law norms]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1971, 247 p. (In Russ.)

Pravovoe upravlenie v krizisnykh situatsiiakh: monografiia [Legal management in crisis situations: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 280 p. (In Russ.)

Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoi deiatel'nosti: monografiia [Problems of imple-

mentation of principles of law in business activities: monograph]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2016, 339 p. (In Russ.)

Tikhomirov Iu.A. *Pravovoe regulirovanie: teoriia i praktika* [Legal regulation: theory and practice]. Moscow, Formula prava Publ., 2010, 398 p. (In Russ.)

Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniia: monografiia [Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results: monograph]. Moscow, FGBOU VO "Gosudarstvennyi universitet upravleniia" Publ., 2017, 131 p. (In Russ.)

Torpman J., Jörgensen F. Legal Effectiveness. Theoretical Developments Concerning Legal Transplants. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, 2005, vol. 91, pp. 515-534. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 03.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Моисеева Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Шмелев Константин Викторович, кандидат юридических наук, доцент, Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Нижний Новгород, Россия, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7580-3023>

Аннотация. В статье рассматривается и обосновывается возможность включения в договор дарения условия о сохранении за дарителем права пользования жилым помещением, передаваемом в дар, так как данное условие не противоречит действующему законодательству, делается вывод о необходимости изменения действующего законодательства в части установления для данных правоотношений правового режима, сходного с использованием жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу (ст. 33 ЖК РФ). Авторами также проводится анализ судебной практики по спорам, связанным с отменой дарения, если обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, создает угрозу ее безвозвратной утраты. Спорными являются вопросы о неимущественной ценности и возможности безвозвратной утраты недвижимой вещи, а также возможности включения в договор дарения условий, предусматривающих порядок пользования подаренной вещью и оснований для расторжения договора дарения при их несоблюдении.

Ключевые слова: договор дарения, даритель, одаряемый, право пользования жилым помещением, отмена дарения, возврат дара, расторжение договора дарения.

Для цитирования: Моисеева О.В., Шмелев К.В. Договор дарения: проблемы правового регулирования, перспективы развития // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 159–163. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-159-163>

Research Article

DONATION AGREEMENT: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION, DEVELOPMENT PROSPECTS

Olga V. Moiseeva, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, the Volga branch of federal state budgetary educational institution of higher education “Russian State University of Justice”, Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1880-9408>

Konstantin V. Shmelev, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, the Volga branch of federal state budgetary educational institution of higher education “Russian State University of Justice”, Nizhny Novgorod, Russia, pfrap-kafedragpd@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7580-3023>

Abstract. The article examines and substantiates the possibility of including in a gift agreement a condition on the preservation of the donor’s right to use the residential premises transferred as a gift, since this condition does not contradict the current legislation, a conclusion is made about the need to change the current legislation, in terms of establishing for these legal relations a legal regime similar to the use of residential premises provided by a testamentary refusal (Article 33 of the Housing Code of the Russian Federation). The authors also analyse judicial practice in disputes related to the cancellation of a gift, if the donee’s handling of the donated thing, which is of great non-property value to the donor, creates a threat of its irretrievable loss. The controversial issues are the non-property value and the possibility of irretrievable loss of real estate, as well as the possibility of including in the gift agreement conditions stipulating the procedure for using the donated thing and the grounds for terminating the gift agreement in case of their non-compliance.

Keywords: gift agreement, donor, donee, right to use residential premises, cancellation of gift, return of gift, termination of gift agreement.

For citation: Moiseeva O.V., Shmelev K.V. Donation agreement: problems of legal regulation, development prospects. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 159–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-159-163>

Институт дарения, хотя мы и не всегда задумываемся об этом, сопровождает нас практически всю жизнь, является предметом изучения социологии, психологии, экономики, антропологии, истории, юриспруденции. Правоотношения, связанные с дарением, возникают и в спорах о разделе имущества супругов, взыскании неосновательного обогащения, пожертвование в настоящее время является распространенным способом заглаживания вреда, причиненного преступлением¹.

Являясь частью социального взаимодействия, подарок, целью которого должно быть укрепление отношений между дарителем и одаряемым, зачастую становится предметом спора, решение которого стороны пытаются найти в суде, и в первую очередь это относится к недвижимому имуществу. Все это требует изучения правовой природы, особенностей договора дарения и перспектив его дальнейшего развития.

Для того чтобы рассмотреть пути дальнейшего развития договора дарения, следует обратить внимание на дореволюционное законодательство, регулирующее данный институт, в связи с тем что правовое регулирование дарения, установленное Сводом законов Российской империи, предоставляло сторонам договора дарения возможность более широко определять его условия и исполнение. Так, том X Свода законов Российской Империи (ст. 967–986) устанавливал, что дарение между физическими лицами могло осуществляться на условиях о порядке пользования и управления имуществом, которые устанавливались дарителем, но не должны были противоречить закону. При неисполнении подобных условий дар возвращался дарителю, а принятый дар не возвращался дарителю, за исключением покушения одаряемого на жизнь дарителя, причинения ему побоев, угроз, обвинения в каком-либо преступлении или оказания ему явного непочтения², что позволяло дарителю требовать возвращения подаренного имущества. Однако имелись и споры относительно содержания категории «непочтение», предлагалось отменить данную формулировку [Любавский: 28–32].

Несмотря на то, что после 1917 г. был установлены существенные ограничения дарения³, его развитие продолжалось. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. определил предмет и форму договора (ст. 256, 257), а в настоящее время правовое регулирование договора дарения установлено главой 32 «Дарение» Гражданского кодекса РФ, которая более детально регламентирует правовую составляющую данной категории.

В настоящее время практика применения договора дарения демонстрирует наличие следующих дискуссионных моментов:

1. Может ли договор дарения предусматривать сохранение за дарителем права пользования жилым помещением, которое было передано в дар? Данные правоотношения надлежащим образом не урегулированы, нет единообразия судебной практики, единого подхода юридической доктрины к правовой природе данных правоотношений [Формакидов: 164–167], в связи с чем возникают следующие вопросы:

– является ли подобное условие встречным обязательством одаряемого или условием, при котором имущество передается в дар;

– право пользования жилым помещением сохраняется за дарителем, только пока имущество находится в собственности у одаряемого или и в дальнейшем, при последующих его отчуждениях по иным сделкам;

– вправе ли даритель, которому препятствуют в пользовании жилым помещением, требовать расторжения договора дарения или же он правомочен только на подачу негаторного иска;

– каким образом право пользования жилым помещением дарителя соотносится с ч. 4 ст. 31 ЖК РФ и содержанием права собственности.

Не отрицая возможность заключения договора дарения с условием о сохранении права пользования передаваемым жилым помещением за дарителем, следует отметить, что указанные вопросы требуют соответствующих изменений действующего законодательства.

Одаряемый, заключая договор дарения с подобным условием, соглашается на ограничение права собственности и, в соответствии с п. 2 ст. 209 ГК РФ, ст. 30 ЖК РФ, вправе по своему усмотрению совершать в отношении дара любые действия, в том числе заключать договоры найма, безвозмездного пользования. Договор дарения с условием о сохранении за дарителем права пользования жилым помещением может рассматриваться как смешанный (ст. 421 ГК РФ)⁵.

Переход права собственности на жилое помещение сохраняет у дарителя право пользования жилым помещением и соответствует цели согласования данного условия в договоре дарения [Суханов: 31–32]. Также следует отметить нормы ГК РФ (ст. 617, 675), обуславливающие сохранение прав арендатора, нанимателя при переходе права собственности на имущество. Однако вывод о том, что право пользования жилым помещением для дарителя носит бессрочный характер, который может быть сделан судом при рассмотрении конкретного спора⁴, кажется не вполне целесообразным и требует соответствующего указания в договоре дарения.

На сегодняшний день с точки зрения судебной практики включение в договор условия о сохранении права пользования жилым помещением за дарителем также является допустимым и не свидетельствует о встречном материальном предоставлении. Договор не становится возмездным от встречного предоставления права пользования жилым помещением, которое носит символический характер. Данное условие является элементом договора о безвозмездном пользовании имуществом (ст. 421 ГК РФ), не являясь при этом встречным предоставлением, и сохраняет свое действие на все возможные последующие сделки по этому жилому помещению, и поэтому для каждого последующего собственника условие о пожизненном проживании дарителя по первому договору является обязательным для исполнения⁵. Право дарителя на проживание в отчуждаемом по договору дарения жилом помещении может являться встречным предоставлением, если сама по себе передача жилого помещения в дар поставлена в зависимость от этого предоставления⁶. Даритель вправе требовать устранения препятствий в пользовании жилым помещением, в том числе и от одаряемого, а также использовать иные способы защиты⁹.

Право пользования дарителем жилым помещением дарителя может быть прекращено, только если он добровольно от него откажется и будет распространяться в том числе на детей дарителя, не достигших возраста 14 лет и проживающих вместе с дарителем, на основании ст. 65 Семейного кодекса РФ, ст. 20 ГК РФ, ст. 2 Закона РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»⁷ и п. 28 Постановления Правительства РФ от 17.07.1995 № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства...»⁸.

Авторы полагают, что при рассмотрении вопроса о сохранении за дарителем права пользования жилым помещением, передаваемым по договору дарения, возможно установление правового режима, сходного с пользованием жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу (ст. 33 ЖК РФ).

Так, в частности, дарителю жилого помещения может быть предоставлено право пользования этим жилым помещением наравне с одаряемым (новым собственником) на оговоренный сторонами срок. Даритель должен нести солидарную с одаряемым (новым собственником) ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования таким жилым помещением и иметь право для защиты своих законных интересов, имея возможность государственной регистрации права пользования жилым помещением, возникшего в результате заключения договора дарения.

Очевидно, что для установления данных правил недостаточно разъяснений со стороны Верховного суда Российской Федерации о применении по аналогии норм ст. 33 ЖК РФ. Необходимо внесение дополнений в текст Жилищного кодекса РФ об установлении подобной разновидности права пользования жилым помещением.

2. В соответствии с ч. 2 ст. 578 ГК РФ даритель вправе потребовать в судебном порядке отмены дарения, если обращение одаряемого с подаренной вещью, представляющей для дарителя большую неимущественную ценность, создает угрозу ее безвозвратной утраты. Разрешая подобные споры, суды, как правило, отказывают в удовлетворении требований об отмене дарения, расторжении договора, в связи с тем что дарителем не представлены доказательства того, что действия одаряемого могут привести к безвозвратной утрате имущества, что дар представляет большую неимущественную ценность. Даже в случаях, когда даритель обосновывал неимущественную ценность жилого дома как родового, судом не были приняты данные доводы как бесспорные доказательства обоснования его неимущественной ценности¹⁰. В отдельных случаях суд применяет расширительное толкование ч. 2 ст. 578 ГК РФ и указывает, что для отмены дарения по указанному основанию необходимо еще и доведение до одаряемого информации о наличии какой-либо неимущественной ценности (культурного наследия, памятника истории, семейной реликвии и т. д.) переданного в дар имущества, что обязывает одаряемого бережно относиться к дару и обеспечивать его сохранность¹¹. Также следует отметить существующее мнение о том, что само по себе ненадлежащее обращение с подаренным недвижимым имуществом, в чем бы оно ни заключалось, не может быть основанием для отмены или расторжения договора дарения, так как, например, жилой дом и земельный участок являются непотребляемыми недвижимыми вещами, а потому исключается их безвозвратная утрата¹². Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» указывает, в отношении какого имущества можно сделать вывод о том, что оно представляет собой неимущественную ценность – это единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.¹³

Учитывая изложенное, следует сделать вывод о том, что необходимы разъяснения ч. 2 ст. 578 ГК РФ в части ее применения к недвижимому имуществу; возможности включения в договор дарения условий о порядке пользования и управления имуществом, переданным в дар.

Рассматривая отношения между дарителем и одаряемым, вряд ли можно говорить, что они всегда сво-

дятся только к тому, чтобы оформить переход права собственности на имущество дарителя к одаряемому. Данный договор в большинстве случаев подразумевает и наличие особых отношений между его сторонами, желание дарителя передать имущество конкретному лицу, одарить его. Жилой дом, который был построен самим дарителем или его родителями, может иметь особую ценность для него, а на переданном в дар земельном участке может находиться сад, который был посажен дарителем и который ухаживал за ним на протяжении всей жизни. Тем не менее неимущественную ценность жилого дома необходимо доказать, а безвозвратная утрата самого земельного участка вряд ли возможна, что лишает дарителя возможности отменить дарение, но бесхозяйное, безответственное отношение одаряемого к переданному в дар имуществу является причиной для обращения дарителя в суд.

Свобода договора позволяет включать в договор дарения и условия, при которых даритель вправе требовать расторжения договора. Так, суд удовлетворил требования дарителя о расторжении договора дарения в связи с существенным нарушением одаряемым его условий. Стороны определили, что существенным нарушением одаряемым условий договора, которые влекут право дарителя в одностороннем порядке отказаться от договора дарения, будет являться, если:

- одаряемый не предоставляет дарителю возможность пожизненного проживания в квартире и/или пользования квартирой;
- одаряемый создаёт условия для исключения возможности дарителя пожизненного проживания в квартире и/или пользования квартирой;
- одаряемый создаёт затруднительные для дарителя условия проживания в квартире;
- одаряемый отчуждает квартиру любым способом третьему лицу;
- одаряемый передаёт квартиру в залог либо в аренду третьему лицу¹⁴.

Однако следует отметить, что свобода договора в данном случае ограничивает право собственности одаряемого, право пользования, владения и распоряжения подаренным имуществом, и на сегодняшний день разрешение вопроса о правах и обязанностях сторон договора дарения, использовании ими свободы договора при определении его условий зависит от того, насколько допустима с точки зрения закона подобная возможность ограничения права собственности одаряемого.

Также следует отметить, что 10 июня 2024 года в первом чтении принят законопроект № 498499-8 «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (в части нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества)»¹⁵, устанавливающий ве-

дение обязательного нотариального удостоверения договоров дарения недвижимого имущества, что будет способствовать большей информированности граждан о последствиях совершения договора дарения, возможности отмены дарения и в итоге – защите прав и законных интересов участников данных сделок.

Примечания

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 05.08.2024).

² Свод Законов Российской Империи. Т. 10 // Консультант Плюс: классика российского права. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения: 05.08.2024).

³ О дарениях: декрет ВЦИК от 20 мая 1917 // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya> (дата обращения: 05.08.2024).

⁴ Решение Яшалтинского районного суда Республики Калмыкия от 17 июля 2023 г. по делу № 2-103/2023 // Яшалтинский районный суд (Республика Калмыкия). URL: https://yashaltinsky-kalm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=57021098&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024).

⁵ Апелляционное определение Липецкого областного суда от 09.07.2012 по делу № 33-1459/2012 // Липецкий областной суд. URL: https://oblsud--lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1630376&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024).

⁶ Решение Абанского районного суда Красноярского края от 11 июля 2017 г. по делу № 2-276/2017 // Абанский районный суд (Красноярский край). URL: https://aban--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=56095413&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024).

⁷ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1: (ред. от 22 июня 2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.

⁸ Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистра-

ционного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 30. Ст. 2939.

⁹ Решение Озерского городского суда Московской области от 16 июня 2016 г. по делу № 2-1066/2016 // Озерский городской суд Московской области. URL: https://ozery--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=88670213&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024)

¹⁰ Решение Железнодорожного районного суда г. Ульяновска от 8 июля 2021 г. по делу № 2-1390/2021 // Железнодорожный районный суд г. Ульяновска. URL: https://zjeleznodorogniy--uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=90656037&_uid=63d10b8f-1dba-4606-9026-58639bfb91d0&_deloId=1540005&_caseType=&new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 05.08.2024).

¹¹ Решение Междуреченского районного суда Вологодской области от 9 октября 2020 г. по делу № 2-86/2020 // Междуреченский районный суд Вологодской области. URL: https://mezhdurechensky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=90732560&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024).

¹² Решение Енисейского районного суда Красноярского края от 27 декабря 2019 г. по делу № 2-1461/2019 // Енисейский районный суд Красноярского края. URL: https://eniseysk--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=169031978&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 05.08.2024).

¹³ О практике применения судами норм о компенсации морального вред: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «а» // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁴ Решение Мытищинского городского суда Московской области от 17 января 2019 г. по делу № 2-315/2019 // Мытищинский городской суд Московской области. URL: https://mitishy--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=728292247&case_uid=223f367f-2d2e-48b6-bf95-db9a53af63aa&delo_id=1540005&new=0 (дата обращения: 05.08.2024).

¹⁵ О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федера-

ции (в части нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества): законопроект № 498499-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/498499-8> (дата обращения: 05.08.2024).

Список литературы

Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник для студентов вузов / И.А. Зенин и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2008. 496 с.

Любавский А.Д. Обратное требование дарителем подаренного // Юридический вестник. 1871. Кн. 8. С. 28–32. Доступ из: ФГБУ «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина»: оф. сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/391871> (дата обращения: 05.08.2024).

Формакидов Д.А. Проблемы правовой квалификации договоров дарения жилого помещения с условием о сохранении права проживания за прежним собственником // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 164–167.

References

Formakidov D.A. *Problemy pravovoj kvalifikacii dogovorov darenija zhilogo pomeshcheniya s usloviem o sohranenii prava prozhivaniya za prezhnim sobstvennikom* [Problems of legal qualification of contracts of donation of residential premises with the condition of preserving the right of residence for the previous owner]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2016, no. 11, pp. 164-167. (In Russ.)

Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. 2: Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Isklyuchitel'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava [Civil Law: in 4 vols. Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Exclusive Rights. Personal Non-Property Rights], I.A. Zenin i dr.; ed. by E.A. Suhanov, 3e izd., pererab. i dop. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008, 496 p. (In Russ.)

Lyubavskij A.D. *Obratnoe trebovanie daritelem podarenogo* [Recourse by the donor of the gift]. *Yurid. vestn.* [Jurid. Vestn.], 1871, vol. 8, pp. 28-32. *Prezidentskaya biblioteka im. B.N. El'cina* [Presidential Library named after B.N. Yeltsin]. URL: <https://www.prlib.ru/item/391871> (access date:05.08.2024). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 03.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 342.951

EDN CDOPJN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-164-168>

ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Галицкая Наталья Владимировна, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, naykla@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса относимости сельскохозяйственных и иных организаций агропромышленного комплекса к объектам системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности. Цель статьи заключается в построении теоретической конструкции, обеспечивающей включение организаций в число объектов безопасности вообще и системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в частности, а также выработке предложений по совершенствованию документов стратегического планирования в данной области. Сформулирована идея о принадлежности организаций агропромышленного комплекса к подобъектам продовольственной безопасности в составе более общего объекта – социума. Обоснована целесообразность проведения коррекции стратегического планирования в области обеспечения продовольственной безопасности посредством специального уточнения в соответствующей доктрине перечня объектов безопасности, к которым должны быть отнесены личность, общество и государство. Предложено выделение в структуре общества в качестве подобъекта сельскохозяйственных и иных имеющих отношение к агропромышленному комплексу организаций, что будет способствовать акцентированному, в том числе административно-правовому, воздействию государства на повышение эффективности их функционирования.

Ключевые слова: организация, административно-правовое обеспечение, продовольственная безопасность, государственное управление, агропромышленный комплекс, национальная безопасность, стратегическое планирование

Для цитирования: Галицкая Н.В. Организации как объект системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 164–168. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-164-168>

Research Article

ORGANISATIONS AS AN OBJECT OF THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROVISION OF FOOD SECURITY

Natalia V. Galitskaya, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia, k_ap@ssla.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Abstract. The article is devoted to the study of topicality of agricultural and other organisations of the agro-industrial complex to the objects of the system of administrative and legal provision of food security. The purpose of the article is to build a theoretical structure that ensures the inclusion of organisations among security facilities in general and the system of administrative and legal provision of food security in particular, as well as to develop proposals for improving strategic planning documents in this area. The idea of belonging of organisations of the agro-industrial complex to subobjects of food security as part of a more general object – society is formulated. The expediency of correcting strategic planning in the field of food security is justified by means of a special clarification in the relevant doctrine of the list of security facilities to which the individual, society and the state should be attributed. It is proposed to identify agricultural and other organisations related to the agro-industrial complex in the structure of society in this doctrine as a sub-object, which will contribute to an accentuated, including administrative and legal, impact of the state on improving the efficiency of their functioning.

Keywords: organisation, administrative and legal support, food security, public administration, agro-industrial complex, national security, strategic planning.

For citation: Galitskaya N.V. Organisations as an object of the system of administrative and legal provision of food security. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 164–168 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-164-168>

Административно-правовое обеспечение продовольственной безопасности предполагает, прежде всего, организационно-управленческую деятельность органов исполнительной власти, направленную на решение задач обеспеченности населения качественными, безопасными и доступными продуктами питания в необходимом для полноценной жизнедеятельности человека объеме. Вместе с тем важная роль принадлежит организациям, осуществляющим производство и переработку сельскохозяйственной продукции, реализацию продовольственных товаров, и иным юридическим лицам, имеющим отношение к агропромышленному комплексу, которые являются объектами управления со стороны органов исполнительной власти. Хронология развития агропромышленного производства показывает рост удельного веса сельскохозяйственных организаций в общей его структуре по сравнению с иными производителями (крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, индивидуальными предпринимателями, гражданами – владельцами подсобных хозяйств). Так, в структуре производства продукции сельского хозяйства в 2022 г. они заняли 60,1 %, что превысило показатели 2015 г. более чем на 6 % [Сельское хозяйство: 21]. Поэтому важно определить место указанных организаций среди объектов системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности.

В первую очередь, интерес представляет содержательная характеристика объектов системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности. Данное понятие проистекает из общего термина – «объект безопасности», который употреблялся в утратившем силу Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»¹. В их числе законодатель называл личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность. В действующем законодательстве² отсутствует определение понятия безопасности (национальной безопасности), что в целом логично с учетом того, что ее содержательная характеристика на разных временных отрезках актуализируется на основе возникающих угроз и связанных с ними приоритетов ее обеспечения. В связи с этим важную роль играют документы стратегического планирования, определяющие как общее понятие национальной безопасности³, так и понятия отраслевых ее разновидностей, включая продовольственную безопасность⁴.

Отсутствием законодательного определения понятия безопасности определяется и неурегулированность ее объектов, что не исключает возможности

развития научных представлений о них и использования в юридической литературе соответствующего термина, тем более что действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации исходит из необходимости защиты потребностей личности, общества и государства в безопасности, которые, по сути, по-прежнему рассматриваются в качестве основных ее объектов. Последние в наиболее общем виде определяются как то, что подлежит защите от угроз национальной безопасности [Кардашова: 147]. Все они характеризуются наличием состояния органической взаимосвязи. Это означает, что подрыв безопасности одного из них неизбежно оказывает деструктивное влияние на безопасность остальных объектов. Поскольку личность не существует вне общества, угрожающие ее безопасности факторы отражаются и на безопасности социума.

Вместе с тем более размытым представляется формулирование объектов безопасности в определении понятия продовольственной безопасности, трактовка которой показывает, что это, прежде всего, состояние социально-экономического развития страны. Понимание безопасности не в виде состояния защищенности объектов, а в виде одной из желательных качественных характеристик жизнедеятельности страны в целом соответствует теоретическим конструкциям безопасности, выработанным в юридической науке и показывающим многоаспектность данного явления [Зеленков: 28].

Если исходить из официальной дефиниции продовольственной безопасности, очевидно наличие в ней двух объектов: государства (страны) в контексте его продовольственной независимости как качественно-состояния социально-экономического развития; граждан – в аспекте экономической и физической доступности для них соответствующих обязательным требованиям продуктов питания, необходимых для поддержания здоровья и ведения активного образа жизни. Социум в данном определении не представлен. Отсутствуют упоминания о нем и в трактовках иных терминов, образующих содержание продовольственной безопасности (п. 2 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации), что можно считать недостатком официальной линии государства по данному вопросу, поскольку на основе триады объектов безопасности (личность – общество – государство) должно строиться все стратегическое планирование в соответствующей области, отрасли или сфере государственного управления. Наличием общества в числе объектов безопасности определяется целенаправленность воздействия государства на формирование его защищенности от раз-

личного рода угроз, в том числе тех, которые актуальны для продовольственной сферы.

Понятие общества является сложным и не может сводиться к сумме индивидов. Оно представляет многоуровневое явление, включающее сферы жизнедеятельности; структурные элементы, объединяющие его в единое целое; социальное взаимодействие. Второй уровень интегрирует нормы и ценности, социальные институты, общности и группы, а также организации. Таким образом, в качестве одного из элементов социума выступают юридические лица, рассматриваемые социологической наукой как утилитарные организации, которые служат своего рода ячейками, на которых строятся экономический базис страны и иные сферы жизнедеятельности общества [Бердюгина: 194].

В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации мало упоминаний об организациях агропромышленного комплекса. Они преимущественно рассматриваются как средство, предназначенное для обеспечения населения продуктами питания, а не как самостоятельный объект продовольственной безопасности. О них говорится в контексте развития товаропроизводящей инфраструктуры, инструментами обеспечения которой являются механизмы государственной поддержки производителей сельскохозяйственной продукции и организаций, осуществляющих первичную или последующую ее переработку, расширения их доступа на рынки сбыта. Одновременно определяются перспективные направления сельскохозяйственной деятельности, имеющие отраслевую принадлежность и связанные с функционированием коммерческих организаций агропромышленного комплекса, а также научных организаций соответствующего профиля. К их числу отнесены селекция растений, племенное животноводство, рыбоводство (аквакультура), семеноводство, производство минеральных добавок, лекарственных средств для ветеринарного применения, кормовых добавок и кормов для животных.

Безусловно, предназначение продовольственной безопасности непосредственно связано с человеком и ориентировано на сбережение населения, недопущение снижения уровня его обеспечения продуктами питания и их качества, предупреждение наиболее негативного явления в данной сфере – голода. Поэтому граждане, их права и законные интересы в области питания являются естественным и первичным объектом продовольственной безопасности. Вместе с тем, как уже высказывалось ранее, объекты безопасности находятся в неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости. Сама по себе продовольственная безопасность гражданина не может быть достигнута без формирования различного рода организационных структур, являющихся компонентами соци-

ума, предназначение которых сводится к выработке научных основ сельскохозяйственной деятельности, подготовке кадров для агропромышленного комплекса, производству сельскохозяйственного оборудования, сырья и его переработке, выпуску продуктов питания, их транспортировке и реализации.

Несмотря на то, что деятельность входящих в их число коммерческих организаций связана, прежде всего, с получением прибыли, они выполняют важную социальную функцию – недопущение негативных явлений в продовольственной сфере посредством наполнения рынка продуктов питания качественной и безопасной продукцией в необходимом для населения объеме. Способствуют им в ее выполнении научные и образовательные организации соответствующего профиля. В связи с этим важным представляется рассматривать организации агропромышленного комплекса в качестве подбъекта продовольственной безопасности в составе более общего объекта – социума. Органы публичной власти должны предпринимать все необходимые меры для того, чтобы обеспечить надлежащее качественное состояние их функционирования, характеризующееся отсутствием угроз для осуществления различных видов деятельности в агропромышленном комплексе. На этом фоне удачной выглядит формулировка соответствующего объекта безопасности в ранее действовавшем законодательстве: «общество – его материальные и духовные ценности». Ресурсная база, средства производства, основные фонды, аккумулированные, прежде всего, в сельскохозяйственных организациях, производимая ими продукция как раз и являются теми материальными ценностями, которые показывают значение данных организаций как объекта, подлежащего защите от всевозможных угроз, могущих подорвать продовольственную безопасность.

Необходимо иметь в виду, что продовольственная безопасность является сферой установления и применения правовых норм различной отраслевой принадлежности – административно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и иных. В части административно-правового регулирования сформирована системная организация ее обеспечения, основанная на реализации многочисленных управленческих функций органов государственной исполнительной власти и иных субъектов публичного управления. Поскольку область обеспечения продовольственной безопасности подвергается разностороннему управленческому воздействию, о юридических лицах, в отношении которых реализуются властно-организационные полномочия указанных субъектов, следует вести речь не только как об объектах продовольственной безопасности, но и как об объектах государственного управления.

С точки зрения содержания административно-правового регулирования фактически эти объекты совпадают, равно как и субъекты административно-правового обеспечения продовольственной безопасности одновременно являются и субъектами государственного управления в данной сфере.

Объектам государственного управления уделяется значительное внимание в административно-правовой литературе [Россинский, Стариков: 33], поскольку они обладают приоритетом перед субъектами государственного управления. Если в качестве таких объектов рассматривать организации агропромышленного комплекса, то от них зависит воспроизводство материальных ресурсов в части продовольствия, средств его производства, переработки сырья, чем определяется уровень жизни граждан, а управленческая деятельность по отношению к этому процессу вторична. Это объясняется тем, что они способны к самоорганизации, а на их функционирование влияют, в первую очередь, общественно-экономические закономерности и условия, игнорирование которых субъектами государственного управления чревато снижением эффективности деятельности организаций [Атаманчук: 92].

Важной особенностью рассматриваемых объектов является способность эффективно функционировать в адекватных их социальной роли организационно-правовых формах. Выбор таких форм определяется теми возможностями, которые дает каждая из них для достижения целей, стоящих перед соответствующим коллективным образованием. В связи с этим агропромышленный комплекс характеризуется взаимодействием юридическими лицами различных вариантов организационно-правовых форм, к которым относятся хозяйственные общества и товарищества, партнерства, производственные кооперативы, унитарные предприятия. За пределами организационно-правовых форм адаптация к целям функционирования осуществляется также через установление численного состава организаций, которые могут получить статус малых предприятий, включая микропредприятия. Помимо этого используются и иные способы занятия аграрной деятельностью, подразумевающие ее приспособление под специфику функционирования юридических лиц. Так, несельскохозяйственными учреждениями и иными организациями создаются подсобные хозяйства.

Таким образом, можно констатировать, что организации занимают одно из ключевых мест (наряду с гражданами) в числе объектов системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации. Однако данная их характеристика не находит должного отражения в издаваемых государством актах. Учитывая, что обособленное законодательство о продовольственной без-

опасности в России отсутствует, на текущем этапе целесообразно проведение коррекции стратегического планирования в области обеспечения продовольственной безопасности посредством специального уточнения в соответствующей доктрине перечня объектов безопасности, к которым должны быть отнесены личность, общество и государство. Одновременно в структуре общества в качестве подобъекта должны быть обозначены сельскохозяйственные и иные имеющие отношение к агропромышленному комплексу организации, что будет способствовать акцентированному, в том числе административно-правовому воздействию государства на повышение эффективности их функционирования.

Примечания

¹ О безопасности: Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (утратил силу) // Российская газета. № 103. 06.05.1992.

² О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 2; 2023. № 29, ст. 5304.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

⁴ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020. № 20 // СЗ РФ. 2020. № 4, ст. 345.

Список литературы

Источники

Сельское хозяйство в России. 2023: статистический сборник. М.: Росстат, 2023. 103 с.

Исследования

Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: учебник. М.: Омега-Л, 2010. 525 с.

Бердюгина О.Г. Социология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 414 с.

Зеленков М.Ю. Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 295 с.

Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. 334 с.

Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник. М.: Норма, 2009. 926 с.

References

Atamanchuk G.V. *Teoriia gosudarstvennogo upravleniia: uchebnik* [Theory of public administration: textbook]. Moscow, Omega-L Publ., 2010, 525 p. (In Russ.)

Berdiugina O.G. *Sotsiologiya: uchebnik dlia vuzov* [Sociology: textbook for universities]. Moscow, Iurait Publ., 2024, 414 p. (In Russ.)

Zelenkov M.Iu. *Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti: uchebnik dlia studentov vuzov* [Fundamentals of the theory of national security: a textbook for university students]. Moscow, IuNITI-DANA Publ., 2015, 295 p. (In Russ.)

Kardashova I.B. *Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti: uchebnik dlia vuzov* [Fundamentals of the theory of national security: textbook for universities]. Moscow, Iurait Publ., 2024, 334 p. (In Russ.)

Rossinskii B.V., Starilov Iu.N. *Administrativnoe pravo: uchebnik* [Administrative Law: textbook]. Moscow, Norma Publ., 2009, 926 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ЧАСТНОПРАВОВОЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алиев Руслан Илхамович, Новосибирский государственный университет, прокуратура Новосибирской области, aliev.ruslan97@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6922-3681>

Аннотация. В статье исследовано понятие оборонно-промышленного комплекса с позиции теории инвестиционного права, действующего инвестиционного законодательства и специальных нормативных предписаний, касающихся указанной сферы. В доктрине отечественной юриспруденции имеются противопоставляемые друг другу точки зрения относительно определения оборонно-промышленного комплекса. Одни авторы сводят его исключительно к выполнению государственного оборонного заказа, что не является корректной формулировкой, так как государственный оборонный заказ является составной частью оборонно-промышленного комплекса. Другие исследователи, наоборот, трактуют оборонно-промышленный комплекс слишком широко, включая в него Минобороны России и его учреждения, войсковые части и т. д. Автор статьи приходит к выводу, что оборонно-промышленному комплексу свойственны специальные отличительные (квалифицирующие) признаки по отдельным аспектам его частноправового регулирования.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, организация, имущество, хозяйственная деятельность, реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, инвестиционная деятельность.

Для цитирования: Алиев Р.И. Частноправовой подход к определению оборонно-промышленного комплекса при осуществлении инвестиционной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 169–172. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-169-172>

Research Article

PRIVATE-LAW APPROACH TO THE DEFINITION OF THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX IN THE IMPLEMENTATION OF INVESTMENT ACTIVITY

Ruslan I. Aliev, Novosibirsk State University, Novosibirsk Region Prosecutor's Office, aliev.ruslan97@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6922-3681>

Abstract. Within the framework of the presented work, the concept of the military-industrial complex is studied from the perspective of the theory of investment law, current investment legislation and special regulatory requirements related to this area. In the doctrine of Russian jurisprudence, there are opposing points of view regarding the definition of the military-industrial complex. Some authors reduce it exclusively to the fulfillment of the state defence order, which is neither a correct formulation, since the state defence order is an integral part of the military-industrial complex, nor its entire component. Other researchers, on the contrary, interpret the military-industrial complex too broadly and include the Russian Ministry of Defence and its institutions, military units, etc. The article concludes that the military-industrial complex has special distinctive (qualifying) features in certain aspects of its private law regulation.

Keywords: military-industrial complex, organisation, property, economic activity, register of military-industrial complex organisations, investment activity.

For citation: Aliev R.I. Private-law approach to the definition of the military-industrial complex in the implementation of investment activity. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 169–172 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-169-172>

Оборонно-промышленный комплекс является многоотраслевой категорией, включающей в себя, в том числе, финансово-экономическую и научно-техническую составляющие; национальную экономику Российской Федерации как публично-правового образования; социум (аспекты занятости в производстве; наличие квалифицированного кадрового потенциала и т. д.); военная организация Российской Федерации; глобальная геополитическая ситуация.

Как верно отмечают некоторые исследователи, особое место оборонно-промышленного комплекса в экономике Российской Федерации обусловлено «необходимостью обеспечения защиты от посягательств иностранных государств, колоссальными размерами территории, ролью Российской Федерации на мировой политической арене (в глобальном аспекте как субъекта международных наднациональных правоотношений)» [Гункин: 94–102].

Переход советской экономики на рыночный путь развития, сопровождаемый приватизацией и созданием хозяйственных обществ как юридических лиц, которые признаются самостоятельными хозяйствующими субъектами и отделены от государства в гражданско-правовом значении, поставил перед такими организациями оборонно-промышленного комплекса задачу самостоятельного нахождения средств инвестирования в свою промышленность и наукоемкие производства, а именно: в инициативном и хозяйственно-обособленном порядке создавать прикладную научную базу, реализовывать последующее высокотехнологическое производство. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «промышленность социалистического периода развития имманентно не была приспособлена функционировать в условиях конкурентной рыночной экономики, в связи с чем оборонные предприятия изначально оказались неспособными сами инвестировать производство в свое развитие» [Макаренко, Хрусталев: 29].

Исследование правовых проблем функционирования оборонно-промышленного комплекса, в том числе его отдельных частно-правовых аспектов, приобретает особо важное значение в современных условиях проведения Специальной военной операции Вооруженными силами Российской Федерации.

Интерес представляет дефиниция, прежде закрепленная в Федеральном законе от 13.04.1998 № 60-ФЗ «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2005), согласно ст. 1 которого в качестве организации оборонной промышленности понималась «организация независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, осуществляющая научную и (или) производственную деятельность по обеспечению федеральных государственных нужд в области поддер-

жания обороноспособности и безопасности Российской Федерации»¹.

Нормативно-правовые основы осуществления предпринимательской (в том числе инвестиционной) деятельности в сфере оборонно-промышленного комплекса установлены в Федеральном законе от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»², глава 4 которого посвящена особенностям промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе. Следует учитывать, что в данном законе не содержится нормы-дефиниции, определяющей термин «оборонно-промышленный комплекс». Вместе с тем, им предусмотрено определение субъектов деятельности в сфере промышленности, к которым отнесены юридические лица, индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере промышленности (п. 3 ст. 3), а также интегрированной структуры оборонно-промышленного комплекса как объединения ведущих совместную деятельность юридических лиц, которое не является юридическим лицом, создается в соответствии с решениями Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации и в котором одно юридическое лицо имеет возможность определять решения, принимаемые остальными юридическими лицами (п. 16 ст. 3). Кроме того, согласно ч. 2 ст. 21 указанного закона «состав оборонно-промышленного комплекса определяется сводным реестром организаций оборонно-промышленного комплекса».

Указанный реестр формируется уполномоченным органом государственной власти (в настоящее время – Министерство промышленности и торговли Российской Федерации) в порядке, определенном в Постановлении Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. № 96 «О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса»³. Критерии, соответствие которым является основанием для включения хозяйствующего субъекта в реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, установлены в п. 2 Положения о ведении сводного реестра организаций оборонно-промышленного комплекса.

В связи с тем, что в действующем законодательстве отсутствует нормативное закрепление понятия «оборонно-промышленный комплекс», обратимся к основным теоретическим взглядам по данному вопросу. Так, согласно подходам ученых-экономистов, в качестве оборонно-промышленного комплекса следует понимать «совокупность научных, исследовательских, испытательных организаций и предприятий промышленности, выполняющих государственный оборонный заказ» [Князьнеделин: 25].

С предложенной точкой зрения не представляется возможным согласиться в полном объеме, так

как авторы подходят достаточно узко к пониманию оборонно-промышленного комплекса. Дело в том, что инвестиционная деятельность в исследуемой сфере не сводится исключительно к выполнению государственного оборонного заказа, а представляет собой более широкую совокупность осуществляемых мероприятий, включая, например, формирование научной и технологической модернизации путем приобретения высокотехнологического оборудования, создания объектов капитального строительства и т. д.

Представляет интерес точка зрения, предложенная С.Д. Бодруновым, Н.А. Никитиной и Н.М. Глузовой, согласно которой под оборонно-промышленным комплексом следует понимать «систему, в которую входят производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работу по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа, направленную на поддержание обороноспособности и безопасности Российской Федерации, а также органы военного управления, объединения, соединения воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил, тыл и войска, не входящие в рода войск Вооруженных Сил, направленные на обеспечение обороноспособности и безопасности Российской Федерации, а также военно-технического сотрудничества с другими государствами» [Бодрунов, Никитина, Глузова: 20–34]. А.В. Соколов под термином «оборонно-промышленный комплекс» понимает «совокупность предприятий и организаций, занятых разработкой и производством продукции военного и гражданского назначения (а также ремонтом вооружения, военной и специальной техники), объединенных по отраслевому признаку» [Соколов: 33–43].

Исследователи А.В. Кудашкин и Е.А. Свиных определяют оборонно-промышленный комплекс как «совокупность юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники, иного военного имущества» [Кудашкин, Свиных: 37–48].

Таким образом, на основании изложенного представляется возможным предложить следующую формулировку: под оборонно-промышленным комплексом следует понимать совокупность организаций, включенных уполномоченным органом государственной власти в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса и обладающих следующими квалифицирующими признаками: а) наличие имущества, использование которого в экономической (хозяйственной) деятельности направлено на обеспечение обороноспособности и безопасно-

сти государства; б) экономическая (хозяйственная) деятельность организации включает в себя выполнение государственного оборонного заказа, разработку и производство комплексов вооружений, военной и специальной техники (их комплектующих и составных частей), иной продукции военного назначения, реализацию научно-технического развития и модернизации, технологической независимости Российской Федерации; в) наличие у организации квалифицированных работников (установление трудовых правоотношений), задействованных в осуществлении вышеуказанной деятельности.

Примечания

¹ О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации: Федеральный закон от 13.04.1998 № 60-ФЗ (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/992017/> (дата обращения: 21.08.2024).

² О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Российская газета. 2015. 12 января.

³ О сводном реестре организаций оборонно-промышленного комплекса: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2004 г. № 96 (ред. от 21.08.2023) // Российская газета. 2004. 2 марта.

Список литературы

Исследования

Бодрунов С.Д., Никитина Н.А., Глузова Н.М. Правовое регулирование оборонно-промышленного комплекса страны // Экономическое возрождение России. 2010. № 3. С. 20–34.

Гункин Е.М. Современное состояние российского оборонно-промышленного комплекса и особенности его функционирования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2. С. 94–102.

Князьнеделин Р.А. Механизм устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса в условиях трансформации национальной промышленной политики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Курск, 2021. 54 с.

Кудашкин А.В., Свиных Е.А. Оборонно-промышленный комплекс: понятие, структура, правовые основы деятельности // Право в Вооруженных силах. 2020. № 11. С. 37–48.

Макаренко Д.И., Хрусталева Е.Ю. Концептуальное моделирование военной безопасности государства. М.: Наука, 2008. 318 с.

Соколов А.В. Анализ финансово-экономического состояния предприятий оборонной промышленности Российской Федерации в 2000–2007 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. № 4. С. 33–43.

References

- Bodrunov S.D., Nikitina N.A., Glumova N.M. *Pravovoe regulirovanie oboronno-promyshlennogo kompleksa strany* [Legal regulation of the country's military-industrial complex]. *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The economic revival of Russia], 2010, no. 3, pp. 20–34. (In Russ.)
- Gunkin E.M. *Sovremennoe sostoianie rossiiskogo oboronno-promyshlennogo kompleksa i osobennosti ego funkcionirovaniia* [The current state of the Russian military-industrial complex and the features of its functioning]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences], 2018, no. 2, pp. 94–102. (In Russ.)
- Knyaznedelin R.A. *Mehanizm ustojchivogo razvitiia oboronno-promyshlennogo kompleksa v uslovijah transformacii nacional'noj promyshlennoj politiki: avtoreferat dissertacii doctora ekonomicheskich nauk* [The mechanism of sustainable development of the military-industrial complex in the context of the transformation of national industrial policy: DSc thesis summary]. Kursk, 2021. 54 p. (In Russ.)
- Kudashkin A.V., Svininykh E.A. *Oboronno-promyshlennyj kompleks: ponjatie, struktura, pravovye osnovy dejatel'nosti* [The military-industrial complex: concept, structure, legal basis of activity]. *Pravo v Vooruzhennyh silah* [Law in the Armed Forces], 2020, no. 11, pp. 37–48. (In Russ.)
- Makarenko D.I., Khrustalev E.Y. *Konceptual'noe modelirovanie voennoj bezopasnosti gosudarstva* [Conceptual modeling of military security of the state]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 318 p. (In Russ.)
- Sokolov A.V. *Analiz finansovo-jekonomicheskogo sostojanija predpriyatij oboronnoj promyshlennosti Rossijskoj Federacii v 2000–2007 godah* [Analysis of the financial and economic condition of defense industry enterprises of the Russian Federation in 2000–2007]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novosibirsk State University], 2009, no. 4, pp. 33–43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 05.09.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РОССИЙСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кузьмина Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, kuzolga03@mail.ru

Скотникова Марина Михайловна, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, skotnikovamarin@yandex.ru

Аннотация. Стремительное развитие науки и техники ежедневно меняет жизнь людей. Правовое регулирование и сфера правоприменения должны своевременно адаптироваться к этим изменениям, в том числе посредством создания новых способов обмена информацией. В статье исследуются возможности внедрения в российский уголовный процесс технологии электронного уголовного дела. Сформулировано понятие материалов уголовного дела как одного из центральных процессуальных документов, а также рассмотрены основные подходы ученых к определению его цифровой формы. Проанализирован опыт зарубежных стран по использованию информационных технологий при осуществлении делопроизводства по уголовным делам. Наиболее успешный, по мнению авторов, вариант воплощения идеи может быть обнаружен в Италии, где создана система обмена и аккумуляции информации между судом, органами предварительного расследования и прокуратурой. Для российского правового поля технология ведения уголовных дел с применением цифровых технологий еще находится на стадии концепции, в отношении которой нельзя сделать вывод об однозначной необходимости и форме возможного воплощения. В то же время, в статье сделан вывод о том, что соответствующее программное обеспечение может дать огромное количество возможностей лицам, участвующим в деле. Среди предполагаемых преимуществ можно отметить упрощение процедуры хранения материалов, обеспечение равного доступа к ним со стороны обвинения, защиты и суда, а также сокращение сроков делопроизводства. Тем не менее, пассивная позиция законодателя в отношении данного проекта может быть объяснена несоизмеримым объемом ресурсов, которые потребуются на его реализацию.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, информационные технологии, электронные носители информации, цифровизация уголовного судопроизводства, уголовный процесс, доказательство.

Для цитирования: Кузьмина О.В., Скотникова М.М. Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 173–177. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-173-177>

Research Article

ELECTRONIC CRIMINAL CASE: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga V. Kuzmina, Candidate of Jural Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kuzolga03@mail.ru

Marina M. Skotnikova, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, skotnikovamarin@yandex.ru

Abstract. The rapid development of science and technology changes people's lives every day. Legal regulation and the sphere of law enforcement should promptly adapt to these changes, especially through creation of new ways of information exchange. The article examines the possibilities of introducing electronic criminal case technology into the Russian criminal process. The concept of criminal case materials as one of the central procedural documents is formulated, and the main approaches of scientists to defining its digital form are considered. The experience of foreign countries in using information technologies in the implementation of criminal proceedings is analyzed. The most successful, according to the authors, version of the idea implementation can be found in Italy, where a system of exchange and accumulation of information between the court, preliminary investigation bodies and the prosecutor's office has been created. For the Russian legal field, the technology of conducting criminal cases using digital technologies is still at the concept stage, with respect to which it is impossible to draw a conclusion about the unambiguous need and form of possible implementation. At the same time, the article concludes that

the corresponding software can provide a huge number of opportunities for persons participating in the case. The supposed advantages include simplification of the procedure for storing materials, ensuring equal access to them by the prosecution, defense and the court, and reducing the time frame for office work. However, the legislator's passive position regarding this project can be explained by the disproportionate amount of resources that will be required for its implementation.

Keywords: electronic criminal case, information technology, electronic media, digitalization of criminal proceedings, criminal procedure, evidence.

For citation: Kuzmina O.V., Skotnikova M.M. Electronic criminal case: foreign experience and prospects for implementation in Russian criminal proceedings. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 173–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-173-177>

Анализ современного российского законодательства позволяет констатировать, что процесс внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство идёт медленнее по сравнению с другими видами процессуальной деятельности. Это предсказуемо и объяснимо, поскольку именно в рамках производства по уголовному делу человек может быть привлечён к самому строгому виду юридической ответственности – уголовной с назначением, как правило, уголовного наказания. Цена ошибки в этой сфере крайне высока, поскольку возможно незаконное ограничение прав и свобод человека, а его судьба навсегда искалечена. Как нам представляется, именно в связи с этим столь осторожно решается вопрос о внедрении современных технологий в уголовное судопроизводство с учётом того, что еще не до конца изучены все риски их использования и нет абсолютной гарантии безопасности получения и хранения данных на настоящем этапе развития науки, принимая во внимание уровень технической оснащённости правоохранительных органов.

Однако, по мнению ряда ученых [Саркисян: 3], именно в России преступления в информационной среде стремительно приобретают тенденции к распространению в связи с высокой цифровизацией общества. Такая траектория развития преступности не может не обуславливать появление изменений и в столь консервативной сфере правового регулирования, как уголовный процесс. На практике перед лицами, ведущими процесс, все чаще встают задачи, при выполнении которых они вынуждены взаимодействовать с цифровыми документами, следами преступлений в информационной среде при значительной ограниченности нормативной базы.

В этой связи в настоящее время актуальными являются проблемы, связанные как с неоднозначностью существующего законодательного закрепления использования цифровых технологий при производстве по уголовным делам, так и с его недостаточностью. Практически каждое процессуальное действие, совершаемое следователями, дознавателями и иными участниками процесса, например, в рамках предварительного расследования, может иметь цифровой элемент. Важно учесть, что излишне подробная регламентация не всегда оправдана, иначе целесообразнее было бы принять новый кодекс цифровизованно-

го судопроизводства, что представляется излишним. В связи с этим при совершенствовании существующей правовой регламентации необходимо учитывать критически важные моменты, связанные с наиболее распространёнными видами правоотношений в указанной сфере. При этом важно иметь ввиду реальные возможности технического обеспечения учреждений судебной системы и правоохранительных органов, а также сроки производства в отдельных стадиях уголовного процесса.

Остановимся на наиболее перспективных, на наш взгляд, моментах компьютеризации и цифровизации уголовного процесса в Российской Федерации.

Ч. 2 ст. 474 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает, что процессуальные документы в рамках уголовного судопроизводства могут быть выполнены несколькими способами, среди которых законодатель отмечает и электронный. В настоящее время подобным способом допускается создание нескольких видов документов.

Законодательной новеллой декабря 2023 года является ст. 474.2 УПК РФ, регулирующая порядок использования электронных процессуальных документов на досудебном производстве. Данная норма устанавливает, что в цифровом виде могут быть созданы многие их виды: ходатайство, заявление, за исключением заявления о преступлении, жалоба, представление, требование. В отношении иных процессуальных документов, таких как постановления, обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление и другие, может быть создана лишь их электронная копия. Обязательно должен существовать оригинал такого документа на аналоговом носителе, перенос в компьютеризованную плоскость осуществляется по усмотрению участников процесса. Прилагаемые ко всем документам материалы должны также подаваться в цифровой форме и заверяться электронной подписью лица, издавшего соответствующие документы. Каждый из упомянутых документов не должен содержать в себе сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, они не могут создаваться и в некоторых иных случаях, предусмотренных законодателем в названной статье.

В настоящее время повсеместная компьютеризация судопроизводства включила в себя практически все виды процессуальных документов в рамках досудебного производства по уголовным делам, что, безусловно, является положительной тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства. Нетрудно заметить положительные стороны внедрения электронного документооборота. Так, например, достигается значительное ускорение процедур по ознакомлению сторон с такими документами благодаря тому, что они могут быть переданы с использованием цифровых носителей, а также с привлечением Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций). Таким образом создаются условия для реализации, например, права участников процесса на своевременное обжалование процессуальных решений и актов.

Однако законодатель в настоящее время не касается вопроса перевода в электронную форму одного из самых важных элементов судопроизводства – материалов уголовного дела. Среди ученых и практиков, тем не менее, по этому поводу уже долгое время ведутся оживленные дискуссии, а именно с момента появления компьютеров в повседневной жизни большинства россиян.

Ни в законодательных актах, ни в науке не дается однозначного понятия уголовного дела в материальном смысле. Данный объект является столь фундаментальным и привычным для уголовного судопроизводства, что его сущность и основные черты могут быть выявлены интуитивно. Считаем необходимым однозначно определить понятие данного явления в том смысле, которым мы будем оперировать в дальнейшем. Исходя из комплексного анализа норм УПК РФ, можно сделать вывод о том, что уголовное дело – это совокупность юридически значимых объектов материального мира и сведений о них, связанных с производством по конкретному делу, к которым относятся процессуальные документы лиц, ведущих процесс, доказательства и иные материалы, напрямую или косвенно связанные с событием преступления и лицами, принимавшими в нем участие. Такие данные являются о вещественным выражением конкретного уголовного процесса, их совокупность формируется на протяжении всех стадий судопроизводства и является одной из важнейших материй для всего процесса. Так, при кассационном и надзорном производстве суды не рассматривают дело по существу, а руководствуются лишь теми данными, которые уже были собраны и закреплены в его материалах на предыдущих стадиях. Данные включаются в уголовное дело на основании предписаний закона и внутреннего убеждения лиц, ведущих процесс. Например, в соответствии со ст. 286 УПК РФ в рамках судебного заседания к материалам приобщаются только те докумен-

ты, в отношении которых вынесено соответствующее определение или постановление суда.

Материалы дела – объект непревзойденной важности для судопроизводства, хранящий в себе свидетельства всего процесса, но его объем и сложность формирования зачастую являются значительной проблемой для участников судопроизводства. В связи с тем, что каждое процессуальное действие оформляется одним или несколькими документами, сложность конкретного дела и длительность производства по нему с необходимостью влекут и увеличение объема его материалов, в некоторых случаях достигая количества десятков томов, состоящих из сотен страниц. Безусловно, это порождает множество проблем в различных ситуациях обращения с такими документами. Сторона защиты в рамках досудебного производства на основании ст. 217 УПК РФ имеет право на ознакомление с материалами уголовного дела, входящими в него документами и доказательствами. В случаях, когда предварительное расследование осуществлялось долгие годы процесс исследования материалов из-за их объема может быть затруднительным. Длительный период хранения массива бумажных документов сопряжен со значительными рисками из-за возможности износа, утраты каких-либо его элементов с течением времени.

В целях упрощения возбуждения и ведения уголовного дела в последние годы активно обсуждается возможность переноса этих процессов в цифровую плоскость. Эта идея поддерживается, например, такими учеными, как Ю.А. Цветков, С.В. Зувев и другими [Рамалданов: 94]. В отечественной уголовно-процессуальной науке разработаны различные подходы к возможности реализации такой технологии. Немаловажным является и анализ опыта зарубежных стран, некоторые из которых уже многие годы успешно реализуют подобную технологию.

Интересным представляется взгляд А.Ф. Абдулвалиева, который считает, что под электронным уголовным делом следует понимать «электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации — материалов уголовного дела, полностью заменяющий собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его совместно с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела» [Абдулвалиев: 151]. В связи с тем, что работа была написана более 10 лет назад, уровень развития техники в то время был несколько ниже, поэтому правовед отождествляет электронное уголовное дело лишь с носителем цифровой информации, но сейчас вполне можно рассматривать его и как программный код, в который вносятся изменения для отражения новых данных, которые требуется приобщить к делу. Ученый сводит возможность использования

электронного уголовного дела лишь в качестве способа аккумуляции доказательств по делу. По нашему мнению, такая технология может иметь куда более широкое применение, так как масса документов, создаваемых при производстве по делу, не имеет доказательственного, а скорее обладает лишь процедурным значением. В то же время, именно применение цифровых средств хранения информации в процессе доказывания может иметь наибольшее значение в настоящее время, так как все чаще при производстве по уголовным делам приходится обращаться именно к электронным доказательствам, перенос которых на иные носители может быть затруднительным, например, при переносе данных больших форматов на бумагу посредством печати. Таким образом, становятся понятными причины, по которым автор сконцентрировал свое внимание именно на таком способе использования виртуального уголовного дела.

В научной литературе обозначены подходы к определению рассматриваемого понятия. Например, Р.В. Пенез считает, что цифровым уголовным делом необходимо считать «электронно-фиксированную информацию, при помощи аппаратно-технических устройств и программных средств, которая выражена в установленном формате, отражающую какой-либо факт или событие, имеющее отношение к уголовному делу и заполняемую соответствующим должностным лицом с целью осуществления расследования по уголовному делу» [Пенез, 54]. Такая позиция имеет определённые сходства с ранее рассмотренной теорией. Однако авторами по-разному расставлены акценты: первый из них считает, что электронное уголовное дело – это, прежде всего, носитель информации, а второй – строит свою теорию вокруг понимания его как массива данных в целом, независимо от избранного способа фиксации. В то же время, нельзя согласиться со вторым подходом в том, что правовед сужает возможность использования такого программного обеспечения лишь в целях расследования уголовного дела. Как отмечалось ранее, имеется множество преимуществ и в реализации технологии в судебных стадиях.

Положительный опыт реализации такой инициативы может быть обнаружен во многих зарубежных странах: сходные технологии существуют в практике судопроизводства США, Канады, Италии, Испании [Гарипов, Моругина 2021: 587], Эстонии, Дании, Сингапура, Китайской Народной Республики [Гарипов, Моругина 2022: 148] и других стран. Каждое государство индивидуально подходит к определению способа имплементации такой технической конструкции в свою правовую систему с учетом исторических особенностей собственного типа процесса. Так, в США в целях обеспечения состязательности при производстве по уголовным делам обязанность по ведению цифровых материалов уголовного дела

переложена на административные аппараты судов, которые сами аккумулируют и систематизируют данные, предоставляемые им сторонами обвинения и защиты [Гарипов, Моругина 2021: 587]. В таком случае электронное уголовное дело представляет собой скорее канал обмена информацией по делу между сторонами. Исторически сложившиеся особенности судопроизводства в Америке закономерно определили роль именно суда в качестве стороны, осуществляющей независимое аккумулирование информации в рамках производства. Цифровизация же, в таком случае, лишь расширяет возможности субъектов процесса по предоставлению информации в обоснование своей позиции.

Наиболее показательным в данном вопросе является опыт Италии, где с конца 1990-х годов ведутся попытки по разработке программного обеспечения, позволяющего своевременно и эффективно обмениваться данными органам предварительного расследования, прокуратуре и судам. Т.И. Гарипов и Н.А. Моругина в своих научных трудах показали основные проблемы внедрения систем электронного судопроизводства, с которыми столкнулись за рубежом. Внимательное изучение подобного опыта может послужить хорошей базой для включения таких технологий в отечественный уголовный процесс [Гарипов, Моругина 2022: 149–152]. Среди них: сложность в обеспечении системного и слаженного взаимодействия органов исполнительной и судебной власти, что, в целом, не столь существенно для Российской Федерации, а также необходимость в дорогостоящем техническом оснащении правоохранительных органов и учреждений судебной системы – крайне актуальная проблема, проходящая красной нитью через весь процесс компьютеризации органов власти. Вместе с тем, с течением времени и ходом поступательного обновления материально-технической базы судов и правоохранительных органов, она становится менее актуальной. Система ведения электронных дел уже на стадии возбуждения уголовного дела должна предоставлять равный доступ к его материалам всем лицам, осуществляющим производство. В рамках досудебного производства их круг куда меньше, но обязательно включает в себя представителей разных ведомств – органов дознания или следствия и прокуратуры, что с технической точки зрения станет значительной нагрузкой на системы связи, на основании которых будет функционировать соответствующая программа. В рассмотренных работах ученых также не дается ответа на вопрос о том, как сторона защиты получает доступ к материалам уголовного дела в цифровой форме.

Опыт внедрения в наше судопроизводство автоматизированных информационных систем, а также комплексных информационных интернет-порталов различной направленности, среди которых наиболее ярким примером является ранее упомянутый Еди-

ный портал государственных и муниципальных услуг (функций), показывает, что в настоящее время российские разработчики при поддержке государства имеют техническую возможность создать цифровую инфраструктуру, позволяющую обмениваться массивами информации в рамках производства по уголовному делу. Естественно, предусмотренные функции должны отвечать нормативно-правовым требованиям, предусмотренным не только уголовно-процессуальным законом, но и содержащимся в законодательстве об информационной безопасности и о защите персональных данных граждан.

Нельзя не заметить почти полное отсутствие внимания законодателя к рассмотрению возможности внедрения технологии электронного уголовного дела хотя бы в части, наравне с физическим его аналогом. Это может быть связано как с наличием иных приоритетных проблем, имеющих в правовом поле страны, так и с несоизмеримым объемом ресурсов, которые потребуются для создания и поддержания функционирования столь сложного программного обеспечения. Несмотря на массу рисков, сопутствующих внедрению рассмотренной технологии в уголовный процесс России, можно сказать, что удобство, скорость обмена информацией, сохранность данных, обеспечиваемые в цифровом пространстве, являются весомыми аргументами для серьезного рассмотрения попытки реализации такого проекта в нашей стране, даже если это произойдет не скоро.

Список литературы

Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 5. С. 150–164.

Гарипов Т.И., Моругина Н.А. Анализ зарубежного опыта применения электронного уголовного дела в процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4(46). С. 585–594.

Гарипов Т.И., Моругина Н.А. Изучение зарубежного опыта правового регулирования создания электронных образов уголовных дел в сфере программного обеспечения и технических средств, используемых для создания электронных образов уголовных дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 1. С. 146–154.

Пенез Р.В. Содержание понятия «электронное уголовное дело» в уголовном судопроизводстве // Право Донецкой Народной Республики. 2018. № 4 (12). С. 52–55.

Рамалданов Х.Х. Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2(33). С. 93–98.

Саркисян А.А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организа-

ционные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. 24 с.

References

Abdulvaliev A.F. *Predposylki i perspektivy vnedreniia elektronnoi formy ugovnogo dela v deiatel'nost' sudebnykh organov* [Prerequisites and prospects for the introduction of an electronic form of criminal case into the activities of judicial bodies]. *NB: Voprosy prava i politiki* [NB: Questions of law and politics], 2013, no. 5, pp. 150-164. (In Russ.)

Garipov T.I., Morugina N.A. *Analiz zarubezhno-go opyta primeneniia elektronno-go ugovnogo dela v protsessual'noi deiatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniia i suda* [Analysis of foreign experience in the application of electronic criminal cases in the procedural activities of preliminary investigation bodies and the court]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, vol. 12, no. 4(46), pp. 585-594. (In Russ.)

Garipov T.I., Morugina N.A. *Izuchenie zarubezhno-go opyta pravovogo regulirovaniia sozdaniia elektronnykh obrazov ugovnykh del v sfere programmno-go obespecheniia i tekhnicheskikh sredstv, ispol'zuemykh dlia sozdaniia elektronnykh obrazov ugovnykh del* [Study of foreign experience of legal regulation of creation of electronic images of criminal cases in the sphere of software and technical means used for creation of electronic images of criminal cases]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 1, pp. 146-154. (In Russ.)

Penez R.V. *Soderzhanie poniatii "elektronnoe ugovnoe delo" v ugovnom sudoproizvodstve* [The content of the concept of "electronic criminal case" in criminal proceedings]. *Pravo Donetskoi Narodnoi Respubliki* [Law of the Donetsk People's Republic], 2018, no. 4 (12), pp. 52-55. (In Russ.)

Ramaldanov Kh.Kh. *Elektronnoe ugovnoe delo: mif ili real'nost'?* [Electronic criminal case: myth or reality?]. *Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2022, no. 2(33), pp. 93-98. (In Russ.)

Sarkisian A.A. *Tsifrovizatsiia sudebno-ekspertnoi deiatel'nosti: teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Digitalization of forensic activities: theoretical, legal and organizational aspects: PhD thesis, summary]. Moscow, 2024, 24 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.10.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 05.10.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 12.11.2024.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ОПЕРАТОРА «ЕДИНОГО РЕЕСТРА ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ» КАК ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЙ ОТДЕЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ

Целищев Антон Александрович, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, 523232@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2792-6670>

Аннотация. В статье автор указывает на проблему отсутствия не только юридического закрепления, но и четкого понимания механизма вертикального делегирования отдельных государственных полномочий негосударственным организациям на примере функционирования единой информационной системы учета рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В ходе исследования установлено, что такая передача полномочий Роскомнадзором коммерческим организациям призвана повысить эффективность рекламных кампаний, ограничить нелегитимные схемы, связанные с уходом от налогов. Приведено описание правового статуса оператора Единого реестра Интернет-рекламы. В этой связи сделан вывод о том, что статус такого оператора имеет существенные сходства с положением субъекта, осуществляющего публично значимые функции, в силу наличия специальной правоспособности. Сделано предположение, что приобретение такого статуса негосударственной организацией осуществляется посредством вынесения уполномоченным государственным органом соответствующего распоряжения без заключения договора, который при этом должен заключаться для детализации порядка осуществления переданных отдельных государственных полномочий, в том числе уточнения размера финансирования и ответственности за надлежащее исполнение договора.

Ключевые слова: Система маркировки рекламы, система учета рекламы, Роскомнадзор, оператор рекламных данных, государственный контроль в сфере рекламы, делегирование полномочий, отдельные государственные полномочия, государственное управление.

Для цитирования: Целищев А.А. К вопросу о правовом положении оператора «Единого реестра интернет-рекламы» как организации, осуществляющей отдельные государственные полномочия // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 178–181. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-178-181>

Research Article

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF THE OPERATOR OF THE “UNIFIED REGISTER OF INTERNET ADVERTISING” AS AN ORGANISATION EXERCISING CERTAIN STATE POWERS

Anton A. Tselishchev, Mari State University, Yoshkar-Ola, Mari El autonomy, Russia, 523232@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2792-6670>

Abstract. In the article, the author points out the problem of the lack of not only legal consolidation, but also a clear understanding of the mechanism of vertical delegation of certain state powers to non-governmental organisations in terms of functioning of a unified information system for advertising accounting in the information and telecommunications world wide web “Internet”. The study found that such a transfer of powers by the Russian communication regulator “Roskomnadzor” to commercial organisations is designed to increase the effectiveness of advertising campaigns and limit illegitimate schemes related to tax evasion. The description of the legal status of the operator of the Unified Register of Internet Advertising is given. In this regard, it is concluded that the status of such an operator has significant similarities with the position of an entity performing publicly significant functions, due to the presence of special legal capacity. In addition, it is assumed that the acquisition of such a status by a non-governmental organisation is carried out by issuing an appropriate order by an authorised state body without concluding a contract to be concluded in order to detail the procedure for exercising the transferred individual state powers, including clarifying the amount of financing and responsibility for improper performance of the contract.

Keywords: advertising labelling system, advertising accounting system, Roskomnadzor, advertising data operator, state control of advertising, delegation of authority, individual state powers, public administration.

For citation: Tselishchev A.A. On the issue of the legal status of the operator of the “Unified Register of Internet Advertising” as an organisation exercising certain state powers. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 178–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-178-181>

Вопрос вертикального делегирования отдельных государственных полномочий негосударственным организациям сегодня не относится к разряду исключительно теоретических. Более того, в последнее время такой механизм, хоть и не имеет последовательного и целостного юридического закрепления, но пользуется осязаемым вниманием, как со стороны исследователей, так и законодателя.

Подтверждает это А.В. Шиндина, указывая на то, что сам по себе институт делегирования имеет всестороннее применение в современном конституционном развитии Российской Федерации, если учесть, что термин “делегирование” подменяется такими понятиями, как “передача” и “наделение” [Шиндина 2016а: 173]. С этим в целом соглашается и Р.З. Хасянов, который также отмечает синонимичное употребление терминов «передача», «наделение», «делегирование» государственных полномочий в действующем законодательстве [Хасянов: 58].

Само делегирование государственных полномочий, как поясняет А.В. Корепина, следует рассматривать как один из методов государственного управления, используемый органами исполнительной власти для решения задачи эффективного перераспределения полномочий [Корепина: 46]. Такое понимание в целом разделяется и А.В. Шиндиной, которая под делегированием подразумевает комплексную конституционно-правовую категорию, охватывающую различные формы и способы передачи властных полномочий в целях совершенствования государственного управления [Шиндина 2016b: 132].

Примером законодательного закрепления возможности делегирования государственных полномочий негосударственным организациям стало принятие профильного федерального закона¹. Нормативный правовой акт обычно воспринимается в качестве документа, устанавливающего общий механизм функционирования единой информационной системы учета рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также ее хранения и обеспечения доступа к ней в целях обеспечения автоматизации процессов сбора и обработки информации, как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту. Между тем именно в данном законе усматривается вертикальное делегирование отдельных государственных полномочий Роскомнадзора негосударственным организациям, что, как представляется, не только на практике демонстрирует интерес к самой идее децентрализации публичной власти, но и неполноценную юридическую оформленность самого правового института.

Указанное вертикальное делегирование усматривается при ознакомлении с механизмом единой системы учета рекламы, функционирование которой, как поясняет Е.А. Сысоева, направлено на повышение эффективности рекламных кампаний, а также ограничение нелегитимных схем, связанных с уходом от налогов и прекращением хозяйственной деятельности недобросовестных участников рекламного рынка [Сысоева: 14]. Это в целом подтверждается Докладом по итогам обобщения правоприменительной практики осуществления антимонопольными органами государственного надзора в сфере рекламы за 2021 г.², в соответствии с которым обращается внимание на общий рост нарушений законодательства о рекламе в сети Интернет, при распространении рекламы по сетям электросвязи в размере 38,02 % в 2021 г. от всех выявленных нарушений (21,46 % от всех нарушений в 2020 г.).

Функционирование созданной единой информационной системы учета рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет достигается посредством соответствующей маркировки рекламы, а также исполнения части 3 статьи 18.1 Федерального закона «О рекламе»³, предусматривающей обязанность рекламодателей, рекламораспространителей, операторов рекламных систем при размещении рекламы в сети Интернет предоставлять информацию в Роскомнадзор, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. При этом законодателем прямо упоминается, что такая передача данных осуществляется через операторов рекламных данных, которыми являются уполномоченные Роскомнадзором владельцы программ для электронных вычислительных машин, предназначенных для установления факта распространения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, осуществляющие учет рекламы и предоставляющие информацию в Роскомнадзор.

Таковыми операторами рекламных данных по итогам первого конкурса в 2022 г. признаны ООО «Яндекс ОРД», ООО «Озон ОРД», ООО «ОРД-А», ООО «Лаборатория разработки», ООО «Первый ОРД», ООО «ВК рекламные технологии», ООО «МедиаСкаут». Правовой статус оператора рекламных данных при этом обозначен в пункте 3 Условий отбора оператора рекламных данных⁴, из которых видно, что оператор данных рекламы является, кроме прочего, российским юридическим лицом с уставным (складочным) капиталом не менее 200 мил. руб.

лей, а также владельцем программно-аппаратного средства и исключительного права на специализированную программу.

Как видно, целостное конституционно-правовое закрепление статуса оператора рекламных данных отсутствует, как нет полноценного закрепления процедуры и оснований делегирования соответствующих полномочий Роскомнадзора негосударственным хозяйствующим субъектам, хотя, как следует из заключения по Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе”», подготовленного Комитетом Совета Федерации по экономической политике, положения данного закона призваны систематизировать отношения между участниками рынка рекламы, распространяемой в сети Интернет, обеспечить их прозрачность, равное соблюдение требований законодательства Российской Федерации.

Полагаем, правильным в этой связи является не только нормативно-правовое закрепление полномочий Роскомнадзора на осуществление учета, хранения и обработки информации о распространенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет рекламы, в том числе сведений о рекламодателях и рекламораспространителях, операторах рекламных систем, но и законодательная фиксация возможности передачи отдельных государственных полномочий коммерческим организациям, которыми, в частности, являются полномочия оператора рекламных данных, кроме того, корректное определение возможно в подзаконном акте статуса оператора рекламных данных, вследствие принятия им отдельных государственных полномочий.

В этой связи следует согласиться с С.В. Васильевой, отмечающей, что в ходе реализации государственных полномочий организации, очевидно, наделяются административным статусом, который должен быть приближен к административному статусу органов исполнительной власти (органов управления) [Васильева: 33]. В этом случае статус оператора рекламных данных должен быть сходным с положением субъекта, осуществляющего публично значимые функции, в силу наличия специальной правоспособности. Если так, то в целом можно изменить формулировку вывода Р.З. Хасянова и заключить, что оператор рекламных данных является наделенным государством, в лице Роскомнадзора, соответствующими полномочиями негосударственной организацией со специальной правоспособностью, которая призвана удовлетворить публичный (общественный) интерес неопределенного круга лиц, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых установлена ответственность [Хасянов: 64]. Приобретение такого статуса негосударственной организацией, полагаем, должно осуществляться посредством

вынесения Роскомнадзором соответствующего распоряжения, в котором фиксируются как их приобретатель, так и передаваемые государственные полномочия с указанием срока их валидности в отношении конкретного приобретателя.

Рассуждая о практически отсутствующем регулировании в части порядка передачи отдельных государственных полномочий Роскомнадзора негосударственной организации, вследствие чего она приобретает статус оператора рекламных данных, нельзя не согласиться с выводом С.В. Васильевой о том, что передача государственных полномочий в обозначенном контексте по своему правовому механизму отличается от передачи полномочий от одного государственного органа к другому в рамках вертикали власти, вследствие чего имеет место сложный состав передачи полномочий, уникальность которого связана с допущением развития договорных форм (в том числе в формате административного договора, режиссуры акта) взаимоотношений и учетом воли организации и ее интересов [Васильева: 34]. Полагаем, именно посредством заключения договора Роскомнадзор и оператор рекламных данных могли бы определить не только размер финансирования при осуществлении соответствующих отдельных государственных полномочий, но и параметры их осуществления, а также ответственности за ненадлежащее осуществление.

Значимой юридической новацией в этой связи также, на наш взгляд, могла бы стать корректировка статьи 11 Конституции России⁵ в части указания не только на возможность разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, что может рассматриваться в качестве горизонтального делегирования полномочий, но и передачи полномочий негосударственным организациям как проявления вертикального делегирования отдельных государственных полномочий. Указанное, как видно из приведенного выше, фактически уже осуществляется, при этом сам институт юридически основывается на статье 78 и статье 132 Конституции России⁵ в интерпретации позиции постановления Конституционного Суда России⁶. Данная позиция последовательно подтверждается иными постановлениями Конституционного Суда России.

Независимо от того, будут ли законодателем в ближайшем будущем учтены указанные или сходные поправки, кажется очевидным, что конституционно-правовой механизм делегирования отдельных государственных полномочий, в том числе полномочий Роскомнадзора, негосударственным организациям имеет сегодня все более расширяющуюся практику применения в России. И если некоторое время назад приходилось говорить лишь про систе-

му маркировки «Честный знак», как наиболее показательный, пусть и довольно частный пример осуществления публичной власти бизнесом, вследствие принятия им соответствующих полномочий, функционирование системы маркировки рекламы, как представляется, может довольно серьезно повлиять на конституционно-правовую оценку всей системы государственного управления, поставив перед современной юридической наукой вопрос о его частных и публичных акторах и ресурсах.

Примечания

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»: ЗФ РФ от 2 июля 2021 г. № 347-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5175.

² Об утверждении Доклада по итогам обобщения правоприменительной практики осуществления антимонопольными органами государственного надзора в сфере рекламы за 2021 г.: приказ ФАС от 29 апреля 2022 г. № 341/22 // СПС «Гарант».

³ О рекламе: ФЗ РФ от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ Об утверждении Положения о создании и деятельности комиссии по отбору оператора рекламных данных, а также условий отбора оператора рекламных данных: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2022 г. № 966 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 23. Ст. 3794.

⁵ Конституция России от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. №237.

⁶ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате: постановление Конституционного Суда России от 19 мая 1998 г. № 15-П // СПС «Гарант».

Список литературы

Исследования

Васильева С.В. Передача государственных полномочий организациям: правовой механизм // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 28–37.

Корепина А.В. Делегирование полномочий как метод государственного управления // Пенитенциарная наука. 2016. № 34. С. 42–48.

Сысоева Е.А. Отечественный рынок интернет-рекламы после введения системы маркировки // Компетентность. 2022. № 8. С. 10–15.

Шиндина А.В. Развитие делегирования в конституциях СССР и современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016а. № 2. С. 169–173.

Шиндина А.В. Делегирование в конституционном праве: теоретико-правовой анализ // Правовая политика и правовая жизнь. 2016б. № 3. С. 128–132.

Хасянов Р.З. Передача государственных полномочий негосударственным организациям: проблемы понятийного аппарата и пути их решения // Вестник Воронежского государственного университета. 2020. № 1. С. 52–65.

References

Vasil'eva S.V. *Peredacha gosudarstvennykh polnomochii organizaciiam: pravovoi mehanizm* [Transfer of State powers to organizations: a legal mechanism]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review]. 2015, no. 5, pp. 28–37. (In Russ.)

Korepina A.V. *Delegirovanie polnomochij kak metod gosudarstvennogo upravleniia* [Delegation of authority as a method of public administration]. *Penitenciarinaia nauka* [Penitentiary science], 2016, no. 34, pp. 42–48. (In Russ.)

Sysoeva E.A. *Otechestvennyi rynek internet-reklamy posle vvedeniia sistemy markirovki* [The domestic Internet advertising market after the introduction of the labeling system]. *Kompetentnost'* [Competence], 2022, no. 8, pp. 10–15. (In Russ.)

Shindina A.V. *Razvitie delegirovaniia v konstituciiakh SSSR i sovremennoj Rossii* [The development of delegation in the Constitutions of the USSR and modern Russia]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2016, no. 2, pp. 169–173. (In Russ.)

Shindina A.V. *Delegirovanie v konstitucionnom prave: teoretiko-pravovoi analiz* [Delegation in constitutional law: theoretical and legal analysis]. *Pravovaia politika i pravovaja zhizn'* [Legal policy and legal life], 2016, no. 3, pp. 128–132 (In Russ.)

Hasjanov R.Z. *Peredacha gosudarstvennykh polnomochii negosudarstvennym organizaciiam: problemy ponjatiinogo apparata i puti ih resheniia* [Transfer of state powers to non-governmental organizations: problems of the conceptual apparatus and ways to solve them]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 2020, no. 1, pp. 52–65. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 03.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 03.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 182–189. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 182–189. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 347.97

EDN ZJAKFE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-182-189>

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ КАК ЭЛЕМЕНТА СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Орлова Анастасия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Муром, Россия, hactia1988@mail.ru

Аннотация. Электронное правосудие открывает новые горизонты для совершенствования цивилистического процесса, это новый этап в развитии судебной системы, который предлагает множество возможностей для улучшения эффективности и доступности правосудия, позволяет повысить доступность, эффективность и справедливость в судебных процедурах, а также сократить временные и ресурсные затраты. Внедрение электронного правосудия требует внимания к деталям и учета потребностей всех участников, но его преимущества и перспективы делают его неотъемлемой частью современной правовой системы. В настоящее время происходит становление терминологического и понятийного аппарата рассматриваемого правового явления, что находит свое отражение в действующем, прежде всего, процессуальном законодательстве. В статье исследуются подходы к определению электронного правосудия.

Ключевые слова: судопроизводство, судебная система, искусственный интеллект, электронное правосудие, Интернет, информационные технологии, суд, информация

Для цитирования: Орлова А.Н. Понятие электронного правосудия как элемента правовой системы // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 182–189. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-182-189>

Research Article

THE CONCEPT OF ELECTRONIC JUSTICE AS AN ELEMENT OF THE MODERN LEGAL SYSTEM

Anastasia N. Orlova, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Murom Institute (branch) of the Stoletovs Vladimir State University, Murom, Russia, hactia1988@mail.ru

Abstract. Electronic justice opens new horizons for improving the civil process, this is a new stage in the development of the judicial system, which offers numerous opportunities to improve the efficiency and accessibility of justice, allows to increase the accessibility, efficiency and fairness in judicial procedures, and also to reduce time and resource costs. The introduction of electronic justice requires attention to detail and consideration of the needs of all participants, but its advantages and prospects make it an integral part of the modern legal system. Currently, the terminological and conceptual apparatus of the legal phenomenon under consideration is being formed, which is reflected in the current, first of all, procedural legislation. The article examines approaches to defining electronic justice.

Keywords: legal proceedings, judicial system, artificial intelligence, electronic justice, Internet, information technology, court, information

For citation: Orlova A.N. The concept of electronic justice as an element of the modern legal system. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 182–189 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-182-189>

Современные технологии стремительно проникают во все сферы нашей жизни, и судебная система не стала исключением. Рост информатизации и автоматизации привел к возникновению и стремительному развитию электронного правосудия. Электронное правосудие представляет собой интеграцию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в судебную деятельность. Это не отдельная ветвь судебной системы, а, скорее, ее эволюционное развитие, которое позволяет трансформировать традиционное правосудие в единое сетевое пространство.

Электронное правосудие представляет собой новейший этап развития юридической системы, предлагающий применение непосредственно новейших ИТ для обеспечения совершенствования судебного процесса. Этот подход имеет своих сторонников и противников, но его потенциал и перспективы неоспоримы. Как отметил И.С. Соловьев, электронное правосудие можно рассматривать как философию¹. Это означает, что этот подход предлагает новую концепцию, основанную на использовании современных технологий для достижения справедливости и эффективности в судебных процессах. Он открывает новые горизонты для внесения концептуальных изменений в арбитражное процессуальное законодательство.

Ю.В. Архипова поддерживает эту точку зрения, отмечая, что электронное правосудие является основой для дальнейшего совершенствования арбитражного процесса. Она подчеркивает, что использование информационных технологий позволяет повысить эффективность судебных процедур, ускорить их рассмотрение и обеспечить более справедливое разрешение споров [Архипова]. Одним из основных преимуществ электронного правосудия является упрощение доступа к юридической информации и судебным процедурам. Граждане и предприниматели могут получить доступ к судебным решениям, арбитражным судам и другой юридической информации онлайн, что способствует прозрачности и открытости правовой системы.

Иной точки зрения придерживается автор публикации «Электронное правосудие в России» О.Н. Макаренко, который на вопрос, является ли «электронное правосудие» новым этапом эволюционного развития, ответил отрицательно: «Что касается “электронного” правосудия, то вряд ли использование современной техники в процессе судопроизводства может создать новый вид правосудия. Не было же у нас до использования в деятельности судов компьютеров “машинописного правосудия”, а до этого “рукописного правосудия”» [Макаренко: 160].

Электронное правосудие предлагает ряд преимуществ, которые могут существенно улучшить судебную систему; и одним из них является возможность сокращения времени рассмотрения дел и уменьшения

административных издержек, благодаря использованию информационных технологий, например, судебные процессы могут проводиться в режиме онлайн, что позволяет участникам судебного процесса экономить время и ресурсы. Удаленная коммуникация стала неотъемлемой частью нашей жизни, что особенно актуально для судебной системы, где эффективность и оперативность являются ключевыми факторами. Однако внедрение электронного правосудия также представляет собой ряд вызовов и проблем. Вопросы безопасности данных и конфиденциальности информации требуют особого внимания, необходимо обеспечить надежную защиту информации и гарантировать ее конфиденциальность; кроме того, важно сделать систему доступной и понятной для всех участников, включая людей с ограниченными возможностями и низким уровнем технической грамотности. Так, упомянутое выше подчеркивает целесообразность разработки простых и интуитивно понятных интерфейсов, а проведения обучающих программ.

О.Н. Макаренко затрагивает вопрос о статусе «электронного правосудия» как этапа в развитии правовой системы; его выводы скептические, он утверждает, что интеграция современных технологических решений в судебную практику не приведет к появлению новой формы правосудия; скорее, это будет продолжение уже существующих тенденций в рамках традиционной системы. О.Н. Макаренко сравнивает это с использованием компьютеров в судебной деятельности, которые не привели к появлению нового вида правосудия, так же как и ранее использование рукописного правосудия.

Согласно С.В. Романенковой, электронное правосудие – система АИС, обеспечивающих высокий уровень прозрачности судебных актов; кроме того, АИС направлены на ведение «электронных дел» и на доступность материалов дела; т. е. участники судебного процесса могут легко ознакомиться с необходимой для них информацией и документами, связанными с делом [Романенкова: 26].

В узком смысле предмет анализа, произведенного в данной работе, – концепция правосудия – предполагает возможность для судебных органов и участников процесса выполнять действия с юридической значимостью, которые оказывают влияние на инициацию и последующее продвижение судебного разбирательства, осуществляемого в строгом соответствии с нормами законодательства; к примеру, это может означать подачу документов, имеющих юридическую силу, в электронном виде, либо же прямое участие в судебных заседаниях через такие средства связи, как видеоконференции.

В.В. Ярков видит электронное правосудие как непосредственно современную систему разрешения

споров, базирующуюся на использовании электронных технологий, он выделяет несколько ключевых элементов этой системы, которые в существенной степени убыстряют ход судебного разбирательства; в том числе, одним из этих составных частей считается руководство процессом, разбирательством в суде. За счет электронных систем стороны в споре могут получить подробные инструкции о том, как правильно подготовиться к суду, какие документы и аргументы предоставить, а также о сроках и порядке судебных процедур [Ярков: 25].

Электронное правосудие есть ключевой элемент современной концепции электронного государства; и сама концепция основана непосредственно на использовании информационных технологий и электронных инструментов для обеспечения эффективного и надежного исполнения правосудия. Согласно Ю.А. Ждановой, ЭП являет собой уникальный метод и форму выполнения судебных функций в рамках электронного государства [Жданова: 80]. Но упомянутая автором формулировка, по нашему мнению, слишком общая и не отражает каждого важного аспекта этого термина; и поэтому представляется целесообразным рассмотреть ЭП именно как систему, которая использует цифровые технологии для улучшения доступности и прозрачности судебного процесса; упомянутое может включать в себя такие элементы, как электронное ведение дел, подача документов в электронном формате и проведение судебных заседаний через видеоконференции.

Как считают Ф.Р. Гаджиева и Д.А. Панкратова, важно придерживаться следующей, более точной формулировки насчет термина ЭП: «Электронное правосудие – применение информационных технологий судьей, участниками судебного процесса и иными заинтересованными лицами в целях повышения эффективности и качества отправления правосудия» [Гаджиева, Панкратова: 19]. Я.В. Антонов подчеркивает, что электронное правосудие не должно полностью исключать традиционные формы судопроизводства, такие как присутствие сторон в судебном заседании [Антонов: 63]. С его точки зрения, ЭП является дополнением непосредственно к главным действиям судебного процесса.

ЭП представляет собой переход от традиционно бумажного документооборота к цифровому формату; и этот процесс включает в себя использование электронных систем для обработки, хранения и обмена информацией, что упрощает управление делами и повышает эффективность судебной системы. Одним из ключевых аспектов электронного правосудия является проведение судебных заседаний в удаленном формате; т.е. стороны могут участвовать в судебных процессах без необходимости физического присутствия в суде, что полезно в тех случаях, когда

дела несложные и не требуют личного присутствия сторон. Регламентирующий документ, изданный Судебным департаментом при Высшем судебном органе РФ, раскрывает сущность «цифрового правосудия» как методiku и формат реализации законодательно установленных процедурных шагов, которые базируются непосредственно на применении ИКТ в рамках судебной деятельности; упомянутое включает в себя электронное взаимодействие непосредственно между судебными инстанциями и субъектами права – физическими и юридическими лицами. Итак, предстоит осуществить комплексное усовершенствование текста по следующим основным направлениям:

1) терминологическая полнота: прежде всего, необходимо обогатить документацию новыми терминами, расширяя ее содержательный потенциал, к примеру, включением раздела о блокчейне;

2) семантическая корректность: тщательно переосмыслить значение используемых определений и классификаций [Храмцовская: 40]; при этом кажется весьма обоснованным разделять мнение Н.А. Латышевой о необходимости создания унифицированных и концептуально обоснованных терминологических рамок в контексте судебного процесса; это, безусловно, способствует более динамичному, а также результативному переходу системы правосудия России на путь цифровизации [Латышева: 13].

В дискурсе юридической науки существует мнение [Асланова: 332], согласно которому внедрение электронного правосудия не влечет за собой революционных новшеств в сфере судопроизводства, а представляет трансформацию традиционных функций суда в цифровую плоскость (упомянутое подразумевает, что суть судебной работы по анализу и разрешению споров остается неизменной, но процесс ее выполнения переходит в цифровой формат). Существует и альтернативная точка зрения, утверждающая, что интеграция цифровых технологий в судебную систему вносит существенные коррективы в ее действие.

С.В. Василькова акцентирует внимание на том, что ключевые трансформации проявляются в модификации психологического аспекта взаимодействий между судебной инстанцией и участниками процессуальных действий; в качестве примера, при обращении к технологиям видеоконференцсвязи, судья и свидетель общаются на удаленном расстоянии, что исключает возможность для судьи интуитивно оценивать невербальные сигналы собеседника, а также степень достоверности предоставляемой информации [Усова: 134].

ЭП представляет собой процедурный порядок, закрепленный в законодательстве, который позволяет судебной системе осуществлять правосудие по относящимся к ее компетенции делам с применением ИТ, в соответствии с трактовкой С.В. Васильковой.

При этом удаленное взаимодействие непосредственно с самими субъектами процесса и передача данных без использования бумажных носителей осуществляются посредством интернета или иных средств электронной связи [Василькова: 44]. Упомянутое С.В. Васильковой понятие целесообразно принять во внимание непосредственно при разработке законодательного определения рассматриваемой нами дефиниции «электронное правосудие».

Электронное правосудие – методика ведения судебных процедур; благодаря ней процессуальные действия выполняются с использованием специализированных ИКТ, предусмотренных непосредственно соответствующим законодательством, и упомянутые технологии позволяют эффективно управлять электронными документами, включая их создание, хранение и обмен информацией между участниками судопроизводства. ЭП – часть более широкой концепции электронного государства и сетевого общества, отражающая современные тренды развития и информатизации [Мухина: 207].

Электронное правосудие – это современный подход к судебному процессу, который использует ИКТ непосредственно для обеспечения высокого уровня эффективности и прозрачности, он включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Использование ИКТ: ЭП использует ИКТ непосредственно как основной инструмент для выполнения всех процессуальных действий, что говорит о том, что все документы могут быть направлены в суд через систему электронного документооборота. Это упрощает процесс судопроизводства.

2. Система электронного документооборота: ЭП предусматривает создание системы ЭДО, которая обеспечивает надлежащее прохождение документов непосредственно внутри судебной системы.

3. Управление электронным делом: важным аспектом ЭП считается введение системы управления электронным делом, позволяющее наиболее эффективно управлять информацией, содержащейся в судебных делах.

4. Публикация судебных актов: ЭП предусматривает формирование системы публикации всех судебных актов, обеспечивая прозрачность и открытость процесса.

5. Применение аудио- и видеозаписей благодаря ЭП (для фиксации событий заседаний в рамках суда).

6. ЭП включает применение спецоборудования непосредственно для исследования разнообразных доказательств, которые представлены именно в электронной форме; во время анализа ЭП нам представляется целесообразным выделить некоторые ключевые его аспекты.

Как форма процессуального действия ЭП стало возможным именно благодаря прогрессу в обла-

сти технологий. Данные технологии обеспечивают эффективное фиксирование и передачу информации; при этом сам термин «электронная процессуальная форма» не является новой правовой категорией; скорее он определяет установленный законом порядок действий судов при использовании электронных и интернет-технологий. Это подразумевает, что процессуальные действия могут быть выполнены с помощью электронных средств.

Далеко не все действия, связанные с таким процессом, как обработка информации, например, осуществление сбора, процедуры хранения, функции поиска, накопления и обработки данных, имеют отношение к форме, которая является процессуальной; при этом некоторые из них, такие как, допустим, хранение дел, являются организационной деятельностью и в принципе не относятся к непосредственному осуществлению правосудия.

Важно также отметить, что нормативностью ограничивается действие процессуальной формы, т. е. порядок действий, а также форма действий и сами субъекты, осуществляющие упомянутые действия, должны быть закреплены непосредственно в процессуальном законе [Мошков: 17].

Т.А. Гусева свидетельствует о том, что ЭС является симбиозом упомянутых нами выше двух определений, и в настоящее время существуют различные системы, такие как «Мой Арбитр» и ГАС «Правосудие», объединяющие все функции, упомянутые нами ранее и включающие в себя функции публикации судебных актов, а также ведения электронных дел, доступа сторон к необходимым материалам дела, а также осуществления других процессуальных прав. Таким образом, в рассматриваемом нами случае нет необходимости разделять упомянутые два определения, ввиду того, что они взаимосвязаны и составляют единое понятие электронного судопроизводства, что позволяет судам и также самим участникам процесса наиболее эффективно использовать необходимые современные технологии для облегчения и в то же время ускорения судебных процедур [Гусева, Соловьева: 67]. К.А. Уманская предложила определение электронного судопроизводства как процесса, в котором основная функция судебной власти осуществляется с использованием электронных информационно-коммуникационных технологий и инструментов. Данное определение, с нашей точки зрения, точно отражает непосредственно все аспекты ЭС; однако мы считаем важным отметить, что ЭС имеет и другие характерные черты, которые можно добавить к этому определению. Допустим, ЭС обеспечивает более быстрый и в то же время эффективный доступ к судебным материалам и документам, что позволяет судам и участникам процесса экономить время и ресурсы; кроме того, ЭС,

как было нами уже отмечено, упрощает процесс подачи исков и других судебных документов, делая его более доступным для граждан [Уманская: 473].

В общем же понимании ЭС включает в себя АИС и сервисы, посредством которых обеспечивается публикация судебных актов, осуществляется процесс регистрации «электронных дел» и открывается доступ к ним; в дополнение к вышеизложенному, означенные сервисы способствуют более глубокому осмыслению взаимодействий между судебной властью и участниками процесса; в более же конкретизированном понимании, цифровое судопроизводство (далее – ЦС) предполагает способность суда и прочих субъектов судебного процесса выполнять процедуры в рамках законодательно установленных нормативов, что, несомненно, оказывает влияние на этапы начала и продолжения разбирательства в рамках судебной практики (упомянутое может проявляться в передаче электронных документов в суд или в участии сторон процесса в судебных слушаниях через видеоконференцию). Некоторые ученые определяют «электронное судопроизводство» как «электронный процесс». Однако данный термин представляет собой не просто разновидность судебного процесса, поскольку он отражает глубокие изменения в судебных системах и процедурах доставки правосудия на мировом уровне. В этой связи представляется целесообразным здесь применить более точный термин – «электронификация», поскольку он полностью соответствует использованию новых медиа-технологий, особенно информационно-телекоммуникационных (ИТ) технологий, предназначенных для повышения эффективности судебной системы; и очень важную роль в этом процессе играют следующие технологии: e-courts, e-files, e-documents, e-signature, e-mail [Гаджиева, Панкратова: 19].

В настоящее время наблюдается тенденция, при которой компьютерная техника в судах функционирует в качестве вспомогательного инструмента, а не как интегральная часть процессуальной деятельности; параллельно в РФ происходит процесс информатизации судебной системы, однако до создания единой сетевой структуры дело пока не дошло. Кроме того, формирование сетевой инфраструктуры судов не следует отождествлять с понятием электронного правосудия, так же как не следует отождествлять с ним и публикацию судебных актов или разработку интернет-сервисов для судов [Федосеева, Чайковская: 2].

«Электронное правосудие» и «цифровое правосудие» – разные термины: первый относится к характеристикам носителя информации; второй – к форме данных. С нашей точки зрения, современное правосудие немыслимо без цифровых технологий, поскольку

с переходом к новой технологической базе в гражданском судопроизводстве технические и организационные документы играют ключевую роль в регулировании процесса, а не вспомогательную роль, о чем свидетельствовал К.Л. Брановицкий.

В узком смысле цифровое (электронное) правосудие подразумевает, что деятельность судебных органов и участников процесса строго определена и урегулирована законодательством, причем одним из ярких примеров таких инноваций является, конечно, использование видеоконференцсвязи; следовательно, ЭП можно охарактеризовать как методику ведения судопроизводства, при которой все процедуры выполняются в строгом соответствии с установленными процессуальными стандартами. Эффективность же данной системы обеспечивается за счет применения специализированных ИКТ, которые используются непосредственно для создания, осуществления обработки и выполнения функции хранения всех видов процессуальных документов в электронной форме, а также для обмена необходимой информацией непосредственно между участниками разнообразных видов судопроизводства, будь то гражданские, уголовные, административные и другие процессы [Уманова: 49].

Цифровизация судебной системы является ключевым аспектом эволюции правового поля, интегрируя составные части гражданского процесса с инновационными технологическими достижениями; данное направление действует непосредственно как уникальный механизм реализации законодательных функций, соответствуя всем современным требованиям и направляя непосредственно в области правоприменительной практики.

Сущностные характеристики ЭП представлены в таблице 1.

ЭП, таким образом, представляет собой комплексную систему, направленную непосредственно на оптимизацию судопроизводства через интеграцию современных технологий, что способствует повышению доступности, а также скорости и качества правосудия.

Относительно понятия «электронное правосудие» следует отметить, что в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г.² № 362 оно официально определено и представляет собой способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде.

Процесс цифровизации (электронного) судопроизводства в нашем государстве привносит множество благотворных изменений, и он гарантирует непосред-

Сущностные характеристики электронного правосудия

№	Характеристика	Описание	
1	Приоритет информационных технологий	Цифровые инструменты являются ключевыми в процессуальных действиях	Способствует унификации и стандартизации процессов
2	Электронный документооборот	Обеспечивает обмен документами между судом и участниками процесса	Ускоряет процесс и снижает вероятность ошибок
3	Система управления судебными делами	Позволяет контролировать судебные процессы и доступ к информации	Повышает эффективность и прозрачность судопроизводства
4	Открытая система публикации документов	Предусматривает публикацию процессуальных документов	Улучшает общественный контроль и доверие к судебной системе
5	Аудиопротоколирование заседаний	Обязательное аудиопротоколирование всех судебных заседаний	Обеспечивает точность судебных записей
6	Видеоконференц-связь	Минимизирует необходимость личного присутствия в суде	Оптимизирует процесс и экономит время участников
7	Технические средства для доказательств	Оснащение судов средствами для исследования электронных доказательств	Гарантирует полноценное рассмотрение электронных доказательств

ственный для всех граждан, вне зависимости от уровня их профессиональной подкованности или знаний в области права, свободный доступ к необходимой информации. С появлением ИТ стало возможным обращение непосредственно к электронным ресурсам любой инстанции, являющейся судебной (данный процесс активно используется для налаживания взаимодействия между разнообразными ведомствами, хотя в некоторых сегментах он завершенности так и не достиг).

Следует подчеркнуть, что интернет-пользователей дополнительными правами внедрение системы ЭП не наделяет, оно лишь увеличивает спектр возможностей для осуществления законных прав и интересов как физических, так и юридических лиц. В настоящее время стало возможным подавать заявления непосредственно в электронном виде, следить за процессом рассмотрения дел и производить при этом оплату необходимых судебных сборов в режиме онлайн. В итоге, рассмотренные нововведения способствовали укреплению доверия населения к судебной системе и расширили возможности для всех членов судебного процесса благодаря применению цифровых технологий передового характера.

В современной юридической практике концепция «цифрового (электронного) правосудия» выступает как фундаментальное новшество, охватывающее буквально целый спектр процедур, начиная с подачи исковых заявлений и других процессуальных документов через сеть Интернет. Упомянутое включает в себя признание юридической значимости всех необходимых электронных документов и также доказательств, и кроме того, – применение разнообразных форматов судебного процесса, адаптированных именно к цифровой среде. Следует отметить, что госорганы активно разрабатывают и внедряют разнообразные цифровые технологии для удовлетворения потребностей граждан в судебной сфере, что, конеч-

но, отражено в многочисленных юридических исследованиях, предлагающих классификацию этих технологий в контексте их функциональности, таких как, например, системы SMS-уведомлений и подписи (электронные). Концепция же цифрового правосудия представляет собой обоснованное (именно с научной точки зрения) направление в обновлении инфраструктуры судебной системы, основанное на принципах внедрения передовых цифровых технологий; упомянутое предполагает комплексный охват всех аспектов правосудия и делопроизводства, включая автоматизированное распределение дел между судьями, обеспечение доступа к судебной защите для граждан, анализ рабочей нагрузки на судей и сотрудников судебных учреждений, а также сбор и анализ судебной статистики и практики.

В рамках юрисдикции России система ЭП является законодательно регламентированным механизмом функционирования судебных органов; данный механизм предполагает активное применение инноваций информационно-коммуникационного характера непосредственно с целью оптимизации и совершенствования разнообразных процессов гражданского судопроизводства (важно здесь отметить, что именно такая система ориентирована на усиление результативности судебных действий. Данная система способствует укреплению прозрачности и гарантирует беспрепятственный доступ к разнообразным сведениям о судебной деятельности и правосудии непосредственно для каждого гражданина; ЭП является собой методикой и форматом проведения процессуальных операций, основанных на законных предписаниях, и в свою структуру оно активно внедряет цифровые решения; упомянутое, конечно, позволяет судам не только рассматривать судебные дела, но и разрешать их с помощью специальных информационных средств, что обеспечивает более эффективное и прозрачное функционирование судебной системы.

Примечание

¹ Интервью с И.С. Соловьевым «Электронное правосудие – это ни в коем случае не реформа» // Закон. 2011. № 2. С. 40–43.

² Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 // СПС «Консультант-Плюс», 2024.

Список литературы

Исследования

Архипова Ю.В. Электронный документ и электронная цифровая подпись как юридические фикции. URL: <https://lawlibrary.ru/article2243306.html?ysclid=lx3plwccgqx726885674> (дата обращения: 06.06.2024)

Антонов Я.В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 58–67.

Асланова А.Г. Развитие электронного правосудия в России // Взгляд молодых на проблемы региональной экономики – 2018. Материалы Всероссийского открытого конкурса студентов вузов и молодых исследователей. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2018. С. 332–335.

Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.

Гаджиева Ф.Р., Панкратова Д.А. Перспективы развития электронного правосудия в РФ // Актуальные проблемы современной науки: IV Международная научно-практическая конференция. Ставрополь: Ставропольский университет, 2015. С. 14–19.

Гусева Т.А., Соловьева А.Ю. Электронное судопроизводство // Право и экономика. 2015. № 6. С. 66–71.

Жданова Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80–83.

Латышева Н.А. Концепция электронного правосудия и новое понимание документационного обеспечения судопроизводства // Администратор суда. 2022. № 1. С. 11–15.

Макаренко О.Н. «Электронное правосудие» в России // Проблемы юридической науки в условиях со-

временного социально-экономического развития России. Ростов н/д.: Изд-во Ростовского государственного экономического университета, 2009. 172 с.

Мошков Е.А. Правовая природа электронного правосудия // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 21. С. 17–21.

Мухина А.В. К вопросу о понятии электронного правосудия // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 207–211.

Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.

Уманская К.А. Проблема определения понятия «электронное судопроизводство» // Державинский форум. 2022. Т. 6, № 3. С. 471–478.

Усманова Р.М. К вопросу об электронной системе отправления правосудия в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216). С. 49–52.

Усова М.Г. Актуальные проблемы электронного правосудия // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 132–136.

Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Электронное правосудие в России и в мире // Администратор суда. 2011. № 3. С. 2–6.

Храмцовская Н.А. Технология блокчейна как инструмент управления документами и электронного документооборота // Делопроизводство. 2018. № 3. С. 40–50.

Ярков В.В. Электронное правосудие // Электронный журнал Юрист. 2006. № 41. С. 25–28.

References

Arkhipova Iu.V. *Elektronnyi dokument i elektronnaia tsifrovaia podpis' kak iuridicheskie fiksii* [Electronic document and electronic digital signature as legal fictions]. URL: <https://lawlibrary.ru/article2243306.html?ysclid=lx3plwccgqx726885674> (Date of access: 06.06.2024)

Antonov Ia.V. *Pravovye kharakteristiki elektronного pravosudiia kak proekta elektronnoi demokratii v kontekste mezhdunarodnoi praktiki i vliianie elektronного pravosudiia na obespechenie nezavisimosti i bespristrastnosti organov sudebnoi vlasti* [Legal characteristics of e-justice as an e-democracy project in the context of international practice and the impact of e-justice on ensuring the independence and impartiality of the judiciary]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting]. 2015, no. 6(78), pp. 58–67. (In Russ.)

Aslanova A.G. *Razvitie elektronного pravosudiia v Rossii* [Development of e-justice in Russia]. *Vzgliad molodykh na problemy regional'noi ekonomiki – 2018. Materialy Vserossiiskogo otkrytogo konkursa studentov vuzov i molodykh issledovatelei* [A young person's view

of the problems of the regional economy – 2018. Materials of the All-Russian open competition of university students and young researchers]. Tambov, Tambovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2018, pp. 332–335. (In Russ.)

Vasil'kova S.V. *Elektronnoe pravosudie v tsivilisticheskoy protsesse: dis. ... kand. iurid. Nauk* [Electronic justice in the civil process: PhD thesis]. St. Petersburg, 2018. 251 p. (In Russ.)

Gadzhieva F.R., Pankratova D.A. *Perspektivy razvitiia elektronnoogo pravosudiia v Russian Federation* [Prospects for the development of electronic justice in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki: IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaya konferentsiia* [Actual problems of modern science: IV International scientific and practical conference]. Stavropol', Stavropol'skii universitet Publ., 2015, pp. 14–19. (In Russ.)

Guseva T.A., Solov'eva A.Iu. *Elektronnoe sudoproizvodstvo* [Electronic legal proceedings]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics]. 2015, no. 6, pp. 66–71. (In Russ.)

Zhdanova Iu.A. *Pravovaia priroda elektronnoogo pravosudiia i ego mesto v sisteme institutov informatsionnogo obshchestva* [Legal nature of electronic justice and its place in the system of institutions of the information society]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process]. 2015, no. 4, pp. 80–83. (In Russ.)

Latysheva N.A. *Kontseptsiiia elektronnoogo pravosudiia i novoe ponimanie dokumentatsionnogo obespecheniia sudoproizvodstva* [The concept of electronic justice and a new understanding of documentary support for legal proceedings]. *Administrator suda* [Court administrator]. 2022, no. 1, pp. 11–15. (In Russ.)

Makarenko O.N. *“Elektronnoe pravosudie” v Rossii* [“Electronic justice” in Russia]. *Problemy iuridicheskoi nauki v usloviakh sovremennoogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossii* [Problems of legal science in the context of modern socio-economic development of Russia]. Rostov na/Dony, Izd-vo Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta Publ., 2009. 172 p. (In Russ.)

Moshkov E.A. *Pravovaia priroda elektronnoogo pravosudiia* [Legal nature of electronic justice]. *Zakonnost' i pravoporiadok v sovremennom obshchestve* [Legality and law and order in modern society]. 2014, no. 21, pp. 17–21. (In Russ.)

Mukhina A.V. *K voprosu o poniatii elektronnoogo pravosudiia* [On the concept of electronic justice]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovations. Science. Education]. 2020, no. 23, pp. 207–211. (In Russ.)

Romanenkova S.V. *Poniatie elektronnoogo pravosudiia, ego genezis i vnedrenie v pravoprimeritel'nuiu praktiku zarubezhnykh stran* [The concept of electronic justice, its genesis and implementation in law enforcement practice of foreign countries]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil procedure]. 2013, no. 4, pp. 26–31. (In Russ.)

Umanskaia K.A. *Problema opredeleniia poniatiiia “elektronnoe sudoproizvodstvo”* [The Problem of Defining the Term “Electronic Justice”]. *Derzhavinskii forum* [Derzhavin Forum]. 2022, vol. 6, no. 3, pp. 471–478. (In Russ.)

Usmanova R.M. *K voprosu ob elektronnoi sisteme otpravleniia pravosudiia v Rossiiskoi Federatsii* [On the Issue of the Electronic System of Administration of Justice in the Russian Federation]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law]. 2022, no. 12(216), pp. 49–52. (In Russ.)

Usova M.G. *Aktual'nye problemy elektronnoogo pravosudiia* [Actual Problems of Electronic Justice]. *Tsivilistika: pravo i protsess* [Civilistics: Law and Process]. 2018, no. 3, pp. 132–136. (In Russ.)

Fedoseeva N.N., Chaikovskaia M.A. *Elektronnoe pravosudie v Rossii i v mire* [Electronic Justice in Russia and in the World]. *Administrator suda* [Court Administrator], 2011, no. 3, pp. 2–6. (In Russ.)

Khramtsovskaya N.A. *Tekhnologiya blokcheina kak instrument upravleniia dokumentami i elektronnoogo dokumentooborota* [Blockchain Technology as a Tool for Document Management and Electronic Document Management]. *Deloproizvodstvo* [Office Work]. 2018, no. 3, pp. 40–50. (In Russ.)

Iarkov V.V. *Elektronnoe pravosudie* [Electronic justice]. *Elektronnyi zhurnal Iurist* [Electronic journal Jurist]. 2006, no. 41, pp. 25–28. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.08.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 13.08.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 14.11.2024.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 190–192. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 190–192. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 821(470.317)

EDN PQGUZX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-190-192>

ЖИВАЯ НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ, СВЯЗАННЫХ С КОСТРОМСКИМ КРАЕМ

Рец. на кн.: Народная речь костромского края в творчестве писателей /
под науч. ред. Н.С. Ганцовой. Кострома: Костромской государственной университет, 2024. 270 с.
(Костромские говоры: материалы и исследования)

Волков Сергей Святославович, кандидат филологических наук, доцент, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия, 79219995201@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-1430>

Аннотация. В 2024 году в серии «Костромские говоры: материалы и исследования», разработанной Н.С. Ганцовой, Г.Д. Негановой и Т.В. Осипенко в рамках учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета, вышло семь изданий: три монографии, два диалектных словаря, этнодиалектный словарь-хрестоматия и учебное пособие. Данный научно-издательский проект можно отнести к числу наиболее крупных в современной отечественной филологии. Его многоаспектность по-настоящему впечатляет, а актуальность, научная ценность и общественная значимость не вызывают сомнений. Публикуемая рецензия представляет собой отзыв на одно из изданий проекта – коллективную монографию «Народная речь костромского края в творчестве писателей».

Ключевые слова: рецензия, серия «Костромские говоры: материалы и исследования», коллективная монография «Народная речь костромского края в творчестве писателей».

Для цитирования: Волков С.С. Живая народно-разговорная речь в произведениях писателей, связанных с костромским краем. Рец. на кн.: Народная речь костромского края в творчестве писателей / под науч. ред. Н.С. Ганцовой. Кострома: Костромской государственной университет, 2024. 270 с. (Костромские говоры: материалы и исследования) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 190–192. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-190-192>

Book Review

LIVE FOLK-COLLOQUIAL SPEECH IN THE WORKS OF WRITERS ASSOCIATED WITH THE KOSTROMA REGION

Book review: The Folk Speech of the Kostroma Region in the Works of Writers. N.S. Gantsovskaya (Scient. Ed.). Kostroma, Kostroma State University, 2024, 270 p. (Kostroma Dialects: Materials and Research)

Sergey S. Volkov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, 79219995201@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0610-1430>

Abstract. In 2024, seven books were published in the series «Kostroma Dialects: Materials and Research», developed by N.S. Gantsovskaya, G.D. Neganova and T.V. Osipenko within the framework of the educational and scientific research laboratory «Lexicology and Lexicography» of Kostroma State University: three monographs, two dialect dictionaries, an ethnodialect dictionary-textbook and a study guide. This scientific and publishing project can be attributed to one of the largest in modern Russian philology. Its multidimensional nature is truly impressive, and its relevance, scientific value and social significance are beyond doubt. The published review is a review of one of the publications of the project – the collective monograph «The Folk Speech of the Kostroma Region in the Works of Writers».

Keywords: review, series «Kostroma Dialects: Materials and Research», collective monograph «The Folk Speech of the Kostroma Region in the Works of Writers».

For citation: Volkov S.S. Live folk-colloquial speech in the works of writers associated with the Kostroma region. Book review: The Folk Speech of the Kostroma Region in the Works of Writers. N.S. Gantsovskaya (Scient. Ed.). Kostroma, Kostroma State University, 2024, 270 p. (Kostroma Dialects: Materials and Research.). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 190–192 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-4-190-192>

Научный проект «Костромские говоры: материалы и исследования» можно отнести к числу наиболее крупных в современной отечественной филологии. Многоаспектность этого проекта по-настоящему впечатляет, а его актуальность, научная ценность и общественная значимость не вызывают сомнений. Выход в свет коллективных монографий «Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края»¹ и «Народная речь костромского края в творчестве писателей»² в рамках этого научного проекта – важное событие, тем более что публикации подготовлены авторитетным научным коллективом филологов Костромского университета под руководством известного специалиста в области народной речи, диалектолога, лексиколога и лексикографа, доктора филологических наук, профессора Н.С. Ганцовой.

Концепция рецензируемой монографии сложна и безусловно оригинальна по форме воплощения. Основным предметом исследования, конечно, является описание диалектной лексики и ономастики Костромского края как особого этнокультурного региона. Но такое описание может быть охарактеризовано не как традиционно-лингвистическое, а как новаторско-лингвоперсоналогическое: в фокусе внимания ученых находятся лексические материалы не диалекта, а идиолекта русских писателей костромского края. В чем ценность такого подхода, который, по-видимому, следует оценить как антропоцентрический? Во-первых, писатели, творческая жизнь которых связана с определенным регионом, благодаря, так сказать, своему особому, «пристальному», часто даже обостренно-точному восприятию языковой действительности, замечают и фиксируют многие ценные факты диалекта, которые не всякому опытному диалектологу порой удастся уловить и записать; тексты этих писателей (особенно те, которые дают описание культуры, традиций, верований, быта, нравов и обычаев жителей костромской земли), в свою очередь, становятся своеобразным репозиторием, достоверно сохраняющим искры живой народно-разговорной речи в ее самом пёстром составе. Во-вторых, эти факты отражают речь разных социальных или профессиональных групп, получая особую экспрессию и эмоциональную окраску, превращаясь в яркое и выразительное средство стилизации, речевой характеристики персонажей, см., например, в вольной речи ямщика: «Слышь, учитель-ста врезамшись был, / Баит кучер, Иваныч Торопка»; «А справивши свадьбу, / Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу, / Захворал...» (Н.А. Некрасов. *В дороге*. 1845)³.

Интересными и содержательными представляются все части коллективной монографии, она имеет стройную и продуманную композицию, изложение

логично и хорошо структурировано. Самой высокой оценки заслуживает, например, словарь по материалам очерков инженера, русского писателя и наблюдательного «стихийного» филолога В. Я. Шишкова, подготовленный проф. Н.С. Ганцовой. Можно сказать, что этот добросовестный филологический труд является уникальным «сочетанием несочетаемого», так как объединяет в себе, синтезирует характеристики дифференциального диалектного, лингвокультурологического и авторского словаря, содержит ценные в историческом, этнографическом и общекультурном отношении материалы о Костромском Приволжье (такие милые для сердца настоящего костромича заголовочные единицы как *гулькики*, *дивоваться*, *для фасона*, *ещё курь на нашиёсти*, *зажинки*, *игёлки-прорвы* и др.). Хотелось бы, конечно, как можно скорее увидеть этот словарь в виде отдельного издания, обязательно иллюстрированного (или в качестве доступного всем электронного ресурса), а единственное доброе пожелание, которое можно было набраться смелости высказать – это получить более подробную статистическую информацию об объеме эмпирической базы словаря, словнике, грамматике заголовочных единиц и пр. Рамки словарной статьи можно было бы расширить и включить в нее весь бесценный иллюстративный материал, который связан с заголовочным словом.

Характерной чертой исследовательского метода авторов коллективной монографии назовем их интерес к взаимодействию общерусского и диалектного в антропонимике и топонимике Поволжья, что, как представляется, является ценным вкладом в формирование общерусского национального ономастикона, задача создания которого была поставлена еще С.И. Зининым.

Не менее высокой оценки, как представляется, заслуживает очерк, посвященный деятельности А.Н. Островского как лексикографа, характеристике источников его уникального «Словаря русского народного языка», над которым он работал много лет. Для истории отечественной лексикографии весьма полезны будут даже не столько факты и сведения о структуре словарной статьи, грамматических, диалектных, географических, стилистических и пр. пометах, способах толкования значений слов и т. д., сколько о лексикографических представлениях великого драматурга и знатока народной речи, его воззрениях на то, каким должен быть словарь народного языка, как он должен быть устроен.

Обращает на себя внимание раздел коллективной монографии, посвященный областным словам и выражениям в комической опере «Мельник – колдун, обманщик и сват» уроженца Галичского уезда Костромской губернии, почти забытого в настоящее время поэта и драматурга А.О. Аблесимова.

Принимая во внимание существующее среди некоторых теоретиков истории русского литературного языка весьма «подозрительное», «недоверчивое» отношение к диалектным элементам или, как их иногда ошибочно называют «диалектным вкраплениям» в источниках XVIII столетия (цитирую почти дословно: это отдельные «экзотизмы», которые литераторы XVIII века подслушали у своих крепостных слуг и использовали в качестве маркеров «простонародной речи» или «это всего лишь особым образом окрашенное просторечие»), очерки о народно-разговорной стихии у А.О. Аблесимова восполняют важный пробел в современных представлениях о процессах формирования лексического состава русского языка XVIII века.

Примечания

¹Диалектное исследование лексики и ономастики костромского края // Н.С. Ганцовская, П.П. Виноградова, Г.Д. Неганова, Т.В. Осипенко; науч. ред. Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 268 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

²Народная речь костромского края в творчестве писателей / под науч. ред. Н.С. Ганцовской. Кострома: Костромской государственный университет, 2024. 270 с. (Костромские говоры: материалы и исследования).

³*Некрасов Н.А.* В дороге // Полное собрание стихотворений. В 3 т. Т. 1. Ленинград: Советский писатель (Ленинград. отд-ние), 1967. С. 95–97. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблицинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2024 – Т. 30 – № 4

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 05.12.2024.
Дата выхода в свет 18.12.2024.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 24,8.
Уч.-изд. 25,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 174.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@kosgos.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.kosgos.ru/>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна